ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ОДЕССКИЙ

32

АЛЬМАНАХ

ОДЕССА, 2008

ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)"452.2"

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 32 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь. — Одесса: "Печатный дом", 2008. — 320 с.

ISBN 966-8099-99-0

Д $\frac{4702640204}{2004}$ $\frac{0503020902}{2004}$

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.
Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.
Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 966-8099-99-0
© Авторство художественных текстов, 2008

От редакции

Конец минувшего и начало нынешнего годов принесли нам невосполнимые утраты...

Разумеется, каждый из тех, кто читает эти строки, ведет свой скорбный Мартиролог. Вот наш – давних друзей, объединившихся в редколлегии Альманаха.

...По какой-то зловещей избирательности смерть была безжалостна к одесским художникам, входившим в Школу выдающегося Мастера Дины Михайловны Фруминой. Один за другим ушли из жизни однокашники Лев Межберг, Михаил Матусевич, Леонид Межерицкий, оставившие после себя холсты, на которых – скалки Ланжерона, акации на Молдаванке, портреты друзей.

Одесса жила и на полотнах продолжателя традиций южнорусской школы Ореста Слешинского, который совсем недавно радовал нас выставкой живописных работ...

Мужественно боролся за жизнь просвещенный меценат, создатель первого в СССР музея и Центра современного искусства "Тирс" Георгий Котов, благодаря тщаниям которого многие художники-нонконформисты Одессы почувствовали себя востребованными в конце сумбурных 80-х годов...

Автор масштабного и оригинального проекта реставрации исторического центра Одессы Евгений Оленин создал памятные знаки и монументы, посвященные нашим землякам – жертвам Холокоста, а в последние дни жизни увлеченно работал над формированием Мемориала в Бабьем Яре...

Борис Ладыженский служил в авиации, а затем стал летописцем всех важных событий, происходивших в нашем Художественном музее, одним из фундаторов творческой организации одесских фотохудожников. Его посмертная выставка собрала друзей и почитателей...

В далеком Китае, где он преподавал в консерватории, оборвалась жизнь одного из самых ярких композиторов Александра Красотова, воспевшего Одессу, Черное море в своих песнях...

В 70-е годы Владимир Пахомов был самым молодым в истории города главным режиссером театра, возмутителем спокойствия, который оказался в Одессе не ко двору... Много лет он возглавлял Липецкий драматический театр, который вывел в академические, был удостоен четырех Государственных премий РФ, но признавался нам, что тоскует по родному городу. Владимир еще успел побывать в нем прошедшей осенью, успел показать землякам один из своих спектаклей...

По печальному совпадению почти в один день с его кончиной славная одесская семья Пахомовых понесла еще одну утрату – ушел из жизни Иосиф Ставницер, известный инженер, принципиальный человек...

Журналисты и полиграфисты потеряли друга и умелого руководителя издательства Владимира Котова...

В прошлом, 30-м номере, в последний раз публиковался в нашем Альманахе художник и литератор Владимир Миненко...

В нынешнем мы печатаем последний рассказ прозаика и драматурга Родиона Феденева, пьесы которого идут во многих театрах страны и зарубежья...

Недавно не стало библиографа и историка, человека редкого обаяния Виктора Семеновича Фельдмана – он был старше многих и многих, но, пожалуй, моложе духом всех. Слово о нем – в нынешнем выпуске...

Профессор Одесского национального университета, один из самых авторитетных ученых-психологов Борис Цуканов всю жизнь и до последнего дня разгадывал загадки Времени....

Мы твердо знаем: оно не властно над нашей памятью.

Александр ТРЕТЬЯК

Семейная тайна Воронцовых

В европейской и американской историографии интерес к представителям рода Воронцовых, сыгравшим без преувеличения выдающуюся роль в истории Европы XVIII — первой половины XIX в., отнюдь не случаен. Имена Михаила Илларионовича Воронцова — канцлера правительства Елизаветы Петровны, княгини Екатерины Романовны Дашковой, урожденной Воронцовой, — возглавлявшей Академию наук, Александра Романовича — президента Коммерц-коллегии, а затем канцлера России, Семена Романовича Воронцова — полномочного министра России в Лондоне, как и его сына, Михаила Семеновича, полководца и новороссийского генерал-губернатора, сами по себе вызывают пристальное внимание у исследователей многих стран, так как их жизнь и деятельность тесно связана была с целым рядом значительных, узловых для своей эпохи общественных, политических и экономических событий в европейской истории.

К числу таких исследователей принадлежит и один из самых авторитетных специалистов по истории взаимоотношений Восточной и Западной Европы XVIII в. А.Г. Кросс, который вот уже несколько десятилетий тщательно собирает документы и материалы относительно деятельности Воронцовых в Англии. Естественно, что подобные материалы не могли не коснуться и чисто семейных связей. В ряде статей английского историка приводятся неопровержимые данные о том, что у светлейшего князя фельдмаршала М.С. Воронцова в Англии помимо родной сестры, леди Пемброк, был еще и брат, являвшийся лейтенантом британских военно-морских сил.

В 1992 г. А.Г. Кросс, будучи уже знаменитым ученым и автором ряда монографий относительно англо-русских общественных и политических связей, попал в дом одной пожилой леди, проживавшей в небольшом городке на полпути между Лондоном и Кембриджем. Не совсем неожиданно, но с удивлением для себя он обнаружил, что пожилая дама, именующая себя прямым потомком Семена Романовича Воронцова, вовсе не очередной ложный претендент на столь лестную родословную Воронцовых. Автор "На берегах Темзы" получил тому веские доказательства, которые полностью совпали с десятками других фактов, туманность и неясность которых наконец-то получили логическое объяснение.

Как известно, Семен Романович был женат на дочери адмирала Сенявина, Екатерине, которая, родив ему двух детей, Михаила и Екатерину, умер-

ла в 1784 г. в Венеции. Более Воронцов женат не был. Переехав в 1785 г. в Лондон, Воронцов забрал с собой двух детей и дал им прекрасное образование. В 1801 г. юный Михаил Семенович вернулся в Россию, где сделал блестящую военную карьеру, а затем стал новороссийским генерал-губернатором, поселившись в Одессе. В свою очередь, Екатерина Семеновна вышла замуж за лорда Пемброка и жила в Англии, где после отставки в 1806 г. также остался жить ее отец, вплоть до своей смерти в 1832 г.

Но вот в регистрационной книге церкви при русском посольстве Кросс обнаружил следующую странную запись: "1790 г, май 17 н. с. Крещен ребенок (незаконнорожденный) от русских родителей (Г. С. Р. В. и мисс М. Б.). Наречен Василий. Крестный — священник Литкевич". Тут же на полях книги другим почерком была сделана более поздняя запись: "Граф Сем. Ром. Воронцов и англичанка Беклбек...".

Кто такая Мэри Беклбек, осталось загадкой. Известно, что она умерла около 1791 г., но была ли она русской, как гласит первая запись в церковной книге, или англичанкой, согласно второй записи, неизвестно. Точно так же, как и факты из детства мальчика, нареченного Василием, но затем получившего имя Джордж Бизли. Кросс, и с этим его предположением можно согласиться, считает, что мальчик получил это имя от приемных родителей, которым он был отдан на воспитание. Поступив в 1804 г. волонтером в британский флот, он дослужился до чина лейтенанта, а затем в 1815 г. вышел в отставку и одновременно попросил руки дочери священника русской православной миссии в Лондоне Якова Смирнова, являвшегося близким другом и сподвижником Семена Романовича Воронцова.

Священник попал в затруднительное положение, так как, зная семейную тайну Воронцовых, он мог создать впечатление, что желает таким образом извлечь некую выгоду. Поэтому он посоветовал Бизли завершить образование и отправиться во Францию. В письме к Михаилу Воронцову от 8 июня 1816 г. Яков Смирнов, искавший выход из затруднительного положения, сообщил: "Я никогда не говорил с ним о его родственных отношениях и ему бы не позволил, хотя, как я сообщал вам ранее, мне кажется, кто-то говорил ему об этом, или он сам догадался, и не удивительно, если кто-то рассказал ему об этом, поскольку все в доме знали о случившемся и многие друзья знали".

Бизли не суждено было жениться на дочери Смирнова. Как писал священник Михаилу Семеновичу: "Я никогда в жизни не соглашусь на брак моей дочери с ним, пока его отец не признает его и не даст свою протекцию и благословенье". Но хотя брак тогда и не состоялся, граф Воронцов

все-таки признал своего незаконнорожденного сына, который получил благословение Семена Романовича уже в 1819 г., когда женился на некой англичанке по имени Элизабет Флетчер. От этого брака у Джорджа Бизли было две дочери, причем младшая была названа в честь дедушки — Симеоной. В 1823 г. первая супруга Бизли умерла, а в 1827 г. он женился вторично, испросив, как и в первый раз, отцовское благословение.

На основании разговоров с отцом дочь Бизли, Кэтрин, впоследствии утверждала, что у Джорджа сложились довольно близкие отношения с Михаилом, но поддерживать связь при помощи регулярной переписки братья не могли, так как Джордж сознавал "неудобства, которые могут возникнуть из-за переписки между генерал-губернатором Новороссии и лейтенантом английской службы". Кэтрин, старшая дочь Бизли от второго брака, писала, что он: "стал близок со своими братом и сестрой, они называли друг друга по имени. Его сестра не заботилась о нем, и после ее свадьбы он видел ее редко, поскольку не посещал Пемброков; тем не менее, в доме своего отца они встречались как брат и сестра (я не сомневаюсь, он был для нее весьма неудобным братом). Когда мой отец женился, он и его жена были приняты как сын и дочь, и старый граф посетил их; моих старших сестер он считал внучками; он дал имя мне и назвал моего брата Александром, в честь своего брата, которого очень любил".

Следует отметить, что граф Воронцов поддерживал своего незаконнорожденного сына и материально. Так, например, после рождения Александра Джордж получил в дар 300 фунтов. В свою очередь, после смерти второй жены Бизли женился в третий раз и детей от этого брака назвал Майкл, Элизабет и Роман, подчеркивая тем самым свои родственные связи с Воронцовыми. Впрочем, что творилось в душе у этого человека, балансировавшего между незаконностью своего происхождения и принадлежностью к одному из самых знатных и древних родов, лучше всего говорят строки из его письма к отцу: "С детства я привык скрывать в своем сердце порывы чувств, всегда готовые проявиться к моему брату, моей сестре и к вам, мой дорогой отец".

После смерти графа Воронцова в 1832 г. Михаил Семенович перед отъездом с супругой в Одессу написал брату письмо, в котором известил его о том, что послал ему "кольцо с профилем и прядь волос нашего покойного почитаемого родителя" и "табакерку, также с его портретом и надписью". Кроме этого Михаил Семенович заказал для брата копию портрета графа Воронцова работы Ричарда Эванса. Интересно, что в ответном письме Джордж писал Михаилу о портрете Эванса: "Он делал то, что счи-

тал некоторыми исправлениями, но на самом деле делая его непохожим на дорогой оригинал, поэтому я просил его оставить по возможности подобным живому портрету, принадлежащему леди Пемброк, который невозможно видеть, не чувствуя себя в присутствии нашего дорогого отца". Получив портрет в апреле следующего года, Бизли остался им совершенно удовлетворен. Кстати, приведенные строки из его письма доказывают, что Кэтрин Бизли была неправа, и Джордж все же бывал у Пемброков.

По завещанию Семена Романовича его незаконнорожденный сын получил ежегодный пенсион в 600 фунтов, к слову, сумма весьма значительная. Бизли получал эти деньги вплоть до смерти М.С. Воронцова в 1856 г., за исключением периода, когда попытался переменить фамилию. Уже осенью 1832 г. Джордж известил Михаила Семеновича, что желает обратиться к королю за разрешением поменять фамилию и стать Джорджем Воронцовым. Лишь в мае 1833 г. он получил ответное письмо Михаила Семеновича, в котором Бизли извещался, что после консультации с сестрой и Смирновым и изучения документов, написанных рукою графа Воронцова, "было бы совершенно неправильно для меня подписать тот документ, который сэр Уильям Вудс для этого прислал, и тем самым придать гласности связь, которую наш покойный отец по моральным и религиозным соображениям решительным образом хотел держать в секрете".

Бизли почувствовал себя оскорбленным и в письме от 6 октября 1833 г. попытался доказать Михаилу, что взять имя своего отца "означает представить наибольшее возможное доказательство почитания его памяти, поскольку хорошо и широко известно, что я веду свое происхождение от вашего родителя, и он никогда не запрещал мне называть его отцом, даже в присутствии своих слуг". Письмо было демонстративно подписано "Джордж Воронцов". Однако в следующем году он решил именоваться "Джордж Бизли де Воронцов", что объяснялось отказом банкирского дома Хаммондов выплачивать ему годовые 600 фунтов, если он не будет подписываться фамилией Бизли.

В 1835 г. Екатерина Пемброк в ответ на решение Джорджа опубликовать в газетах свое намерение принять фамилию Воронцов через своих банкиров Томсона и Бонара приказала прервать выплату пенсии. Некоторое время Джордж еще немного сопротивлялся, но получив отказ короля на изменение фамилии и оставшись без денежных средств, летом 1837 г. сдался, написав леди Пемброк: "Я заявлял, что никогда не откажусь от имени нашего отца! А теперь — Бог простит вас за то, что заставили, а меня — что согласился сделать это".

Вряд ли есть смысл с высоты нашего времени упрекать Екатерину Пемброк в бездушии, ибо законы высшего света того времени были сильнее и безжалостнее к человеческим слабостям, даже для самых сильных мира того. Достаточно вспомнить сложности, возникшие у Екатерины II после рождения ее внебрачного сына, графа Бобринского, или подлинную трагедию Александра I, имевшего единственного, но незаконнорожденного ребенка от Нарышкиной. Вместе с тем можно понять горечь человека, который мог прийти на лондонскую улицу, названную именем его отца, однако вынужденного носить фамилию Бизли, никому и ничего не говорящую. Впрочем, сам Джордж прожил довольно долго, намного пережив брата и сестру, покинув этот мир в 1875 году.

В 1881 г. последний представитель рода Воронцовых светлейший князь Семен Михайлович побывал в Лондоне, где к нему обратились дети Джорджа Бизли с просьбой возобновить пенсион. Князь сказал, что он "давно чувствовал, что что-то надо сделать здесь, в этом деле", и возобновил выплату 600 фунтов в год. Однако были сделаны лишь четыре полугодовых взноса, так как в 1882 г. Семен Михайлович умер, а его вдова была лишена возможности распоряжаться фамильным имуществом. На этом связи семьи Бизли с родственниками из России были прекращены.

Олег ГУБАРЬ

Новый базар (Херсонская площадь): история застройки

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ним общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 12-й год плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Предлагаем вниманию читателей материал о ранней застройке Одессы в окрестностях Нового базара. На основе архивных материалов здесь впервые внятно излагается история формирования одного из старейших городских районов, включая обстоятельства и правила застройки, учитывающие функциональное назначения одной из главных рыночных площадей.

Может создаться впечатление, будто второй большой одесский рынок сформировался в силу активизации застройки Греческого форштата (1). Полагаю, однако, что дело обстоит не совсем так или скорее совсем не так: это как раз Греческий форштат стал энергично расти в процессе формирования Нового базара, по той же схеме, что и Вольный рынок (Старый базар). Застройка Херсонской площади торговыми рядами, жилыми и хозяйственными сооружениями инициировалась одесским Строительным комитетом (ОСК) под председательством герцога де Ришелье и была обусловлена двоякими причинами.

Во-первых, явилась настоятельная необходимость разгрузить Вольный рынок, в очередной раз заполоненный временными деревянными лавками. Владельцы таких лавок подрывали торг стационарных обитателей базара, а бороться с ними репрессивными методами означало уже подрывать благосостояние мелких и мелочных коммерсантов, а вместе с ним — Одессы в целом.

С другой стороны, близ Вольного рынка постепенно начинал ощущаться дефицит свободных территорий, тогда как Греческий форштат практически пустовал: относительная концентрация построек в середине 1800-х наблюдается лишь в кварталах, примыкающих к будущей Соборной площади. Поэтому ОСК и принял мудрое решение о передислокации на Херсонскую площадь тех коммерсантов, кои опоздали к раздаче мест

на Вольном рынке и владели там лишь временными лавками. Де Ришелье и комитет в целом справедливо полагали, что в числе таковых переселенцев найдутся предприимчивые достаточные люди, которые обустроят новую рыночную площадь, и оная сделается центром кристаллизации нового городского района.

Из архивных дел видно, что в канун раздачи мест на Херсонской площади прилегающие кварталы по большей части пустовали. Так, например, 28 июня 1809 года в XVII квартале (меж нынешними улицами Коблевской, Дворянской, Нежинской и Сретенским переулком) сразу несколько мест, №№ 201-202, 209-212, больше половины всего квартала, передали в другие руки, поскольку прежние владельцы их не застроили (2).

19 сентября 1810 года ОСК определил: назначенные на новой площади для лавок места отвести тем, кои должны перенести туда временные свои лавочки с Вольного рынка, и не иначе как по жребию, таким образом, чтобы, приготовив номера, созвать всех их в комитет и предложить им взять один номер наугад. Далее же, когда сии имеющие лавочки на Вольном рынке промышленники будут удовлетворены и затем останутся еще свободные места, то оные отвести по обыкновенному в комитете постановленному правилу — по очередности подачи прошений.

При раздаче мест вышесказанным промышленникам, имеющим лавочки, наблюдать строго: 1) точно ли имеет тот лавочку, который просит ныне на новой площади места; 2) в состоянии ли он выстроить лавку по назначенному плану и представил ли свидетельство за подписью градского главы и полицмейстера о состоятельности. Определение подписали действительный статский советник граф Сен-При (председатель Одесского коммерческого суда), карантинный инспектор Россети (отец знаменитой красавицы-мемуаристки), таможенный директор Скадовский, коммерции советник Рено и градской глава Андросов (3).

Жеребьевка в ОСК проходила в два этапа, 20 и 24 октября, а выдача квитков — 24 и 26 октября 1810 года. При этом получившие места подписали обязательства: отстроить лавки по утвержденному плану в течение семи месяцев, считая с 1 апреля 1811 года. К заготовлению материалов приступить тотчас же. Строительство начать весной, не позже первой половины июня. Если же к этому времени по освидетельствованию на месте не окажется заготовленного материала, участок отберут. Если за семь месяцев лавка не будет полностью построена, хотя бы даже постройка поднята выше цоколя, землю все равно отберут и передадут более надежному исполнителю, а тот возместит предыдущему владельцу за материал и ра-

боту. Кроме того, лицо, получившее квиток, не имеет права передавать место в другие руки до завершения строительства и получения владельческих документов. В двух жеребьевках участвовало 39 владельцев временных лавок на Вольном рынке, в том числе: 16 купцов, двое, причисляющихся в купечество, и 21 мещанин. Этническая раскладка: 22 славянских фамилии, 6 греческих, 10 еврейских и одна немецкая (4).

С конца октября начинается практический отвод мест, доставшихся по жребию, во всех пяти кварталах (отделениях) Херсонской площади, вдоль будущих улиц Торговой, Нежинской, Конной, Княжеской (5). С января 1812 года отвод мест продолжается, в том числе — тех свободных мест, которые остались после жеребьевки между владельцами временных деревянных лавок на Вольном рынке (6). Первые лавки на формирующейся рыночной площади отстраиваются уже весной 1812 года в V квартале, расположенном меж улицами Торговой, Коблевской, Нежинской и Сретенским переулком (7). Занимательно и замечательно, что часть этого квартала, спроектированного Франческо Фраполли, сохранилась до сих пор!

Как и предполагали инициаторы в лице Ришелье и ОСК, в это же время по случаю открывающейся перспективы одесские жители начинают активно разбирать места в окрестностях Херсонской площади. Однако тут же является прежняя навязчивая проблема временных деревянных лавок: едва застройщики успели завершить свою многотрудную затратную работу, как тут же получили конкурентов в лице дежурных "лавочников".

Уже 1 апреля 1812 года в ОСК поступает жалоба одесских купцов: пока они добросовестно возводят каменные строения, некоторые лица, вместо того чтобы заниматься тем же, ваяют деревянные лавочки и шалаши, порой прямо перед отведенными им местами. Петицию подписали девять купцов и один мещанин. То есть надо понимать так, что солидные фигуранты серьезно взялись за дело, а менее состоятельные стремились получить в создавшейся ситуации хотя бы мелочную выгоду. Многие из несостоятельных горожан впоследствии потеряли здесь свои места, а данную ситуацию ОСК разрешил 8 апреля указанием городской полиции немедленно уничтожить все деревянные лавочки (8).

По ходу сооружения торговых отделений (кварталов), примыкающих к переулкам, возникла встречавшаяся прежде в контексте городской застройки ситуация, а именно нехватка места для устройства дворов, прилежащих к лавкам с тыльной стороны. 6 июня в комитет поступает прошение от девяти домовладельцев пионера застройки — V квартала: "По отводу нам в 5-м квартале мест выстроены нами чрез весь тот квартал во всем

сходно плану лавки для торговли, и при оных к своему жительству домики". Однако нужны ведь и дворики. Между тем позади квартала есть место в переулке, и если отрезать от него немного земли, то ширина проезда и тогда составит 9 сажень (9). 20 июня 1812 года ОСК гуманно прибавляет по 3 сажени земли за счет территории переулков домовладельцам всех трех примыкающих к ним кварталов Нового базара — II, III и V, — "по тесноте дворов" (10). В последующей практике встречается подобный же сюжет — о дополнительной прирезке земли к III кварталу за счет Новобазарного переулка в начале 1850-х годов (11).

В это же время продолжается переход мест, доставшихся по жребию, но не застроенных в срок, в другие руки. Мы видим, например, как некоторые из этих номеров уже в 1812 году достаются крупнейшим застройщикам Херсонской площади — купцу Великанову и князю Жевахову (12). Занимательно, что 23 ноября 1811 года два места, №№ 66-67, в IV квартале отвели самому архитектору Франческо Фраполли, однако он отказался от постройки, и 6 июня 1812 года их передали другому лицу (13). Тогда же, летом, целая серия мест в разных отделениях площади тоже переходит в другие руки (14). Параллельно наблюдается отвод еще не

розданных мест и фиксируется завершение постройки лавок (15). Процесс продолжается в 1813 году, после ликвидации чумной эпидемии (16).

Чума основательно подкосила промышленников Херсонской площади, ибо они вложили в застройку значительные капиталы, а доходы в этот период упали практически до нуля. 16 марта 1814 года 50 застройщиков подают прошение на имя герцога де Ришелье. Они пишут, что выстроили лавки по утвержденному плану, надеялись вознаградить затраты, но тут навалилась "заразительная болезнь". Вследствие несчастливых обстоятельств они доведены до крайности. Для того чтобы придать новый импульс торговым оборотам, просят "перевесть на Херсонскую площадь рыбный ряд и скотскую продажу" (17).

Очень важный момент: обращаются "новобазарцы" к Ришелье, а ответ получают от Строительного комитета, где он председательствовал. То есть мы видим на конкретном примере, что именно ОСК был главным управленческим инструментом херсонского военного губернатора и одесского градоначальника. 23 марта комитет находит справедливым тот факт, что надо уравнять права Вольного рынка и Херсонской площади. По этой причине перенос Рыбного ряда разрешен. Что касается торговли скотом, то она остается на прежнем месте, то есть на выгоне Вольного рынка, "не запрещая, впрочем, промышленникам скотом продавать оный, где пожелают из обеих рынков" (18). Это означает, что с весны 1814 года оба рынка сделались почти равноправными.

23 июня того же года претензии предъявляются уже к самим промышленникам Херсонской площади. Владельцы лавок в Дегтярном ряду жалуются в комитет, что на "новом базаре" тоже продают деготь, и тем самым подрывают их торговлю. 13 июля 1814 года комитет пишет в полицию, чтоб деготь по городу более нигде, как только в Дегтярном ряду, не продавали, ибо "каждый здесь рынок имеет свое назначение: что на нем продавать дозволено". Городская полиция пресекла несанкционированную дегтярную торговлю, о чем рапортовала комитету 7 сентября. Рапорт был получен в ОСК 10 сентября 1814 года (19).

26 марта 1815 года одесский комитет сообщает в городскую полицию относительно полного уравнения прав Вольного и Херсонского рынков. Суть в том, что к этому времени Греческий форштат уже довольно интенсивно застраивался, но его обитатели вынуждены были покупать некоторые припасы на отдаленном Вольном рынке. Учитывая отсутствие добротного мощения, в осенне-зимний период сообщение двух районов до крайности затруднялось. Посему ОСК разрешил продавать на Херсон-

Сретенская церковь

ском рынке все, что только ввозят через Херсонскую рогатку: мясо, рыбу, зелень, печеный хлеб и другие продукты (20).

Между тем в 1815-1819 годах застройка Херсонской площади продолжается во всех кварталах (21). В книгах о выдаче частным лицам утвержденных комитетом планов на постройки в первой половине 1820-х годов фиксируются уже и отдельные довольно солидные здания, примыкающие к торговым корпусам со стороны переулков (22). В других архивных делах находим оценочную стоимость таких строений — по тем временам весьма значительную (23).

Из городского плана, составленного архитектором Джорджио Торичелли в конце 1820-х годов (24), видно, что в I квартале было 17 лавок (мест), во II — 18, в III — 15, в IV — 17, в V — 15.

Самостоятельное дело из фондов ОСК 1832-1833 годов посвящено дозволению одесским гражданам построить на площади Нового базара храм во имя Воскресения Христова (25). В конечном итоге в следующее десятилетие здесь был возведен храм во имя Сретения Господня, планированию сооружения которого посвящено другое архивное дело из того же фонда, от 4 марта 1839 года, включавшее планы, но, к сожалению, утраченное (26). Означенная потеря может быть отчасти компенсирована информацией из журналов заседаний ОСК 1840-х годов, хранящихся в архивном фонде Канцелярии одесского градоначальника (27).

Примечания

(1). Не "форштадт", а именно "форштат". Смотри: Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — СПб.-М., 1882, т. IV, с. 538. Юная Одесса складывалась из двух форштатов — Военного и Греческого. Последний маркируется "угольной" сеткой кварталов, выше улицы Преображенской, хотя изначально граница проходила по будущему Александровскому проспекту.

(2). Государственный архив Одесской области (далее — ГАОО), ф. 2, оп. 5, д. 259.

(3). ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 103.

(4). ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 262, лл. 201, 212; ф. 4, оп. 3, д. 433, лл. 115-116, 119.

(5). ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 262, лл. 251, 280.

(6). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, лл. 68, 112, 114, 120, 132, 139, 140, 154, 175, 176, 197-198, 203-211, 235, 236, 238-241, 264, 265, 273, 305, 306, 329, 366-368, 404, 442, 476-478 и др.

(7). Там же, лл. 260-263.

(8). Там же, л. 195.

(9). Там же, лл. 398-399.

(10). ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, лл. 83-84.

(11). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 3174.

(12). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 65, лл. 197-198, 205-210.

(13). ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 26.

(14). Там же, лл. 75, 94, 96, 204, 295.

(15). Там же, лл. 105, 111, 156, 167, 241, 307.

(16). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 75, лл. 627-630 и др.; ф. 2, оп 5, д. 265, лл. 166, 203-204, 253, 319, 321, 370; ф. 2, оп. 5, д. 266, лл. 26-27, 57-58, 66, 96, 100, 104-107, 213, 216, 220, 239, 241, 243.

(17). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 80, лл. 46-47.

(18). Там же, л. 48.

(19). Там же, лл. 329-333.

(20). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 88, лл. 77-78.

(21). Там же, лл. 54-60, 237, 242, 319, 352; ф. 59, оп. 1, д. 96, лл. 144, 391, 442, 507, 551-554; ф. 59, оп. 1, д. 127, дд. 20-21; ф. 59, оп. 1, д. 145, ч. 1, лл. 154-156 и др.

(22). ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 2.

(23). ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 84, лл. 103-104.

(24). Одесский государственный историко-краеведческий музей. Инвентарный № К-605.

(25). ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 391, л. 18.

(26). ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2413, л. 136.

(27). ГАОО, ф. 2, оп. 5, дд. 394-403, 407-409, 411, 413, 415-422.

Виталий АБРАМОВ

"Окаянные дни" Петра Нилуса
Хроника 1919 года

Петр Александрович Нилус покинул родину в возрасте пятидесяти лет, уже известным художником, писателем, публицистом, общественным деятелем. Он — один из тысяч отечественных интеллигентов, судьба которых была разделена революцией на "до" и "после". Каждый из эмигрантов, кроме понятных внешних причин — стремительно меняющейся политической ситуации, войны, насилия, лишений, страха, голода, разрухи, — имел и личную, внутреннюю причину отъезда. В единственной существующей на сегодняшний день небольшой монографии о П. Нилусе, опубликованной к тому же более 40 лет назад, причина эмиграции художника определяется так: "Поддавшись вражеской деникинской агитации, которая не скупилась на раздувание всяческих легенд про "большевистские ужасы", Нилус выезжает за границу"[1]. На самом деле, как увидим из хроники жизни художника в предэмиграционный год, все было сложнее (вплоть до "наоборот") — Нилус сам активно участвовал в деникинской агитации, создавая антибольшевистские плакаты. К концу 1919 года, когда стало понятно, что белое движение обречено, отъезд был для него предрешен.

В отличие от своего друга И.А. Бунина, описавшего события 1919 года в знаменитых "Окаянных днях", и от его жены В.Н. Муромцевой-Буниной, Нилус не вел дневниковых записей. Данная хроника синтезирует многочисленные фрагментарные сведения о деятельности художника в 1919 году, сохранившиеся в одесской периодике, архивах, каталогах выставок, записях Буниных и, главное, в статьях и эссе самого художника. Именно сквозь эти авторские тексты воссоздаются многие грани его личностного, порою противоречивого, эклектичного отношения к событиям и творчеству.

Попытка осмыслить предысторию эмиграции Нилуса, предваряющая житейские и творческие ситуации, в которых он оказался после отъезда из Одессы, на наш взгляд, представляется целесообразной. Она позволяет не только детально реконструировать этот переломный год в его биографии, выявить творческие контакты с художниками, писателями, журналистами, учеными (многие из которых, как и Нилус, оказались в скором времени в эмиграции), но и, что более важно, представить динамику его художественно-эстетических принципов и пристрастий в один из наиболее сложных периодов.

Любопытны его оценки реалий художественной жизни Одессы 1919 года. Художественная среда города была разделена на два противоборствующих лагеря: Товарищество южнорусских художников, пытавшееся сохранить и отстоять позиции традиционализма, и Общество независимых, ориентирующееся на новаторские, авангардные эстетические концепции. В это время борьба между ними достигла апогея и зачастую выходила за рамки эстетического противостояния в плоскость политическую. По сравнению с большинством коллег из лагеря ТЮРХ, Нилус относился к опытам "независимых" достаточно толерантно, однако ряд его суждений о новом искусстве столь же бескомпромиссен. Так, в пространной статье "Интеллигенция будущего", делая краткий экскурс в историю развития отечественного искусства начала XX века, Нилус утверждает, что прогресс остановился на деятельности художников "Мира искусства", и относит экспрессионизм и футуризм к упадочным направлениям.

Отметим и другое. Даже беглый просмотр каталогов одесских выставок 1919 года выявляет некие метаморфозы Нилуса. Тематика экспонируемых им работ во многом менялась в зависимости от политической ситуации. При большевиках выставлялись работы из выполненной в 1917 году серии "Манифестации". При Деникине — ретроспекции "Шестидесятые годы" и элегические романтизированные пейзажи.

Отношения между близкими друзьями — Буниным, Буковецким и Нилусом — в этот драматический период были сложными. Как увидим, они не всегда достигали взаимопонимания во взглядах на политику и искусство. Бунин во время одесского "сидения", описанного им в "Окаянных днях", был уже изгнанником, беженцем от диктатуры революции, и посему убежденным и бескомпромиссным противником идеи большевизма. Нилус еще ощущал себя "дома" и при приходе в Одессу большевиков в апреле 1919 года мог, мягко говоря, добросовестно заблуждаться романтической идеей обновления искусства, возможность которого, как он считал, открывает революция.

Характерный представитель либеральной отечественной интеллигенции, Нилус в этот последний год жизни в Одессе довольно непоследовательно сочетал в себе прагматизм, желание приспособиться к новым условиям с мечтательным романтизмом, даже прожектерством. Вместе с тем не без влияния Бунина приходило постепенное понимание сути происходящего — и страх перед будущей большевистской Россией. Отсюда бесконечные и вполне естественные для того, уже далекого времени колебания и внутренние противоречия.

Мы почти ничего не знаем о религиозных воззрениях Нилуса. Но в упоминавшейся статье "Интеллигенция будущего" он, пытаясь прогнозировать возвращение интеллигенции к народу, видел этот путь через "возвращение к дому Церкви, любви к ближнему".

Датировка информации в "Хронике" составителем не корректировалась и приведена по датам, указанным в первоисточниках.

Декабрь 1918 — январь 1919

С 17 декабря 1918 г. по 4 апреля 1919 г. в Одессе французские войска. В декабрьском номере литературно-художественного альманаха "Огоньки" (№ 30) была опубликована "Анкета Огоньков: Привет союзникам", где свое отношение к высадке французского десанта высказали И. Бунин, А. Кипен, Л. Гроссман и П. Нилус. Последний не без патетики писал: "Союзники! Вас привела к нашим берегам та самая рука Провидения, которая таким дивным путем дала возможность Вам восторжествовать над бывшим врагом. Вы пришли к нам с мечом, но я уверен, что Вам не придется его обнажать. Вы больше не офицеры, не солдаты. Вы — слуги Господни. Вы пришли по его приказу".

— **1/14 января.** Профессор Новороссийского университета историк И.А. Линниченко записывает в дневнике: "Встреча Н[ового] Г[ода] в большой комнате в квартире Л.М. Де-Рибаса в публ.[ичной] Б-[иблиоте]ке. Были все Де-Рибасы [...] Художники [...] Нилус, Буков[ецкий], Эгиз [...] Бунин, Юшкевич [...] чел.[овек] 25. Разошлись в 4 часа"[2].

— **1 января.** Возобновилось издание иллюстрированного еженедельника "Театр и кино" (1915-1917 гг.) под редакцией Л.М. Камышникова. В первом номере Нилус значится в числе лиц, ранее сотрудничавших в журнале, однако в вышедших № 1 и № 2 его публикации отсутствуют. В тот же день в "Особом приложении" к газете "Одесский листок" писатель и критик Л.П. Гроссман в статье "Год замирающей культуры" упоминает Нилуса, наряду с С. Юшкевичем и И. Буниным, в обзоре беллетристики 1918 г. в Одессе.

— **15 января** "Одесский листок" в рубрике "Книжная хроника" отмечает выход в свет первых выпусков книжной серии издательства "Южная универсальная библиотека" под редакцией С. Юшкевича[3]: "В первую серию вошли следующие книги [...] Нилус. "Дуня и другие рассказы"" (экземпляр этой книги обнаружился в коллекции А.А. Дроздовского, Одесса). В книгу кроме рассказа "Дуня" вошли рассказы "Старый сад" и "Ут-

ро". "Старый сад" был опубликован еще в 1910 г. в сборнике "Друкарь", вышедшем в Москве; рассказ "Утро" — в том же 1910 г. в книге Нилуса "Рассказы" (Москва); рассказ "Дуня" — в 1918 г. в его сборнике "На берегу моря" (Москва), здесь же повторно опубликован рассказ "Старый сад".

Февраль — март

Начало сотрудничества Нилуса с газетой "Вечерний час" (выходила с 24/11 января 1919; ред.-изд. Л.М. Камышников). Диапазон тем, затронутых Нилусом в постоянной рубрике "Впечатления", довольно широк — от бытовых зарисовок жизни города до проблем современного искусства.

— **19/6 февраля.** "Вечерний час", № 22: "Впечатления". Нилус воспроизводит сценку с нищей девочкой на улице Одессы. Собеседник автора, "бывший учитель и страстный антиквар", оттолкнувшись от этого эпизода, размышляет о природе таланта: "И талант нищего — разжалобить, и талант писателя, актера, проститутки — таланты нравиться, и талант учителя — все эти разные способности исходят из одного и того же источника, вытекают из дара творчества. Горе тому, кто его лишен".

— **21/8 февраля.** № 24 этой же газеты: "Впечатления" — о смерти Веры Холодной. Трагедия молодой актрисы стала поводом для рассуждений Нилуса об искусстве кино, основой которого, по его мнению, является не столько сюжет, порой бездарный, лубочный, сколько мастерство актеров, их лица и глаза. И далее — мысль о том, что кинематограф создает новую нравственную проблему, это страшная машина, оживляющая людей, которых уже нет.

— **3 марта / 18 февраля.** "Вечерний час" (№ 32) публикует статью Нилуса "Впечатления. Искусство в Одессе в 1918 г.". Приводим ее текст полностью:

"В наше время решительно ничего нельзя предугадать даже в той области, где мы чувствуем себя хозяевами; наша теперешняя жизнь полна то диких, то великолепных перемен, совершенно неожиданных, непонятных.

Ведь подумать: все здание культурной жизни как бы рухнуло. Нет даже хлеба, света, самых необходимых вещей обихода; всюду царит анархия, измена, предательство, насилия жестокие, гнусные, сверхчеловеческие.

И среди этого позора, забвения всего, что принято уважать человечеством, теплым течением разливается живое человеческое чувство любви к искусствам. Казалось бы, этот нежнейший росток жизни должен погибнуть раньше всего; оказывается как раз наоборот. Среди смертельного

уныния, без радости и надежды, у нас искусство еще живо. Целый ряд значительных событий в нашем художественном мире именно имел место в самое тревожное время последних двух лет. Еще никогда в Одессе не было такого количества музыкальных школ, "студий" драматического искусства, школ живописи, прикладного искусства. Еще недавно художественное училище "Об-[щест]ва изящных искусств" расширило свои программы до уровня бывшей Петербургской академии художеств. Осуществилась в этом сезоне и другая мечта — одесские меломаны, наконец, дожили до праздника учреждения "Филармонии"; и, наконец, в Одессе впервые издается "толстый" журнал "Объединение", возникают издательства и т. д.

Так было до сих пор, но, конечно, завтра может быть совсем другое...

Ничего не будет удивительного, если мы проснемся и прочитаем в хрониках газет, что снимают пальто и грабят уже не только в ночную пору, но в центре города и днем, что Одесса съела последний ломоть хлеба и сожгла последнее полено дров — тогда жизнь станет, но пока остается какой-то минимум возможности существования культурной жизни...

Но все-таки факт любопытный: почему художники, писатели, музыканты, учителя искусств, актеры — до сих пор не умерли с голода? Оказывается, общество ходит в театр, покупает картины, посылает своих детей учиться живописи, играть на инструментах, танцевать балетные танцы, декламировать...

Что думают те, которые покупают теперь картины, фарфор, бронзу, гравюры. Ведь они не могут не задуматься о том, что завтра придут разбойники или другие дикари и уничтожат их собрания. Не есть ли это предчувствие более счастливых времен, смутная вера в то, что жизнь не умрет, и самое драгоценное, что создало человечество: искусства, науки, религии, во что бы то ни стало нужно сберечь будущему.

Конечно, скептик, прочитав эти строки, улыбнется и скажет: "Будьте спокойны, картины, бронзу покупают *parvenus*. Это они наполняют театры, это они посылают своих детей, бездельников, учиться искусствам. Другие хотят сберечь в вещах наши эфемерные, ничем не гарантированные деньги...".

Я не думаю, чтобы это было так. Ведь и раньше в нашем городе жило множество богачей и снобов разного сорта и, конечно, несравненно более культурных, чем теперешние. Но факт остается фактом: Одессу недавнего прошлого, знатную или только богатую, искусства не интересовали вовсе, а теперь интересуют. Сбережение денег в таком "товаре", как картины, — это факт маленький, ничтожный, с этим все согласятся. Что же за

душою у тех "подозрительных господ", которые покупают теперь предметы искусства, учредили филармонию? Может быть, это мода? Пусть так: ведь в модах прежде всего могущественным образом выражается настроение общества. Например, моды в одежде, особенно женской, удивительно полно отражают уровень вкуса, морали, нравов. Вспомните 1913-14 годы, вообще период до войны. Каким пышным махровым цветом распустилась чувственность на обоих полушариях, и все это отразилось, как в зеркале, в женских нарядах. Вспомните того же периода моду на старину. Эта мода решительно охватила весь мир — и это как раз совпало с периодом величайшей неудовлетворенности общества настоящим. И эта неудовлетворенность в наши дни, конечно, дошла до своего апогея.

Что же удивительного, что общество инстинктивно уходит от этого настоящего, и лучшая часть поддерживает искусство, живет его радостями и печалями".

— **6 марта / 21 февраля.** "Вечерний час", № 35: "Впечатления". Нилус пишет об "уплотнении" города, грязи, эпидемиях: "Ужасы "уплотнения" и общего гниения уже налицо [...]. Нужен закон, который обязывал бы опрятно содержать квартиры, не допускать их до развала".

— **24 февраля / 9 марта** писательница Н.А. Тэффи, находившаяся в Одессе с января 1919 года, перечисляет писателей и журналистов, которые были ее гостями в гостинице "Лондонская": П. Нилус, И. Бунин, А. Толстой и др.[4]

— **15/2 марта.** "Вечерний час", № 42. В рубрике "Впечатления" рассматриваются текущие дела художественной жизни Одессы. Приводим текст:

"Случилось то, что должно было случиться: наследник Г.Г. Маразли, г. Толстой продал участок земли, окружающий наш городской музей (что на Софиевской улице), пожертвованный лет 20 тому назад г. Маразли городу. Теперь этот участок распродается, или уже распродан частями новым владельцам. Музею принадлежит (со стороны моря) полоска земли в 6 саженей, с южной стороны даже такой полосы нет, и эта граница проходит вплотную с музеем и так остроумно, что отсекает часть, правда, небольшую, музея... Таким образом, как только проданные участки начнут застраиваться — музей окажется окруженным тесным кольцом и, стало быть затемненным, негодным к своему назначению. В музее 4 комнаты и два зала; когда застроится участок быв[ший] Толстого, из шести помещений останется годным *только одно — нынешний зал с верхним светом.*

Старый нарышкинский дом, вообще очень небольшой, назначен завещателем не только под музей для картин, но одной частью отошел под пе-

дагогический музей, другой — бальнеологическому об-[щест]ву, третьей под народную читальню...

Правда, первое время картин в музее было мало, и временно, конечно, можно было бы отвести незанятые помещения и бальнеологическому и другим обществам, но только временно. Это было упущено из вида, и теперь предстоит городу и "Об-[щест]ву изящных искусств" спасать музей от гибели, ибо подслеповатые комнаты для хранения картин не годятся. Между тем мне известны духовные завещания, в которых в пользу музея отписаны значительные собрания картин. Да вообще, весь наш музей, за исключением 2-3 вещей, состоит из дареных вещей: академией (Петербургской) и частными лицами. Добрым словом должно помянуть покойного архитектора Моранди, благодаря энергии которого составилось собрание картин "Об-[щест]ва изящных искусств", вошедшее целиком в состав нынешнего музея и составляющее лучшую его часть.

Не так давно г. Брайкевич представил во временное владение музею 20 картин, и всего несколько дней назад музейная комиссия приняла новые пожертвования: от графа М.М. Толстого (три портрета начала прошлого столетия), от Б.В. Эдуардса (два пейзажа XVII и XVIII) и от покойного художника г. Соломатина (в стиле Гогена) две картины. Вообще приходится подумать о расширении музея, а вместо этого вырастает опасность затемнения. Пока не поздно, есть возможность спасти музей. Для этого *город должен немедленно обратиться к владельцу участка земли*, пока свободного, прилегающего к музею, и войти с ним в соглашение, *компенсируя участок на обрыве каким-либо другим участком,* равноценным".

— **28/15 марта.** "Вечерний час", № 53, "Впечатления. Кое-что о современных людях" — о влиянии войны на быт мирного населения и на развитие моды. "Кажется, никогда еще мода не создавала ничего более бездарного, безобразного [...]. Мода отражение вкусов, нравов эпохи. Казалось бы, в наше кровавое время люди должны бы быть сдержанней, обратиться к Богу... Но жизнь идет по какому-то своему пути. [...] Что это? Неужели поворот к какой-то новой правде, или взрыв отчаяния?"

Важным источником сведений о Нилусе на протяжении всего драматического 1919 года являются записи жены И. Бунина — В.Н. Муромцевой-Буниной. Как и Нилус, Бунины до самой эмиграции жили в доме художника Е. Буковецкого на Княжеской, 27. Несмотря на отрывочность, записи Веры Николаевны о Нилусе раскрывают многие черты его характера, отношение к жизни и искусству.

— **19 марта / 1 апреля** она записывает: "Возник спор. П. Ал. [Нилус]

доказывал, что занятие искусством это сплошное удовольствие, а Ян и Евг. И. [Буковецкий] — что это Голгофа. Евг. И. говорил, что такое отношение П. Ал. вытекает из его характера. Как очень одаренному человеку, ему все давалось удивительно легко. В 17 лет он написал поразительно хороший этюд, а напрягаться он не любит. И это отсутствие напряжения чувствуется в его рассказах..."[5].

— **26 марта** на вечере литературного кружка "Среда" в Литературно-артистическом обществе Нилус читал свои новые рассказы[6]. Это были рассказы "Подвиг" и "Яблочко". Еще в 1918 г. в одесском еженедельнике "Жизнь" (№ 10, с. 7) был опубликован небольшой очерк Нилуса "Впечатления. Яблочко": "На окраинах теперь распевают "Яблочко", которое поется вместо Марсельезы. [...] Большевистская эпопея оставила след в народном творчестве. "Яблочку" уготована вечность". Рассказ появился в печати позднее, в 1920 г. (журнал "Объединение", кн. 5, с. 7-19). Очевидно, песня обсуждалась в кругу друзей. В. Катаев пишет: "Я наблюдал Бунина на солдатской барахолке, где он стоял посреди толпы с записной книжкой в руках, невозмутимо и неторопливо записывая своей четкой клинописью частушки, которые выкрикивали два братишки — черноморские военморы, лихо отплясывая, положив руки друг другу на плечо и мотая широкими клешами, модное "Яблочко"..."[7].

Апрель

— **4 апреля** главнокомандующий союзного правительства генерал д'Ансельм издает приказ об эвакуации войск из Одессы, а 6 апреля в Одессу вступают отряды Красной Армии под командованием атамана Н. Григорьева. До 23 августа в городе советская власть. Вновь террор, голод, расстрелы, грабежи. Все это выразительно описано другом Нилуса И. Буниным в "Окаянных днях". Его записи обрываются 20 июня 1919 г. Новая власть обкладывает "буржуазный элемент" 50-миллионной контрибуцией, за неуплату которой следовали жесткие карательные санкции. Контрибуция взималась по спискам домовладельцев, регулярно публиковавшимся в газете "Известия". Однако дом Буковецкого, где жили Бунины и Нилус, в списках не значится.

— **5 апреля (н. ст.).** "Художники и журналисты Одессы устроили собрание по организации Союза искусств"[8]. Весьма вероятно, что Нилус присутствовал на этом собрании.

— **10 апреля.** В № 9 "Известий Одесского совета рабочих депутатов"

(далее "Известия". — **В. А.**) появилось объявление: "Профессионалы искусства и представители профес. союзов искусства приглашаются на общее собрание союза профессионалов искусства, сегодня 10 апреля, в 3 часа дня, в помещении Художественного учил. (Преображен[ская], 14)". В записи В.Н. Муромцевой-Буниной от **30 марта / 12 апреля** отмечено: "За обедом Нилус рассказывает, что на заседание художников явились маляры, которые были встречены с большим почетом. Говорились речи на тему, что маляр и художник почти одно и то же. Указывалось на средневековые цехи. Предлагали возвратиться к ним... — Господи, что за чушь, бесстыдство! — воскликнул Ян. И загорелся спор. Ян и Буковецкий набрасываются на Нилуса за то, что он видит в большевиках защитников искусства. — Да пойми, что все поблажки, которые они делают, только для того, чтобы перетянуть интеллигенцию на свою сторону, заткнуть ей глотку и начать свободнее расправляться с контрреволюционерами. — Но все же можно этим воспользоваться, — возражает Нилус, — и сделать что-нибудь для искусства. Ведь позор, в каком загоне оно у нас было! Нужно поощрять их в этом, а не мешать им"[9].

— **11 апреля.** И. Бунин, Е. Буковецкий и П. Нилус обращаются с письмом к новой власти с просьбой закрепить за ними помещение, в котором они живут[10]. Бунин в "Окаянных днях" (25 апреля) пишет о посещении дома Буковецкого комиссаром "на предмет уплотнения пролетариатом"[11]. Инцидент был улажен благодаря усилиям Нилуса. В. Катаев в "Траве забвения" вспоминает: "К этому времени Бунин был уже настолько скомпрометирован своими контрреволюционными взглядами, которых, кстати, не скрывал, что его могли без всяких разговоров расстрелять, и наверное бы расстреляли, если бы не его старинный друг одесский художник Нилус, живший в том же доме, где жили и Бунины, на чердаке, описанном в "Снах Чанга", не на простом чердаке, а на чердаке "теплом, благоухающем сигарой, устланном коврами, уставленном старинной мебелью, увешанном картинами и парчовыми тканями...". Так вот, если бы этот самый Нилус не проявил бешеной энергии — телеграфировал в Москву Луначарскому, чуть ли не на коленях умолял председателя одесского ревкома, — то еще неизвестно, чем бы кончилось дело. Так или иначе, Нилус получил специальную, так называемую "охранную грамоту" на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика Бунина, которую и прикололи кнопками к лаковой, богатой двери особняка на Княжеской улице"[12].

— **30 марта / 12 апреля.** В.Н. Муромцева-Бунина: "Квартира наша освобождена от реквизиции. Кроме Буковецкого и Нилуса хлопотал Во-

лошин, очень легко охотно и бескорыстно. [...] Он прибежал днем сообщить нам об этом и очень радостно стал писать вывеску: "Художественная неореалистическая школа" Буковецкого, Нилуса и Волошина. Мы распределили занятия. Преподаватели — Нилус и Буковецкий, лектор по истории живописи профессор Лазурский, заведующая школой — я. Ученики — дети приятелей и знакомых"[13].

Много позже сын В.Ф. Лазурского — художник В. Лазурский вспоминал: "...художественная неореалистическая школа открылась в особняке художника Евгения Осиповича Буковецкого на Княжеской улице, неподалеку от нашего дома. Была весна 1919 г. Интервенты покинули Одессу на этот раз ненадолго. Буковецкий вывесил объявление об открытии художественной студии и просил своих друзей, среди которых был и мой отец, посылать к нему своих детей. Сам он взялся руководить рисованием с гипсов, что и составило основное содержание студийных занятий, вполне академических и совершенно не соответствовавших названию школы. Петр Александрович Нилус раза два позанимался с нами "композицией". Он не рекомендовал работать прямо с натуры, как это было общепринято, а советовал наблюдать действительность, запоминать увиденное и писать по памяти, стараясь сохранить то общее впечатление, которое произвела на нас картина природы. [...] Школа просуществовала недолго"[14].

— 13 апреля — 19 июня в Петрограде, в здании Зимнего дворца проходила Первая государственная свободная выставка произведений искусств. Нилус — единственный одесский художник, участвовавший в ней. Это была грандиозная по тем временам выставка, на которой экспонировалось 1826 произведений 299 авторов, представлявших наиболее значительные художественные общества: "Союз молодежи", "Мир искусства", передвижники, "Общество им. А. Куинджи", "Петроградское общество художников" и др. П. Нилус выступил вместе с передвижниками, показав произведения: № 1008 — "Манифестация"; № 1009 — "После митинга"; № 1010 — "Восход луны"; № 1011 — "Сальвий"[15].

Факт участия Нилуса в этой выставке не отмечен в известной нам литературе о его творчестве. По сути, в 1919 г. он единственный из одесских художников — членов и экспонентов выставок передвижников (К. Костанди, Н. Кузнецов, Т. Дворников, Е. Буковецкий и др.), поддерживал связь с этим товариществом. Причины прозрачны: конъюнктурные соображения, возможность показать свои произведения в столицах, надежды на получение звания академика живописи, о чем он много позже будет упоминать в письмах к Е. Буковецкому.

— 1/14 апреля. Вера Николаевна записывает: "Вечером у нас Волошин. Он остался у нас ночевать (то есть в мастерской Нилуса), чтобы провести вместе весь вечер. Сидели мы в моей комнате, Нилус вышел к нам на один момент, т. к. он чувствовал себя очень уставшим, а Буковецкий совсем не пришел, вероятно, боясь, как бы Волошин не подумал, что он считает себя его знакомым"[16].

— 2/15 апреля Вера Николаевна продолжала записывать: "Нилус начал разговор о том, что художников приглашают украсить город на первое мая:

— У меня есть эскиз, как нужно украсить город.

— Неужели ты будешь принимать участие в этом? — спрашивает Ян.

— А почему же нет? Я нахожу, что от жизни уклоняться нельзя. А так как большевики признают науку и искусство, то этим нужно пользоваться, так как самое важное в жизни — искусство и наука, — говорит он со своей милой улыбкой. [...]

Волошин быстро переходит на то, как, по его мнению, нужно украсить город. [...] Ян, сдерживаясь, говорит: — Не понимаю, как в то время, когда люди почти умирают с голоду, ходят оборванными от недостатка материи, когда воцарились разбойники, вы спокойно рассуждаете о том, как наилучшим образом украсить город, украсить лобное место? Ведь это значит помогать тому врагу, которого мы ненавидим, хотим уничтожить, а о развитии искусства и науки в государстве, где мрут с голоду [...] мне просто странно слушать!"[17].

Следует отметить, что большевики, несмотря на организованный террор и репрессии, к художникам и артистам оставались сравнительно лояльными. Именно творческие люди были крайне необходимы в организации и проведении агитационной пропаганды. Так, в газете "Известия" (9 апр., № 8) был опубликован приказ Одесского окружного комиссариата по военным делам, где отмечалось: "Для предоставления возможности художникам, зарегистрированным в профессиональных союзах, подлежащим призыву на военную службу, выполнять в настоящее время работы, имеющие государственное значение, при призывах назначать их в караульные части, но тут же откомандировывать их для специальной работы, не зачисляя ни на один вид довольствия".

— 5/18 апреля. Вера Николаевна отмечает: "Художники Одессы заняты приготовлением празднества первого мая. Во главе стоит художница Эстер, присланная из Москвы (здесь ошибки: фамилия художницы — Экстер; в Одессу она приехала из Киева; ее сотрудничество с большевиками было вынужденным. — **В. А.**). Волошин тоже в первомайской комис-

сии. [...] Нилус выбран в правление "Союза художников". [...] Идет сильное "перекрашивание". Уже острят: "Что ты делаешь?" — "Сохну, только что перекрасился". Интересно наблюдать, как каждый по-своему переживает водворение в жизнь "коммунистического рая". Нилус, например, все хочет видеть в большевиках что-нибудь положительное. Он вообще таков, что прежде всего в каждом отыскивает хорошее. Ему органически чуждо все подлое, а потому он все надеется найти хоть одну луковку, за которую можно простить"[18].

Упоминаемое В.Н. Буниной избрание Нилуса в правление "Союза художников" (Профессиональный союз художников) состоялось на собрании творческих союзов артистов, художников, скульпторов, представителей ТЮРХ, передвижников, художников, окончивших художественной училище, проходившем 18 апреля в здании художественного училища[19]. ТЮРХ, куда входил Нилус, как одна из самых больших творческих организаций претендовала на некое лидерство. Еще 10 апреля на собрании Товарищества с информацией по поводу организации профессионального союза художников выступил приехавший из Петербурга одесский художник Линский, который считал, что "не следует повторять ошибок Москвы и Петрограда, где здоровые силы не взяли верх и допустили футуристов и кубистов"[20].

Праздничные первомайские мероприятия, в подготовке которых собирались принять участие П. Нилус и М. Волошин, должны были отличаться особым размахом. На их проведение власти выделили один миллион рублей[21]. Однако энтузиазм и инициатива друзей были скоро решительно охлаждены. Волошин первоначально все же вошел в число руководителей отделов по подготовке празднования, наряду с художниками, скульпторами, театральными деятелями (А. Нюренберг, А. Экстер, В. Мидлер, М. Гельман, Монастырский, К. Миклашевский), но уже через пять дней был отстранен "за антисоветскую литературную деятельность", о чем и сообщили газеты[22]. О действиях Нилуса и судьбе его эскиза информация не обнаружена.

Инициатива в работе над агитационным заказом перешла к левому крылу одесских художников, о чем свидетельствовал пространный отчет о первомайских торжествах. Может показаться, что это было некой победой принципов нового искусства. Но по свидетельству очевидцев, мобилизованные революцией художники и артисты "работали под неусыпным оком комиссаров"[23].

— **20 апреля.** И. Бунин записывает: "Вечером с видом заговорщика

пришел А.В. Васьковский (адвокат, с которым Нилус в дальнейшем поддерживал контакты в эмиграции. — **В. А.**), притворил дверь и шепотом наговорил таких вещей, так настаивал, что все, о чем говорили днем, есть сущая правда, что Петр разволновался до красноты ушей, потом слазил под лестницу и вытащил две бутылки вина"[24].

— **8/21 апреля.** В.Н. Муромцева-Бунина: "Только что был Бутенко, двоюродный брат Нилуса. В его имении был воинский обоз, вместе с местными мужиками разгромили дом, и все искали убить его. За что? Он всегда был необыкновенно добр к мужикам... Шашками рубили бюро красного дерева. Увезли много ячменя, пшеницы. А на соседнем хуторе Пташниковых, родственников одесских, убили кого-то"[25].

Май

— **12/25 мая** В.Н. Муромцева-Бунина записала: "Нилус сообщает, что он получил назначение при комиссии просвещения в Отделе искусства, занят он будет по утрам. Должность приятная — можно спасти картины от разграбления"[26]. Здесь не все ясно. "Спасением картин" занимался, прежде всего, Губернский комитет охраны памятников искусства и старины (Губкопис), учрежденный 1 июня 1919 г. Председателем комитета был назначен художник А. Нюренберг[27]. Конкретные сведения о деятельности Нилуса в комитете не обнаружены, работал ли он в этой или в какой-то иной организации, установить не удалось. Известно, что при каждой смене власти в Одессе предпринимались энергичные меры по экспроприации произведений искусства (при большевиках — "из домов бежавшей буржуазии"). Этот, по сути, грабеж в прессе преподносился как "защита художественных ценностей" или "спасение художественных богатств для народа". О размахе деятельности свидетельствуют хотя бы две статьи в газете "Известия". В № 47 от 25 мая — "Местная жизнь: в секции по защите художественных ценностей", где говорится о намерении этой секции открыть "грандиозную выставку-демонстрацию всех художественных вещей, собранных в квартирах бежавшей одесской буржуазии. [...] На ней будет представлено до 3 тысяч !!! картин старых и новых мастеров и предметов декоративно-прикладного искусства". В № 49 от 28 мая в статье "Пролетарская культура: художественные богатства для народа" сообщается о проведении описи всех особняков и квартир бежавшей буржуазии и об изъятии ценностей, приводится обширный перечень разграбленных квартир и особняков.

Следует учитывать, что в условиях, когда Нилус не мог заработать на жизнь продажей картин, служба в комиссии была, вероятно, важным источником его существования. Основанием для участия в деятельности комиссии являлось хорошее знание им антиквариата, иконописи, графики, декоративно-прикладного искусства. Судя по переписке с Е. Буковецким 1908-1913 гг., Нилус целенаправленно и не без успеха создавал собственную коллекцию произведений искусства.

— **16/29 мая.** Муромцева-Бунина: "Завтра едут на лошадях Юшкевич, Нилус и Ильин к Федорову, приглашать его в Агит-Просвет. Они будут заведовать театром и синема.

Вечером за бутылкой вина Ян с Нилусом спорят. П. А. искренно верит, что они повернут дело по-своему. Ян доказывает, что кроме позора и неприятностей, они ничего не получат: — "Уж если нечего есть, так служи где-нибудь писцом или чем хочешь, но отдавать им самое дорогое — никогда!" П. А., волнуясь: "Искусство выше всего, и нельзя отказываться от того, что возвышает жизнь"[28].

Конкретика деятельности Нилуса в агитационно-просветительском отделе не установлена. Не совсем ясно, в какой организации он служил. Одесские газеты за май месяц 1919 г. пестрят объявлениями о мобилизации агитаторов. Агит-просветы существовали при многочисленных партийных, военных и образовательных организациях.

— **17/30 мая.** Муромцева-Бунина: "Вечером Нилус рассказывает о своей поездке к Федорову. "Ехали в отличном экипаже. Федоров сначала колебался, но под давлением жены согласился. На обратном пути нагнали Кипена, — идет пешком в город, — предложили ему тоже вступить в Агит-Просвет, — он с негодованием отказался" [...] И опять поднялся спор, можно или нет работать с большевиками"29.

Июнь — июль

— 8 июня [н. ст.] — июль. В Городском музее проходит I-я Народная выставка картин, плакатов, вывесок и детского творчества. Организации ее предшествовала упорная борьба между представителями ТЮРХ и Общества независимых художников. В результате отбор произведений на выставку проводился отдельными жюри[28]. От ТЮРХ в выставке приняли участие Ю. Бершадский, Е. Буковецкий, Т. Дворников, К. Костанди, П. Нилус и др. Был издан каталог выставки с вступительной статьей А. Нюренберга "Искусство и его теперешние задачи", где с пафосом писа-

лось о новом искусстве, "вырванном из церкви, дворца и гостиной". Состав произведений Нилуса на выставке, как и на упомянутой ранее выставке в Петрограде, соответствовал политическому моменту: № 89 — "Первая манифестация в Одессе в феврале 1917 г.", "1 мая 1917 г.", "27 февраля 1917 г. на Знаменской площади" (и другие произведения из серии "манифестации"); № 90 — "Мечты" (декоративное панно); № 91 — "После митинга"; № 92 — "В праздник"[30]. Отзывы на эти произведения в прессе не обнаружены.

— **2/15 июня.** Муромцева-Бунина: "В школе у нас народу много. Труднее стало поддерживать дисциплину. [...] В школе есть несколько человек способных. Нилус восхищается глазом ученика Шесток. Его маленькая племянница, Оля, тоже рисует очень точно и делает заметные успехи. Двигается и Дима Лазурский, очень милый и приятный мальчик. Но занятнее всех Рафаэль. Он вносит столько веселья, что забываешь на него сердиться"[31].

— **29 июня / 12 июля.** Муромцева-Бунина: "У нас в доме именинник. Наша школа чествует своего профессора. Ученики поздравляют Петра Ал. [Нилуса], принесли — кто хлеба, кто вина. Учение было отменено. Видно, что П. Ал. завоевал любовь к себе, и каждому хочется сделать ему удовольствие"[32].

Август — сентябрь

— **23 августа (н. ст.)** в Одессе установилась власть Добровольческой армии Деникина.

— **27 августа / 9 сентября.** П. Нилус и К. Костанди включены в состав особой комиссии по делам искусства при управлении попечителя Одесского учебного округа проф. А.Д. Билимовича. В комиссию также входили профессора Б.В. Варнеке, В.И. Малишевский, В.Ф. Лазурский и Н.Л. Окунев[33]. Практическое участие Нилуса в работе комиссии не установлено. В других источниках отмечено, что Нилус был членом постоянного "комитета по охране искусств" при учебном округе[34]. Можно предположить, что Нилус занимался делами реорганизации трех учрежденных при большевиках музеев — музея в доме А.П. Руссова, музея в доме графа М.М. Толстого и музея при Новороссийском университете. По предложению Билимовича первые два музея предполагалось ликвидировать, так как они были составлены "без ведома их владельцев"[35], т. е. из произведений, реквизированных большевиками у "буржуазии".

— **28 августа (ст. ст.).** "Состоялось общее собрание Тов-[арищест]ва южнорусских художников, в котором решено открыть очередную выставку картин, как всегда, 1 октября"[36].

— **29 августа / 11 сентября.** В № 3 газеты "Южное слово" (№ 1 вышел 27 авг. / 9 сент.) в рубрике "Среди книг" напечатана рецензия Нилуса "Плеяда", цикл сонетов Леонида Гроссмана". С этого момента его статьи и заметки регулярно появляются в газете.

— **13/26 сентября.** Нилус публикует в "Южном слове" пространную статью "Заметки художника", полную ностальгии по передвижничеству. Поводом для ее написания стала смерть коллег, художников-передвижников Н.Н. Дубовского и Е.Е. Волкова. "В последний раз, после долгого перерыва я был в Петербурге в сезон выставок 1917 г. и не узнал своих товарищей по передвижной выставке — все это были уже пестрые, новые люди, ясно было, что монолит "передвижничества" распадается. [...] ...дошло до того, что слово "передвижник" в устах молодых художников и их поклонников оказалось бранным словом. [...] Все в мире имеет свои таинственные сроки: старое передвижничество, сделав большое дело, отходит в историю".

— **14/27 сентября.** Зарисовка "Впечатления" — об умирающей на глазах сочувствующей толпы собаке, и в это же время, на другом квартале, умирающем в одиночестве от голода человеке.

— **20 сентября / 3 октября.** "Заметки художника" — рассуждения об упадке и нищете в городе, о "новой" обуви — "ужасных деревянных сандалиях", ставших привычным атрибутом жизни одесситов.

— **22 сентября / 5 октября.** В Одессе отмечается "День Добровольческой армии". Город в очередной раз "украсили". Нужно отметить, что если оформлением первомайского праздника занимались "левые" художники, в основном, из лагеря "независимых", то оформлением города к Дню Добрармии занимались художники традиционного направления. С этой целью была создана художественная комиссия под руководством известного мариниста А.В. Ганзена. Газета "Южное слово" отмечала: "Большинство плакатов выписано в русском стиле, несколько стилизованным, но без кричащих футуристичностей плакатов недавних дней. Главным доминирующим моментом почти всех тем является изображение Кремля. [...] После боя в окопах спят усталые воины, во сне им мерещится Москва, на эту тему по эскизу известного художника П.А. Нилуса выписывается огромный триптих художниками Карташом и Милеевым" (**19 сент. / 2 окт.**). Газета "Единая Русь" (**22 сент. / 5 окт.**): "Плакаты изготовлены по эскизам известных

художников Нилуса, Бальца, Бри и др. Над городским театром вывешен плакат с надписью: "Сила большевиков — ложь". На Думской площади помещены плакаты по эскизу Нилуса — один посвященный Москве, а другой плакат англичанам с надписью: "Нашим друзьям англичанам" (ошибка: второй плакат работы А.В. Ганзена. — **В. А.**). Комиссией назначены три художественные премии за лучшие украшения фасадов домов". "При входе на площадь (Думскую. — **В. А.**) со стороны Ланжероновской и Пушкинской улиц, откуда направлялись главные массы гуляющих, открывалась громадная картина, изображающая отдыхающих воинов Добровольческой армии, грезящих о золотых куполах Москвы. Надпись "Москва будет наша, это не сон" (**23 сент. / 6 окт.**). Судьба эскиза Нилуса неизвестна.

Октябрь

— **1 октября / 14 ноября.** В Городском музее изящных искусств проходит очередная — и последняя в истории ТЮРХ — 29-я выставка. В день ее открытия (**1 окт. / 14 нояб.**) в газете "Южное слово" появилась статья Нилуса "Заметки художника". Он называет деятельность Товарищества почти за 30 лет "подвигом", который "будет отмечен историком юга". Нилус сетует на то, что ни знаменитые одесские богачи Ралли, Маразли, Родоканаки, Анатра, Вучина, ни городское самоуправление не покупали работ одесских художников. И далее: "Пришли большевики и, попировав четыре месяца, разорили город. Кто теперь будет в Одессе покупать картины?". Как видим, романтизм Нилуса в отношении предыдущей власти полностью испарился. Аналогично Нилусу высказывался и К. Костанди. Последний был не склонен к выступлениям в прессе, но в данном случае отмечал: "Несмотря на громкое афиширование своих меценатских принципов, на пышные обещания тов. Луначарского создать "великое пролетарское искусство" — большевики только стеснили свободную волю художника, и эти два года явились лишь пробелом в русской живописи"[37].

Согласно каталогу, Нилус экспонировал на выставке всего три произведения, написанные в 1919 году: № 220 — "Шестидесятые годы"; № 221 — "Майский вечер"; № 222 — "Светлая ночь"[38] (продана с выставки Гальперсону[39]).

В немногочисленных и достаточно беглых рецензиях отмечалось: "Любопытно наблюдать, как изменяется иногда художник в манере писать и в своих устремлениях. Когда-то тонкий, изящно-виртуозный в мазке бытописатель Нилус теперь широко, размашисто пишет красивые полотна с яркими костюмами отживших мод на фоне серенького пейзажа"[40];

"У Нилуса сумеречно-романтическое настроение"[41]. Друг Нилуса А.М. Де-Рибас писал: "Разве Нилус перестает искать золота в сумерках и огней в тумане?". И он же в другой статье: "Вот Нилус — тот радуется. У него во всем какая-то жизнерадостная меланхолия"[42].

— **4/17 октября.** Нилус вновь обратился к теме выставки в "Заметках художника" в "Южном слове", при этом достаточно ярко охарактеризовал жизнь тюрковцев: "30 сентября. Товарищество южнорусских художников собралось в художественном училище на традиционный вечер перед открытием выставки. Еще недавно такие собрания устраивались парадно, в залах, залитых светом, но время круто изменилось. На этот раз не повара готовили обед, служили не официанты во фраках — сами художники были и поварами и официантами; вместо сервировки довольствовались рабочими столами без скатертей, каждый из присутствовавших принес свой скромный стакан, тарелку, вилку, салфеточку. [...] Но зато каждый принес с собой то, что не всегда бывало на прежних банкетах: надежду на лучшее будущее... Были, как всегда, речи, но на этот раз другого содержания. Художники, вообще аполитичные, заговорили как граждане и политики. Сначала помянули дружеским словом старого товарища А.А. Попова, безвременно погибшего этим летом от холеры. [...] Прежде всего решено было приветствовать Вождя Русской Армии Деникина, а затем принести лепту его славной армии. Избрана была комиссия, которая ныне уже занимается устройством лотереи. Предполагается, что выигрышей (картин и этюдов) для будущей лотереи соберется не менее 50. Часть выигрышей была пожертвована тотчас же, из имеющихся экспонатов на выставке, другая — будет доставлена немедленно...".

Темы статей Нилуса в "Южном слове" в это время — впрочем, как и раньше — разнообразны.

— **5/18 октября.** "Впечатления. "Благой мат": поздним вечером на улице дико кричит пьяная женщина. Свидетели происшествия "постояли и разошлись". И Нилус пытается понять причины равнодушия к чужому несчастью, размышляет о том, что "мы сплошь и рядом холодно отворачиваемся, когда сталкиваемся с действительной жизнью, выходящей из обычных рамок, [...] оберегая свой пресловутый "покой"".

— **9/22 октября.** "Впечатления. Нужно щадить память отошедших" — отклик на реальные события: перезахоронение бывшего начальника края генерал-губернатора М.И. Эбелова, расстрелянного одесской ЧК в ночь на 16 июня 1919 г. и других жертв красного террора. Нилус пишет не о конкретном событии. Оно — повод для рассуждений о морали и нравст-

венности. Для биографа Нилуса она важна также упоминанием о его пребывании в Швейцарии[43].

— 16/29 октября. "Впечатления. Ложь". Политические взгляды Нилуса становятся все более отчетливыми: "Большевизм, а с ним и ложь социализма умирают на глазах. Добровольческая армия побеждает не как политическая партия, а потому что с ней народ".

— 17/30 октября. "Заметки художника" — в связи с возобновлением собраний Общества любителей старины[44]. "Большевики, отряхнувшие прах "старого мира", естественно должны были смотреть на это об-во как на контрреволюционное. [...] Вероятно, самой замечательной чертой этого об-ва является то, что в нем есть известный моральный и культурный уровень [...]. Наконец, антиквары — это, по преимуществу, люди, многое пережившие, видевшие всякое, знающие, что такое жизнь, что такое культура, традиция [...], а все это создает атмосферу уважения к личности".

— 27 октября / 19 ноября. "Впечатления. Кое-что о скаутизме" — пространная политическая статья о значении движения скаутов для воспитания будущего поколения.

— 31 октября / 13 ноября. В "Южном слове" появляется статья Г. Афанасьева "Книжная летопись", где рассматриваются новинки московского "Книгоиздательства писателей". В частности, речь идет о сборнике рассказов Нилуса "На берегу моря", вышедшем в феврале 1918 г. Автор приводит отзыв известного критика Ю. Айхенвальда: "Рассказы П. Нилуса "На берегу моря" действительно веют соленым ароматом Черного моря, Одессой, солнцем юга, пряностями природы и души. Автор — художник, живописец; в своей литературе он этого совсем не скрывает, часто говорит о красках, чаще и пишет словами-красками. Он любит цвета и цветы мира. Его чарует игра светотени, пейзаж во всех его оттенках, живая живопись морских волн и южных степей. он зорко видит, цепко схватывает глазами и словами. В его фабулах и в его манере есть что-то острое, пикантное — изящество, не специфически русское, хотя и русские учителя, Чехов, Бунин — быть может, не вполне ведомо для самого автора — формировали его дарование...".

Ноябрь

В первые дни ноября в рамках 29-й выставки ТЮРХ проходила лотерея произведений искусства в пользу Добровольческой армии. Среди работ, предназначавшихся для розыгрыша, были и работы П. Нилуса[45]. Лотерея "устроена в большой светлой зале в первом этаже музея [...]. Выстав-

ка пополняется картинами, пожертвованными местными коллекционерами [...] художниками: Нилусом, Кузнецовым, Костанди, Кишиневским, Бальцем, Эгизом, Буковецким, Стилиануди, Колесниковым, Фурсеем, Василопуло и др."[46]. Названия работ установить не удалось.

— **6/19 ноября** Нилус публикует в "Южном слове" пространную статью-размышления "Впечатления. Интеллигенция будущего", в которой раскрываются некоторые эстетические пристрастия автора. Статья построена как экскурс в историю современного отечественного искусства, начиная с передвижничества, идеи которого Нилус неожиданно подвергает суровой критике: "Интеллигентский критик Стасов и интеллигентский художник Крамской много зла принесли русскому искусству. Крамской даже дошел до такого абсурда: "Чем выше идея картины, тем выше и ее исполнение" — и блистательно на деле доказал противное. [...] Интеллигентский критик, разбирая произведение, взвешивает его идею, как бы забывая, что идеи рождаются почти всегда философами, а не писателями и художниками. Утилитаризм на несколько десятилетий закрыл глаза старой русской интеллигенции на красоту религии, природу искусства". Статья Нилуса — одна из целого ряда публикаций о роли и проблемах интеллигенции, печатавшихся в газете.

— **13/26 ноября.** Там же — очерк "Листопад", о посещении монастыря в Бессарабии перед началом первой мировой войны

— **24 ноября.** Присутствует на общем собрании ТЮРХ и делает доклад "О выделении участка земли на Фонтане для тружеников искусства"[47].

— **24 ноября / 7 декабря.** В Городском музее изящных искусств открылась выставка картин Одесского общества независимых художников. Нилус бывал на выставке, о чем свидетельствует его статья "Впечатления. Выставка картин общества независимых художников" (см. ниже).

— **30 ноября.** Нилус, вместе с И.А. Буниным, Х.Н. Бяликом и А.М. Федоровым, вошел в комитет по подготовке юбилейных торжеств, связанных с 25-летием творческой деятельности Семена Юшкевича. Чествование юбиляра состоялось 19 декабря в Литературно-артистическом обществе[48].

Декабрь

— **1/14 декабря.** Нилус — в числе участников бала Одесского политехнического института, проходившего в залах Литературно-артистического общества (ул. Греческая, 48). Сбор от проведения бала предназначался недостаточным студентам института. В числе участников программ были

Б. Варнеке, В. Горянский, Л. Гроссман, Дон-Аминадо, Вера Инбер, Мария Де-Рибас, Эльза Крюгер, И. Бунин, А. Вертинский[49].

— **5/18 декабря.** Нилус публикует в "Южном слове" статью "Тяжелые времена". Приводим ее текст с некоторыми сокращениями:

"Есть такие кретины, которые до сих пор повторяют: "Какое интересное время мы переживаем!" То же самое повторяли они, когда началась война, а потом революция. [...] В два года погибла огромная страна, жизнь повсюду замерла, погибли и гибнут сотни тысяч людей. [...] Не интересное время мы переживаем, а ужасное, жесточайшее.

[...] Очень "интересное" несчастье, очередное, вошло уже почти в каждый дом — это холод. Нет топлива, а за этим, как всегда это бывает, идут голод, болезни. [...] Я пишу эти строки холодеющей рукой, сижу за письменным столом в пальто и шляпе и чувствую себя не так уж плохо. А неделю тому назад я считал себя несчастнейшим человеком. Дошел я до этого, конечно, потому, что отчасти свыкся с холодом, но главным образом потому, что много думал о тех, которые страдали и страдают более меня. Я знаю, что миллионы людей перенесли во время недавней войны огромные лишения и сейчас страдают на фронте — я в лучшем положении — *ergo* — должен примириться, и примирился...

[...] Хорошо бы, наконец, покончить с "углублением революции" и приступить к эволюции, к развитию в обществе чувства борьбы за настоящую, благородную человеческую жизнь; хорошо, если бы мы, наконец, всеми силами ополчились против ропота "духа уныния и празднословия".

— **12 декабря.** Сохранился любопытный документ, датированный этим числом и свидетельствующий о первоначальном намерении Нилуса уехать в Сербию. Это его записка секретарю ТЮРХ А.Н. Стилиануди: "Дорогой Александр Николаевич. Т.[ак] к.[ак] вероятно придется мне уезжать, прошу очень выдать мне этого рода удостоверение, которое я отнесу К.[ириаку] К.[онстантиновичу Костанди] для скрепления подписью. Очень извиняюсь, дело не терпит отлагательства. Прошу заполненный бланк оставить дома. Я завтра зайду за ним. Между прочим, слова *учитель рисования* необходимы, иначе не пустят в Сербию. Жму руку. П. Нилус".

На этом же листе рукой Нилуса написан черновик текста удостоверения: "Товарищество южнорусских художников сим удостоверяет, что предъявитель сего Петр Александрович Нилус художник и учитель рисования. П.А. Нилус 1) Член "Товарищества передвижных художественных выставок" в Петрограде и Москве; 2) Член Совета "Одесского общества

изящных искусств"; 3) Член музейной комиссии Одесского городского музея изящных искусств; 4) Член Товарищества южнорусских художников.

Владея коллекцией старинных русских икон и утвари, он является экспертом по этой специальности.

Произведения его находятся в Музее Александра III в Петрограде, в Третьяковской галерее в Москве и многих частных собраниях.

Кроме России, П.А. Нилус выставлял свои произведения в Вене, Мюнхене, Риме.

Председатель: Академик К. Костанди
Секретарь: Стилиануди"[50].

Отъезду предшествовали, конечно же, деловые хлопоты. Вне сомнения, Нилус встречался с проф. В.В. Завьяловым, который был назначен уполномоченным комиссии по устройству беженцев в Болгарии (о В.В. Завьялове см.: Одес. листок. 1919. 12/26 дек.). Согласно правилам для выезжающих, публиковавшимся в одесских газетах этих дней, виза в Болгарию выдавалась одновременно с визой во Францию. Таким образом, выезд в Болгарию мог быть транзитным.

— **13/26 декабря.** Вера Николаевна записывает: "Нилус и Кипен решили ехать в Сербию. Вчера мы пили вино. Ян возбудился, хорошо говорил о том, что он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру [...]. Когда он говорил, то на глазах у него блестели слезы. [...] Нилус был тоже грустен: "Вот играл в карты с Евгением и думал: все кончается, уезжаю заграницу, а вернусь ли?". Когда мы с Яном вчера убирались, он сказал: "Боже, как тяжело! Мы отправляемся в изгнание, и кто знает, вернемся ли?"[51]. Как видим, первоначально Нилус намеревался уехать в Сербию вместе с писателем А. Кипеном, который, в конечном итоге, остался в Одессе. Причины изменения маршрута Нилусом не установлены.

Этот же день описан в книге В. Лаврова "Холодная осень": "26 декабря (н. ст. — **В. А.**) Иван Алексеевич посетил Сербское консульство. Заплатил 10 франков и ушел с двумя визами в Белград. [...] Немного утешил Нилус — верный друг. [...] Нилус приволок два чайника того самого красного вина, которым угощать должны тех, кто не имеет претензий в случае их потопления. Отметили его отплытие в Варну"[52].

— **25 декабря.** Вера Николаевна пишет: "Вчера отбыли в Болгарию Нилус, Федоров, Тухолка, Оболенский. Должен был еще Шуйский, но он не мог войти на пароход. Петр Александрович был очень подавлен, очень волновался, почти ничего не взял с собой. Перед отъездом он вел очень

рассеянную жизнь, точно боялся быть серьезным. Я рада за него, что он все же уехал"[53]. Отметим, что запись сделана **25 декабря** (единственная запись без обозначения старого и нового стиля). Исходя из того, что предыдущая запись в дневнике датирована **22 декабря / 4 января**, а следующая 27 декабря / 9 января, можно считать датой отъезда Нилуса **24 декабря 1919 г.** или, по новому стилю, **6 января 1920 г.**

20 января 1920 г. (н. ст.) Е. Буковецкий в письме к доктору И.С. Назарову в Константинополь сообщает: "П. Нилус уехал в Варну с писателем Федоровым и еще двумя или тремя лицами. Они составят как бы миссию в Софию для информирования болгар о русских делах. Бунин до сих пор в Одессе, имеет паспорт со всевозможными визами, но медлит с отъездом. Васьковский собрался в Польшу"54. Беллетризованное описание сцены отъезда Нилуса и его прощания с Буковецким есть в книге В. Смирнова и А. Грабовского "Баранова, 27" (Одесса, 1993, с. 83). Авторы цитируют фрагмент того же письма Буковецкого к Назарову. При этом, как и В. Лавров, не указывают источник, откуда взято письмо.

Последняя из известных нам публикаций П. Нилуса в одесской печати появилась уже после его отъезда — в газете "Южное слово" от **1/14 января 1920 г.** напечатана статья "Впечатления. Выставка картин Общества независимых художников". Приводим ее с незначительными сокращениями:

"До сих пор я не могу примириться с самоопределением нашего молодого об[щест]ва художников как об-ва независимого. Я бы сказал, что это об-во исключительно зависимое, оно всецело зависит от западных течений искусства, в нем пока не родилось ничего, органически связанного с нашей страной, в частности, с Одессой, городом, во всяком случае, оригинальным, хотя и очень зависимым от запада.

Обозревая выставки наших модернистов за последние годы, приходится постоянно делать одно и то же заключение, очень досадное — общество остановилось в своем развитии: взяв за образцы Матисса, Пикассо, Сезанна, Ван Гога, Гогена и др., привнеся очень скромную долю своего творчества, оно как бы привяло, застыло. Мало того, нельзя не заметить на одесских "независимых" (Sic!) и некоего налета провинциализма. С тех пор как наша страна за время войны потеряла связь с западом, повторяю, зависимость от Парижа, оно явно приболело. Наши одесские "парижане" потеряли свежесть и повторяются, не совершенствуясь, не расширяя диапазона хотя бы и определившегося регистра.

По общим политическим причинам и старые и "молодые" одесские художники работали в отчетном году мало, и особенно молодые до такой

степени мало, что если бы не коллекция картин А.К. Драгоева, пожалуй, и выставка не могла бы состояться.

Лучшее в собрании А.К. Драгоева — это эскизы А. Бенуа к "Каменному гостю". Эти вещи плод таланта зрелого, законченного. Все то, что есть лучшего у А. Бенуа: вкус, умение, знание стиля — очень счастливо сочетаются в этих отличных эскизах, которые доставят любителям большое удовольствие.

Прелестна майолика, сделанная на заводе Мамонтова по рисунку М. Врубеля ("Лель"). С большой легкостью написан этюд И. Браза. Очень закончен маленький этюд Н. Рериха и хороша акварель И. Бродского "Цветы" (верхняя ее часть) [...]

Мне пришлось выслушать много восторженных отзывов о натюрмортах Петрова-Водкина и Машкова, что я разделяю только отчасти. Любопытно, что оба художника очень недвусмысленно обратились к так называемому "здоровому реализму". В их этюдах много яркости и силы краски, особенно у Машкова. У него к этому нужно прибавить силу молодости и здоровья, — это всегда волнует, это чудесно, но на этом все и оканчивается. И один, и другой не чувствуют общего тона, композиции, дурно рисуют. Это не небрежение формой, а просто неумение. Это скажет всякий, кто знает, что такое строгий рисунок, кто знаком с рисунком современных мастеров Европы. Натюрморт Петрова-Водкина изображает скрипку (следует описание. — **В. А.**) [...]. Рерих "Знамение" — вещь холодная и сухая [...] Нестеров "Сестрицы"[...].

Все-таки, несмотря ни на что, как всегда с известным удовлетворением смотрится гг. Гершенфельд, Олесевич; Милев сделал успех, гг. Гроссер, Кишиневский, Малик, Шклявер с раньше названными составляют, собственно, в этом году выставку "независимых". Очень любопытно — г. Олесевич написал портрет "по старинке" — скромно и непосредственно. Скажу тем, кто не знает, что талантливый г. Фазини работает в ателье художественного училища. Они [...] поняли, что без изучения строгой школы нельзя развиваться. Это старо, как мир, но к величайшему сожалению, забывается многими. Кто посильнее, талантливее — тот это чувствует".

С 14 (27) января 1920 г. газета "Южное слово" стала выходить под названием "Родное слово". Состав сотрудников — прежний, в том числе уже эмигрировавшие П. Нилус, А. Федоров, С. Тухолка...

Примечания

[1] Афанасьєв В.А. Петро Олександрович Нілус. — К., 1963, с. 24.

[2] Цит. по: Панасенко Н.Н. Бунин в Одессе: Литературно-краеведческий справочник. — Одесса, 2002, с. 101.

[3] Издательство было основано в декабре 1918 г. См.: Бельский М. Южная универсальная библиотека // Ор Самеах. — Одесса, 2007, 13 июня.

[4] Тэффи. Ностальгия. — Л., 1989, с. 352, 363.

[5] Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин. В 2-х т. — М., 2005, т. I, с. 183. (Далее — Устами Буниных. Т. 1.)

[6] Толстая Е.Д. Деготь или мед: Алексей Толстой в 1917-1919 гг. // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. — Одесса, 2004, вып.3, ч. 2, с. 70.

[7] Катаев В.П. Святой колодец; Трава забвенья. — М., 1969, с. 196.

[8] Купченко В.П. Жизнь Максимилиана Волошина: Документ. повествование. — С.Пб., 2000, с. 214-215.

[9] Устами Буниных. — Т. 1, с. 191. О собрании членов ТЮРХ, проходившем 10 апреля 1919 г., см.: Афанасьєв В.А. Товариство південно-російських художників. — К., 1961, с. 114.

[10] Копия письма находится в Отделе рукописных фондов Института истории фольклористики и этнографии им. М. Рыльского НАН Украины. (Далее — ОРФ ИИФЭ). Ф. 20, оп. 1, ед. хр. 65, л. 36.

[11] Бунин И. Окаянные дни // Русские писатели — лауреаты Нобелевской премии: Иван Бунин. — М., 1991, с. 135.

[12] Катаев В.П. Святой колодец; Трава забвенья. С. 206-207.

[13] Устами Буниных. — Т. 1, с. 190-191.

[14] Лазурский В.В. Путь к книге: Воспоминания художника. — М., 1985, с. 10.

[15] Каталог Первой Государственной свободной выставки произведений искусств. — Пг., 1919, с. 28.

[16] Устами Буниных. — Т. 1, с. 192.

[17] Там же, с. 193.

[18] Там же, с. 194-195.

[19] Собрания // Известия Одес. совета раб. депутатов. — 1919, 18 апр., № 16. (Далее — Известия...)

[20] ОРФ ИИФЭ. Ф. 20, оп. 2, ед. хр. 84. — Протокол собрания ТЮРХ. 10 апреля 1919 г.

[21] В исполкоме // Знамя борьбы. — Одесса, 1919, 20 апреля, № 13.

[22] Исключение М.Волошина // Знамя борьбы. — 1919, 25 апр., №16; Квитко И. Необходимо приступить к чистке // Известия... — 1919, 23 апр.

[23] Морфесси Ю. Жизнь, любовь, сцена // Волга. — Саратов, 1993, № 2, с. 128; об этом же: Коваленко Г.Ф. Александра Экстер в Одессе. 1919-1920 // Искусствознание. — М., 1999, вып. 2, с. 412.

[24] Бунин И. Окаянные дни // Русские писатели — лауреаты Нобелевской премии: Иван Бунин. — М., 1991, с. 107.

[25] Устами Буниных. — Т. 1, с. 197.

[26] Там же, с. 211-212.

[27] Известия... — 1919, 1 июня, № 75.

[28] Устами Буниных. — Т. 1, с. 213. А.М. Федоров жил на собственной даче. Ныне — район дачи писателей.

[29] Там же, с. 213.

[30] 1-я народная выставка картин, плакатов, вывесок и детского творчества. Июнь 1919 г.: [Каталог]. — [Одесса, 1919].

[31] Устами Буниных. — Т. 1, с. 220. Шесток и его племянница Оля — личности не установлены. Дима Лазурский — сын В.Ф. Лазурского. Рафаэль (Равчик) — внук А.М. Де-Рибаса. О нем пишет в публикуемых письмах Нилус.

[32] Там же, с. 227.

[33] Комиссия по искусству // Южное слово. — Одесса, 1919, 27 авг. (9 сент.), № 1.

[34] Восстановление высшей художественной школы и консерватории // Одесский листок. — 1919, 31 авг. (13 сент.).

[35] Судьба художественных ценностей // Там же.

[36] Выставка картин // Южное слово. — 1919, 30 авг. (12 сент.), № 4.

[37] Что дал большевизм?: Анкета "Южного слова" // Там же, 25 окт. (7 нояб.), № 55.

[38] XXIX выставка картин Товарищества южнорусских художников: [Каталог]. — Одесса, 1919, с. 14.

[39] ОРФ ИИФЭ. Ф. 20, оп. 3, ед. хр. 119. л. 126. — Список проданных с выставки работ.

[40] Мошин А. У южнорусских художников // Единая Русь. — Одесса, 1919, 9(22) окт., № 47.

[41] Рістог. 29-я выставка картин Т-ва южнорусских художников // Одесский листок. — 1919, 5(18) окт.

[42] Де-Рибас А. О цветах на лугу // Одесский листок. — 1919, 6(19) окт.; На выставке // Там же, 15(28) окт.

[43] Пребывание Нилуса в Швейцарии в 1908 г. установлено по датировке одного из его пейзажей, "La dent du Midi. Французская Швейцария" (фр. — "*Южная вершина*"). — См.: Ретроспективная выставка картин П.А. Нилуса: [Каталог]. — Одесса, 1915, № 59.

[44] Одесское общество любителей художественной старины было зарегистрировано 15 марта 1917 г. См.: Статья о внесении обществ в реестр [...] // Ведомости Одес. градоначальства. — 1917, 11 апр.

[45] Лотерея картин в пользу Добровольческой Армии // Сын Отечества. — Одесса, 1919, 4 нояб.

[46] На лотерее — выставке картин в пользу Добровольческой армии // Южное слово. — 1919, 15(28) нояб.

[47] ОРФ ИИФЭ. Ф. 20, оп. 2, ед. хр. 84.

[48] Одесские новости. — 1919, 30 нояб.

[49] Южное слово. — 1919, 28 нояб. (11 дек.).

[50] ОРФ ИИФЭ. Ф. 22, оп. 1, ед. хр. 72.

[51] Устами Буниных. — Т. 1, с. 266-267.

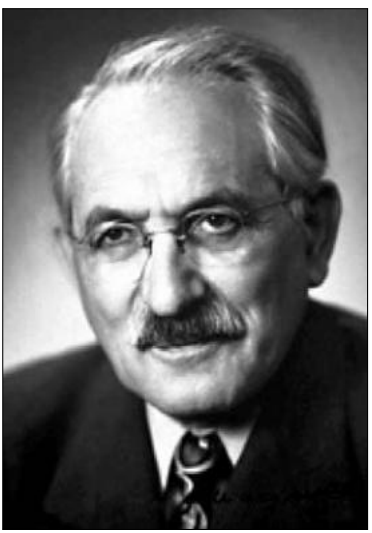
[52] Лавров В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции: Роман-хроника. — М., 1989, с. 50.

[53] Устами Буниных. — Т. 1, с. 270. Тухолка Сергей Владимирович (1874-1954) — дипломат, литератор, мемуарист. Оболенский — личность не установлена. Шуйский — личность не установлена.

[54] Цит. по: Лавров В. Холодная осень. С. 51.

Вольф ШНАЙДМАН, Мария МАРКОВИЧ

Соломон Ваксман: "Бог создал лекарства из земли"

В 2008 году исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося американского ученого-микробиолога, профессора университета штата Нью-Джерси — Ратджерс, лауреата Нобелевской премии Зелмана Абрахама Ваксмана.

Замечательного ученого хорошо знает научный мир, но знают ли его одесситы, жители города, давшего путевку в жизнь будущему лауреату? Мы постараемся помочь вам узнать как можно больше о выдающемся ученом, создавшем чудодейственное лекарство — стрептомицин.

"Одесса была широко известным портовым городом старой России. Просторные бульвары и солнечные набережные Одессы, ее порт с многочисленными кораблями, приплывающими из разных стран, ее театры и концертные залы, включая великолепный оперный театр, ее пляжи, грязелечебницы и даже трущобы — все очаровывало меня в этом городе..." (Selman Waksman, "My Life With Microbes", New York, 1954).

Эти строки написаны великим ученым, лауреатом Нобелевской премии по физиологии и медицине Соломоном Яковлевичем Ваксманом.

Читая его книгу "Моя жизнь с микробами", живо представляем себе местечко Новая Прилука неподалеку от Бердичева, где он родился 8 июля 1888 года. Когда Соломону было 9 лет, от дифтерии умерла младшая сестричка. Лекарство, которое могло спасти девочку, не прибыло вовремя из Киева, до которого было всего-то около 200 миль.

Мальчик рано научился читать и писать. Обладая прекрасной памятью, он легко овладел и идишем, и украинским, и русским, и ивритом. В двенадцать лет уже давал уроки, зарабатывая... 1 рубль (один!) в месяц. Вспоминая о детстве и юности, Соломон Ваксман зримо описывает тот

волшебный запах украинских степей, который забыть невозможно. И деревья помнит — цветущие весной яблони и сливы, груши и черешни.

После окончания в своем местечке хедера, после неудачной попытки поступить в житомирскую гимназию он решил: только Одесса может удовлетворить его ненасытную тягу к знаниям. Ничего, что денег было в обрез, ничего, что ехал в вагоне четвертого класса на верхней полке, питаясь одним чаем.

И вот она, Одесса его мечты: "Новый мир и новые горизонты открылись передо мной. Прекрасный университет и пять гимназий наполнили меня надеждой на будущее". И еще Ваксману нравилась космополитическая атмосфера Одессы, резко отличавшаяся от всего того, к чему он привык на Винничине. Учиться он пошел в вечернюю школу, где преподавали учителя, работавшие днем в престижной 5-й гимназии, которая располагалась на Гимназической улице.

В своей книге нобелевский лауреат особенно благодарит двух преподавателей: Кинджи, учителя русской литературы, и Тарнаридера, учителя математики, физики и химии. Эти наставники и другие, упоминаемые в книге, были широко образованными, мыслящими людьми, получившими дипломы в университетах Москвы и Западной Европы.

Юный Соломон любил и хорошо знал русскую и мировую литературу. Особенно любимыми были А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов.

Весна 1909 года в Одессе навсегда запомнилась Соломону Ваксману. 15 мая сотни юношей собрались для сдачи выпускных экзаменов в вечерней школе. Соломон пришел к финишу первым. Домой он вернулся героем. Мать была счастлива, друзья ликовали. Теперь осталась одна непокоренная вершина — нужно было сдать экстерном экзамены за весь курс гимназии. И опять — работа и учеба, учеба и работа.

И вдруг серьезно заболела мать. Ей нужна была операция, и сын повез ее в Винницу. Но там ей ничем не смогли помочь. Соломон везет ее в Киев. Более двух недель — все дни и все ночи — он проводит у постели мамы.

Последними словами матери был вопрос: "Кто теперь тебе поможет?". Всю ночь он провел у ее тела... Плакал. Думал о прошлом и будущем... И опять, как тогда, когда хоронили сестренку, его посещали мысли о несовершенстве медицины. Почему ни лекарства, ни операция не спасли такую молодую, такую энергичную, такую добрую маму? Вернувшись в Прилуку, отсидев семь дней "шивы", почувствовал, что оставаться в доме матери (без нее!) было невыносимо.

И осенью 1909 года Соломон опять в Одессе. Он не хотел превращаться в вечного студента и твердо решил, что этот год станет последним перед поступлением в университет. К этому времени он уже прекрасно знал и латынь, и немецкий, и французский, этику и психологию, математику и историю, географию. Феноменальная память помогала ему читать наизусть латинских поэтов, Державина и Ломоносова, Пушкина и Лермонтова. Ночами не мог оторваться от прозы Достоевского. Но — ох как тяжело было пробиться сквозь процентную норму и получить различные справки, для того чтобы быть допущенным к экзаменам! На этот раз только 40 из более чем 200 человек были допущены к заключительным экзаменам, которые продолжались четыре недели. Сначала были письменные экзамены по литературе, истории, языкам, затем — устные. Из 40 претендентов осталось только пятеро. И конечно, Ваксман был среди них. Успешно сдав экстерном экзамены, Соломон Ваксман получает диплом об окончании 5-й одесской гимназии.

Что делать дальше? Подавать документы в одесский университет? "Поступление в российский университет исключалось", — пишет Ваксман в книге, прекрасно сознавая, что процентную норму на евреев ему не одолеть. Возвращаться домой, где нет матери, — зачем? "Кем бы я мог стать? — рассуждал Ваксман. — Еще одним интеллектуалом без работы и без пристанища? Матери нет... Евреи в России живут в постоянном страхе... Нет никакой надежды на будущее". Он принимает поистине соломоново решение: оставить Россию навсегда.

Соломон Ваксман переезжает в США, в небольшой городок Метачен в штате Нью-Джерси, к сестрам своей матери. Здесь, работая на ферме, "рядом с землей я решил искать ответы на многочисленные вопросы о цикличности жизни в природе, которые начали вставать передо мной". Так он напишет в своей автобиографической книге.

В 1910 году Ваксман поступает в университет штата Нью-Джерси — Ратджерс. Получив стипендию, обеспечил себе бесплатное обучение в сельскохозяйственном колледже, который окончил в 1915 году со степенью бакалавра в области аграрных наук. Под руководством проф. Дж. Дж. Липмана начинает исследования по микробиологии почвы в качестве ассистента-исследователя на сельскохозяйственной экспериментальной станции. Это позволило ему продолжить учебу и получить в 1916 г. степень магистра.

В этом же году он становится т гражданином США и отныне именуется *Selman Abraham Waksman*.

Ваксман занимает должность научного сотрудника Калифорнийского университета в Беркли. Здесь он защищает диссертацию, становится доктором философии по биохимии и возвращается в Ратджерс в качестве микробиолога, читает лекции по микробиологии почвы в колледже. В 1925-м занимает должность доцента, а спустя год — профессора. Когда в 1940 году была организована кафедра микробиологии, Ваксман становится ее заведующим.

В университете, где Ваксман проработал до выхода на пенсию, один из авторов этой статьи познакомился с профессором прикладной микробиологии кафедры биохимии и микробиологии доктором Дугласом Ивли. Мы прошли к учебному корпусу, у входа в который установлена мемориальная доска:

"*Здесь, в Мартин-Холле, Зелман А. Ваксман и его студенты выделили антибиотики, продуцируемые актиномицитами, из которых наиболее ценным является стрептомицин, первое эффективное средство при лечении туберкулеза, холеры и брюшного тифа. Они также выделили неомицин, используемый как наиболее ценный антибактериальный агент. Эти открытия основаны на исследовательской программе Ваксмана, в которой развиты методы обнаружения антимикробных агентов в почве. Ваксман получил Нобелевскую премию за оригинальные систематические успешные исследования, которые привели к открытию стрептомицина*".

В этом же здании, в аудитории, где помещалась лаборатория, в которой ученый проводил исследования почвенных микробов, в настоящее время располагается музей Ваксмана, инициатором создания которого был проф. Дуглас Ивли. Он любезно согласился показать нам экспозицию.

Мы попытались проследить путь, приведший группу Ваксмана к открытию стрептомицина.

Свой научный поиск Ваксман начинает в университете, где будучи

студентом сельскохозяйственного колледжа, изучает группу микробов-актиномицетов, которые оказались способными подавлять рост болезнетворных бактерий. Эти исследования легли в основу его работ на соискание степени бакалавра, магистра и докторской диссертации.

На кафедре почвенной микробиологии З. Ваксман фокусирует свое внимание на исследовании почвенных микробов. Он приступает к осуществлению обширной программы поиска возможностей использования своих исследований в области микробиологии почвы для создания лекарственных препаратов. В связи с этим Зелман Ваксман писал: "Я чувствовал по своему опыту, что грибы и актиномицеты могут быть значительно более эффективными источниками антибактериальных средств, чем обычные бактерии". Другой причиной, побудившей его принять решение о переключении на новый род деятельности, была вторая мировая война, которая, как говорил он, "Маячила на горизонте и диктовала необходимость создания новых препаратов для контроля над различными инфекциями и эпидемиями, которые могут возникнуть".

Научно-исследовательская группа Ваксмана пополняется талантливыми аспирантами и сотрудниками. Около тысячи почвенных микробных культур были выделены и тестированы на антибактериальную активность.

Это был кропотливый длительный поиск. В результате были выделены 20 новых терапевтических агентов, которые оказались способными подавлять деятельность болезнетворных бактерий. Не зря в качестве эпиграфа к своей нобелевской лекции Ваксман привел выдержку из Книги Мудрости: "Бог создал лекарства из земли, и Он, Мудрейший, не будет питать отвращения к ним".

Ваксман впервые ввел в употребление термин "*антибиотики*" для микробных культур с антибактериальными свойствами, которые стали мощным оружием в борьбе с инфекциями. Кстати, создание нового слова "*антибиотик*" — тоже открытие, только уже в области филологии.

Научный коллектив, руководимый Ваксманом, неутомимо трудится. В 1941 году магистром из группы Ваксмана Бойдом Вудраффом был выделен актиномицин, активный антибиотик для борьбы с широким спектром бактерий, однако он оказался токсичным для живого организма.

(Отмечая заслуги Бойда Вудраффа, университет Ратджерс учредил персональную стипендию его имени для магистров, успешно работающих в области микробиологии почвы.)

Следующий этапом исследований явилось выделение стрептотрицина, первые испытания которого показали, что он малотоксичен, но его эффективность недостаточна. Это открытие убедило Ваксмана в правильности выбранного направления исследований и показало возможность выделения антибиотиков, которые подавляют болезнетворные организмы без побочных влияний на живой организм.

Прорыв наступил в 1943 году, когда под руководством Ваксмана его ученик Альберт Шатц выделил антибиотик, названный стрептомицином, который разрушал болезнетворные бактерии, стойкие к пенициллину, и не давал побочных эффектов.

Для дальнейших исследований эффективности стрептомицина Ваксманом были привлечены медики из клиники Майо Национальной ассоциации туберкулеза США Уильям Фельдман и Корвин Хиншоу, которые провели тесты на морских свинках. Через несколько месяцев Ваксману сообщили об излечении больных туберкулезом животных. Несколько медицинских клинических центров провели проверку чувствительности штаммов туберкулеза в организме человека к стрептомицину. Результат оказался ошеломляющим — было зарегистрировано более тысячи успешных случаев лечения туберкулеза. На первой международной конференции, где были доложены результаты клинических испытаний, была признана высокая эффективность стрептомицина для борьбы с "большой белой чумой" — туберкулезом.

Таким образом, благодаря научному поиску проф. З. Ваксмана, в 1945 году человечество получило первое эффективное химиотерапевтическое лекарство для лечения туберкулеза. Как выяснилось позже, стрептомицин успешно применялся при лечении холеры, брюшного тифа и других заболеваний. В 1949 году в лаборатории Ваксмана был получен еще один активный антибиотик — неомицин, что еще раз подтвердило эффективность разработанных Ваксманом подходов в разработке химиотерапевтических лекарств. Всего в лаборатории было создано свыше 20 антибиотиков.

Стрептомицин быстро перекочевал из стен лаборатории в промышленное производство. В течение трех лет после его открытия только в США ежемесячно производилось 25.000 кг стрептомицина. Ваксман передал эксклюзивные права на стрептомицин университету, который выплачивал авторский гонорар З. Ваксману и участникам группы по исследованию почвенных микробов.

Часть полученного гонорара Ваксман использовал на строительство

Микробиологического института при университете Ратджерс, который был открыт в 1954 году. В течение четырех лет, до выхода на заслуженный отдых, Ваксман был директором этого института. Оснащенный современным оборудованием институт существенно расширил микробиологические исследования в США.

Научный поиск под руководством проф. Зелмана Ваксмана завершился выдающимся открытием — стрептомицин оказался настоящим чудом и давал практически стопроцентный терапевтический эффект. Неисчислимое количество больных туберкулезом возвратилось к жизни.

Огромные научные достижения Ваксмана были отмечены по всему миру 66 премиями, наградами, орденами и медалями. Он был награжден орденом Почетного легиона и Звезды Восходящего солнца, удостоен медали Эмиля Христофора Ганзена Карлсбергской лаборатории в Дании, Левенгука Голландской академии наук, медали Нью-джерсийского сельскохозяйственного общества, премии Американской академии искусств и наук, многих других премий, присуждаемых различными научными обществами, академиями наук и клубами.

За выдающиеся заслуги профессору Ваксману была присуждена степень доктора Льежского, Страсбургского, Иерусалимского, Афинского, Нью-джерсийского, Принстонского, Пенсильванского, Филадельфийского, Нью-йоркского и других университетов.

Выйдя на пенсию, выдающийся микробиолог продолжал писать статьи и читать лекции в разных городах Америки.

Умер Зелман Абрахам Ваксман в 1973 году. До последних дней он оставался главой американских ученых, занимавшихся микробиологией почвы.

Нобелевский комитет высоко оценил достижения Зелмана Ваксмана, его заслуги перед человечеством, и в 1952 году ему была присуждена Нобелевская премия в области физиологии и медицины.

Мы связались с Винницей, где чтят память своего великого земляка.. Заведующий курсом туберкулеза Винницкого национального университета В.А. Кучер много сделал, чтобы ознакомить украинскую обществен-

ность с заслугами С. Ваксмана перед человечеством. В 2003 году университет провел международную научную конференцию, посвященную памяти великого ученого, с участием научных работников из США, России и Украины. Был открыт памятник З. Ваксману на его родине — в селе Новая Прилука. На конференции и торжествах по случаю открытия памятника присутствовал сын ученого, Байрон Х. Ваксман. В Винницком краеведческом музее открыта экспозиция, посвященная З. Ваксману, а одна из улиц города названа его именем. Создана эксклюзивная медаль и изданы две монографии проф. В.А. Кучера, посвященные нобелевскому лауреату.

Интересно описание церемонии вручения Нобелевской премии З.А. Ваксману. Официальная торжественная церемония Нобелевского фонда началась в половине пятого. Огромный зал, вмещающий более 1700 человек, был переполнен. Под звуки фанфар награжденные вошли в холл и встали на помост. Рядом с ними разместились многочисленные сотрудники различных университетов и институтов, нобелевские лауреаты предыдущих лет и официальные лица. Все были одеты строго официально, согласно протоколу, и при всех регалиях. Король и три члена королевской семьи сели напротив помоста. В самом начале церемонии профессор А. Уолгрин от имени Нобелевского фонда и Каролинского медико-хирургического института в краткой речи представил Зелмана Абрахама Ваксмана:

"Открытием стрептомицина д-р Ваксман и его сотрудники сделали очень важный вклад в историю медицины. Даже если бы стрептомицин не был прекрасным противотуберкулезным средством, его создание, тем не менее, означает гигантский шаг вперед. Прежде всего, его выделение потребовало создания методик, которые с успехом будут использованы для будущих исследований, которые могут гарантировать фундаментальные результаты. Можно надеяться, что этот подход приведет в ближайшем будущем к столь желанной цели, а именно к созданию средства, которое сделает возможным уничтожение туберкулезной болезни.

Профессор Зелман Ваксман, Каролинский медицинский институт присудил Вам Нобелевскую премию этого года по физиологии и медицине за Ваши оригинальные, систематические и успешные исследования микробов почвы, которые привели к открытию стрептомицина, первого антибиотического средства против туберкулеза.

Несмотря на то, что Вы не физиолог и не врач, Ваш вклад в развитие медицины имеет первостепенную важность для человечества. Стрептомицин уже сохранил тысячи человеческих жизней. Как врачи мы считаем

Вас одним из величайших благодетелей человечества. Я имею честь передать Вам от имени Каролинского института нашу самую искреннюю благодарность за Ваши научные достижения и поздравить Вас с награждением. Профессор Ваксман, теперь я прошу Вас получить Вашу Нобелевскую премию от его величества короля".

Ваксман направился в центр, где на подмостках сцены была изображена большая буква N. Король, сидящий в правой части сцены, поднялся с кресла, взял у церемониймейстера Почетный диплом и золотую медаль и направился к лауреату. Под звуки фанфар вручил ему отличия, пожал руку и пожелал благополучия. Затем лауреат поклонился, отошел назад к возвышению. Поднялся на него, снова поклонился королю и под гром аплодисментов прошел на свое место.

Репортеры разыскали маленькую Еву Хеллстром, которая первая в Европе была спасена от туберкулезного менингита стрептомицином, и привели ее, чтобы сфотографировать вместе с Ваксманом.

Предсказания доктора Уолгрина об успешности использования достижений Ваксмана для будущих исследований и получения фундаментальных результатов стали реальностью во многом благодаря Фонду микробиологии Ваксмана.

Этот фонд был создан в 1951 году из личных доходов проф. Ваксмана от патентов. Фонд является семейным и профессиональным наследием.

Это частная благотворительная организация, цель которой — "продвигать, поощрять, и оказывать помощь научным исследованиям в микробиологии; помогать в обеспечении капиталом и средствами обслуживания научным открытиям, изобретениям в микробиологии, чтобы наука микробиология могла прогрессировать на благо человечества".

Фонд и сегодня поддерживает исследования и образование в области микробиологии, включая медицинские дисциплины, сельскохозяйственные проблемы, почвенную микробиологию, морскую микробиологию и разнообразные экологические программы, связанные с изучением взаимодействия микробов с окружающей средой.

Фонд учредил два престижных приза имени Ваксмана:

— Национальной академии наук за достижения в микробиологии

— Прикладной микробиологии в области образования.

Зелман Ваксман являлся президентом фонда с 1951 по 1969 гг. Затем его сменил сын Байрон Ваксман, выдающийся иммунолог, который сейчас является вице-президентом фонда. Байрон Ваксман прошел путь исследователя в Массачусетском центральном госпитале, профессора в Ме-

дицинской школе Гарвардского и кафедры микробиологии Йельского университетов. Будучи пенсионером, Байрон и сейчас консультирует сотрудников лаборатории рассеянного склероза в Гарвардском университете, редактирует научные статьи и читает научные лекции.

Внучка, Нэн Ваксман Шанбахер, является вице-президентом и главой администрации, а внук Питер Ваксман — членом администрации Фонда микробиологии.

Нэн с удовольствием поделилась с нами воспоминаниями о дедушке. Она помнит его в строгом костюме, всегда при галстуке, правда, часто со следами кухни, где он сам готовил котлеты.

Оказывается, у З. Ваксмана был глубокий интерес к иудаизму, хотя, по мнению внучки, он не был религиозным человеком. Он успешно помогал Израилю не только в создании плодородной почвы, но и в строительстве нескольких университетов.

Внучка отлично помнит, какие газеты читал дедушка, какие книги были в его библиотеке. И каким он был усталым, особенно в последние годы. Интересны для нас воспоминания Нэн о дедушкином английском. Она считает язык его книг и статей превосходным. "Но сильный акцент у него сохранился",— добавляет она.

В июле 2007 года на встрече с журналистами, которые обратились в одесский муниципалитет с просьбой установить мемориальную доску, ректор Аграрного университета обещал в 2008 году открыть музей истории гимназии и института.

Авторы надеются, что в музее истории бывшей 5-й одесской гимназии найдется место для экспозиции, посвященной З.А. Ваксману, а на стене здания появится мемориальная доска с именем нобелевского лауреата.

Несомненно, д-р Зелман Абрахам Ваксман займет должное место среди знаменитых одесситов.

Очень хотелось бы, чтобы, зайдя в здание Аграрного университета (5-я гимназия), одесситы и гости Одессы могли увидеть в музее историю провинциального мальчика, которого мир зовет "благодетелем человечества".

Мы глубоко признательны проф. Ивли, проф. Кучеру, сыну и внучке Зелмана Абрахама Ваксмана, которые способствовали написанию этой статьи.

США

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

И книжному искусству вразумил…

Посвящается Сергею Зеноновичу Лущику

Как начиналось приобщение, любовь к старой книге? Пожалуй, с маленького серого чемоданчика. Такие чемоданчики были очень популярны в конце пятидесятых — начале шестидесятых. Они заменили портфели — кейсов и кофров тогда у нас еще не знали. В них носили книги, конспекты, ездили в короткие командировки. Это были уменьшенные копии больших "фибровых" чемоданов, неоднократно упомянутых в литературе, начиная с двадцатых годов. И непременно невыразительного коричневого цвета.

А этот был серенький, в мельчайшую черную точечку. Поэтому казался по тем временам очень элегантным.

Я уже месяц училась в Ленинградском университете. Однажды позвонил Женя Голубовский и попросил зайти в дом номер такой-то на Васильевском острове за оказией, за серым чемоданчиком. Письмо с разъяснениями — там же.

Я отправилась на одну из последних линий Васильевского острова, ближе к Гавани, нашла номер дома и оказалась в маленькой комнате коммунальной квартиры. Меня встретил ее хозяин Саша Олейников и его спутница Лана, которая и привезла из Одессы этот чемоданчик. К моему удивлению, они смотрели на меня с каким-то непонятным интересом и взахлеб начали говорить о содержимом чемоданчика!

Оказалось, что Женя Голубовский очень хочет приехать в Ленинград, но денег, естественно, нет, и он решился на совершенно безумный жертвенный поступок — продать в Питере несколько книг (это и было содержимое чемоданчика!) из своей уникальной библиотеки. Он бросился искать оказию, и его (а позже и моя!) добрая приятельница Нонна Манн сказала, что возвращается в Питер подруга Саши Олейникова. Уже позже я узнала, что Саша Олейников был сыном одного из обериутов — Николая Олейникова, а с Сашей и его матерью Ларисой Александровной, вдовой погибшего в застенках НКВД поэта, жившей в Одессе, Нонна дружила до последнего ее часа. Женя тоже был знаком с Олейниковым-младшим, поэтому, не колеблясь, вручил свое сокровище в надежные руки, попросив Сашу посмотреть книги и посоветовать, в какой букинистический магазин лучше их отнести.

Стал понятен их интерес к моей скромной особе, как-то повинной в этом страстном безрассудстве Голубовского — расстаться с такими книгами!

Посоветовавшись друг с другом, Саша с Ланой отправили меня на Литейный проспект к Алику Р., который, как позже, уже освоившись в Питере, я узнала, был такой же знаменитой личностью среди книжников, как замечательная бессменная Люся в отделе поэзии Дома книги на Невском.

Вот я и отправилась с серым чемоданчиком на Литейный проспект.

Должна признаться, что до этого случая в букинистические магазины я заглядывала редко. Иногда захаживала в одесский букин на Преображенской, потом там долго был магазин книг из стран Варшавского договора, радовалась, когда покупала там книги, не старые, но подержанные. Так радовалась двухтомнику А. Куприна или первому тому стихов Блока из двухтомника! Многотомные собрания сочинений были еще впереди.

Естественно, я рассматривала лежавшие под стеклом раритетные книги с пугающими ценами, но ни разу не решилась попросить какую-нибудь из них в руки. Денег таких у меня не было.

Кроме того, признаюсь, что читавшая запоем с самого раннего детства, в те юные годы я была полным профаном в искусстве книги, тем более букинистической. Естественно, старые книги у нас дома — "Робинзон Крузо" или"История одного ребенка" А. Доде с пожелтевшей бумагой, твердыми переплетами, золотыми обрезами, с гравюрами — завораживали, но все же главным для меня оставался текст, пусть в мягкой обложке, напечатанный хоть на газетной бумаге.

Конечно, я перебрала все книги в чемоданчике, некоторые имена мне были знакомы, какие-то я прочла впервые. Это были прижизненные томики стихов поэтов Серебряного века и несколько книг по искусству того же времени. Не помню, но, думаю, что какие-то приблизительные цены для меня, неразумной, были указаны рукой владельца.

Словом, я явилась в знаменитый букин на Литейном, прошлась по его витринам — с астрономическими ценами — и шагнула к прилавку, смущенно попросив общения с Аликом Р.

На меня посмотрели недоверчиво, но мэтра позвали. Я робко пролепетала, что хотела бы предложить старые книги. Чемоданчик был открыт, и я увидела, что у букиниста задрожали руки. Ему принесли не один какой-то сборничек, а стопку превосходных редких книг! Он их перебирал, поглаживал, спрашивал, есть ли что-то еще, даже называл какие-то книги. Я постепенно обретала уверенность в разговоре с ним.

Наконец подошли к деликатному вопросу — оценке книг. И тут, как говорили когда-то в Одессе, "жадность фраера сгубила!".

Алик Р. взял в руки книгу, оказавшуюся сверху, монографию о двух художниках начала XX века с их литографиями и автографом одного из художников, посмотрел на меня и по-царски сказал: "Двадцать пять рублей!". Я вмиг повзрослела, стала библиофилом, Цербером библиотеки Голубовского! Как мне хватило выдержки и актерства спокойно забрать книгу из его рук, сложить все в серый в маленькую черную точечку чемоданчик, церемонно произнести: "Благодарю!" — и выйти на продутый ветрами с Невы Литейный?! "Куда же Вы?!" — неслось мне вслед. Я даже не оглянулась. Это был 1960 год. До хрущевской денежной реформы, превратившей двадцать пять рублей в два рубля пятьдесят копеек, оставалось три месяца...

Уже позже, когда у мужа появлялось желание приобрести какой-нибудь книжный раритет, а денег не было, он тоскливо подходил к книжным полкам, выбирая, что бы отнести в букин. Но тут я становилась цербером у полок, напоминая, кто спас содержимое серого чемоданчика...

Прошло несколько лет, и сохранившемуся серому чемоданчику пришлось еще раз нам послужить. Недавно, проводив в Москву гостившего у нас Юлика Златкиса, я вспомнила о сером чемоданчике. Возвращаясь с вокзала, мы прошли вдоль книжных развалов на Куликовом поле. Я с тоской смотрела на невостребованные книги и вспоминала, как в прежние годы мы гонялись за этой и той, какой радостью была их счастливая покупка, а вот эти мы читали на машинописных страничках самиздата. Сколько людей поплатилось лишениями, преследованиями, поломанными судьбами за эти книги! Как однажды, когда тучи сгущались над нашими головами, пришел Юлик и самоотверженно вынес из нашего дома тот серый чемоданчик, наполненный самиздатом, в более спокойное, чем наш дом, укромное место. Мы и помыслить не могли, что будут лежать на развалах книги, которые мы с таким трудом, подчас риском добывали — хотя бы на одну ночь, — а мимо них будут равнодушно проходить их "нечитатели"...

Вспомнилось, как на даче я прятала в выкопанную ямку укутанного в полиэтилен Набокова, его "Приглашение на казнь" в самиздатовском фотографическом варианте, чтобы книга не попала в чужие злые руки. Как будто можно было что-то утаить от "их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей". Но все же как-то удавалось! Сейчас это кажется абсурдом, нелепостью, но так мы жили...

Во время приезда на каникулы, а потом после окончания университета и возвращения в Одессу началась новая жизнь среди старых книг. Не только книг, собранных моим мужем, но и книг наших многочисленных друзей, книг в одесском букинистическом магазине, который к тому времени перекочевал уже на Греческую площадь, и две его хранительницы — Валентина Ивановна Меленчук и Ирина Михайловна Дробачевская — стали неизменными участницами нашей жизни.

Нет, конечно, жизнь с книгой началась в раннем детстве, продолжалась в юности, до Жени Голубовского.

Многое из того, что будет мною прочитано позже, сначала было услышано.

Однажды в Гипрограде, где я работала до поступления в Ленинградский университет, войдя в одну из комнат, я увидела сгрудившихся над чьим-то столом архитекторов и услышала взрывы смеха. Я подошла ближе, и до меня донеслась фраза: "Я поставлю вам, Эйхбаум, памятник из розового мрамора!". Новый взрыв смеха! Я присмотрелась и прислушалась. Чтение продолжалось: "Я сделаю вас старостой Бродской синагоги. Я брошу специальность, Эйхбаум, и поступлю в ваше дело компаньоном. У нас будет двести коров, Эйхбаум. Я убью всех молочников, кроме вас".

Так я впервые услышала эти строки и это имя — Исаак Бабель. Не знаю, кто был счастливым обладателем только что вышедшего первого сборника писателя, погибшего в застенках НКВД семнадцать лет назад, но и это имя, и эти строки, и счастливые лица слушателей — они все были старше меня и читали Бабеля еще при его жизни, и радовались его возвращению из кромешной насильственной тьмы забвения, — запомнила навсегда.

Теперь, проходя по Преображенской мимо современных витрин магазина "Фокстрот", я вспоминаю, как когда-то на этом месте за старым окном Гипрограда я впервые услышала — *Бабель*!

Думаю, не только я, но и многие мои сверстники впервые не прочитали, а услышали стихи Лорки, Гильена, Жака Превера и многих других замечательных поэтов с эстрады — в исполнении Вячеслава Сомова. "Колоколам Кордовы зорька рада, в колокола звонкие бей, Гранада...", "...Зеленая длинная ящерица с глазами, как влажные камни...". "Как поймать птицу" — "Сперва нарисуйте клетку с настежь раскрытой дверцей, потом нарисуйте что-нибудь красивое и простое...". Зал филармонии всегда был полон. Это был театр одного актера — читавшего, напевавшего, пританцовывавшего на сцене. Помню, афиша — вновь концерт В. Сомова. В Одессе — тропический ливень! Зал филармонии почти пуст. Сомов выходит на

сцену и приглашает всех собравшихся пересесть из отдаленных мест в первый ряд. Кажется, так заполнены были первые два ряда. В благодарность своим — не испугавшимся ливня! — слушателям Сомов читал особенно вдохновенно. И долго! Пока не окончился ливень. Голубовский тоже помнит этот сомовский вечер с ливнем, возможно, мы даже сидели тогда поблизости, но еще не знали друг друга.

Как-то в Ленинграде увидела знакомую афишу. Пошла. Впечатление было совсем иным, чем в Одессе. Больше "на Сомова" я не ходила...

После возвращения в Одессу, после ленинградских библиотек, я оказалась среди книжных сокровищ, к которым легко было протянуть руку либо взять на вечер, на несколько дней в домашних собраниях друзей. Книжные шкафы, длинные ряды полок до самого потолка (очень высокого) на Кузнечной, огромная библиотека на Успенской в доме Добролюбских, книги на Уютной — у Сергея Зеноновича Лущика — и собрания книг у многих других друзей, чьи сокровища всегда были приветливо тебе открыты, где невозможно было представить себе нелюбезное предупреждение: "Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!" — потому что самые редкие, самые ценные книги для работы, для чтения тебе предлагались тут же, без заминок и унизительных условий и предупреждений.

У каждого были свои предпочтения, кто старался собрать "всего Кузмина" и "всего Эренбурга", начиная от его первых сборников стихов, как Олег Константинович Добролюбский; кто среди прочего собирал издания "Academia", кто имел все основания гордиться своей пушкинианой, как Валентина Ивановна Меленчук и Иван Михайлович Федорков, причем собиратели одной темы всегда помогали друг другу, — если в собрании уже была какая-нибудь редкость, то о появившейся на книжном горизонте такой же непременно сообщали собрату; кто собирал прижизненные сборники поэтов Серебряного века — от символистов до футуристов, кто редчайшие одесские альманахи начала двадцатого века и книжечки издательства "Омфалос", кто, как Миля Шаргородский, — наполеониану...

Букинистический магазин в полукруглом доме на Греческой стал пристанищем, очагом, к которому тянуло многих. И нас в их числе, посмотреть, что нового из старых книг появилось, встретить знакомых, поделиться новыми книжными радостями, встретить радушие "дам из букина", как в библиофильской среде с любовной иронией называли Валентину Ивановну Меленчук и Ирину Михайловну Дробачевскую. Обе пре-

красно знали книгу, знали вкусы и пристрастия своих постоянных посетителей, и редкие книги не попадали в случайные руки, откладывались для настоящих ценителей и собирателей. Причем эти раритеты чаще всего оставались именно в одесских коллекциях, а не уезжали в другие города, — Валентина Ивановна и Ирина Михайловна, кажется, знали в лицо всех "варягов", перекупщиков, приезжавших из столиц за добычей и уезжавших не солоно хлебавши. Так, пусть по крохам, но сохранялось одесское культурное пространство.

Кого только не встретишь в гостеприимном букине — известных библиофилов и молодых неофитов, только начинающих собирать старые книги. Дети одесских библиофилов, и среди них наша Анечка с младенческого возраста, тоже были постоянными посетителями этого теплого радушного дома старой книги на Греческой площади. Сколько замечательных детских книг, купленных в букине, прочитанных многократно в детстве Анечкой, теперь перешли по наследству к Сонечке!

Старые книги попадали в нашу библиотеку не только из букина.

В те годы были в Одессе книжные "коробейники", разносившие книги по знакомым домам. Среди них выделялся человек, возраст которого определить было невозможно, звали его неизменно — Шурочка! Внешне он напоминал Акакия Акакиевича Башмачкина, только в еврейском варианте. Он бочком входил в дверь, никогда не присаживался, говорил тихим голосом, лишенным интонаций, бережно доставал из мешочка (!) книги. Никогда там не было каких-то раритетов, но хорошие старые книги Шурочка носил в своем мешке. И в отличие от других разносчиков, книги не продавал, а давал почитать. У него была тетрадь, куда записывалось, какая книга, кому, на сколько дней выдана, у него была своя такса. Такая "ходячая" библиотека. Эта тетрадь для Шурочки была самой большой ценностью. Всю жизнь он ее совершенствовал, эту тетрадь-каталог, куда только по ему одному понятной системе были внесены все книги, которые он хранил и которые давал читать. Мы и наши друзья всегда что-нибудь у Шурочки брали, чтобы его поддержать. Кажется, это был его единственный заработок, к тому же, помнится, на попечении Шурочки была больная сестра...

Иногда же книги приходили самым невероятным образом.

Однажды Жене позвонила какая-то дама и назвала адрес человека, который продает старую книгу И. Бунина. Нужно ли говорить, что Голубовский помчался на далекую одесскую окраину!

Открыл ему дверь человек с помятым лицом и сразу же спросил: "Принес?!". В жажде хотя бы увидеть, не то что получить в руки книгу,

не обращая внимания на фамильярное "принес", уверенный, что владелец книги имеет в виду деньги (хоть было непонятно, сколько он запросит), Женя ответил утвердительно — принес!

— Где же она?!

— Кто?! Что?!

— Как что? Бутылка! Водки! Иди купи!

И обескураженный Голубовский помчался за водкой. Только получив испепеляюще желанную бутылку, человек дал книгу.

Это было парижское издание 1935 года "Жизни Арсеньева". Только трясясь в набитом автобусе по дороге домой, Женя увидел на титульном листе автограф нобелевского лауреата...

Ни копейки больше хозяин книги не взял и путано рассказал ее историю. В дом, где жила его мать, в послевоенные годы поселили даму, вернувшуюся на родину из Франции. Поняв, куда она вернулась, дама остаток лет прожила, почти не общаясь ни с кем из соседей, не открыв привезенные с собой чемоданы и сундук. После ее смерти соседи разобрали их содержимое, а "моей нерасторопной (он сказал грубее) матери досталась только эта книжка!".

Женя долго испытывал неловкость из-за того, что книжка так дешево ему досталась. Когда мне надоел этот "мильон терзаний", я сказала: "Слава Богу, что она сохранилась у тебя! Он ее мог даже не за бутылку водки, а за шкалик отдать какой-нибудь тетке, и она бы вырывала страницы одну за другой на кулечки, в которых бы продавала семечки или рачки. А может, селедку!".

Естественно, что постоянные покупатели, завсегдатаи букина, были неизменными посетителями, активными участниками и заинтересованными слушателями многочисленных собраний секции книголюбов Дома ученых. Правда, и здесь наблюдалось "сообщение сосудов" — "Книголюбы" часто перетекали в "Одессику" и наоборот.

Два вечера по вторникам был сакральными. Если я почему-то оставалась дома, а по телефону разыскивали моего мужа, я отвечала: "Он на "Книголюбах"!". "Ах, да, сегодня же вторник!" — спохватывались на другом конце провода.

Недавно вышла замечательная книга Сергея Зеноновича Лущика, в которой с безупречной точностью и пунктуальностью написана вся история секции книголюбов при одесском Доме ученых. Можно ли что-то еще к ней добавить? Вряд ли. Разве что какие-то штрихи ее — секции — "неофициальной" истории.

Мы, слушатели, а не докладчики (кажется, из наших друзей — не членов секции — только Ксана Добролюбская однажды выступила перед высоким собранием с докладом о новинках французской литературы), были тогда молоды, смешливы, ироничны. Был грех — мы обменивались друг с другом ироническими замечаниями по поводу поздравительных посланий, которые ко всем праздникам рассылал первый председатель секции Исаак Львович Дайлис. Немолодой человек, он старательно вырезал из журналов картинки, наклеивал их на плотную бумагу и надписывал мелким почерком самые добрые пожелания. Нам это казалось стариковским чудачеством, мы читали друг другу эти пожелания — все были совершенно индивидуальны, нам они казались смешными. По непростительной молодости мы не понимали, что для пожилого профессора это была попытка скрасить свое одиночество...

Зеленая гостиная Дома ученых часто не вмещала всех желающих вкусить от этих библиофильских пиршеств. Пожилые и молодые, собиратели и просто читатели занимали все кресла, стояли в проходе между креслами и высокими окнами бывшего особняка графа Михаила Дмитриевича Толстого, знаменитого библиофила дореволюционной Одессы.

Сколько замечательных встреч с приезжими гостями — коллекционерами, литературоведами, писателями — прошло в Зеленой (иногда в Ореховой) гостиной! Сколько незабываемых вечеров с интересными докладами одесских библиофилов! Пожалуй, среди самых увлекательных были завершающие год собрания книголюбов — "Находка года" — самая интересная книга, приобретенная в уходящем году. Сколько волнений дома накануне, что именно выбрать, какую книгу, сколько волнений в зале — что покажет, чем похвастает собрат-библиофил. Это не была ярмарка книжного тщеславия — это была искренняя, ни с чем не сравнимая любовь к Книге!

И смешные эпизоды переплетались с высокими книжными материями.

...Натан Маркович Спектор на очередном заседании рассказывает о рижском довоенном (то есть еще в буржуазной Латвии) издании двухтомника мемуаров Казановы. Зал полон! Мы же весело наблюдаем, с каким почти детским интересом слушает Натана Марковича, задает вопросы Олег Константинович Добролюбский, продолживший пополнение библиотеки своего отца, историка, профессора Константина Павловича.

Библиотека Добролюбских была не только огромна, славилась и раритетами, и тем, что, кажется, в ней можно было найти все — классиче-

ские бульварные романы начала двадцатого века или такие легендарные книги, как "Любовник леди Чаттерлей" Д. Лоуренса того же рижского довоенного издания — чуть ли не первый скандальный откровенно эротический роман прошлого столетия. Много лет спустя мы познакомились с Татьяной Ивановной Сухомлиной-Лещенко, известной переводчицей Ж. Сименона и У. Коллинза. Еще живя в эмиграции, она перевела роман Д. Лоуренса на русский язык. Татьяна Ивановна не скрывала изумления — кто-то помнил и читал в ее давнем переводе роман о судьбе Констанции Чаттерлей.

Мы зачитывались "Иллюстрированной историй нравов" Э. Фукса и вышедшими в начале тридцатых годов романами Олдоса Хаксли "Контрапункт" и "Шутовской хоровод", томиками Анри де Ренье... Сколько редких прекрасных книг было прочитано из этой библиотеки! Именно в библиотеке Добролюбских мы впервые прочли и двухтомник Казановы. Сам владелец даже не всегда помнил все сокровища, которыми обладал, — так огромна была эта библиотека.

Нужно ли говорить, что эта любовь к книге, к редкой старой книге, сближала людей, разных по возрасту, профессиям, достатку, а часто перерастала в многолетнюю драгоценную дружбу.

Общение не ограничивалось только Домом ученых или букином. Позвать к себе или с нетерпением пойти к друзьям, чтобы посмотреть, подержать в руках, с трепетом листать страницы какого-нибудь приобретенного раритета, рассматривать сохранившийся экслибрис былого владельца, читать дарственные посвящения, — это были блаженные минуты библиофильского счастья!

А эпопея, связанная с искусством переплетчика, которое освоил Иван Михайлович Федорков! Светлый человек! К Ивану Михайловичу относились с любовью все — мне даже трудно себе представить, что у Ивана Михайловича могли быть недоброжелатели. А через много лет к нему пришли грабители — убийцы...

Иван Михайлович Федорков, полковник медицинской службы, собирал русскую живопись и графику. И книги.

Однажды Иван Михайлович приобрел маленький переплетный станочек, начал спасать свои старые книги, потом вошел во вкус и, будучи человеком щедрым и радушным, начал предлагать друзьям-книголюбам свою помощь — собирать под переплетом страницы рассыпавшихся поэтических сборников, старых альманахов, редких журналов...

Мы ходили к Ивану Михайловичу любоваться его заново "приодетыми" книжками, переплетным станочком. Но я еще не подозревала, как это скажется на мне.

Прошло какое-то время, и вдруг мой муж, заводя разговор издалека, начинал меня убеждать, что "Эта блузка (одна, другая, следующая), по-моему, тебе не идет!" — "Как это не идет?! Это моя любимая блузка!" — "Нет, она тебе явно не идет к лицу!" — "Мои элегантные блузки из Милана, подарки от моей Эвелины, мне не идут?!". Убедившись, что обида на "не идут!" слишком велика, муж начинал заходить с другого конца. "Бедный Георгий Слиозберг! Если бы он знал, что у меня такая жадная жена!" — "Какой еще Слиозберг?!" — "Как это, какой Слиозберг?! Посмотри на его "Тоску сазандари", Кусикову, между прочим, посвященную, — вся рассыпается! Тебе не стыдно, тебе не жалко Слиозберга?!".

Так не только "Тоска сазандари" Георгия Слиозберга, но и многие другие поэтические сборники вместе с моими блузками, цветастыми юбками, с рубашками мужа "в клеточку" и "в полосочку" отправлялись к Ивану Михайловичу, одевались в любовно сделанные им переплеты. Что-то из нашего гардероба дарилось самому Ивану Михайловичу для переплетов его книг. И в этот раз не обошлось без взаимовыручки книголюбов, вернее, их жен, отдававших мне какие-то текстильные сокровища — на переплеты!

Так и стоят на полках среди старых книг и те, что своими обложками напоминают не только о некогда любимых блузках, но, конечно, прежде всего, об Иване Михайловиче... Светлая ему память!

Общение со старыми книгами и книголюбами не ограничивалось только Одессой. Куда бы мы ни ехали, Женя всегда находил родственные души книголюбов. Одно из самых ярких питерских воспоминаний — любезное приглашение в гости от Моисея Семеновича Лесмана. "Открывайте шкафы, прошу вас, смотрите!" — широким жестом хозяин уникальных книжных сокровищ открывает нам путь к своим владениям. Я подхожу к одному из книжных шкафов, наугад беру с полки книгу, открываю ее и на пожелтевшем титульном листе (кажется, это был учебник русской грамматики) читаю надпись детским почерком, сделанную почти два столетия назад, — "Из книг Миши Лермонтова". Сердце замерло.

Какой полной и счастливой была жизнь среди книг, среди собирателей, среди подлинных знатоков и ценителей старой книги в нашем городе!

И как мало их осталось...

P. S. Много лет я старалась вспомнить автора и название книги, прочитанной очень давно, и все пытала мужа совершенно бессмысленными вопросами: "Как же называлась эта книга, которую мы брали у Ксаночки, — там была какая-то яркая обложка, по-моему, оранжевый жираф. Ничего не могу вспомнить, помню только, что мы очень смеялись, читая ее". Я даже показывала на пальцах квадратный формат книги. Естественно, на такой вопрос ответить невозможно. Недавно я опять вспомнила эту книгу и говорю: "Там было какое-то странное название — слово через черточку, а может, через две-три?". "Не помню", — отвечает муж.

Далась мне эта книжка! Помню, что читала ее жарким летом, таким же раскаленным, как тот оранжевый жираф... Прошло еще какое-то время. Вдруг Евгений Михайлович за завтраком произносит: "Франс Элленс. "Басс-Бассина-Булу". Это был перевод Эренбурга".

Я обомлела и восхитилась одновременно — вот это память книжника!

Валерий ХАИТ

Два одесских рассказа

Абитуриенты

Катер ходил в Овидиополь каждый час, так что опоздать было невозможно. Папку с документами и бутерброд я положил в свой школьный портфель и пошел на причал. Было начало июля, я не торопился, тени от коротко подстриженных шелковиц как раз хватало на ширину цементного тротуара, я шел, помню, чего-то напевая, утро было прекрасным и к тому же неповторимым: я отправлялся в замечательный город Одессу подавать документы в политехнический институт. На факультет атомной энергетики, между прочим. Теперь нужно вспомнить, был ли такой факультет в одесском политехе в те годы... Ладно, если его и не было, все равно что-то, связанное с мирным атомом, было.

Эта деталь важна, чуть позже станет ясно, почему.

Я прошел мимо крепости, постоял немного над обрывом, посмотрел по привычке налево — видны ли сквозь туман Чаиры, большой рыбацкий поселок на берегу Лимана. Так, не видны, значит, сегодня будет отличный клев. Жаль, без меня...

Я спустился к пристани и увидел, как к причалу подходит катер из Овидиополя. Прибывшие пассажиры вышли, я ступил на сходни, и вот мы уже плывем, я стою на верхней палубе, на Лимане мертвый штиль, катер аккуратно разрезает воду, потом я смотрю назад и вижу, как постепенно уменьшаются в размерах крепостные башни и деревья на берегу. Через сорок пять минут мы уже в Овидиополе, и тут нужно исхитриться выйти одним из первых, поскольку такси всегда не хватает, а мне в Одессу надо позарез, и пораньше. К счастью я все-таки подсаживаюсь четвертым чуть ли не в последнюю машину, отдаю приготовленные два рубля, и мы едем по знакомой дороге. Проходит минут сорок, начинаются пригороды, еще минут десять — и мы уже у Привоза...

Дальше я помню хуже, вот разве что осталось в памяти, как, придя в приемную комиссию политеха, я вдруг узнал, что поскольку факультет "атомный", то мне обязательно нужно пройти флюорографию, а результат только завтра, а спать мне негде, словом, проблемы. Я совсем было огорчился, но тут парень, тоже, видимо, из приезжих, сказал мне: а пошли в строительный, там, кажется, никакой рентген не нужен. Я присоединил-

ся и безо всяких проблем в течение часа сдал документы. С легкостью, обратите внимание, отказавшись от мечты служить мирному атому. Правда, причина у меня была весьма уважительная. Я должен был вернуться в этот же день не только по причине отсутствия ночлега в Одессе. Меня ждала Л., правда, не совсем меня, просто я знал, что она в этот вечер обязательно будет на летней танцплощадке Дома культуры. А значит, и я буду ее приглашать, во всяком случае, модный тогда вальс-бостон "Грустные ивы склонились к пруду..." будет мне с нею обеспечен...

Впрочем, этот рассказ совсем о другом, тем более что об Л. писать мне сложно, давным-давно все выгорело, да к тому же и сам я во многом виноват...

Обратный путь был тоже недолгим...

Оставшаяся часть лета перед вступительными экзаменами промелькнула быстро, я ловил лиманских бычков с лодки, ездил на Бугаз к морю, а по вечерам с помощью Л. совершенствовался в вальсах и фокстротах. У нее вроде был где-то жених... все-все, я же обещал об этом больше ни слова...

В Одессе всех абитуриентов поселили в институтском общежитии на Комсомольской, нас в комнате оказалось четверо. Два друга — Боря и Эдик, кажется, из Измаила, я из Аккермана и то ли Олег, то ли Алик, не помню, вроде бы из Николаева. Первые двое были крепкие спортивные ребята, они носили яркие почти одинаковые футболки, лишь подчеркивающие их мускулатуру. Олег (или Алик) был им полной противоположностью: вялые пухлые руки, черный костюм (летом!), под пиджаком модная нейлоновая рубашка с узким черным же галстуком. И еще я запомнил, что у него было какое-то чересчур бледное лицо, с каким-то (простите за штамп) болезненным румянцем. Он был тихим и очень интеллигентным, с утра до вечера куда-то уходил, говоря, что идет заниматься к одесским знакомым. Мы же — Боря, Эдик и я — изо всех сил грызли гранит науки. Я имею в виду науку поступления: писали "шпоры", нашивали на внутренней стороне рубашек карманчики для них, пытались гонять друг друга по всей программе. Тут, нужно признаться, они оказались гораздо более подготовленными, чем я, и мне даже было не совсем понятно, зачем они пишут шпаргалки. Они вообще были очень начитанные, уверенные в себе ребята, я помню, очень завидовал этой их уверенности и бойкости. Да, да, во мне до сих пор живо ощущение блеска, с которым Боря и Эдик отвечали на вопросы билетов, какая у них была точная речь, как они здорово шутили. И то, что они получили тройки по сочинению, было для меня полной неожиданностью. Но не для них. Боря и Эдик знали и то, что хотя из

всех одесских вузов наибольшее число евреев брали именно в строительный, но все же далеко не всех, не всех...

Мы же с Аликом получили по четверке, у него с графой вообще было все порядке, я же, как догадался значительно позже, был, в отличие от Бори с Эдиком, в конце алфавитного списка. И возможно, к "моей" букве необходимый отсев уже заканчивался. Ребята понимали, что дело плохо, проходной балл был 23 из 25, но все же они решили попытать счастья дальше. На следующем, уже устном экзамене, кажется, на химии, я готовился к ответу в одно время с ними и помню, как здорово они отвечали, причем без всяких шпаргалок. Преподаватель вроде бы их даже похвалил, но в экзаменационных листах аккуратно вывел каждому по "хорошо". На следующее утро они забрали документы и уехали.

Потом я даже пытался разузнать, что стало с Эдиком и Борей. Кто-то рассказал, будто бы после неудачи в Одессе они тут же поехали в село Петровку, где был то ли строительный, то ли сельскохозяйственный техникум. И поступили, конечно...

Итак, мы с Аликом остались в общежитии одни, точнее, я остался один. Поскольку к концу экзаменов он даже ночевать перестал приходить. Я не знал, сколько у него было баллов, но раз он продолжал сдавать экзамены, значит, шансы имел.

Вечером накануне последнего экзамена я услышал на нашем этаже какой-то шум и громкие голоса. Выйдя в коридор, я увидел коменданта общежития, двух милиционеров и группу явно чем-то возмущенных абитуриентов из других комнат.

"Ты в этой комнате живешь?" — спросил комендант. Я кивнул. "У тебя ничего не пропало?" — "Да вроде нет... А что?..." Выяснилось, что у многих ребят на нашем и других этажах пропали довольно ценные вещи. "А этот тоже в твоей комнате жил?.." — продолжал свой допрос комендант. И тут я увидел Алика. Все тот же черный костюм и узенький галстук на фоне белоснежной нейлоновой рубашки. Правда, румянец горел на щеках чуть ярче. "Да не я это, не я", — бормотал Алик, и я обнаружил, что милиционеры зачем-то держат его под руки. "Ты за ним ничего такого не замечал?" — продолжал свое комендант. "Скажи им, скажи, ведь в этой комнате еще и другие ребята жили, наверно, это они..." — пытался вырваться из крепких рук стражей закона Алик. "Да ладно, — сказал комендант, все и так ясно... На чердаке мы его обнаружили вместе с украденными вещами. Он как раз их сортировал, не все, видите ли, ему подходило... Вот жук! А еще при галстуке!.."

Наутро я сдал последний экзамен — немецкий язык. Я почти ничего не знал, но преподаватель спросил меня лишь переводной текст, который я скорее угадал, чем перевел, и он, взглянув на мои остальные оценки, написал "отлично". Именно столько мне и не хватало, чтобы пройти хотя бы на самый непопулярный тогда факультет — санитарно-технический...

Еще неделю я побыл дома и первого сентября отправился с остальными первокурсниками постигать трудную науку сбора кукурузы. На улице стоял 1956 год, Никита Сергеевич был в самой силе, и в Одессу мы должны были вернуться лишь через месяц. А там на выходные я, конечно же, поеду домой в Аккерман, где с удовольствием продолжу свое окончательное расставание с Л., которое, по правде говоря, растянулось на годы...

Вета и Нолик

Это было, кажется, еще в первый наш приезд в Америку. Да, точно, никаких выступлений не было, мы прилетели просто в гости, хотя к кому, было неясно, и, помню, жена весь полет над Атлантикой ворчала, почему я никому не позвонил заранее из Одессы. Но у меня с собой было несколько нью-йоркских телефонов, и с третьего или с четвертого раза мы дозвонились из аэропорта нашим уехавшим лет 10 назад соседям. Они буквально опешили: "Что ж вы не предупредили!.. Ну ладно, не имеет значения, к нам, немедленно к нам!.." Мы сели в машину и поехали на Брайтон... Несколько дней мы пожили у них, потом нас забрали другие, потом третьи, словом, первая наша поездка запомнилась еще и тем, что мы постоянно запаковывали и распаковывали чемоданы. Мы много ходили в гости и сами, а чаще вместе с нашими очередными хозяевами, которые нас брали с собой, — "пусть и другие послушают свежие новости из Одессы!..".

Помню, в одном из красивых домов, хозяйка которого успешно вела туристический бизнес, мы встретили кучу одесских знакомых, во всяком случае, они нам так представлялись. Многие еще помнили меня по телевизионным выступлениям в конце 60-х, в связи с чем жена надо мной всячески подтрунивала: "Смотри! В Америке ты даже популярнее, чем у нас...". Там мы и встретили Вету и Нолика. Мы их видели впервые, хотя они нам представились тоже как старые друзья. Потом в разговоре обнаружилось, что мы и в Одессе вполне могли встречаться: столько известных имен и фамилий прозвучало из их уст. Тогда они и пригласили нас к себе в Нью-Джерси: "У нас, правда, не дом, но вам тоже понравится", — дали рабочие и домашние телефоны, и вообще, были невероятно любезны.

За оставшиеся дни мы им много звонили, но телефоны то не отвечали, то нас просили перезвонить. Наконец за пару дней до нашего отъезда мы условились, что Нолик заедет за нами после работы, а потом он же отвезет нас назад. Так и получилось, мы пересекли Гудзон по мосту Веризанобридж — так, кажется, он называется, — и оказались в Нью-Джерси. Вся дорога заняла часа полтора, мы извинялись, что из-за нас Нолик теряет столько времени, он же отвечал, что полтора часа для Нью-Йорка не время, поскольку, скажем, на работу он едет часа три и, что интересно, столько же обратно. Вообще-то, он был не очень разговорчивым, и мы отнесли это на счет того, что он за рулем...

— Это мы, — сказал Нолик в домофон.

— Открываю, — услышали мы голос Веты.

Как только мы вышли из лифта, в уши нам ударил звонкий заливистый лай. Судя по тому, что он почти не имел промежутков, собака должна была быть очень маленькой. Так и оказалось. Когда Нолик достал ключи и открыл дверь, на нас тут же кинулось крохотное разъяренное существо и, задыхаясь от ненависти, стало хватать нас за ноги. "Фу! Джерик, Фу!.." — несколько раз крикнула Вета, но пока Нолик не взял собачку на руки и не отнес в ванную, Джерик не успокоился. Да и из ванны некоторое время еще слышалось угрожающее рычание... ну да ладно, Бог с ней, с собачкой, хотя причину ее не соответствующей размерам злости мы поняли чуть позже, как и многое другое...

Квартира была действительно большая, но уютной ее можно было назвать с трудом: огромные три комнаты были заполнены какой-то то ли старинной, то ли просто старой мебелью, на темном паркетном полу лежали тоже темные тяжелые ковры, словом, было мрачновато и неуютно. Мы сели за абсолютно пустой стол, покрытый полиэтиленовой скатертью с ярко-красными цветами. "Как вы относитесь к китайской кухне?" — спросила Вета, когда я достал из пакета бутылку одесской водки. "Нормально", — ответила моя жена. Я же, вспомнив правила хорошего тона, сказал: "Да не беспокойтесь, пожалуйста, давайте просто попьем чайку, поговорим", — будучи при этом абсолютно уверенным, что через минуту на столе появятся приготовленные хозяйкой экзотические восточные блюда. "Да ладно, вы же наверно голодные, тем более, я уверена, что в Китай вы не скоро попадете, — улыбнулась Вета и повернулась к Нолику: — Позвони, пусть привезут". Нолик взял трубку и вышел в другую комнату. Джерик за дверью опять зашелся лаем. "Не обращайте внимания", — сказала Вета. "А он не обидится?" — спросил я. Моя жена наступила мне под

столом на ногу. "Что вы! — сказала Вета, — он злой, но не злопамятный". Обстановка разрядилась, и когда вернулся Нолик, мы уже вовсю о чем-то болтали. Он присоединился к беседе и в какой-то момент начал рассказывать о своей работе, причем всерьез, без юмора, и даже с какой-то обидой. "Да брось, это им неинтересно", — сказала Вета, и я вдруг отметил, что сам он к ней ни разу прямо не обратился, только как-то через нас.

Через минут 20 раздался телефонный звонок, Нолик по-английски что-то ответил, затем включился Джерик — и тут же позвонили в дверь. Появился китаец с двумя большими пакетами, я обратил внимание, что он был в элегантном черном костюме с галстуком, Нолик расплатился, и китаец, часто кланяясь, вышел. Все это происходило под неистовый аккомпанемент Джерика.

"Китайская кухня" моей жене очень понравилась, я же, поскольку мы с Ноликом, конечно, выпили, на закуску по привычке внимания не обращал. Он, правда, пить сперва отказывался: "Мне же еще вас обратно везти", — на что я, уже чуть разогретый, ответил: "А что, институт такси у вас в Америке не существует?" — на что он с явной благодарностью: "А вы не обидитесь?.." — на что моя жена тут же: "Нет-нет, мы злые, но не злопамятные...". Вета засмеялась, Нолик же наоборот, помрачнел и уже в одиночестве быстро допил бутылку. "Ну, а теперь чай?!" — то ли спросила, то ли объявила Вета. "Нет-нет, спасибо, — услышав эту вопросительную интонацию, почти хором ответили мы с женой. — Как у вас заказать такси?.." — "Я сама закажу", — сказала Нолику Света. Он тоже встал из-за стола: "Не спешите, пока придет машина, я вам кое-что покажу".

Через минуту он вынес из соседней комнаты большую деревянную коробку, любовно вытер с нее невидимую пыль и раскрыл. В коробке оказался набор настоящих пистолетов — три штуки. Они были разные, лежали каждый в своем углублении, их темные стволы и рукоятки матово поблескивали. Он взял в руку один... "Ты что, с ума сошел!.. — вошла с трубкой в комнату Света. — Как выпьет, тут же начинает хвастаться. А ну, унеси немедленно, еще застрелишь кого-нибудь!.." Нолик, даже не взглянув на нее, тут же захлопнул коробку и вышел. Разговор уже не клеился, к счастью, такси быстро приехало, и Нолик проводил нас до машины. "Спасибо, нам у вас очень понравилось", — как можно более искренно сказала жена. "Да ладно", — ответил Нолик и сказал что-то шоферу по-английски. Почти всю обратную дорогу мы с женой промолчали. Когда я полез в бумажник, чтобы расплатиться, шофер остановил мою руку и сказал по-русски: "Не нужно, со мной уже расплатились...". "Вы из России?! — чуть ли не хо-

ром воскликнули мы с женой. "Да, из Гомеля, пять лет как уехал, уже три года за рулем..."

Прошел год, может быть, полтора. Как-то, гуляя с женой по очень популярному в Одессе Александровскому садику, мы встретили Вету. Она была с нашей общей хорошей знакомой. "Почему же ты не позвонила?!" — воскликнула жена. "Да как-то так, знаете...". В разговоре выяснилось, что приехала она одна, в Одессе уже почти месяц, собирается возвращаться, но почему-то, как сказала наша общая знакомая, ненадолго. "Что значит ненадолго? А как там Нолик?" — спросил я. "А что Нолик, — почти равнодушно отмахнулась она, — Нолик как Нолик, что с ним станется?.."

Прошло еще некоторое время, и как-то моей жене понадобилось позвонить по делу той самой нашей знакомой, с которой мы встретили Вету. В конце разговора жена спросила про нее. "Да, они пока живут у меня", — "Кто, Вета и Нолик? Они приехали вместе?" — "Да нет, Вета и Миша" — "Какой еще Миша?" — совсем запуталась жена. "Как, вы разве не знаете?! Она когда первый раз приехала, встретила своего одноклассника. Он признался, что влюблен в нее лет тридцать пять, еще со школы, в общем, закрутился роман, и они решили жить вместе, причем именно в Одессе. Нолику она собиралась все рассказать, когда приедет за вещами". "Ах, вот почему ты сказала "ненадолго", — догадалась жена. — А что же Нолик? Как он ее отпустил?" — "А вот сНоликом как раз не очень. Вы разве не слышали?" — "Что слышали?" — опять не поняла жена. "Да умер он, сразу после ее отъезда. Сердце не выдержало..."

Жена пересказала мне этот разговор, и мы стали вместе вспоминать нашу поездку к ним, восстанавливать детали, которые, как теперь стало ясно, уже тогда говорили о том, что в их доме не все благополучно. "Поэтому, кстати, и такса их оказалась такой злой, — сказала жена. — Просто к ним гости никогда не приходили..."

Я в который раз удивился аналитическим способностям моей жены, а еще тому, какие неожиданные повороты случаются в судьбах людей в конце двадцатого — начале двадцать первого века...

Игорь БОЖКО

Монолог для тихого голоса

Просторная, но уютная комната. Горит камин.
Ей немного за тридцать.

хорошая литература должна быть аморальной
так он сказал однажды
мне показалось что он произнес эту фразу просто так — для того чтобы проверить на мне ее парадоксальный смысл
скорее всего эти слова должен был проговорить кто-то из героев его новой рукописи
почему спросила я
потому что плохая аморальной не бывает

когда он был поглощен своей работой то становился совершенно другим человеком
даже ночью
в момент нашей жадной близости иногда он мог прервать все броситься к своему столу и записать несколько слов возникших именно сейчас
а потом как ни в чем не бывало тут же возвращался в постель с какими-то чужими словами неприятными мне...
сначала все это жутко раздражало но прошел год другой и я привыкла ко всем этим странностям
и осознала сочинительство это трясина...
неужели Тот кто создавал нашу вселенную тоже был подвластен перепадам настроений и Его так же порой покидало вдохновение приходило разочарование
не по этой ли причине Он не довел свою работу до конца и оставил нас такими несовершенными...

все то темное что сопутствовало творчеству я осознала потом
потому что Писатель постепенно сделал меня подмастерьем в своем ремесле
но сейчас речь не об этом
не обо мне...

в то утро когда он умер меня не было дома
я ушла в магазин за продуктами
а когда вернулась то сиделка сказала что минут пять назад он отошел как-то мятежно...
все что-то искал и просил *сожгите сожгите*
а потом она добавила что когда дыхание почти остановилось то подумала что я вот-вот должна прийти может быть успею еще...
и поднесла к его лицу ватку с нашатырем
он очнулся на несколько секунд и с укором тихо сказал
зачем вы это сделали мне уже было так хорошо
я увидела его неподвижное тело в смятых простынях высохшие руки
рот с белыми пластмассовыми зубами
и чтобы не упасть схватила тот же клочок ваты еще пахнущий нашатырем и вдохнула его едкий запах

Господь небесный прими душу мужа моего
моего единственного моего самого умного самого красивого самого талантливого моего
моего любовника который так часто не удовлетворял меня
не догадывался о моих тайных желаниях
но я всегда говорила ему что он мой прекрасный монстр мой дикий член союза писателей
ему нравились эти слова
а сама я беззвучно плакала где-то там в глубинах своих
тогда я уже просто не могла жить без него
без запаха его тела без неумелых его ласк глуховатого звука голоса
я просила Господа о душе самой дорогой для меня чтоб Господь смилостивился над ней и не судил строго
моя молитва была похожа на бред
теперь я это понимаю
и еще
за несколько дней до своего ухода он отказался от морфия
порою даже шутил *учусь держать удар*
мелкие капли покрывали его лицо...
я не могла смотреть...

но десять лет назад до всего этого было еще так далеко

такой удивительной и ненасытной казалась жизнь
все окружающие нас говорили что он настоящий большой
неповторимый неподражаемый мудрый писатель
неужели бывают писатели не мудрые
бесполезный писатель — это тоже его слова

впервые когда я его увидела он мне совсем не понравился ни внешне ни даже тогда когда заговорил
речь какая-то косноязычная невнятная
а ведь уже тогда он был довольно известен
гордость нашей новой словесности
восходящая звезда чьи произведения уже издавались на Западе
перед тем его выступлением у нас в университете я прочла его "белое на белом" и повесть "№"
и была не то чтобы ошарашена но приятно удивлена — как просто он писал о том о чем иным требовалось забираться в какие-то словесные дебри и порой самим не находить из них выхода
но как все это не стыковалось с образом автора
одет как-то неряшливо безвкусно потертая куртка мешковатые штаны туфли не чищены сам весь тоже какой-то мешковатый похожий на забитого крестьянина сутул под низким лбом маленькие глубоко сидящие глаза нос большой бесформенный рот как щель в почтовом ящике подбородок тяжеловат но что хуже всего было в его облике так это ниспадающий на лоб какой-то как приклеенный косой чубчик
и еще когда он заговорил (я сидела в первых рядах) то увидела что у него проблема с зубами
мы поженились когда мне было двадцать а ему тридцать шесть

даже потом он долго не хотел привести свои зубы в порядок говорил что некогда что не может сейчас терять драгоценное время в стоматологических креслах
затем была другая отговорка
вот Н сделал себе новые зубы два месяца возился а ему их через три дня на улице выбили потом он еще раз их сделал и снова выбили
а до того как он не занимался этой фигней - его никто никогда даже пальцем не тронул
неужели ты хочешь чтобы и меня с новыми зубами вдруг встретили в темном переулке

правда за год до своего ухода он все же решился и как говорят в Одессе сделал себе рот

но тогда мы еще не знали что в его теле уже поселилась эта болезнь беспощадная незаметная вначале

в нашей университетской программе по новой литературе в те годы появилось и его имя

так что не зная азов творчества Писателя можно было получить неуд

я влюблялась в него как-то медленно постепенно по капельке

постоянно удивлялась почему когда он пишет то слова под его рукой так крепко соприкасаются друг с другом переплетаются в ясные мысли а когда говорит то эти же слова как бы разлетаются в разные стороны

странно — писатель не умеющий говорить

порой мне казалось что это какой-то умственный дефект

но потом дошло даже до того что этот умственный дефект стал притягивать меня я стала находить в нем своеобразный шарм

иногда мне казалось что я живу с идиотом и возможно присущий мне в какой-то мере мазохизм услаждал мои скрытые порочные желания

тогда после своего выступления он сам вдруг подошел ко мне и спросил как меня звать

я назвалась

очень хорошо буркнул он а потом достал маленькую записную книжечку и что-то записал в ней

придурок подумала я

и вообще

на некоторые вопросы студентов отвечал как-то уж слишком серьезно без шуток а иногда просто грубовато

ни на один мой так ничего толком и не сказал

а когда кто-то спросила что он думает о фразе что в человеке должно быть все прекрасно и лицо и одежда и душа и мысли

задумался на полминуты и угрюмо изрек

должно быть

а потом я услышала как он тихонько пукнул

на экзамене как на грех мне попался билет о новейшей литературе и в частности о творчестве Писателя

почему судьба порою так расставляет свои ловушки что остается только удивляться ее находчивости

из университета я тогда вышла опаздывая по каким-то своим делам и села в такси

отъехав несколько кварталов вдруг с заднего сидения услышала стихи

я родня траве и зверю
и сгорающей звезде
твоему дыханью верю
и вечерней высоте

оглянулась — там сидел он

дальше попросила я

я не мудрый а влюбленный
не надеюсь а молю
я теперь за все прощенный
я не знаю а люблю

это ваше

нет это Андрей Платонов

потом мы вместе вышли

он был слегка пьян

это потому что сегодня я чуть было не погиб объяснил он свою нетрезвость

потом когда мы сидели в какой-то кафешке он рассказал что...

хотя не стоит об этом

нелепость

которая свела нас в тот день вместе

в тот день он сказал что постоянно думает обо мне

а когда о ком-то думаешь то ты или любишь его или ненавидишь

вас я не ненавижу

и пока еще не это...

не испытываю особых нежных чувств

но какой-то процесс уже двинулся

в этой кафешке мы виделись еще несколько раз

говорили о чем угодно только не о литературе

лучше о футболе — просил он

порой охотно рассказывал о себе

о том как работал на поездах дальнего следования охранником ценных грузов

и какие там бывали приключения

как *служил шпионом* потому что для военной картографической фабрики приходилось летать и фотографировать пограничные территории южных соседних стран

и конечно же как и положено в меру диссидентствующему отщепенцу восьмидесятых после всех подвигов кочегарил в санаторной кочегарке

когда-то давно у меня была собака с мудрыми и шаловливыми глазами

я любила ее как близкую душу

порой я замечала такой же взгляд и у Писателя

но конечно же ничего ему об этом не говорила

возможно что эта похожесть зародила во мне то первое тепло к этому человеку

как-то мы сидели в том же "каштане" и он вдруг сказал

только не обижайся пожалуйста

не обидишься

у тебя иногда бывает такой взгляд как у мудрой и шаловливой собаки

мудрость и шаловливость вот что оказывается сблизило нас

нет он не был тем сухарем которым показался мне тогда на выступлении в нашем университете

потом он признался почему в тот день у него было дурацкое настроение

накануне к нему в кабинет в редакцию одной газеты где он в то время работал в отделе писем заявились два сотрудника из комитета и долго мотали кишки насчет разглашения государственной тайны в одном из его рассказов "песок"

примерно через полгода мы поженились

у нас было все

и слава и деньги и друзья и поездки за рубеж даже в капстраны

презентации его книг проходили с поистине королевским размахом

потом мы прятались от телевизионщиков и прессы

инкогнито уезжали в разные города жили в самых роскошных гостиницах

он писал а я со временем стала переводить его книги на английский и другие языки

однажды не успевая вовремя сдать текст киносценария вдруг попросил меня набросать некоторые детали — начерно

кое-какие диалоги и прочее

основной сюжет он конечно же выстроил сам но то что сделала я ему понравилось

потом по этим наброскам прошлась рука мастера но многое из моего осталось нетронутым

но (как и у всех кто занимается не ремеслом а Литературой) выпадали времена когда все останавливалось не клеилось и даже накатывало отвращение к самому процессу — писания

неужели и у Того кто сочинял нашу вселенную в какой-то момент тоже появилось отвращение к творчеству

и Он не смог разрешить не стал заниматься проблемой внезапных бед когда тысячи людей в один миг становятся мертвыми

с глазами как вареная фасоль

но пути Господни как известно неисповедимы

и к тому же Он создал любовь сострадание цветы деревья снег над вечерним городом кошек и собак с мудрыми и шаловливыми глазами

интересно испытывают ли графоманы муки творчества отсутствия вдохновения сомнение

порою депрессия длилась месяцами

мы оказывались на мели

Писателя забывали

как-то два года мы занимались тем что продавали кожаные куртки на оптовом рынке

а потом волна неистового сумасшествия снова накатила подняла под самые облака

как-то он просидел за столом почти двое суток и затем через неделю была завершена повесть "вертикальный день"

за которую ему потом присудили престижнейшую писательскую премию

снова появились деньги друзья поездки за рубеж выгодный контракт на экранизацию

родилась дочь Сашенька

он сам купал ее пеленал кормил целовал пальчики

а потом как-то все сдвинулось

я не хотела этому верить но мои подруги и даже его друзья стали говорить какие-то двусмысленности на что-то намекали

спрашивали *ты что ничего не видишь*

я только пожимала плечами

делала вид что ничего не вижу не слышу

я не хотела никаких перемен

как-то он вернулся поздно с каких-то писательских заседаний и вдруг разрыдался

упал предо мной на колени стал каяться и умолять простить его

я знала что он не может быть подлецом что все то что произошло произошло как бы само по себе просто случайно

я знала предчувствовала что это мимолетное увлечение проходящая влюбленность затянувшийся глупый флирт

он обнимал мои ноги целовал плакал заверял что любит только меня одну

в эту ночь мы занимались тем что отлетали в неведомые миры растворялись друг в друге так как никогда до этого

я простила простила простила его

а через несколько дней вдруг узнала что заражена гонореей

он заразил меня в ту ночь когда мы отлетали в неведомые миры где я может быть впервые ощущала себя существом сотканным из плоти и света

когда все это выяснилось он хотел покончить с собой

мне нет прощения твердил он *я должен умереть*

он говорил это сухо без истерики и я знала что это не пустые слова

сначала нужно вылечиться сказала я *ведь ты же наверное не хочешь предстать перед высшими силами разносчиком венерических болезней*

что творилось в моей душе тогда один Бог знает

я ненавидела его и боялась что он убьет себя

вместе мы пошли в вендиспансер и через десять дней унизительных осмотров, анализов и процедур нам сказали что мы полностью здоровы

теперь можешь повеситься сказала я

хорошо я так и сделаю

нет нет нет закричала я *прости меня прости прости меня*

это ты прости меня хотя я знаю что мне нет прощения

этот наш разговор разбудил Сашу ей тогда было около двух лет

она встала в своей кроватке-манежике взялась ручками за перильце и тихонечко проговорила *никого нет ноги холодные никто не согреет*

я пыталась проглотить свой стон он застрял у меня в горле и стал душить

а Писатель как идиот начал произносить только один звук *уууу*
мне показалось что он сейчас умрет и я ударила его по щеке

а потом все заросло травой
Саша подрастала
пошла в школу
Писатель все эти годы много работал
я простила ему все
а он иногда снова (обычно после каких-нибудь застолий) начинал каяться в сотый раз просить прощения объясняться в любви целовать мне пальцы на ногах

говорят что эта болезнь приходит к тем у кого в душе уже поселились угрызения совести
то есть грех уныния
совесть грызет душу медленно тихо
по ночам по утрам днем по вечерам
дома в дороге в гостях на писательских съездах
когда он заболел — я уже знала причину
(в подпитии) он в сотый раз спрашивал *ты простила меня за все*
я отвечала *простила за все*
отдыхая он любил чтобы я ему что-нибудь читала
тогда это был Хемингуэй "прощай оружие"
там уже в конце этого романа одна восторженная влюбленная до безумия девушка говорит своему парню *милый я хочу чтобы ты заразил меня триппером*
я прочла этот кусок машинально не придавая этому тексту никакого значения
а потом вдруг остановилась...

он умер
я год пила
потом два года находилась в какой-то прострации

через какое-то время пришла делегация от Союза писателей комиссия по творческому наследию
я подписывала какие-то документы
они забрали его рукописи

мне сказали что это национальное достояние и оно должно принадлежать государству

я со всем соглашалась

на следующий год вышло собрание его сочинений

нам с Сашей дали довольно много денег по сравнению с моей зарплатой заштатного переводчика

мы решили сменить нашу квартиру на другую с видом на море в новом кирпичном доме

потом когда стали переезжать неожиданно за спинкой дивана (на котором он умер) я нашла тонкую школьную тетрадь и его дневник исписанный почти что до конца мелкими буквами и цифрами

это был довольно простой шифр

уже через полчаса я прочла первую запись

у моей жены необычайно обостренный слух

любые не замечаемые другими звуки для нее вещь обыденная

она слышит разговоры соседей сквозь стену

плач ребенка в доме напротив

шаги кошки

она часто недоумевает почему люди так громко говорят

почему так громко играет симфонический оркестр

а когда громыхает гроза она затыкает уши ватой и прижимает к ним ладони

поэтому сама говорит тихо

мне часто приходится прислушиваться

иногда я злюсь

как-то на концерте классической музыки она сказала что ей мешает шорох фалд фрака дирижера

когда я ее увидел во второй раз (это случилось в такси) то почему-то первая мысль которая тут же пришла мне в голову была

вот из-за кого я умру

потом мы сидели в "каштане" о чем-то говорили но чертова мысль вертелась в моей голове...

а перед этим я шел по тротуару возле филармонии и вдруг остановился

тут же перед моим носом в асфальт ударил громадный кусок карниза который отвалился от здания

значит еще не мой час

затем я зашел в буфет этой же филармонии и выпил водки
по случаю так сказать своего спасения

вчера на заседании правления я передал написанную всем известным летящим почерком Ф-зова записку Н-ской
(хочу вас растлить)
не менее известной клинописью З-ой она ответила на том же листочке
(посмотрим кто кого)
(где и когда)
(сразу же после правления
я знаю одну очень симпатичную телефонную будку)
(а я одно глухое парадное)
правление закончилось в начале одиннадцатого
на улице было темно и дико
в телефонной будке у нас ничего не получилось
в парадном воняло мочой и не только
с горя мы зашли в "каштан" выпили водки и разошлись
но самое главное не это
когда мы после правления выходили из актового зала то я незаметно сунул нашу переписку в карман пальто всем известной склочнице и яростной идиотке К-чур
представляю какая завтра пойдет волна по профсоюзной и другим линиям
слово "каштан" саданyло меня под солнечное сплетение

самое лучшее лекарство от всех болезней уже есть
какое спросила жена
догадайся сама
она на какое-то время задумалась потом тихо произнесла
смерть это лекарство от жизни
значит по-твоему жизнь это болезнь
зараз...
я понял что она не договорила
все еще не может забыть а говорит что простила
все-таки хорошо что меня возможно скоро не станет и весь этот кошмар закончится раз и навсегда

потом я прочла в конце самой последней страницы

перед тем как я умру нужно успеть сжечь этот дневник

когда-то он говорил мне что настоящий литератор должен писать настолько искренне насколько это возможно

до самого предела

иначе весь его труд гроша ломаного не стоит

и вот он гром среди ясного неба

сегодня я провел удивительные два часа ***с ним…***

мой опыт однополой любви невелик...

я посмотрела на дату

это был день моего рождения

о котором он впервые забыл

мою душу будто высосали

в груди стало одиноко

глухо и глупо стучало что-то изнутри в ребра

затем я открыла дневник на следующей странице

судя по дате эта запись была сделана за полтора года до его смерти

глаза мои наткнулись на *я кажется окончательно разлюбил свою жену...*

потом дальше

что же мне делать

я виноват перед ней

но пусть она не догадывается о моей нелюбви

нужно сделать все чтобы она была счастлива

как

нужно жить только для нее

сумею ли

бедный бедный мой

дорогой мой

и сейчас я бы отдала все только бы ты был жив

пусть бы больной лежал на своем диване пусть бы не было у нас больше никогда никакого секса пусть бы ты был трижды предатель но только бы жил

мне так невыносимо все без тебя без твоего лица глаз без твоего рта с пластмассовыми зубами.

пусть бы лежал здесь

думал о своем
даже о *нем* или о тех других женщинах с которыми... с которыми...
сейчас я сделаю то что ты не успел моя радость
сожгу твой дневник
я не хочу больше знать ни слова

Она подходит к камину и бросает дневник в огонь.
Потом берет тонкую школьную тетрадь.

и еще
я уже говорила что вместе с дневником Писателя там же за спинкой старого дивана я нашла и эту тетрадь
его рукопись
она называется "Монолог для тихого голоса"
тот
который
я вам
сейчас
прочла

Александр ЛОЗОВСКИЙ

Трансцендентальные полеты

Совпадения имен, отчеств и фамилий являются случайными,
все остальные совпадения – не случайны.
Автор

Из зеркала на него в упор, не мигая, смотрел солидный немолодой человек. Для многих скорее пожилой. Лет семидесяти с небольшим хвостиком, с каким — не стоит уточнять. Как говорила неравнодушная к нему соседка Циля, он "выглядел на свои годы". Впрочем, если быть самокритичным, возможно, она ему льстила, и на вид было чуть больше. Но ненамного, на два-три года от силы. Лицо интеллигента, научного работника, немного аскетичное, хотя не худое. Вертикальные складки вдоль щек, четкие горизонтальные линии на лбу. Две короткие черточки над переносицей. Стандартная лысина, узенький венчик седых волос. Нос великоват, но здесь, в Израиле, это значения не имело. Правда, без очков лицо становилось немного растерянным и беззащитным. Но если их водрузить (Наум так и поступил), то облик приобретал решительность и основательность. Такого лица можно было не стыдиться. Даже коренные израильтяне, смотревшие на "русских" эмигрантов традиционно свысока и с пренебрежением, говорили с ним довольно вежливо, не только в организациях, но и в транспорте, и в магазине. "Доктор!" — частенько обращались к нему незнакомые аборигены. Это льстило, тем более что он здесь, на исторической родине, действительно считался доктором: именно так, солидно, звучал в Израиле не слишком уважаемый в Союзе статус кандидата наук.

Жертва пешки*

1

Первоисточником всех пертурбаций в их судьбе, безусловно, была жена Наума Светлана. Светочка. За почти тридцать совместно прожитых лет она, по его мнению, не изменилась ни внешне, ни внутренне. Энергии в ней с избытком хватало на двоих — и на себя, и на мужа. И еще оставалась лишняя, которую Светочка в молодые годы расходовала на неожиданные авантюры под принятым в их семье условным названием "комби-

* Первая часть новой повести

нации". Жизненный опыт и годы ее нисколько не охлаждали. Половина из этих авантюр с блеском удавалась, половина проваливалась полностью. Но жизненного кредо Светочки это не изменяло, потому что она начисто забывала провалы — таково было свойство ее памяти. Время от времени она меняла работы, квартиры, организовывала неожиданные экскурсии — к примеру, в тундру — и привозила оттуда на продажу панты — рожки молодых оленей, и прочее в этом же роде. До поры до времени это было не только терпимо, но даже интересно. А Наум так и не научился противиться ее инициативам. Просто не успевал. Для этого он был слишком инертным и медлительным.

"Уж если годы над ней не властны, то куда мне, грешному", — оправдывался он перед знакомыми. И перед собой. И это было очень похоже на правду. Она действительно на удивление мало изменялась с возрастом. И по сей день — редкий случай — у нее почти не было седых волос. Трудно поверить, но даже вес ее за эти годы не изменился. Может быть потому, что она с юности имела очень прочный задел. Светочка и тридцать, и сорок лет тому назад была столь же упитанной и столь же крупной девицей. Черноока, черноброва. Типичная Оксана. Свои внешние данные она получила вместе с фамилией Кириченко и национальностью "украинка" в наследство от отца, рубахи-парня и бравого летчика, который куда-то безвозвратно улетел, когда ей еще не было и трех лет. От матери, тихой прибалтийской еврейки и по совместительству преподавателя биологии, она унаследовала только одно качество — отсутствие антисемитизма. Тоже немало. Фамилию Кириченко Света оставляла при любых жизненных обстоятельствах, а национальность меняла по мере необходимости.

Они с Наумом были одного роста, 170 сантиметров, но Светочка выглядела значительно крупнее. Несмотря на довольно солидный вес, она все делала на удивление шустро, что тоже выглядело контрастом по сравнению с немного заторможенной вальяжностью мужа.

"Единство противоположностей", — время от времени сообщал Наум, склонный к многозначительному изречению прописных истин и расхожих цитат. В этом пристрастии он не видел ничего плохого — зачем изобретать велосипед, когда на все случаи жизни есть давным-давно проверенные отличные изречения, поговорки и афоризмы.

Стоит остановиться на главном, может быть, отличии в характерах супругов. Светочка была такой, какой казалась. Ей ничего не нужно было изображать или придумывать. В основе ее натуры лежали здравый смысл и любовь к жизни. Этим определялись все ее поступки. Я уже говорил, что

неудачи не выбивали ее надолго из колеи. Даже измену первого мужа и последующий развод она восприняла без надрыва. И спустя год захомутала входящего в круг близких знакомых старого холостяка (на десять лет старше ее) Наума, который не слишком сопротивлялся этому. Наум по сей день подозревает, что еще до ее развода он был зарезервирован Светочкой как вариант "комбинации" при остывающем на глазах бывшем супруге.

И все-таки это не был голый расчет, как может показаться. И последующие двадцать семь дружных лет (срок немалый) это подтвердили. "Жили они долго и счастливо", — любил под настроение информировать окружающих Наум. Так оно и было... до поры до времени. Одна беда — у них не было общих детей, основы семейной надежности. И не могло быть. Света на излете первого брака сделала аборт. Неудачно. Но Наум знал, на что идет, и решил, что один ребенок на двоих — ее сын Женя — тоже неплохо.

Итак, со Светланой Кириченко, украинкой в Советском Союзе и еврейкой в Израиле, мы разобрались. С Наумом было сложнее. Да и могло ли не быть сложностей в характере человека, который графу ФИО в многочисленных анкетах, сопровождавших нас в те времена на каждом шагу, заполнял так: "Наум Меерович Сипитинер"? И весь облик его вполне соответствовал этому имени, отчеству и фамилии.

У Наума хватало скрытых и явных комплексов. Кроме общееврейских, еще и энное количество своих собственных. К общееврейским комплексам относится (надеюсь, никто не станет с этим спорить) чуть ли не от рождения укоренившееся сознание, что всю жизнь придется преодолевать предубеждение окружающих. Но преодоление далеко не всегда окажется ему по силам, и тогда придется смиряться с этой несправедливостью и терпеть. Иногда уклоняться, иногда утираться, но... всегда терпеть. Такова судьба еврея везде, а на бескрайних просторах СССР — в особенности. Не знаю, как насчет поэта в наши смутные времена, но определенно и по сей день "еврей в России больше, чем еврей". И, боюсь, надолго.

В комплекте с непреходящим чувством обиды и для уравновешивания отрицательных эмоций Наум получил в наследство еще один общееврейский комплекс. Я имею в виду очень сомнительное, но популярное убеждение в интеллектуальном превосходстве евреев. Генетически наследуемый "еврейский ум", по убеждению многих, является, с одной стороны, следствием, но одновременно и причиной многовековых гонений. А раз так, то Наум как истинный представитель еврейского народа считал своим долгом отработать этот дар по полной программе и добиться успеха в жизни любой ценой.

Он был добросовестным, трудолюбивым и дисциплинированным, но успехи давались с большим трудом. Да и особыми успехами их не назовешь. Наверно, его предки генетически передали ему не столько таланты, сколько выкованное веками свойство отличаться от остальных. Или не слишком ладить с окружающими, чем евреи нередко грешат, а ведь это в принципе одно и то же. То, что у Светы было естественным, природным — умение легко вписываться в любую обстановку, — ему давалось с трудом. Наум не мог жить в согласии с собой и миром, как ни старался, какие огромные и сознательные усилия к этому ни прилагал.

Родители его были малограмотными евреями — первое поколение, перебравшееся из маленького еврейского местечка, не столь давно еще черты оседлости, в большой город. Мать — громкоголосая, хозяйственная, но не слишком аккуратная, традиционная "идише мама", отец — маленький бессловесный подпольный делец. Артельщик, как это тогда называлось. Судя по доходам семьи, он не напрасно рисковал свободой, кое-что в доме было, включая дачу.

Науму в родительском доме шарм, как вы понимаете, приобрести не удалось. Пришлось вырабатывать его искусственно, самовоспитанием. Он неуклонно старался приобрести привычки солидного глубоко интеллигентного человека, всегда сдержанного, тактичного, умным и добрым взглядом посматривающего сквозь очки на окружающих. Со временем внешне стало получаться, и все-таки... все-таки контакты с людьми ему давались не слишком легко. Особенно с сотрудниками и начальством. Чувствовалось какое-то внутреннее напряжение, ворчливое недовольство. Может, и зависть, в чем Наум даже самому себе не хотел признаваться. А это успехам не способствовало. Трения могли бы быть компенсированы серьезными и очевидными способностями, но для всех Наум оставался только добросовестным и неглупым работником с не слишком, увы, легким характером. В НИИ пищевой промышленности, где он много лет протрубил не за страх, а за совесть в ранге начальника сектора, на должности чисто символической, его обходили многие, в том числе и евреи. И кандидатскую диссертацию он защитил только в тридцать восемь лет. О ней упоминать Наум не любил, потому что в названии наряду с красивыми научными словами были и "картофельные очистки". Какая организация, такая и диссертация. Завотделом был некто Сиперштейн, лет на десять моложе его и даже не кандидат. Как можно было объяснить все это самому себе? Только одним: в отличие от иных конъюнктурных приспособленцев, его в первую очередь интересует само дело, а не отношения

с начальством. Примерно так. Впрочем, Наум в глубине души и сам в этих объяснениях сомневался.

"Принципиальный ты наш", — добродушно посмеивалась над ним Света. Но ничего от него никогда не требовала. Она и не ждала от него трудовых и карьерных подвигов. Впрочем, человек он был неплохой, хотя с точки зрения ее подруг немножко нудный. Зато надежный и внешне довольно-таки симпатичный, если не обращать внимания на некоторую зажатость и закомплексованность. Она и не обращала.

Изменяла ли ему Света? Вряд ли. А если и было что-то когда-то, то все проходило бесследно. Исповеди и раскаяния ждать не приходилось — не тот характер. А Наум — нет, определенно нет. Адюльтер в программу Наума не вписывался.

"Комбинация", которая круто изменила течение их жизни, была затеяна Светой почти двадцать лет тому назад, еще до перестройки. На очередной ее работе появилась возможность получить квартиру. Для этого Света должна была не быть замужем и не иметь жилплощади. Наум и рта не успел раскрыть, а решение уже было найдено и осуществлено. Света развелась с ним из-за "несходства характеров", затем "переехала" на квартиру к подруге, то есть купила ей диван и раскладушку и поставила под ними свои и Женины тапочки. Продолжала жить, разумеется, у себя дома. Все оставалось по-старому, только она не отвечала на телефонные звонки и не открывала двери, если Наума не было дома. Такой вариант был далеко не редкостью при советской власти. Да и на ее работе почти все знали, что развод фиктивный, но общительной и обаятельной Светочке никто не хотел подставлять ножку. Тем более, так сложилось, что в этой квартире на выселках никто особенно не был заинтересован.

— Зачем она нам, у черта на куличках? — спрашивал Наум.

— Много ты понимаешь. Будет у нас дача. Через пару лет там будет чудный дачный район.

Квартиру Света получила. И оказалась права: свои пятьдесят процентов успеха эта "комбинация" отработала. Там действительно через несколько лет вырос элитный дачный район. А пятьдесят процентов провала заключались в том, что в это время их семья уже была в Израиле. Впрочем, формально по-прежнему не семья.

В восемьдесят девятом году началась эпопея повального отъезда евреев, полуевреев, на четверть евреев и многих примкнувших к ним в Израиль. Это вполне можно было считать "комбинацией", но слишком мас-

совой и слишком опасной даже для Светы. Ей и в Союзе было комфортно. А в те годы у всех была стопроцентная уверенность, что не только назад вернуться не удастся, но даже увидеться с теми, кто оставался. Прощаясь, уезжающие и провожающие проливали слезы, как на похоронах. Это было страшно. Авантюра Свету влекла, а Израиль — не очень. У Наума все было наоборот. Он по рождению, фамилии, произношению и всему своему облику вынужден был быть еврейским националистом в советском варианте. Но привыкать к новым контактам, другому образу жизни... И он вопросительно смотрел на свой локомотив — Свету. Больше смотреть было не на кого: к этому времени их родители умерли, законопослушно не нарушив границу невысокой среднестатистической продолжительности жизни в великом и могучем Советском Союзе.

Но Светочка не решалась. Это, безусловно, была авантюра, огромный риск, но не "комбинация". Смысл "комбинаций" был в оригинальности решения и удивлении окружающих. А тут? Выезжали сотни тысяч человек, возникало стадное чувство, противиться которому для имеющих возможность уехать становилось все труднее. Соблазн вырваться из закрытых границ "лагеря", которые вскоре — никто не сомневался — опять станут непроницаемыми, был очень силен, особенно у евреев. Подталкивала и абсолютная пустота в продовольственных, да и всяких других магазинах. Дело шло, казалось, к голоду и полной разрухе, а значит, не исключено, и к возможным погромам. Нужно было принимать решение.

И неутомимая Светочка даже в этом массовом заплыве нашла свою "комбинацию", а это, как вы понимаете, перевесило все сомнения. Ей удалось выяснить, что все пособия и любая помощь в Израиле на семейную пару не в два, а только в полтора раза больше, чем на одиночку. То есть двое одиночек получают на половину пособия больше, чем пара. Как удачно, что они с Наумом сейчас в разводе! Грешно не воспользоваться таким преимуществом. Лишние полпособия — это серьезное подспорье при неудачном развитии событий. А под старость, которая не так уж далеко, — тем более. Ехать! Ехать в разводе, как чужим людям, благо оба евреи по Галахе. Фамилии разные, кто догадается? Ехать!

2

Манна небесная в Израиле их не ожидала. Прежде всего, "комбинация" с разводом лопнула, доставив попутно массу неприятностей. Приехали они в страну, которая занималась эмигрантами со дня своего рождения и знала

все хитрые варианты "еврейских голов". Наум со Светой сняли, разумеется, одну квартиру (денег и на одну не хватало), и первая же внезапная комиссия обнаружила две пары тапочек под одной большой, явно семейной кроватью. Почти год после этого происходила путаница с выплатами, тянулись бесконечные хлопоты и объяснения с бестолковой и ленивой израильской бюрократией. В конце концов, они письменно признались в прелюбодеянии и объявили себя семьей. Постепенно бюрократы отстали и успокоились. Так они и жили в узаконенном всеми заинтересованными организациями гражданском браке. Ехать для оформления нового светского брака за границу не было ни денег, ни желания, а других, нерелигиозных вариантов в единственной демократии на Ближнем Востоке не было.

С работой вначале было еще терпимо. Израиль первый год "большой алии" относился к репатриантам из СНГ с симпатией и искренне пытался помочь им приспособиться к новым условиям. Каждому полагался для изучения иврита трехмесячный бесплатный ульпан, который Науму совершенно не помог.

"Старость — не радость", — объяснил он свои "успехи" на выпускном вечере на чисто русском языке. Все с ним согласились.

Несмотря на это, доктора Наума Сипитинера (свой человек!) приняли в специально организованную для советских ученых технологическую теплицу, где два года выплачивали минимальную зарплату в надежде, что он что-нибудь изобретет. Света окончила бесплатные торговые курсы и поступила на работу в престижный магазин одежды.

Но продолжалась идиллия недолго, меньше трех лет. Наум уступил свое место другому ученому — очередь поджимала. А Свету просто уволили: было полно репатрианток, более молодых и симпатичных, согласных работать на любых условиях, и нередко во всех смыслах (о русских женщинах поползли самые невероятные и пикантные слухи). Любовь израильтян к "русским" репатриантам неожиданно и резко превратилась в плохо скрываемую антипатию. "Подъемные" пособия закончились, и пришлось нашим героям переходить на подножный корм. Науму удалось устроиться охранником — читай сторожем, а Света влилась в основной контингент иммигранток старше сорока лет — занялась уборкой в квартирах израильтян и уходом за престарелыми и инвалидами.

К чести Наума и Светланы нужно сказать, что они не впали в отчаяние и не стали посыпать голову пеплом. Старались держаться на плаву, и им это удавалось. Солидный возраст Наума позволял получать небольшое социальное пособие. Вместе с подработками, иногда по-черному, на жизнь

хватало. Утешало и то, что, судя по сведениям из Одессы, они не много потеряли. Организации, в которых они там работали, разогнали, их бывшие сослуживцы подались в различные фирмы, в основном, торговые. Что там с ними было бы? Один бог знает. Потеря их прежнего статуса в Израиле очевидна, но это явление массовое. "На миру и смерть красна", — втолковывал желающим слушать Наум.

Со Светланой было все ясно. Ее здравый смысл и оптимизм помогал выжить в любой обстановке. А как себя чувствовал бывший ученый, а ныне сторож Наум? Как ни странно, он тоже не испытывал особых страданий от утраты своего статуса кандидата наук. Даже, пожалуй, в глубине души был доволен тем, что избавился наконец от комплексов, дискомфорта, огорчений и обид, связанных с его якобы научной работой. Особенно когда узнал, что в "технологическую теплицу" не приняли его бывшего начальника Сиперштейна, который так и не защитил диссертацию. В сознании Наума постепенно происходили довольно типичные для пожилых иммигрантов изменения. Должность начальника сектора, его роль в бюро и вообще в советской науке со временем и на расстоянии превращалась в нечто значительное и важное. Уважение к себе, как ни странно, возросло, комплексы и обиды улеглись.

А как ему удалось простить Израилю свой новый статус сторожа? Удалось. Простил.

"Я уже не молод, страна маленькая, все время воюет. Зато я впервые в жизни перестал напрягаться при слове "еврей". Это дорогого стоит! Это моя страна, и я ей обязан. И ничего не дал взамен, только беру. Какие тут могут быть обиды?"

Все возмущение и негодование Наум направил против врагов, которые не дают нормально жить новой родине и даже угрожают самому ее существованию. Если бы не они, все, разумеется, было бы иначе. А собственную значимость Наум поднимал за счет того, что уверовал в распространенную в израильском национальном лагере теорию ментальной порочности арабов. "Они понимают только силу! Они от рождения враги цивилизации, враги всего демократического мира", — все эти клише были попытками оправдать в собственных глазах моральную сомнительность такой бескомпромиссной черно-белой позиции. Наум все-таки был по советским меркам интеллигентным человеком, ему тяжело было признаться себе в том, что такая точка зрения, в сущности, сводится к очень простому: они, арабы, от рождения плохие, а мы, евреи, от рождения хорошие. Уж слишком это что-то напоминало...

Тем не менее, большинство русскоговорящих израильтян придерживалось таких же взглядов. В число единомышленников входила в полном составе и их более или менее постоянная компания, сколоченная, естественно, Светой. Это были несколько семей из Украины, приехавших примерно в одно время. Мужья поголовно евреи, жены самые разнокалиберные — типичная для "большой алии" ситуация. На совместных пикниках доставалось и палестинцам, и местным арабам, самым мирным из предлагаемых решений было выселить их к чертовой бабушке в другие страны. Вполне возможно, что это был так необходимый им предохранительный клапан, куда сбрасывалось все накопившееся с годами эмиграции недовольство. Ругать Израиль, "лить воду на мельницу антисемитов" никому не хотелось. Это, по существу, значило бы признать эмиграцию ошибкой. Слишком тяжелый вывод. Кстати, вот вам одна из существенных причин, по которой новые репатрианты из СНГ почти поголовно становились ярыми ультрапатриотами.

Жизнь, увы, с каждым годом требовала все большего напряжения. И это было естественно. Они не молодели, Света уже не могла заниматься относительно прилично оплачиваемой уборкой и перешла на малоденежную и морально тяжелую работу — уход за престарелыми. Вскоре Наума уволили, так как сторожам старше шестидесяти пяти лет работать по ночам запрещалось во избежание неожиданной кончины на боевом посту. Наум по пятницам мыл две лестницы в соседнем доме и изо всех сил старался облегчить домашние хлопоты Свете и Жене. А в свободное от этих забот и чтения Ницше время слушал политические передачи на русском языке, на чем свет стоит ругал арабов и порицал евреев за мягкотелость и недостаточно жесткие меры. Он никогда не был особенно чутким к реакции окружающих и совершенно не замечал, что в собственной семье сочувствующих уже давно не было. Зато постепенно появились убежденные противники его ура-патриотических взглядов.

Открытую оппозицию возглавил пасынок Наума Женя.

"Маленькие дети — маленькие хлопоты, большие дети — большие хлопоты", — так не слишком оригинально, но убедительно описывал свои отношения с Женей Наум.

Когда они со Светой поженились, Жене было пять лет. Уже довольно большой мальчик, многое сознавал и многое помнил. И очень любил папу. Папа был веселый, легкий человек. Он не мог ужиться с общественным и семейным темпераментом Светы и поменял ее на мягкую домашнюю жену. В семье у него всегда было легко, уютно и сытно. Ухоженные детишки — брат и сестра, вечно что-то напевающий, довольный собой

и всеми вокруг глава семьи. Контраст не в пользу Наума. Это сразу создало сложности между отчимом и пасынком. Наум даже не делал попыток называться папой — это было нереально. На всю жизнь остался Нюмой. Шансов заслужить любовь и полное доверие Жени у него практически не было. Из людей такого типа, как Наум (вы и сами, наверно, уже поняли), хорошие педагоги не получаются. А здесь был очень непростой случай. Ребенок был сложный, умный, толковый, но то ли от природы, то ли в силу описанных обстоятельств малоуправляемый.

И все-таки стабилизация отношений произошла. В свое время гордая Света отказалась от алиментов, а поющий папа с легкостью необыкновенной с этим согласился. О своем первенце он вспоминал от случая к случаю, и даже в день его рождения не всегда. В конце концов, взрослеющий Женя начал осознавать, кому он нужен, а кому до лампочки. Наум, в сущности, был добросовестным доброжелательным человеком, он любил Свету и дорожил своей семьей. Постепенно отношения стали ровными, хоть и без особой теплоты.

Так продолжалось до переезда в Израиль. К сожалению, эмиграция обладает способностью, как сказали бы медики, обострять хронические заболевания. Так произошло и в этой семье. Как и большинство детей новых репатриантов, Женя оказался не в восторге от встречи с новой родиной. Основания для этого были: иммигрантов везде встречают не слишком приветливо. А дети страдают от неприязни окружающих больше всего. Но общие трудности на первых порах сплотили семью, тем более что в начале пути, как я уже говорил, стыдиться особо было нечего. Зато когда Наум пошел в сторожа, а Света — в уборщицы, Женя стал ощущать некоторую неловкость. Но основные перемены произошли после того, как в честь шестнадцатилетия ему дали возможность отправиться в гости к отцу. Инициатором этой поездки был большой демократ Наум.

Женин отец Василий Николаевич Беляев к этому времени стал в Одессе бизнесменом средней руки. Он держал магазин и что-то там еще по мелочам. Принадлежал ему и небольшой, но уютный особнячок в тихом элитном районе. Словом, контраст был очевиден. Женин отчим Наум Сипитинер (в Израиле даже лишившийся отчества) в своей родной еврейской стране был нищим парией. И если бы только это! Он перестал быть уважаемым членом общества. Самое интересное, что это отношение не слишком зависело от национальности в глазах общественного мнения. Все новые репатрианты чохом зачислялись в графу "русские" и в той или иной степени находились в этой дискомфортной зоне.

После поездки в Одессу Женя понял, как хорошо и приятно не выпадать из общего потока. В Украине он был бы таким, как все. Нормальным человеком. Антисемитизм ему не угрожал. Кого могла заинтересовать далекая еврейская бабушка по маминой линии из Литвы? Казалось бы, по аналогии он должен был понять, почему Наум так ценит не слишком церемонившийся с ним Израиль и столь многое ему прощает. Но, к сожалению, так в жизни не бывает, особенно в молодом возрасте. Каждый сам за себя. Другое дело, если бы его по-прежнему поющий и неунывающий отец в Одессе был евреем, и сам он не Евгением Васильевичем Беляевым с арийской внешностью, а каким-нибудь Сипитинером с соответствующим носом. Если бы ему могли крикнуть: "Жид, езжай в свой Израиль!" — может, что-то в отношениях отчима и пасынка изменилось бы. Нашлась бы почва для взаимопонимания. Но так шансов не было. И Женя незаметно для себя главную причину нелегкой перемены своей судьбы стал видеть в Науме. Как-то постепенно он забыл, что инициатором поездки была мама. Но мама явно проиграла вместе с ним, в эмиграции она оказалась на дне общественной жизни, стала прислугой. Это была еще одна кровоточащая рана в сердце Евгения. Как Наум мог такое допустить? Какой это глава семьи и мужик, в конце концов? Все свои и мамины беды и неудачи — а таких в семье эмигранта хватает — он постепенно стал вменять в вину Науму. Их отношения портились, как в сказке, не по дням, а по часам.

Может, если бы Наум почувствовал изменения в настроениях Жени, если бы хоть немного поумерил громогласную и безапелляционную защиту бедного, всеми обижаемого Израиля, раскол происходил бы не столь стремительно. Все-таки вначале в сопротивлении Жени значительную роль играло естественное для подростка чувство противоречия. Да и любого невольно заставил бы возражать менторский тон, который почему-то прорезался последнее время у Наума в "воспитательной работе" с пасынком, явно не испытывающим особой благодарности к приютившей его стране. Почему такое происходит? Может быть, потому, что наша правда доступна только настоящему еврею, а Женя, как ни крути, еврей лишь на четверть... Об этом — упаси бог — не говорилось вслух, но мысли нередко жалят больнее слов. Наум сам воздвигал водораздел.

Не способствовали дружбе и очевидные ранние успехи Жени у противоположного пола. Он стал высоким интересным парнем, и начиная с восьмого (!) класса в его комнате стали задерживаться до утра подружки. Наума это, разумеется, шокировало до крайности, но командарм Света объявила его отсталым и несовременным, а под горячую руку и попрос-

ту ханжой. Во многих израильских семьях такое поведение молодежи, точнее, подростков, было обычным делом.

— Пусть лучше мальчик делает это дома, чем где-нибудь в компаниях с бутылкой водки. Пройдись по нашему парку — увидишь и услышишь такое!.. Ты этого хочешь?

Действительно, из близлежащего довольно запущенного парка по вечерам и допоздна доносились не слишком трезвые мужские и девичьи голоса. Весь район мог бесплатно проходить курс русской неформальной лексики. Что там происходило, ни для кого не было секретом. Но Наума это не убеждало — "ханжеское" воспитание слишком въелось в плоть и кровь. Почему должны быть только крайности? Есть же что-то более приличное? На открытый бунт он не решался, но по утрам встречал "задержавшихся" соучениц Жени мрачно и неприветливо.

— Ходит как сыч, — довольно громко резюмировал "мальчик".

Наум изо всех сил старался этих слов не расслышать.

3

Школу Женя окончил с грехом пополам. Способности не слишком помогли. К сожалению, не было у него того, что было в избытке у Наума, — упорства и трудолюбия.

Женя от звонка до звонка отслужил положенные три года в армии. Впрочем, не без скандалов и гауптвахты. Пожалуй, надежды Наума на то, что армия научит "мальчика" уму-разуму, не оправдались. К его удивлению, в лучшей армии Востока оказалось слишком много демократии и мало дисциплины.

Большую часть службы Женя провел на территориях, охраняя поселенцев. После демобилизации стало ясно — в Израиле ему не жить. Его приговор ситуации "поселенцы — Израиль — палестинцы" был столь же бескомпромиссен, как и взгляды Наума, но со знаком минус. Поселенцы не работают и работать не будут, агрессивны, фанатичны, они не дают никому покоя. Арабы тоже не подарок, но жизнь их ужасна и унизительна по вине Израиля. Конца этому не будет, а будет серьезное кровопролитие. Все это было сказано резко, четко, безо всяких вопросительных и сомневающихся интонаций.

— Но почему, почему ты во всем винишь Израиль? Ведь нам не с кем разговаривать. У нас нет партнера по переговорам. Что может Израиль сделать? С кем говорить?

— Дело не в этом. Это все демагогия.

— А в чем? Объясни бестолковому старику.

— Попробую. Там двести пятьдесят тысяч поселенцев. По всей Иудее и Самарии. По всей территории. Я на них насмотрелся. Они оттуда не уйдут, и у Израиля никогда не хватит сил их увести. Пока поселения на территории, там будет армия, иначе их всех вырежут за одну ночь. И ни один араб не вступится. Пока на территориях будут армия и поселения, не может быть там ни порядка, ни правительства — ничего. И никаких партнеров. Будет все та же оккупация. Таким способом демократию не насаждают.

— А Германия? А Япония? После войны? Оккупация перешла в демократию, ведь так? История нас учит...

Женя его непочтительно перебил:

— Что ты сравниваешь! Там не было поселенцев из Англии и Америки. Никто им колонизаторов не расселял и земли у них не отнимал. А это самое главное.

— И какой выход?

— Только тяжелая война и тяжелое поражение Израиля. Только если кто-то насильно выкурит оттуда поселенцев, мы сможем отделиться от арабов. Другого варианта нет.

Наум задохнулся от ужаса. Это было больше чем святотатство. Даже больше чем антисемитизм.

— А если будет война, разве ты не должен защищать страну, которая тебя приютила?

— Не приютила, а позвала. Пригласила. Но дело не в этом. Я не хочу воевать на неправой стороне. И быть уверенным, что только наше поражение принесет мир. Слишком это глупо выглядит.

Больше говорить было не о чем. Женя уедет, Наум останется. Куда ему ехать, кому он нужен? А Света? Впервые Наум видел ее такой напуганной и потерянной...

Два года после демобилизации Женя болтался без дела. Не мог ни на что решиться. Начинал и бросал какие-то курсы. Работал ровно такой срок, какой был нужен для получения пособия по безработице, ни днем больше. Трудолюбие не было его коньком. Наум пытался вмешаться, но получил довольно грубую отповедь:

— Сидишь на пенсии, ну и сиди тихо у себя в комнате. Своих успехов ты уже добился. Дай попробовать другим.

Наум надулся и больше советов не давал. А Света безропотно взвалила на себя еще две работы, но упреков от нее никто не слышал.

Женя созревал. Он, никому из домашних не говоря ни слова, поступил на подготовительные курсы Техниона. Постепенно осознал, что для отъезда в серьезную страну нужно иметь хоть какое-то образование и специальность. Армия частично оплачивала первые годы дальнейшего обучения, и нужно было этим воспользоваться. Он мобилизовал всю свою — не слишком большую — волю и, опять-таки с грехом пополам, проучился три года в хайфском Технионе (один из них на подготовительных курсах), слегка подрабатывая по вечерам. До получения первой степени осталось меньше двух лет, включая экзамены. Рукой подать. Но не получилось.

— Человек предполагает, а бог располагает, — заключил Наум.

За это время в жизни Жени произошли очень важные события. Первое — он выиграл в лотерею (проводится такая в Израиле) гринкарту, прошел собеседование и получил разрешение на переезд в США. И второе — женился на своей соученице Наде, занимавшейся в том же Технионе. Она приехала по программе "Наале" — особой программе для выпускников школ, имеющих право на репатриацию, чьи родители не хотели переезжать в Израиль. Надя была внучкой еврея. Она уже защитила первую степень по химии и грызла гранит науки для получения второй.

Пара получилась очень симпатичная. Высокий стройный темноволосый Евгений и среднего роста с отличной фигуркой зеленоглазая блондинка Надя. Крашеная блондинка, но все было в меру и общего впечатления не портило. Оформили бракосочетание на Кипре — в Израиле нет брака для неевреев, свадьбу отпраздновали в ресторане.

А вслед за этим произошло третье, незапланированное, но, видимо, очень тесно связанное со свадьбой событие: по недосмотру родилась у них чудная девочка Верочка. "Семь раз отмерь, а один отрежь", — что точно имел в виду Наум, неизвестно, но догадаться можно. Произошло это настолько быстро, что молодые даже не успели снять собственную квартиру.

Итак, родилась еще одна русская на еврейской земле. Тут уже даже Наум осознал, что новой семье Беляевых придется уезжать.

Помогло ему убедиться в этом министерство внутренних дел Израиля.

При оформлении новорожденной у бдительных чиновников неожиданно вызвала подозрение бабушка Светлана Кириченко с вызывающим отчеством Ивановна. Света родилась в Литве в сорок пятом году незадолго до Победы. Время было горячее, наша страна освобождала одних, расстреливала и сажала других. Дел невпроворот. Отец Светы был солдатом-освободителем, а его фронтовая подруга-жена не смогла следовать дальше за своим госпиталем и осталась рожать в Клайпеде. Может, действитель-

но в те смутные времена свидетельство о рождении было оформлено не слишком идеально, а скорей всего, это было очередное служебное рвение на популярной в Израиле ниве "еврей — нееврей", "настоящий — ненастоящий". Под подозрением оказалось право Жени на возвращение, а его Верочка в таком случае оказывалась правнучкой еврея. Этот статус требовал особого оформления, с какими-то временными правами, сроками и определенными условиями. Никто толком в этих сложностях не разбирался, потому что правнуки евреев, родившиеся в Израиле, еще были редкими исключениями.

С группой подозреваемых обошлись довольно вежливо, еще по-божески, только отобрали у всех документы и месяца три не давали никакого ответа. Три месяца на пороховой бочке оказалось совсем немало. Даже Света похудела на пять килограммов. Но затем документы вернули со словами: все в порядке. МВД связывалось с Литвой и получило соответствующие подтверждения. Разумеется, никаких извинений не было, в израильском МВД это не принято. Объяснили, что если бы Женя не отслужил в армии, результат мог бы быть другим. Но и такой вариант был достаточно убедителен. Без лишних слов все поняли, что пора паковать вещи.

Пора паковать вещи.

Света выглядела просто-таки оглушенной, она не отходила от Верочки ни на шаг. Все происходящее было для них настоящей трагедией. А что впереди?

Растерянный и испуганный Наум без особой надежды пытался остановить катастрофу. Он мямлил, что это просто отдельный несчастный случай. Женя только пожал плечами.

— Насмотрелся я на эти отдельные случаи, пока сидел в приемных. Неевреи в Израиле не могут быть спокойны, вокруг них все время что-то происходит.

— Но это не может, не может быть правилом, — скорее убеждал себя самого Наум.

Женя с иронией посмотрел на отчима сверху вниз, в прямом смысле сверху вниз — он был на голову выше Наума.

— Ну не правило, так тенденция. Какая главная цель Израиля? Основная? Создание еврейского государства. Государства для евреев.

— Так, — согласился Наум. — Конечно, государство для евреев.

— А раз так, то любой нееврей в стране — лицо в принципе нежелательное. В принципе. Он одним своим присутствием уже мешает главной задаче. Во всяком случае, не помогает — это безусловно. Отсюда и последст-

вия. Страна при такой основной цели не может быть справедливой. У меня две нееврейки, которые будут рожать неевреев. Что им тут делать, в национально озабоченной стране?

— И религиозно озабоченной, — добавила Света.

Это было демонстрацией поддержки. Она прежде никогда не вмешивалась в разговоры такого рода. И вот нейтралитет был нарушен. Во-первых, она в глубине души хотела, чтобы дети жили там, где нет постоянных войн, — вполне законное желание матери. Но был еще один мотив. Света недавно нанялась к новым хозяевам, ультраортодоксам, пожилой паре примерно такого возраста, как Наум, немного моложе. Хозяин был довольно важным в своей среде человеком, членом одного из религиозных советов, которые в Израиле обязательно состоят при любой, даже самой малюсенькой мэрии. Один-два раза в неделю он надевал тщательно отглаженный для такой цели костюм и уходил на пару часов на заседания. Это была его работа. В Израиле эти религиозные чиновники получают немногим меньше депутатов Кнессета, так что семья была достаточно обеспеченной. Хозяйка не очень скрывала свою уверенность в том, что нерелигиозные евреи — вообще никакие не евреи. И Светиной золовке нужно пройти гиюр, если она хочет быть не хуже других. Религиозная чета гордилась тем, что у них 95 прямых потомков. То есть детей, внуков и правнуков, без учета их жен и мужей (такое, надо сказать, не редкость в ультраортодоксальных семьях). Согласитесь, был предмет для гордости. Девяносто пять! По восемь — десять детей в семье, ранние браки, пошло четвертое поколение. Все в вере, все служат господу и соблюдают традиции. Мужчины в ешивах, женщины в семье. Семь раввинов. Трое в религиозном совете. Пятнадцать преподавателей ешив.

— А кто работает? — не удержалась однажды Света.

— Служение господу — самое важное для еврея дело. А для чего мы создавали еврейскую страну? Если бы не мы, евреи уже давно в Израиле были бы в меньшинстве.

Определенно, прямое потомство Светы, состоящее всего из двух человек — Жени и Верочки, заведомо проигрывало будущее их потомкам и количественно, и качественно. Высшая математика здесь не требовалась.

Все были наслышаны об этой истории. Света не из тех, кто таит в себе неприятности. Было понятно, кого конкретно она имеет в виду.

— Инкубатор какой-то, — неожиданно даже для себя пробурчал Наум.

Все с удивлением посмотрели на него. Это было явное отступление и намек на перемирие. Наступила сочувственная пауза.

— Ну хорошо, ехать нужно, — продолжил с горечью Наум. — Кто спорит! Но я бы на вашем месте прежде окончил Технион. Трудно, даже, признаю, обидно. Но все налажено, и мы с мамой рядом. Когда еще будет такая возможность вам обоим получить дипломы? И будет ли вообще? Нужно уметь терпеть, в конце концов. Терпенье и труд все перетрут!

И нарвался на очередной втык.

— У меня всю жизнь перед глазами пример терпенья и труда. Попробую иначе.

Наум опять надулся.

— Ладно, я предпочел бы быть плохим пророком, но боюсь... — и осекся под взглядом Светы. Он никогда не мог остановиться вовремя.

А Надя? Она просто любила Женю и довольно равнодушно относилась к Израилю. Считала страну чем-то вроде промежуточной станции, где дальней ветви евреев создают хорошие условия для получения образования. Во всяком случае, эти условия были лучше, чем для детей репатриантов. Это называлось "большой эмиграционной политикой". Кроме того, англоязычные страны ее не пугали. Надя была во всеоружии, она еще с младших классов решила, что не будет жить в России, и с финансовой помощью всегда и во всем согласных с ней не слишком бедных родителей окончила солидную частную школу английского языка. И училась, и сдавала экзамены в Израиле тоже на английском. К сожалению, наши репатрианты такой возможности не имели...

Молодые оформили в Технионе необходимые документы для перевода в другое учебное заведение, и спустя два месяца семья Беляевых отбыла в Сан-Диего, где у Жени жили друзья, сбежавшие из Израиля еще раньше.

Наум со Светой остались вдвоем. Дети оказались очень далеко. Нелегкая, но, увы, обычная ситуация для наших репатриантов.

4

Переход был очень резкий. Несколько последних месяцев в их не слишком большой трехкомнатной квартире было шумно и тесно. Теперь наступила удивительная тишина.

— То густо, то пусто, — резюмировал Наум.

— У нас стало безлюдно, — поддержала его Света.

Наум долго обдумывал, обидеться ли ему на это замечание или согласиться с ним. Никакая подходящая цитата не приходила в голову — и он промолчал.

Очень недолго они наслаждались отдыхом и спокойствием. Затем подумали, что тишины могло бы быть поменьше. Затем появилось чувство, в котором они даже самим себе не признавались: их в пустой квартире стало как-то слишком много друг для друга. Общепринято, что, оставшись вдвоем, не слишком молодые родители еще больше сближаются. Возрастает взаимопомощь, поддержка, зависимость друг от друга. Да и потребность в этом, кстати говоря, увеличивается — годы здоровья не добавляют. Но перейти на новые рельсы не так просто, как это может показаться. Многое в отношениях приходится заново перестраивать, снова нужно приспосабливаться друг к другу, и чаще всего это не легче, чем в молодые годы. Физическое влечение, секс, который так сглаживал все нестыковки и противоречия в те счастливые времена... чтобы никого не обидеть, сформулирую так: все это уже не играет столь существенной роли. Словом, новая жизненная ситуация требует серьезной перестройки семейных отношений, не уступающей по сложности горбачевской.

Чаша сия не миновала и Наума со Светой. Они никогда так подолгу не были наедине, а главное, в качестве "лиц без определенных занятий". Света отказалась от доброй половины работ — необходимости в этом уже не было. Да и сил тоже. Дел по дому с трудом хватало только на то, чтобы загрузить изнывающего в поисках занятий Наума. Читать ему было трудно, очень быстро ухудшалось зрение, и даже израильская медицина оказалась бессильной. Размышлять было решительно не над чем, приходилось скорее изображать задумчивость. Оздоровительные прогулки отнимали всего полтора, от силы два часа. Телевизионные сериалы он, естественно, не любил, а к политике после всех приключений последнего периода резко остыл и даже чувствовал к ней какую-то органическую антипатию. Оставалось обмозговывать так и не решенную проблему сотворения мира и всего с этим связанного. Время от времени — как лакомство — он позволял себе в малых дозах чтение Ницше, Каббалы и какой-нибудь литературы о паранормальных явлениях. Но все эти вопросы требовали обсуждения. Наум остро нуждался в партнере по разговорам, а точнее, в слушателе. У Светы эти темы отклика не находили, ее вполне устраивали сериалы, любимая мемуарная литература и бестселлеры. Включая ненавидимые Наумом женские романы.

Связь с друзьями стала заметно сокращаться. Вся их компания постепенно тоже перешла на социальное пособие, и, в соответствии с израильскими законами, все остались без машин. Естественным образом прекратились субботние шашлыки — общественный транспорт, как известно,

в эти дни не работает. Остался телефон, которым усердно пользовалась Света. Науму телефон был противопоказан — слишком несерьезное занятие, мирового значения проблемы по нему не объяснишь, тем более что без жестикуляции истинный еврей Наум мало что мог доказать.

В этой новой ситуации неизбежно было обострение противоречий. Света с удивлением обнаружила, какой он нудный. То есть она и раньше это понимала, но не до такой же степени! Как нелепы его "высокие поиски" или, как Света их про себя, а иногда и вслух называла, "завиральные идеи" на фоне мизерного социального пособия и в съемной квартире! А Наум осознал, что своими разочарованиями и несбывшимися надеждами поделиться не с кем. Вряд ли она, оторвавшись от телевизионного сериала "Дорогая Маша Березина", сможет его ну если не понять, так хотя бы выслушать...

Но отступать было некуда, и в действие вступили защитные силы организма. Они постепенно осознали, что находятся на необитаемом, в крайнем случае, малообитаемом острове. Их двое, и никому до них нет, в сущности, дела. Кто из них цивилизованный Робинзон, кто дикий Пятница — деление чисто условное. Нужно быть реалистом.

И они, каждый по мере сил, начали приспосабливаться. Наум стал меньше нести вслух наукообразную ахинею, Света научилась в определенной степени изображать интерес к теориям медитации и реинкарнации. Временами их можно было увидеть сидящими в обнимку на диване и внимательно наблюдающими за перипетиями мексиканского сериала. Объединяли их, естественно, и проблемы семейства Беляевых.

— Бытие определяет сознание.

А тут еще Света стала от излишнего спокойствия поправляться, что было совсем ни к чему. Но не было бы счастья, да несчастье помогло, — и Наум решительно взял контроль над ее весом в свои руки. С этих пор они в любую погоду дружно совершали довольно длительные совместные прогулки. Это уже было похоже на настоящую семейную идиллию.

В число важнейших развлечений входила бесплатная связь с Сан-Диего. Женя оставил им компьютер с программой "Скайп" и даже с видеокамерой. Теперь Света теоретически могла вести бесконечные разговоры и даже непосредственно наблюдать, как растет Верочка. Одна беда — взрослые заокеанские участники диалога были людьми слишком занятыми и слишком усталыми, чтобы больше двух-трех минут высидеть возле компьютера. И то далеко не каждый день. Положение усложняла и большая разница во времени — десять часов. Чтобы никого ночами не будить,

из Америки можно было звонить только с утра, в первой половине дня или поздно вечером. А утром по будням всем было не до переговоров. Поэтому на практике сеансы связи проходили только в субботу. Но Света надеялась, что, когда Верочка подрастет, она будет ей на расстоянии вслух читать Корнея Чуковского.

Так они и жили.

Не знаю, соответствует ли это теориям Эйнштейна, но ближе к старости время в течение дня тянется бесконечно и уныло, а сама жизнь протекает невероятно быстро и со все возрастающим ускорением. Недели, месяцы, годы — фьюить, фьюить, фьюить... Непонятно, как это сочетается, но факт остается фактом.

5

Пролетели, промчались два года. К счастью, Наум оказался плохим пророком — дела у семейства Беляевых продвигались неплохо. На удивление неплохо. Все-таки приехали они в новую страну, имея на руках только два незаконченных образования и полугодовалого ребенка, но ни копейки — почти буквально — денег. То есть без всякой подстраховки. О финансовых возможностях Наума и Светы вы знаете, о трудолюбии Жени догадываетесь, все вместе они наскребли при отъезде только на билеты в один конец. И тем не менее, все складывалось вполне благополучно. Казалось, Соединенные Штаты на примере наших молодых и отчаянных решили напомнить сомневающимся, что являются страной неисчерпаемых возможностей.

— Судьба Евгения хранила, — удивлялся Наум.

Им действительно во многом везло. Анатолий, Женин друг в Сан-Диего, оказался серьезным и надежным парнем. Он заранее снял им по соседству с собой неплохой "трехбедрумный апартмент", что в переводе на русский означало квартиру из четырех комнат, включая салон. Он же с согласия своей жены Любы, бывшей Жениной одноклассницы, одолжил им небольшую сумму на первое время, хотя они сами отнюдь не купались в роскоши. И даже порекомендовал интеллигентную русскоговорящую няню Беллу, эмигрантку из Черновцов пятидесяти пяти лет, не нашедшую себе в новой стране другого применения. Она оказалась дамой, приятной во всех отношениях, и притом достаточно чадолюбивой. Белла была одинока и могла работать столько, сколько потребуется, даже при необходимости оставаться на ночь. Постепенно почти добровольно (но за дополни-

тельное вознаграждение) она взяла на себя и солидную часть домашних забот. Остановка была только за оплатой, что, как вы догадываетесь, являлось ахиллесовой пятой новых американцев. Няня стоила очень недешево. У нее оставалась в Украине дочь с двумя детьми и неудачным мужем, этот финансовый насос работал очень эффективно.

А зачем бедным иммигрантам вообще понадобилась няня? Все было обдуманно. Само собой разумелось, что завершить образование одновременно двоим не удастся. Кодекс чести настоящего мужчины требовал, чтобы в первую очередь это сделала Надя. А раз так, то все равно нужно было ребенка на кого-то оставлять. И выгоднее было Наде учиться и одновременно подрабатывать на полноценную солидную няню, чем придумывать различные комбинации. Во всяком случае, так было решено на семейном совете. И, видимо, решено разумно.

Но самое главное — тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — Женя начал избавляться от своей инфантильности, стал проявлять энергию и растущее на глазах осознание ответственности главы семейства. То есть во всех этих успехах было не только везение. Уже через неделю после приезда он нашел довольно неплохую работу в не слишком большой частной фирме, занимающейся техническим обслуживанием компьютерных систем. Диплом соответствующих шестимесячных израильских курсов, два года обучения в уважаемом даже в Америке хайфском Технионе были только предпосылкой. Женя с блеском выдержал испытательный срок, он действительно был способным человеком и компьютерным фанатом. Правда, работа была нелегкая: чтобы обеспечить необходимые семейные расходы, ему приходилось вкалывать по десять-двенадцать часов в сутки, мотаться по всему городу и даже по пригородам. Зато ему выдали служебную машину, которой он мог пользоваться и в личных целях. Тоже экономия. Можно было обойтись только одной машиной — для Нади. В Америке работающему человеку без машины не обойтись, а Надя тоже лишнего дня без дела сидеть не собиралась.

Оказалось, что Женя женился не только по любви. Очень выгодно женился. Разумеется, не в смысле богатства. Денег у Нади не было. Зато было кое-что другое, не менее важное.

Для Нади четыре года самостоятельной жизни в Израиле не прошли даром, да и от природы она была активной и не робкого десятка. Вскоре по приезде она вполне самостоятельно — а кто ей мог помочь? — поступила для продолжения учебы на химический факультет престижного Калифорнийского университета и еще до начала сессии досдала необходимые

по новой программе предметы. Это было совсем не просто с учетом обрушившихся на ее голову забот, связанных с устройством на новом месте. Мало того, она сумела попутно решить очень непростую в Калифорнии проблему трудоустройства. Как-то само собой получилось, что на кафедре буквально все, начиная от секретарши, не говоря уже о мужском педагогическом составе, прониклись сочувствием к симпатичной русско-еврейской блондинке с обаятельной улыбкой, стройной фигуркой и отличным для смешанного населения Сан-Диего английским. О своем тяжелом положении иммигрантки она рассказывала с таким скромным достоинством, что это вовсе не выглядело мольбой о помощи. Ей с непривычной для этой снобистской организации легкостью предложили четыре часа в день на должности лаборантки здесь же, на кафедре. Формально говоря, основания для этого были серьезные — первая степень и отличные оценки в аттестате. Но местных химиков, выпускников этого же университета, примерно с такими же данными было более чем достаточно. Надя доказала, что скромное обаяние при прочих равных условиях играет не последнюю роль. Таким образом, она с самого начала почти зарабатывала на няню. Правда, только "почти", остальное тянул Женя. Это "остальное" со временем только увеличивалось.

Словом, в течение двух лет Света и Наум получали из Америки только хорошие или очень хорошие новости. Правда, вначале была небольшая заминка. Женя по старой израильской привычке как-то попытался продемонстрировать хозяину свое свободомыслие и строптивость. Тут же ему толково объяснили, что если нечто подобное повторится, то он с треском вылетит из фирмы и не получит никаких рекомендаций. Это была нешуточная угроза. "В Америке, — объяснили ему, — демократия на производственные отношения не распространяется. Полное подчинение. Тут вам не папа с мамой. И не ваша армия — мы знаем, какое там панибратство и либерализм". Струхнувший Женя все осознал, и дела пошли на лад.

В дальнейшем все утряслось. Ему регулярно увеличивали зарплату и даже как-то послали на курсы повышения квалификации за счет фирмы. Женя действительно оказался ценным работником. Природа наградила его талантом успешно пользоваться смесью знаний и интуиции, необходимых в этой новой для человека компьютерной системе. Он без видимых усилий быстрее всех выяснял, где, что и почему "не фурычит" (любимое его выражение) и что нужно сделать, чтобы все было о'кей. И в результате со временем был назначен бригадиром. Правда, бригада была небольшая, в нее входили два русских иммигранта и один свежеиспеченный

американец китайского происхождения. Само собой разумеется, в такой среде повышать уровень английского они не могли. В этом заключалась серьезная проблема, потому что на самостоятельное изучение языка у Жени не оставалось сил. Или не хватало воли. А скорей всего, и того и другого... Время между тем стремительно уходило. Но успехи на работе были налицо, можно было, ничего не приукрашивая, с гордостью рапортовать родителям.

И все-таки самых впечатляющих успехов добивалась Надя. То, что она сдавала все работы и экзамены на отлично, никого не удивляло — так было и в Технионе. Но вскоре ее официально ввели в штат, затем последовали некоторые льготы, пенсионные отчисления, страхование — довольно необычное явление в престижном заведении по отношению к молодой иммигрантке, пока еще даже не имеющей гражданства. Естественно, она это заслужила своим старанием, но многие не могли избавиться от впечатления, что одного старания явно недостаточно. Где-то, возможно, была группа поддержки. И тем не менее, зависти это не вызывало. Симпатии и, я бы сказал, уважение к ней и студентов, и преподавателей со временем только возрастали. Приветливость, хорошие внешние данные, в первую очередь, уже упоминавшаяся приятная улыбка, отличная фигура и красивые мягкие волосы, уложенные во вроде бы скромную прическу, нравились мужскому контингенту института и в то же время не вызывали раздражения у женского. Ничего вызывающе красивого и слишком сексуального, все в меру. Могу только повторить уже сказанное: скромное обаяние уверенного в себе человека. Правда, были и такие, кто считал ее излишне рассудочной и даже расчетливой, но и они относились к этому с пониманием: в наше нелегкое время без доли расчетливости прожить просто невозможно.

Не последнюю роль играли работоспособность и целеустремленность Нади. Она с толком использовала свободу от домашних забот, которую предоставила ей добросовестная Белла. Кроме подготовки, необходимой студентке и начинающему преподавателю, Надя использовала каждую свободную минуту для того, чтобы приобрести интеллектуальный и информационный багаж, которым, по ее мнению, должен обладать интеллигентный американец. Она хотела знать и чувствовать то же, что знает и чувствует каждый из них. Стать такой же. При этом не забывала и свои обязанности. Сначала укладывала спать Верочку — это была ее прерогатива, — а когда появлялся усталый донельзя после многочасовой напряженной работы Женя, кормила его и тоже укладывала спать. Но сама еще пару часиков читала, смотрела телевизор или рыскала по интернету. Кас-

сета с уроками английского языка высокого уровня и наушники были всегда при ней во время любых перемещений.

— Двужильная, — с одобрением говорила о ней Белла и старалась помочь, чем могла.

Результаты были налицо: ее признали своей в академических кругах солидного университета. Это дорогого стоило.

Может быть, в другом районе Соединенных Штатов добиться столь заметных успехов было бы сложнее, но в Сан-Диего, где у каждого второго речь с каким-нибудь акцентом и физиономия, отличающаяся от британского образца, акклиматизация проходит намного быстрее.

6

Первой опасность почувствовала Света. Наум стал замечать, что победные реляции об успехах Нади ее не воодушевляют. Наоборот, она все чаще впадала в совершенно не свойственную ей задумчивость. Следующим показателем стало то, что в разговорах с Наумом вместо привычного "Надюша" стало все чаще появляться официальное "Надежда". Долго скрывать свои, даже не полностью осознанные, предчувствия Света, разумеется, не могла. И однажды в ответ на вопрос Наума — в чем проблема? — хлынул поток сомнений и опасений.

— Ты обрати внимание, Надежда вращается в высших академических кругах! — это красивое выражение ей определенно понравилось, и она со вкусом его повторила: — В высших академических кругах!

Наум с видом человека, отлично знающего эту систему изнутри, иронически ухмыльнулся.

— Не преувеличивай. Всего-навсего преподаватели кафедры. Это не бомонд. Склочники и скандалисты. И далеко не богачи. Я-то их навидался...

— Ну да, навидался, особенно в Америке. Все меришь по своим НИИ, давно отдавшим богу душу. В Америке все иначе. Там все они снобы. И кто для них Женя? Простой иностранный работяга в потрепанной служебной машине. С акцентом. И даже твоего Ницше не читал. Ты слышал, как он рассказывал о парти, куда его с Надеждой пригласили?

— Нормально рассказывал. Был доволен тем, как там к Надюше относятся. По-моему, гордился.

— Ох, Нюма, Нюма. Нет у тебя музыкального слуха, и вообще никакого. Витаешь в своих эмпиреях.

Света была права. Все так и было. На этих корпоративных вечеринках, которых было слишком трудно избежать, Женя чувствовал себя явно не в своей тарелке, человеком с другой планеты. Дикий — с их точки зрения — акцент, неумение легко перебрасываться репликами о вещах, всем хорошо знакомых, и тому подобное. И деликатные Надины сослуживцы с таким сочувствием смотрели на нее, так явно старались протянуть руку помощи, демонстрировали такое равноправие... Все это было тем более обидно для Жени, что у себя на работе, на своем уровне общения он был вполне уважаемым человеком. А о женщинах и говорить нечего — он по-прежнему пользовался у них большим успехом. Совсем недавно на корпоративной вечеринке своей организации он путем тайного шутливого голосования был избран секс-символом фирмы. "Документ", подтверждающий это, с подписями и печатями, он со смехом, но не без удовольствия предъявил Наде. Мол, и мы не лыком шиты.

Надя пыталась как можно мягче приспосабливать Женю к новой культуре. Разговаривала с ним по-английски, поправляла неграмотные выражения. Подсовывала журналы: смотри, тут интересная статья, а вот это прочитай непременно; покупала билеты на спектакли. Но встречала все возрастающее сопротивление. Конечно, он очень уставал, но кроме того, стал чувствовать какое-то унижающее его давление. А Женя, как вы помните, этого не переносил с детства.

Как-то после одного субботнего разговора с родителями они забыли завершить сеанс связи, и в Хайфе услышали раздраженную реплику Жени:

— Ты хочешь поднять меня до своего уровня? Куда уж мне! Не стоит стараться, меня устраивает мой. До Пуделя я все равно не дотянусь.

Наум тут же тактично отключился, Света промолчала и только тяжело вздохнула.

О Пуделе они слышали не первый раз. Так Женя называл профессора Пауделла, куратора Нади. Тот действительно очень напоминал пуделя — черные курчавые волосы, черные глазки, носик пуговкой, невысокого роста. Женя с очевидным злорадным удовольствием переслал в Хайфу по интернету фотографию с одной из парти, на которой Надя держала под руки его и Пуделя. Преимущества высокого и стройного Евгения по сравнению с низкорослым и довольно поношенным Пауделлом были очевидны. Не говоря уже о разнице в возрасте не менее двадцати лет.

Впрочем, у Пуделя была серьезная компенсация этих недостатков. Он был доктором наук, профессором, крупным специалистом в своей области и одним из самых влиятельных людей не только на кафедре, но и в уни-

верситете. И что не менее существенно, мистер Пауделл был одновременно совладельцем нескольких химических фирм, которые, фигурально говоря, пожинали плоды его творческих успехов. То есть работали по его патентам. Он был эдаким Гейтсом в миниатюре, хотя определение "в миниатюре" является скорее следствием финансовой масштабности Гейтса, нежели бедности Пауделла. Последний был тоже далеко, далеко не нищим.

По мнению Жени, Пудель слишком опекал Надю.

"Дети" по-прежнему сообщали о себе только хорошие новости, но даже "не имеющему слуха" Науму было ясно, что отношения в семье становятся далеко не безоблачными. Счастливый брак грозил превратиться в мезальянс.

Однажды Наум со Светой сидели, как голубки, на диване и смотрели очередное ток-шоу. Главная героиня, встретив большую любовь, разбила семью, забрала половину детей и ушла к другому. Сейчас она счастлива, бывший муж не очень. А хорошо ли это? И все на полном серьезе... Женщины относились к этой проблеме по-разному, но на вопрос "А вы лично могли бы поступить так же?" все, как одна, отвечали: "Нет, я бы так не смогла". Мужчины были менее категоричны.

Наум вяло реагировал на предмет дискуссии, лично его это не волновало. Поезд уже ушел, время для перемен упущено. Во всяком случае, он так считал. Света скептически пыхтела и явно соотносила все услышанное с событиями в Сан-Диего.

— Ох, скорей бы уже Надежда окончила свою учебу, и они поменялись местами, — наконец обнародовала она свои мысли. — Как такая смена называется в политике? Рокировка?

— Ротация.

Наум кисло поморщился. Он не любил напоминаний о своей былой привязанности.

— Жене пошел тридцать первый год. Если он сейчас не пойдет учиться, то все. Он и так уже забыл даже то, что знал.

— Я говорил. Нужно было потерпеть здесь всего два года, и было бы у обоих высшее образование. Но Женя терпеть не умеет.

— Ох эти твои "я говорил"! Кому от них легче? Ты только Жене не ляпни, он эти "я говорил" на дух не переносит. Так и ждет, что ты ему это скажешь. Нам только скандала не хватает. Ему и так нелегко.

— Им обоим нелегко.

— Да, конечно, Надежде тоже. Но женщинам нельзя давать слишком большой форы.

Наум заинтересовался.

— Почему женщинам? Надюша любит Женю. И вообще, женщины — ты слышишь, что они там говорят? — больше дорожат семьей, чем мужчины.

Света с иронией посмотрела на экран и на Наума.

— Знаток женщин... Когда такое было? Давно и... почти неправда. Говорят. Говорите тоже — помнишь анекдот? А статистику слышал?

Наум этот момент пропустил. Света постепенно раскалялась.

— Шестьдесят процентов заявлений на развод подают женщины. Нет, не верю я в их самопожертвование. Особенно в Америке, с их самостоятельностью. Они свой шанс не упустят. Не знаешь ты женщин.

— Одну знаю, мне хватает, — миролюбиво закончил Наум.

Света снова скептически хмыкнула. Наум отнес это на счет участников ток-шоу.

7

Наступило наконец с нетерпением ожидаемое время больших перемен, но, увы, надежды на ротацию не оправдались. Вместо них разразился настоящий кризис. Надя, как и следовало ожидать, с успехом — третьей на курсе — окончила университет, получила диплом и степень бакалавра. Но — к огорчению Жени — этим дело не закончилось. Мистер Пауделл предложил ей не работу, как ожидалось, а продолжение учебы. То есть вакантное место в аспирантуре и по окончании ее, через два года, маячила куда более солидная академическая степень магистра. Это уже был совсем иной уровень, нежели присваиваемая выпускникам не только университетов, но и простых четырехгодичных частных колледжей красиво звучащая степень бакалавра. Но самое главное, была заранее обещана после защиты серьезная и хорошо оплачиваемая должность в одной из его фирм. И это были не голословные обещания — во время обучения Надя должна была проходить стажировку в отделе этой фирмы, заранее готовясь к будущим обязанностям. О такой карьере можно было только мечтать.

Женя был в трансе, Света в полной растерянности. Наум не осмеливался выразить восхищение прекрасными перспективами Надюши, а уж он-то лучше, чем кто-либо другой, знал, как непросто этого добиться. Но сейчас такие восторги были бы неправильно поняты. Тем более что Наум с трудом сдерживал столь "любимую" Женей фразу: "Я говорил!..". Пришлось просто помалкивать от греха подальше...

Мистер Пауделл вызвал Надю и долго беседовал с ней. Тон беседы —

подчеркнуто уважительный и равноправный. Никакого второго плана не было даже в помине. Начал он с того, что откровенно признал: одной из важнейших задач своей университетской деятельности считает комплектование собственных фирм надежными и толковыми специалистами. Это основа успеха. Дальше шли обычные похвалы ее трудолюбию, констатация ее достижений за столь короткое время и т. д. Но особо Пауделл подчеркнул, что ценит ее целеустремленность и умение находить контакт и с боссами, и с подчиненными, сохраняя при этом симпатии и уважение и тех и других. И внутренне сохраняя дистанцию. Последнего качества Надя в себе не замечала, но ему виднее. Весь этот набор очень важен для руководителя и встречается не так часто. Мистер Пауделл надеется, что из Нади получится отличный и грамотный босс. Он так и сказал — босс.

Но как бы ни повернулась ситуация в дальнейшем, степень магистра и стаж практической работы в солидной фирме очень важны и уже сами по себе обеспечивают конкурентоспособность в будущем. Ни для кого не секрет, что прямо с учебной скамьи без протекции найти работу ох как непросто. Специалистов этого профиля в Калифорнии избыток.

Пауделл умел говорить солидно и убедительно. И в то же время мягко давал понять, что в случае несогласия умывает руки.

Он прозрачно намекнул, что готовит ее к должности начальника отдела, который отвечает за внедрение всех новых разработок, проведенных под его руководством. Это означает ответственность за многомиллионные финансовые объемы, а также контакты на высоком уровне с весьма солидными людьми, серьезное и стабильное положение в сочетании с соответствующей оплатой. Судя по всему, Пауделл действительно верил в природную целеустремленность, надежность и контактность Нади. И в то же время заметил, что для этой важнейшей работы у него должно быть полное взаимопонимание с руководителем. Требование выглядело чисто деловым, но глаза Пауделла при этом затянулись едва заметной поволокой. А может, все-таки показалось? Подозрительность провинциалки? Или следствие бессмысленной ревности Жени? Она внимательно посмотрела на солидного и делового руководителя и готова была устыдиться своих подозрений. И все-таки... Учитывая привычную для запуганного женским равноправием американского истеблишмента осторожность, все сказанное Пауделлом сомнений в определенных его намерениях и желаниях не вызывало...

Пауделл продолжал:

— Есть и недостаток в моем предложении.

Надя напряглась.

— Получать вы будете немного, примерно столько же, сколько и сегодня. Аспирантура за счет фирмы, согласитесь, это уже немало. И потом, я не могу платить вам больше, чем остальным. И уверен, что вы и сами не захотели бы, чтобы я это делал...

Пауделл внимательно посмотрел на Надю. Та энергично замотала головой.

— Нет, конечно, нет. Ни в коем случае.

— Рад, что я в вас не ошибся. Не ошибся? — повторил вопрос Пауделл. И не ожидая ответа, продолжил: — Ну и отлично. Подумайте, посоветуйтесь с близкими. Время до начала следующей сессии у вас есть.

Надя ушла обдумывать предложение. Все оказывалось не слишком просто.

Разговор с Женей тоже был нелегким, а начало его просто обескураживающим.

— Я обо всем подумал — и ни за что не соглашусь, чтобы ты с этим Пуделем терлась еще два года бок о бок.

— Женя, ты что говоришь? Куда тебя понесло? Терлась...

— Я сказал "бок о бок". Не знаю, о чем ты подумала...

— Только пошлостей нам не хватало.

Мрачная пауза затянулась.

— Женя, давай не будем бодаться. Какой может быть выход?

А выхода не было видно даже на горизонте. Правда заключалась в том, что альтернативы предложению Пауделла у них фактически не было. А если и была, то в высшей степени скверная. Пауделл прав на все сто процентов: слишком много специалистов такого профиля выпускают местные учебные заведения. И особенно сложно трудоустроиться иммигрантам без гражданства. Если Надя откажется от этого предложения, то найти такую работу, чтобы Женя смог продолжить учебу и чтобы платить няне Белле, не удастся. Даже при условии, что Женя останется на полставки в своей фирме, а на это нынешний его хозяин может и не согласиться.

Пауделл, призналась Надя, намекнул: он при отказе умывает руки, что можно понимать по-разному. Влияние его в этой области огромно. Во всяком случае, в Сан-Диего. А переезд из обжитого места в полнейшую неизвестность — что может быть страшнее?

— Теперь ты видишь? Он нас, а точнее тебя, загоняет в угол. Не говори, что ты этого не видишь.

— Женя, не примешивай ко всем неприятностям ревность. Ты мне не доверяешь?

Женя хотел с ходу возразить, но потом махнул рукой.

— Понимай как хочешь.

— Подумай сам, у него могут быть любые красавицы. Ты сам видел одну такую на прошлой парти. Помнишь, чуть не упал? Зачем ему такая серая мышка, как я?

Женя обиделся за нее, а еще больше за себя.

— Почему серая? И почему мышка? Впрочем, он их покупает, тут много ума не надо.

— Не просто покупает. Женя, это не так. Он чего-то добился, а ты хочешь, чтобы все падало с неба. Чего-то добился — это такое же преимущество, как молодость, рост, красота. И тоже имеет цену. Иногда дороже, чем то, что от бога. Что просто свалилось на тебя. Как твои способности, которыми тебе лень распорядиться.

— Я смотрю, у него появился ярый защитник. Надежда, ты научилась красиво говорить. Впечатляет. Как по писаному. В какой книжке вычитала?

— Тебе не все равно? Ты же ни одной не прочел.

Женя действительно, как и многие нынешние молодые, художественной литературой, мягко говоря, не увлекался. Точнее — вообще не читал.

— Я парился по двенадцать часов в день, чтобы ты могла на этих книгах торчать...

— А я бездельничала? Ну да, поэтому у нас сейчас скандал, что я бездельница, а ты деловой.

Против этого Женя возражений не нашел. Замолчал и отвернулся. Надя поняла, что все прозвучало очень обидно. Перебор. Взяла себя в руки.

— Женя, мы не о том говорим. Мы можем выйти на совсем другой уровень жизни.

— Но это будет твой уровень, а не мой. А я хочу свой, — Женя заметил протестующий жест Нади. — Ну хорошо, наш общий. Мы же договаривались. Сейчас моя очередь стать умным.

— Это правда, Женечка. Ты полностью прав. Я же не спорю. Я просто не знаю, что делать...

— Зато я знаю, чего не нужно делать. Если ты согласишься на эту долбаную магистратуру — я уйду. Так и знай.

И после паузы подвел итог:

— Тебе решать.

Надя признавала, что, в сущности, Женя прав. Они на такую двусмысленную ситуацию согласиться не могут. Не могут — пока вместе. В этом была основная сложность проблемы. Перед каждым из них возник соблазн серьезного успеха, качественного изменения жизни. Но, увы, только каждого в отдельности. Вместе не получалось.

Занятая своими проблемами Надя даже не догадывалась, что и с другой стороны — у Жени — тоже есть ящик Пандоры, который вот-вот грозил открыться. Опасность молодой семье грозила с двух сторон.

Женя прекрасно понимал, что для дальнейшего роста в качестве специалиста ему нужен как минимум диплом об окончании колледжа. Без этого никакое реальное продвижение по службе невозможно. Да и дистанция в этом случае между ним и Надей, будущим магистром и солидным боссом, станет непреодолимой. Но уже сейчас он ощущал огромное нежелание снова садиться за книги и сознавал, что еще через два-три года это будет практически невозможно. Зато змеем-искусителем перед ним маячила возможность стать бизнесменом — а в таком случае необходимость официальных регалий отпадала.

Путь для этого был проторенным и старым, как мир. Дочь хозяина Нелли, вполне симпатичная и абсолютно американизированная молодая женщина с трехлетним ребенком от первого пробного брака, не скрывала своих симпатий к молодому израильтянину. И не только она. Сам хозяин фирмы благоволил к Жене и поощрял ее увлечение. Молодого парня, который меньше чем за два года стал признанным авторитетом в фирме, наверняка ожидало неплохое будущее, а это с точки зрения матерого бизнесмена дорогого стоило. Со свойственной многим американцам старой закалки бесцеремонной прямолинейностью он почти не скрывал желания видеть в потенциальном зяте не только партнера по бизнесу, но и в ближайшем будущем своего преемника. Хозяин признавался, что в столь быстро развивающемся деле, связанном с новыми технологиями, он уже не в состоянии угнаться за тенденциями. И просто по-человечески устал. Приходится доверять наемным помощникам, а хотелось бы опереться на родного человека. Кто мог стать этим гипотетическим родным человеком — нетрудно было догадаться. Дополнительным, но немаловажным стимулом было и то, что дед хозяина, основатель династии, помесь грека с евреем, в начале прошлого века эмигрировал в Америку из Одессы, и на этом основании все семейство сентиментально считало Женю земляком и едва ли не родственником.

Основанием для таких настроений было и невесть как проникшее в фирму подозрение, что в его семейной жизни не все обстоит благополучно. Причем эти слухи возникли еще раньше, чем сам Женя это неблагополучие осознал. Как распространяется такая молва — объяснить невозможно, но каждый из нас знает подобные примеры из личного опыта...

Было бы гораздо легче бороться с соблазнительными перспективами,

если бы Наде и Жене приходилось преодолевать неприязнь к новым кандидатам, особенно физическую. В этом случае появилось бы ощущение, что они продают себя за будущие блага. Но ничего похожего не было. Скорее наоборот...

С такой по-настоящему красивой и эффектной молодой женщиной как Нелли Женя и без всяких меркантильных целей с удовольствием завел бы шашни, если бы не опасался вызвать гнев хозяина. А тем более приятно было бы это сделать в отместку за ревнивые мысли и вполне ощутимый комплекс неполноценности, которые у самонадеянного ловеласа появились в последнее время по вине жены.

Условия для этого были как по заказу. Женин босс придерживался так называемого японского подхода к ведению бизнеса. Он старался, чтобы работники фирмы считали ее своим домом. Поэтому там нередко (намного чаще, чем в университете) устраивались корпоративные вечеринки с угощением и непременными танцами. Атмосфера на этих парти была куда более демократичной, здесь, как уже говорилось, Женя чувствовал себя свободно и раскованно. Его английского вполне хватало для далекого от снобизма смешанного общества.

Демократизм хозяина доходил до того, что на важнейшие семейные торжества он устраивал фуршеты, на которые приглашалась верхушка фирмы, работники со стажем, опора хозяина. Последний год в эту местную элиту вошел и Женя. Ни для кого не являлось секретом, по чьей инициативе молодой иммигрант удостоился такой чести.

Общение с Нелли давалось ему без всякого напряжения, тем более что больше приходилось танцевать, чем разговаривать. Высокие, стройные (Нелли была почти такого же роста, как Женя), они любили и умели танцевать. И когда до них долетали реплики: "Прекрасная пара!", — то обоим казалось, что это вполне может относиться не только к танцам. Фотографии молодых и красивых, разгоряченных танцем и эмоциями партнеров, больше напоминающие открытки, Женя хранил на работе, домой они не попадали — зачем гусей дразнить? Но время от времени рассматривая их и сравнивая с уже упомянутой фотографией, на которой был запечатлен низкорослый и потрепанный Пауделл, Женя высокомерно ухмылялся. И напрасно.

Дело было не только в деньгах. Настоящие "ходоки" не слишком часто бывают красавцами, а Пауделл в этом деле знал толк. Немалый опыт, ум и чувство меры делали его в общении что называется приятным во всех отношениях. Он с успехом использовал не только свои достоинства,

но и недостатки. В том числе позволял себе быть иногда немного смешным, иногда немного нелепым, что в женских глазах делало его "милым". Никак не меньше богатства на его имидж покорителя женских сердец работал огромный, да еще обросший легендами "послужной список" — это интриговало, создавало вполне ощутимую ауру. В этом списке, как гласила молва, явных авантюристок было немного, зато по секрету, шепотом, назывались имена вполне обеспеченных и знающих себе цену умниц и красавиц. Значит, было в нем что-то такое...

И хотя Надя была немного ханжой — неизбежное следствие "совкового" воспитания, — ей, тем не менее, льстило уважительное и ненавязчивое внимание Пауделла. Временами ей казалось, что отношения между ними — если бы они возникли — могли бы быть достаточно серьезными. Пауделл в ее присутствии не раз говорил, что ему надоела роль немолодого плейбоя, что он давно созрел для того, чтобы пойти по стопам Майкла Дугласа и остепениться. Нужно только найти свою Кэтрин Зета-Джонс, но Пауделлу хотелось бы, чтобы его избранница была серьезной, скромной и не столь вызывающе эффектной.

Все это высказывалось в узком кругу, на кафедре, и, разумеется, в шутливой форме. Но при этом Пауделл так индифферентно смотрел на собеседников, подчеркнуто никого не выделяя, что на щеках у Нади невольно выступал предательский румянец.

Нет, интрига определенно была.

И в одном Женя был абсолютно прав — решать придется Наде. Во всяком случае, в зависимости от ее решения события начнут разворачиваться в ту или иную сторону. Но пока они оба не предпринимали никаких шагов. Надя не рассылала свои резюме, как принято при поисках работы. Она сознавала, что сразу же в университет посыплются запросы, а это бы означало открытую конфронтацию с Пауделлом. Выяснять, почему Женя не подает документы в какой-нибудь колледж, не было смысла, в ответ на одну такую попытку он очень резко ответил:

— Если ты не ищешь работу, значит, тебя не должно интересовать, что я буду делать дальше. Это будет мое и только мое дело.

Больше Надя ни о чем не спрашивала.

— Чего они ждут? На что рассчитывают? — возмущенно хлопала себя по широким бедрам Света в далекой Хайфе. — Это как беременность — само не рассосется.

Наум долго вспоминал историческую Светину остроту.

Так прошел месяц. За ним другой. Через две недели должен был на-

чаться учебный год. Времени уже почти не оставалось. В доме Беляевых сгущались тучи. Не только советоваться друг с другом — поддерживать любой нейтральный разговор стоило больших трудов. Фразы повисали в воздухе. Няня Белла, обычно говорливая, на сей раз была тише воды и ниже травы и старалась держаться от хозяев на безопасном расстоянии.

Но таково свойство человеческой натуры: чем реальней становилась перспектива разрыва, тем больше оба осознавали, насколько дорога им семья. Как тяжело рвать столь прочные узы. И кроме того, несмотря на молодость, оба в глубине души понимали: если они согласятся на перемены, если разойдутся, то отношение к ним нынешних соискателей может немедленно измениться. Они вполне могут оказаться героями римейка известной картины Репина "Не ждали"... Такое слишком часто случается в жизни.

8

И в Хайфе настроение было хуже некуда. Хотя дети старались не огорчать стариков и ничего, кроме "мы пока ничего не решили", им не рассказывали, но Света видела на экране компьютера их лица, ловила взгляды, которыми они обменивались. Она разбиралась в ситуации, пожалуй, не хуже, чем они сами. Что-то вылавливала между строк, о чем-то догадывалась. Например, видя удивительное спокойствие Жени, она давно поняла, что "этот паршивец" нашел запасной выход. "По глазам вижу. Я его знаю как облупленного".

В перерывах между сеансами связи Света с Наумом переваривали увиденное и услышанное. Света как неприкаянная ходила по квартире из угла в угол. Но молчать и таить все в себе она никогда не умела, поэтому свои бесконечные сомнения и размышления обрушивала на единственного слушателя, который всегда был под рукой.

Теперь их прогулки были не только полезны для здоровья, но и насыщены увлекательными разговорами, сопровождаемыми по одесской привычке бурной жестикуляцией. Пожилые пары, прогуливающиеся по оживленному маршруту вдоль моря, как правило, делали это в молчании — обо всем за много лет давно переговорено. И они с завистью оглядывались вслед супругам, которые, судя по всему, не утратили интереса к жизни и друг к другу.

Наконец Света окончательно подвела итоги ситуации в Сан-Диего и на одной из прогулок постаралась донести эти выводы до своего лично-

го мыслителя, разбирающегося в каббале и Ницше, но ничего не понимающего в реальной жизни.

— Слушай, товарищ ученый... извини, сейчас ты господин ученый. Можешь решить простую задачу с несколькими неизвестными? Я обычный человек с обычным советским институтским дипломом, то есть практически без образования. Я решения не найду. Но ты же кандидат наук, а в Израиле даже доктор.

— Одна голова хорошо, а две лучше, — добродушно поддакнул Наум.

— Вот тебе первое неизвестное. Надежда не может не согласиться на это предложение. И главное, на работу в фирме. Такой шанс выпадает один раз в жизни, и то не каждому. У меня рука не поднимается ее осуждать.

— Не судите, да не судимы будете, — удачно вставил Наум.

— Погоди ты... Но у Пуделя свои виды. И Надежда это понимает. И я понимаю. Слишком все гладко и шито белыми нитками.

— Да, это не исключено, — вздохнул Наум. — Мистер Пауделл...

— Он должен понять, как дважды два, что тут ему ничего не светит, — и отказаться от своих планов.

— Если они есть.

— А ты сомневаешься?

Наум только пожал плечами. Света безнадежно махнула рукой — что с тебя возьмешь! — и продолжала:

— Но Надежду в фирму он должен принять. Понял? Вот тебе второе неизвестное.

— Почему неизвестное?

— Потому что неизвестно, как это сделать.

— Ну, знаешь ли... Понял — не понял, отказался от мыслей — не отказался. Как это определить? Нет четкой информации. И индикации.

— Вот! А должно стать всем ясно. Главное — Жене должно быть ясно. А иначе он из семьи уйдет. Ты его знаешь...

— Знаю, — опять вздохнул Наум. — Кому знать, как не мне...

— Это какое по счету неизвестное? Третье? Но самое главное четвертое — должно хватить денег на учебу Жене, на няню, на квартиру, на жизнь. Еще на два года. Если Женя не получит диплом, а она станет большой шишкой, то тогда все, на этой семье можно ставить крест, — Света горестно покачала головой. — Но Надежда, Надежда! Толковая же девица. И так любила Женю. Чего она тянет?.. Неужели решилась...

— Не верю, — решительно возразил Наум. — Ни за что не поверю. Но в одном ты, Светочка, права. Должно быть системное решение. Только

системное, одним пунктом не отделаешься. Но самое важное — без образования сейчас дороги нет... А ведь все можно было предвидеть. Я гово... — и Наум осекся. Сейчас это было ох как не вовремя. Впрочем, он всегда любил изрекать что-нибудь не вовремя.

Когда в Хайфе уже перестали надеяться и ждали со дня на день самых огорчительных известий, раздался телефонный звонок. Был будний день, около восьми часов вечера, для связи с Америкой время самое неподходящее. Света взяла трубку — она всегда брала трубку, так как общение Наума с внешним миром постепенно свелось к минимуму.

— Что такое, что-то случилось? — и она тяжело опустилась на стул. Трагические интонации в ее голосе на Наума не произвели большого впечатления. Света всегда очень драматично реагировала на любые новости в любой беседе. Всплескивала руками, удивлялась, ужасалась — почти вне зависимости от содержания разговора. Такой темперамент. Эта ее манера прогрессировала с годами. Сказанная с дрожью в голосе любимая фраза: "Какой ужас!" — могла с равным успехом означать и то, что соседский котенок написал на диван, и то, что сама соседка попала в больницу в тяжелом состоянии. Наученный опытом Наум спокойно слушал краем уха обрывки разговора, а сам разыскивал что-то в интернете.

— Ну, слава богу хоть на этом... Да говори ты толком... Да, здесь, конечно, здесь... Где ему быть... Хорошо, я набралась терпения... Я слушаю...

И дальше наступила долгая пауза, прерываемая только шумными вздохами Светы. Но вот прозвучало излюбленное:

— Какой ужас! Ох, какая я дура! При чем тут ужас?.. Прости, это я от неожиданности. Сколько времени?.. Полтора месяца? Это точно?.. А кто об этом знает?.. Всё, слушаю, слушаю...

И опять длинная пауза. Света слушала не прерывая и не вставляя реплик — очень на нее не похоже.

— Да, огорошила ты меня. Это комбинация... всем комбинациям комбинация. Надо еще поговорить. Такое дело... Я завтра позвоню, когда... Ну, ты понимаешь, когда смогу. Примерно в это время... Не все мне понятно... Надо подумать, обсудить. Ну, целую...

Света положила трубку и застыла, глядя куда-то в пространство.

"Комбинация", "целую"... Наум заинтересовался.

— Кто звонил? Что-то случилось?

— Ничего, наши бабские дела. Тебе неинтересно.

Весь вечер Света двигалась как сомнамбула, со скоростью в несколько

раз меньше обычной. Что-то забывала, что-то роняла. На вопросы отвечала невпопад. То же продолжалось и на следующий день. Наум даже забеспокоился:

— Что с тобой? Давление?

— Если бы только давление... Да нет, все в порядке.

Она неожиданно склонилась над сидящим в кресле Наумом и с чувством поцеловала его в лысину. Наум даже просветлел — давненько он не удостаивался такой чести.

— Ох, Нюма, Нюма... Так ты говоришь — системный подход? Иначе нельзя? Ну-ну, доктор наук...

Вечером, часам к семи, Света объявила, что на прогулку не пойдет, болит голова. А Наума отправила в магазин за черносливом — уже закончился.

— Из магазина пойдешь на море, а я пораньше лягу.

Наум послушно отправился по маршруту.

По возвращении он застал совершенно необычную картину. На журнальном столе, покрытом праздничной скатертью, был выставлен отличный натюрморт. В центре стояла бутылка дорогого импортного коньяка, подаренного друзьями к недавней годовщине их свадьбы. Некошерная ветчина. Банка черной икры из особых запасов. Печень трески нерусского происхождения. Овощи, фрукты, неизменный хумус — словом, все то, что в крайне торжественных случаях позволяют себе русские репатрианты. Удивительным было и то, что стол был накрыт в салоне, хотя, как правило, они ели на кухне. Мало того, все это изобилие являлось глазу в девять часов вечера, а согласно строгому семейному режиму, позже половины седьмого есть было категорически запрещено.

За столом в праздничном платье восседала причесанная и накрашенная Света. Наум отметил, что глаза у нее были немного красными.

— Это праздник со слезами на глазах? — игриво спросил Наум. — Опять я что-то забыл? Кто-то из нас женился, родился, развелся?

— Иди, остряк, прими душ и оденься поприличнее. Не тяни.

— Но кто виновник торжества? Мы ждем кого-то?

— Никого. Мойся, обо всем расскажу...

Когда Наум в чистой футболке и наглаженных шортах подошел к столу, в тарелках была закуска, в рюмках — коньяк, и возле каждой рюмки соблазнительно выглядывал бутерброд с толстым слоем икры. Все это было неспроста, и Наум наконец проявил проницательность.

— Так что мы празднуем? Неужели новости из Америки?

— Да. Из Америки. Но сначала выпьем за здоровье, оно нам очень понадобится...

На это Наум, которого Света обычно ограничивала в выпивке, охотно согласился.

Выпили, чуть закусили, и Света тут же налила по второй.

— Между первой и второй — промежуток небольшой. Но новости хоть со знаком плюс?

— Плюс, плюс, успокойся. Системный подход... Давай еще по одной.

— Ну, ты даешь... Впрочем, я всегда за. Ин вино веритас.

С аппетитом закусывая после второй, Наум нетерпеливо сказал:

— Ну, давай рассказывай. Хватит интриговать.

Света не интриговала. Она явно и очень сильно нервничала, и любой, кроме Наума, давно бы это заметил.

— Так, значит, эта беременность все-таки рассосалась? Как, каким образом?

— В том-то и дело, что не рассосалась. Надя ждет ребенка.

Наум выдал немую сцену. Это было настолько смешно, что Света не выдержала и, несмотря на свое с трудом скрываемое волнение, рассмеялась. Правда, в смехе ее звучали слегка истеричные нотки.

Но главное было сказано. Оставалось все по порядку объяснить Науму, который, по его собственному признанию, "пока не врубился".

В изложении Светы это выглядело примерно так.

Надя беременна уже полтора месяца, и этот неожиданный шаг, кажется, действительно помогает решить все проблемы.

Она сейчас может смело подавать документы в магистратуру. У Пауделла нет никаких оснований их не принять. Только через два-три месяца он воочию убедится, что все его планы можно выбросить на свалку, но будет уже поздно. Это — Света отметила с явным удовольствием — первая пара неизвестных в том уравнении, которое она недавно предлагала решить Науму.

И третье неизвестное. У Жени теперь нет никаких оснований противиться ее дальнейшей учебе. Никаких поводов для ревности. И нечем будет оправдывать свои шашни на стороне, в чем Света его не без оснований подозревает. Жена с двумя маленькими детьми — надежный якорь.

Света замолчала и никак не могла набраться решимости закончить объяснение.

Но кандидат технических наук Наум Сипитинер оправдал возложенные на него надежды и догадался сам. Не напрасно он в не слишком дале-

ком прошлом отличался умением четко видеть последовательность в цепи доказательств и безошибочно выделять основное звено.

— Постой. Постой. А четвертое неизвестное? Деньги? Раньше их не хватало на одного ребенка, теперь их будет два. И та же няня Белла теперь будет обходиться еще дороже... Как же Женя пойдет учиться?

Ответа не было. Наум внимательно посмотрел на Свету. Она отвернулась, и глаза ее наполнились слезами. Впрочем, это и был ответ.

— Ах, так... — Наум даже не успел испугаться. — Ты поедешь в Америку. Бесплатная няня Света заменит дорогую няню Беллу. Действительно системный подход.

Света украдкой вытерла слезы и заторопилась:

— Почему я? Мы оба поедем туда. Надя говорит, что мы оба...

— Надя говорит... На какие шиши? Два старых человека без гроша в кармане, без прав, но с болячками...

Света продолжала сыпать словами. Нет, нет. Не все так безнадежно. Она как одинокая старенькая мама вполне может получить медицинскую страховку, у них это называется иншуренс, — это самое главное. В семье двое детей, и одинокая старенькая мама — она со вкусом повторяла это сентиментальное определение — даже может получить гринкарту. Надя узнавала. А уж на тарелку супа Света всегда заработает. Полдела, таким образом, уже решается... Правда, с Наумом на первых порах хуже, для иммиграционных служб он чужой человек, не член семьи, но гостевую визу...

Наум почти не слушал. Он как-то застыл и внезапно со всей очевидностью осознал масштаб и неизбежность ожидающих его перемен. Это был шок, настоящий шок. Равнодушно и устало он сказал:

— Света, оставь. Мне семьдесят два года. Жить на птичьих правах я уже не могу. И не буду. И ты это прекрасно понимаешь. И содержать меня без статуса и медицинской страховки они не смогут, это ежу понятно. Ты — другое дело. Ты одинокая старенькая мама и незаменимая бабушка. Ты можешь там жить и помогать. А если мы будем жить там за печкой оба, то будем приживалами. И это будет на порядок дороже няни Беллы. Зачем попусту тратить слова... У меня, к примеру, операция простаты на носу, а там это немереные тысячи. Ха! Простата на носу! Здорово сказано! Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Света продолжала плакать и уже не пыталась это скрывать.

Наум налил рюмку. Поднял. Рука дрожала. Выпил без тоста.

— Нюма, только два года. Пока Женя окончит учебу, а Надя — аспирантуру. Пока они встанут на ноги, — и неожиданно перешла в наступле-

ние: — Если бы это был твой сын, то ты бы понял, что ломать ему жизнь в самом начале нельзя. Даже ценой двух лет неудобств. Ты же не ребенок и, тьфу-тьфу-тьфу, пока вполне можешь себя обслужить. А если Женя бросит учебу — всё. У них будет совсем другая жизнь. Он нам не простит. И я себе не прощу.

— И мне...

— Да, и тебе тоже, — жестко сказала Света.

Это была угроза. Может быть, первая за всю совместную жизнь. Но Наум в ответ только кисло улыбнулся. Какие угрозы могут быть в таком положении? Чем его теперь можно напугать? И Света это без слов поняла.

То ли коньяк сыграл свою роль, то ли экстремальная ситуация взбодрила, но в Науме проснулись его аналитические способности и, казалось, навсегда почивший в прошлой жизни обиженный злой сарказм. Он увидел дальнейшее развитие событий на много ходов вперед.

— Всего на два года... Света, мы все знаем — в Израиль не возвращаются. Раньше хоть под старость бывшие израильтяне приезжали умирать на родную землю, а сейчас даже этого нет. Ехать под очередную бомбежку и при смерти не каждый захочет.

— Какой ужас! Нюма, побойся бога. О чем ты говоришь? Мы столько лет вместе. Дети встанут на ноги, и мы...

— Ладно... Проехали... Как я понял, это Надя одна все решила, без Жени?

— Да, Женя пока не в курсе.

— А как же ребенок появился, если Женя не в курсе?

— Старым способом. Ты уже забыл, как это делается...

Несмотря на трагичность момента, Наум смутился. Он действительно последнее время как-то стал забывать...

— Ладно, не обо мне речь. Ну Надежда, ну железная леди. Все за всех решила. Никому выбора не оставила. Пауделл действительно ее примет, и потом, когда увидит, чем дело кончилось, вынужден будет помалкивать. Женю тоже за шкирку — и назад, в многодетную семью. И тебя, Света. Да, и тебя. Точный расчет. Двух малюток ты бросить на произвол судьбы уже не сможешь, должна будешь поехать, если у тебя есть сердце. И помочь сыну закончить учебу — тоже дело святое. Отличная комбинация с жертвой пешки.

— А что, что было делать? Какой был выход?

— Хоть посоветоваться. Особенно с теми, кто пострадает. Хотя бы... со мной.

Наум замолчал. Больше в этот вечер Свете не удалось выдавить из него ни слова.

Михаил ПОЙЗНЕР

Шел трамвай 4-й номер...

А что у меня в Одессе еще осталось?

Наверное, только вспомнить осталось...

Да и вспоминается почему-то только одно и то же.

Вот хожу весь день взад-вперед по нашей Пушкинской — от Приморского бульвара аж до вокзала. А трамвайные рельсы не попадаются...

Что-то голова уже совсем не варит. Говорю сам себе: "Я же не мог перепутать... " Хотя мало ли что? Целых 26 лет пробежало.

А название этой "улицы с трамваем", как назло, выскочило из головы. Конечно же, Чичерина, по-старому — Успенская. А теперь, говорят, уже по-новому Успенская, а по-старому — Чичерина. Цирк один...

Вообще, я никогда и не пытался запомнить. Знал, что даже вслепую, даже хоть через сто лет, найду эту улицу. Ноги сами приведут.

...Сначала что-то списывали на произвол судьбы или стечение обстоятельств, а потом время само разбросало все по сторонам... Попробуй сейчас соединить в одну жизнь все, что было! А когда соединишь, то сознание отказывается понимать. Как такое может быть? Это же никогда не соединяется!.. Это не может соединиться!!!

У меня соединилось... И что получилось, то уже получилось.

Учился я тогда в мореходке на Канатной. Ну, первый год пожил в экипаже. И учился как все, без особого перенапряжения. Рассчитывал только на себя. Мама весь день на своей Джутовой. Я мог ее не видеть даже неделями. Вместо нее всегда записка: "Сыночка! Суп — на плите, масло — в авоське за окном, хлеб — в мешочке, компот — между дверями... ". В голове футбол и "Черноморец", Ланжерон, танцы на Майдане, ребята из экипажа... Что еще? Ну, пройтись по Дерибасовской, вечерком заглянуть в летний "Комсомолец" или парк Ильича, откинуться на скамейке Приморского бульвара... . А по воскресеньям пропадал на Староконном среди голубятников. Чем не настоящая жизнь?!

После учебы домой как-то не очень спешил. По Канатной доходил до Чичерина, там на 4-й трамвай — и вперед, до моей Прохоровской угол Дуринского переулка. В мореходку тоже по такой же схеме: "4-й трамвай — Канатная". Так прислонюсь к окну, смотрю по ходу движения на окружающий одесский мир и что-то напеваю про себя... Одним словом, жил без ог-

лядки. Не жил, а катился. Мореходка оденет, мореходка накормит, мореходка научит, мореходка поможет...

А тогда, 24 октября 74-го, часов в восемь вечера я, как обычно, стоял на углу Канатной на трамвайной остановке. Надо было уже начинать двигаться к своему дому. Подошел трамвай, поехали. На задней площадке пробился к окну, чтобы заняться любимым делом — провожать глазами пробегающую жизнь. А что было дальше — помню поминутно.

За моей спиной цеплялись к девушке. На ее громкий окрик я автоматически обернулся. На мгновение наши глаза встретились. Я понял, что она рассчитывает на меня. Я не мог не заступиться! Что, моя Прохоровская — "подарочный" район? Кое-что я уже в этой жизни видел... Еще чуть-чуть — и я, как водится, скинул бы ремень с бляхой. А дальше только держись. В мореходке этому быстро учились. Да и на Успенской, и вокруг всегда полно наших. Всегда моряк за моряка встанет горой.

Не успел... Пока останавливал одного, другой ударил ножом в спину. Люди с криками бросились к выходу. Буквально шли по мне... Перед глазами все поплыло, а в голове зазвучал старый одесский мотивчик:

... Шел трамвай 4-й номер,
на площадке кто-то помер.
Тащут, тащут мертвеца,
Гоп ца-дри-ца
Гоп ца-ца...

Это еще с детства, с нашей 103-й школы, на Болгарской угол Высокого, застряло внутри. Успел даже сообразить, что песенка эта, кажется, почти обо мне. Все вроде бы сходится... Только, правда, я пока еще не помер...

А что дальше? Все разбежались — и виновники, и свидетели. Надо мной склонилась только она. Только она пыталась помочь, только она дождалась "скорой"...

А что еще дальше?

Буквально на третий день меня отчислили из мореходки. Ни с чем не посчитались. И на мать мою одиночку тоже не посмотрели. Никто не хотел разбираться... Очевидно, я подпортил какие-то высокие показатели... А когда узнали, что я еще не собираюсь умирать, так даже милиция отцепилась. Наверное, каждый может рассказать миллион таких одесских историй...

Ленка, так звали девушку, постоянно навещала меня в больнице. Провалялся я месяца два "с гаком". Потом неожиданно мы начали встречаться. Все произошло как-то незаметно, как-то само собой. А тогда, в трамвае,

я вообще четко ее не рассмотрел. Теперь же четко понял, что Ленка — это самое большое и бесценное в моей жизни.

...Мама слегла, не выдержала несправедливости. Ведь она гордилась мной. Она же сама ставила меня на ноги... Сама! А тут перед ней сразу же закрылись все двери. Сколько она могла так протянуть? Меня как единственного кормильца поначалу в армию не брали. А через год мамы не стало... Я почти сразу же загремел в армию. Хочешь не хочешь, а два года отдай...

Потом все те "трамвайные" и другие дела как-то стали перемещаться на задний план. Началась другая жизнь... Мне ничего не надо было, только бы Ленка рядом. Жила она на Осипова, между Успенской и Базарной. Так что по той Успенской гуляли довольно часто, даже глубокой ночью... Ленка, бывало, озорно пробежит вперед и пойдет по трамвайному рельсу, как по натянутому канату, широко разведя руки в стороны. Я подыгрывал, участвуя в этом цирковом трюке... Вообще, наша громыхающая "четверка" была даже роднее родного дома. А сколько в ней прошло доверительных разговоров, сколько раз она укрывала от дождя и снега, сколько раз бежала скорее "скорой", когда я опаздывал к Ленке?!

Вот так те короткие дни складывались в наши длинные месяцы. Потом попал на работу в Ильичевский порт — сменным слесарем на 2-й район. Не мог дождаться конца рабочего дня — мчался к ней. Уже даже начали строить какие-то планы...

В те годы в Одессе было, кажется, только два главных ЧП. Это когда в 65-м почти рядом со мной "от газа" на Госпитальной дом взорвался. И когда 17 марта 79-го во Внуково разбился самолет "Москва — Одесса". Вот как раз вся моя тогдашняя жизнь и уместилась между двумя этими событиями. И Прохоровская, и школа, и мореходка, и армия, и Ленка моя. И несправедливость, и справедливость, и счастливые часы. И те мгновения, по которым сегодня можно представить давно прожитые годы.

Ленка была в том самолете... Тогда я вылетал в Москву на опознание тела. А кто еще мог? Помню, кручусь тогда в одесском аэропорту. Вот-вот должна была вылететь группа "опознавателей". Как я не прятался, меня все-таки увидели ее друзья — парень и девушка только расписались, летели куда-то в свадебное путешествие. Веселые, прижались друг к другу. Подмигнули: "А Ленка где? Скоро и у вас все будет...". Они-то еще ничего не знали, а я не мог их расстраивать. Сжал зубы, а слезам не прикажешь...

Что дальше?

Дальше потолкался у нас на 1-м судоремонтном заводе в доковом цехе, потом махнул на Сахалин. Надо было как-то забыться... В Одессе уже

ничего не держало. Там окончил заочно мореходку. Объездил весь Дальний Восток — работал и на Камчатке, и Чукотке, и Курилах, и в Приморье. Все было... Бесконечные общаги и брандвахты. Чемоданы и рюкзаки, койки и матрасы, вокзалы и аэропорты, причалы и бортовые машины. И все новые и новые лица... А вокруг тучи мошкары, дожди, ветруганы, снежные бури... Казалось, уже навсегда потеряно ощущение пространства и времени. Ходил по самому краю жизни. И так годами...

А Ленку забыть не смог.

Даже сейчас, бывает, вскакиваешь на внезапный стук в дверь, на неожиданный телефонный звонок, на ночные шаги за окном... Может, это ее шаги, ее стук, ее звонок?..

...Вот и годы эти проскочили. Много их...

А что теперь?

Приехал поправить могилки — Ленки и мамы моей. И еще ребят наших с Прохоровской... Кому это еще нужно?

Все давно перевелось на что-то другое...

А рельсы те вели меня всегда домой, в Одессу, не давали сбиться с пути.

Трамвая 4-го нет... Никто уже не выходит на проезжую часть, как мы когда-то, чтобы посмотреть в сторону парка Шевченко, где там застряла наша "четверка"?!

И улица получилась нарядная и гладенькая.

И от жизни той ничего не осталось...

...Помню, как на Сахалине, где-то в Корсаковском порту, так получилось, что в очень узком месте нужно было быстро проскочить по крановому рельсу. Ну, прямо перед самым носом движущегося портального крана.

Проскочил... А представлялось, что мы снова в Одессе, снова на Успенской, идем по рельсу нашего 4-го трамвая. Ленка, сохраняя равновесие, шаг за шагом, медленно двигается вперед, а я рядом, держу ее руку.

И так всю жизнь... Одним словом,

Гоп ца-дри-ца

Гоп ца-ца...

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ

Переход

Андрей Яковлевич Тимофеев, капитан теплохода "Зоя Космодемьянская", имел слабость. Из-за этой слабости он уже неоднократно имел неприятности, в последний раз весьма серьезные. Поэтому в этом рейсе он держался. Целых два месяца. Но когда пароход прошел Мальдивы, имея своей целью Одессу, капитан решил, что настало время вспомнить и о себе. Переход длинный, спокойный аж до Суэца, почему бы не расслабиться? Помполит, старый друг и собутыльник, уже совсем с лица спал без водки, одним словом, капитан и помпа заперлись в каюте от любопытных глаз. Наружу не показывались, повар носил им еду и спиртное.

Экипаж мгновенно почувствовал, как ослабли вожжи. Матросы стали уходить на перекур на десять минут раньше, а выходить на работу на десять минут позже. Штурмана притащили на мостик книжки и журналы. В свободное время все стали предаваться тому же пороку, что и капитан, но... капитанские запасы представительских не шли ни в какое сравнение с запасами экипажа.

В тот вечер четвертый помощник Вася Федин отмечал день рождения кошки Марты, "большой умницы", как высказался он. Приглашены были третий помощник Кирилл Кудряшов и радик* Митя. Пол-литра "Московской" были выпиты слишком быстро, лишь раззадорив аппетит.

— Еще бы, — с сожалением сказал радик, рассматривая дно своего стакана.

— У кого сейчас газ есть? — уныло ответил четвертый.

— Может, к дяде** сходить? — неуверенно предложил Кирилл.

Никто ему не ответил, потому что предложение было глупым, и помощник сам знал это.

— Ладно, будем расходиться, — сказал Вася.

— Нет, — замотал головой Кирилл, — мы достанем, вот увидите.

— Да где ж ее достать, если вчера дракон*** по всему судну бегал и не нашел? — засмеялся радик.

— Говорю тебе, достанем, — нахмурился помощник, — подумать только нужно.

---

* Радик — радист.

** Дядя — капитан.

*** Дракон — боцман.

Он сел ровнее, нахмурился, всем своим видом показывая, что предается размышлениям. Вася и радик лениво переговаривались вполголоса, даже не делая попыток поразмыслить. К чему? Водки на судне нет, они это знали точно. А если и есть, то не дадут, берегут для себя.

— Эврика! — вдруг воскликнул третий.

Радик и Вася, как по команде, обернулись.

— Док, — поднял палец помощник.

Предложение встретили скептически.

— Не даст, — покачал головой радик. — Он за спирт больше чем за скальпель дрожит.

— Согласен, — поддакнул четвертый.

— Даст, — категорически сказал Кирилл. — Я ему вчера две списанные карты дал. Даст.

Не слушая возражений о том, что доктор спирт не выдает, помощник вышел за дверь. Конечно, Кирилл и сам понимал, что его шансы более чем призрачны, но человек пьяный и человек трезвый не могут, строго говоря, рассматриваться как одно лицо, хотя паспорт у них один.

Итак, Кирилл поднялся на палубу вверх и постучался в каюту доктора. Лившиц Борис Петрович открыл секунд через двадцать, загородил могучим телом проход, не пуская помощника. По его лицу было видно, что гость не вовремя.

— Боря, — прижимая руки к груди, сказал Кирилл, — сто грамм спирта, во как нужны!

— Не дам, — спокойно ответил доктор.

— Гирокомпас гибнет, мне нужно.

— Не дам, — повторил доктор и сделал попытку закрыть дверь.

— Человек ты или нет? — помощник втиснул в щель носок ботинка.

— Не дам, — в третий раз повторил доктор, толкнул Кирилла и закрыл дверь.

— Ах, вот вы какие, — мстительно сказал Кирилл, — ну погоди же.

Впрочем, доктор был боксер-разрядник, поэтому снова стучаться помощник поостерегся. Он крикнул в закрытую дверь:

— Козел! — и с оскорбленным видом пошел обратно.

Собутыльники встретили его понимающими возгласами:

— Не дал?

— Я же говорил!

— А я ему две карты вчера дал, — шмыгал носом Кирилл. — Собака в халате.

На утренней смене вахт Вася с удивлением заметил, что хмурый Кирилл никак не может успокоиться.

— Чего ты? — удивленно спросил он. — Не дал и не дал, х... с ним.

— Нет, — покачал головой помощник, — он мне в душу плюнул. Я к нему как к человеку, а он...

Дальше он разразился целой речью на пять минут. Смысл ее сводился все к тому же: к доктору пришли за помощью, а он страждущего кулаком в грудь, хотя и давал клятву Гиппократа.

— Так что же ты делать будешь? — удивленно спросил Вася.

— Пока не знаю, — вздохнул Кирилл. — Понаблюдаю — слава богу, каюта рядом. Один бог без греха, что-то высмотрю.

Наблюдения дали свой результат. Уже на третий день Кирилл поманил Васю пальцем и, задыхаясь от смеха, сказал:

— Зинка вчера ночью к доку заходила.

— Может, за лекарством? — засомневался четвертый.

— Сорок минут?!

— Ну, процедуры...

— Я у двери послушал, стонали будь здоров.

Вася задумался. Буфетчица Зина слыла неприступной твердыней. На все попытки ухажеров она вскидывала вверх свой и без того вздернутый носик и говорила:

— Я в море мужа искать пришла, а не кобеля, геть!

Но с другой стороны, какие у него основания сомневаться в информации Кирилла?

— И что ты думаешь делать?

— А вот что, — Кирилл снова задохнулся смехом. — Сегодня она к нему придет, а я их сфоткаю. Ты спустишь меня с палубы, и я через иллюминатор — щелк!

— Здорово, — потер ладошками Вася, — придумано здорово.

Ночью после двенадцати друзья собрались в каюте Кирилла. Время тянулось нестерпимо медленно.

— Может, она раньше была? — тихо спросил четвертый.

— Побоятся, — прошептал Кирилл.

Наконец в коридоре послышались шаркающие шаги. Друзья припали к филенке.

— Она, — прошептал Кирилл, — оранжевый халат.

Легкий стук, скрип двери, щелчок задвижки.

— Все, — вскочил Кирилл, — побежали наверх!

Предприятие заговорщики затеяли рискованное. С палубы капов* Вася должен был, держа Кирилла за ноги, спустить друга вниз, пока его голова не достигнет уровня иллюминатора доктора. Но Кирилл весил всего шестьдесят кило, а Вася был парень крепкий, это сильно облегчало задачу. Итак, четвертый помощник обхватил ноги Кирилла, и тело помощника змеей скользнуло вниз.

— Ну как? — тихо спросил Вася.

— Еще чуть вниз, — ответил снизу приглушенный голос.

— А сейчас?

— Порядок, — хихикнул помощник. — Как на ладони. Док сверху, умора. Сейчас я их... Черт, качает.

Вспыхнула вспышка "Зенита", раз, другой, третий...

В каюте у доктора царил полумрак. Зина лежала и думала о том, как ей повезло: нашелся таки человек, который женится на ней, и при этом он сам такой сильный, красивый. Не матрос какой-нибудь... Что это сверкает, бьет в глаза? Буфетчица всмотрелась в стекло иллюминатора и...

— Костя!! — завизжала она.

Доктор вскочил, заметался по каюте, потом подскочил к иллюминатору и начал отвинчивать барашки креплений.

— Тяни! — закричал наверх Кирилл.

Вася напрягся и к своему ужасу обнаружил, что не может поднять друга, устали мышцы. Он сделал еще одну попытку... с таким же успехом. Доктор тем временем открыл иллюминатор.

— Тяни!! — еще раз завопил Кирилл.

Четвертый напрягся, но тело помощника не пошло вверх ни на сантиметр.

Секунду помощник и доктор смотрели друг на друга, потом раз — и фотоаппарат вырвался из рук Кирилла и, пролетев через всю каюту, ударился о переборку. Два — кулак доктора ударил помощника в скулу.

— Тяни! — жалобно крикнул Кирилл.

Вася застонал, пытаясь втащить такое легкое когда-то тело, но теперь оно, казалось, весило целую тонну. Тем временем доктор вспомнил боксерское прошлое и принялся работать с головой помощника, как с грушей. Бац, бац — стучал кулак, раз, раз — голова Кирилла равномерно качалась из стороны в сторону.

— Левую руку резче выбрасывай! — вспомнил "боксер" замечание учителя.

* Капы — выход вентиляции из машинного отделения.

Наконец доктор решил, что с юного папарацци хватит и, потрепав его за нос, захлопнул иллюминатор.

— Вася! — жалобно заплакал Кирилл.

Четвертый сам чуть не рыдал, потому что чувствовал, что еще чуть-чуть, и он выпустит друга. Но что он мог сделать?

— Не могу, — просипел он.

Кирилл посмотрел вниз. Ему казалось, что вода все ближе и ближе, уже чудились среди волн зловещие ухмылки акул... О том же подумал и четвертый.

— Аааа! — закричал Вася.

Он вцепился в спортивные штаны друга зубами, словно собака, и отчаянным рывком потянул вверх. И о чудо! — тело помощника поползло вверх. С каждым мгновением четвертому становилось все легче. Вот уже и колени перетащил через леер*, вот и торс.

Кирилл сел на палубу, ошарашено оглядываясь, рядом упал обессиленный Вася. Лицо у третьего помощника горело от побоев, а сердце жаждало мести. Он понимал, что фотоаппарат с компрометирующими снимками пропал, но главный компромат еще в каюте. Вбежать, ворваться, поднять шум, пока буфетчица не ушла. Кирилл бросился в надстройку, не слушая удивленных криков друга.

Но доктор боксер, можно получить нокаут и очнуться утром. Следовало действовать наверняка. Необходимо вырубить дока первым, а потом скандалить. Ярко-красный огнетушитель на стене привлек внимание помощника. Отлично. Взяв железное орудие на манер тарана, Кирилл выжидающе встал у двери доктора. Из каюты доносились шепот, торопливый шорох одежды, всхлипывания. Отлично! Сейчас доктор высунет свою голову наружу и...

Дверь скрипнула, помощник напрягся, в проеме показалась голова, огнетушитель понесся вперед, набирая скорость... Слишком поздно увидел Кирилл длинные черные волосы, слишком поздно мелькнул в проеме оранжевый халатик. Как назло, удар был рассчитан исключительно точно и нанесен очень сильно.

Красная болванка въехала в лоб буфетчицы чуть повыше переносицы. Зина ойкнула и влетела обратно в каюту. Дверь по инерции закрылась. Послышался стук падающего тела.

— Мама, — испуганно сказал помощник.

* Леер — перила ограждения.

Со злости он швырнул огнетушитель дальше в коридор. Красный болван загрохотал по палубе, а потом выпустил в воздух клуб грязного порошка.

— Да что тут у вас творится? — из смежной каюты выглянуло заспанное лицо третьего механика.

— Ммм... — забормотал Кирилл.

В этот момент дверь докторской каюты распахнулась, и оттуда вышел разъяренный хозяин.

— Ну, су...!

— Мужики, дайте спать! — в коридор вышел четвертый механик.

Доктор мгновенно успокоился, а глазам собравшихся предстало следующее зрелище: неподвижная Зина в распахнутом халате посреди каюты. Все ясно: доктор хотел изнасиловать Зину, а Кирилл вступился.

— Полегче! — закричал доктор и указал на огнетушитель и фотоаппарат.

Все ясно: Кирилл приревновал Зину и треснул ее огнетушителем.

— Чего, чего?! — завопил помощник и указал на свое битое лицо.

Дело оказалось непростым, принялись разбираться, когда снаружи к месту происшествия прибежал запыхавшийся Вася. Взглянул на бездыханное тело, побледнел и прошептал:

— Так вы убили ее...

Все замерли, не желая верить. Доктор на ватных ногах опустился рядом с девушкой и взял ее запястье.

— Пульса нет, — испуганно пробормотал он.

Уже потом нащупался и пульс, и сама Зина пришла в себя. А тогда, в первые минуты, все от ужаса не знали, что делать. И Кирилл, бессильно опустившийся на палубу, и доктор, сидевший, как паралитик. Даже помполит, который всякого повидал, почувствовал, что мир перевернулся, когда к нему в каюту ворвался четвертый помощник и заорал:

— Зинку зарезали!

Под утро постаревшие на пять лет капитан и помполит подводили невеселые итоги.

— Вот тебе и спокойный переход. За такое страшно подумать, что будет, — пробормотал Андрей Яковлевич и поскреб давно не бритый подбородок.

— Выговором не отделаешься, — согласился помполит.

— А понижение в должности не хочешь?! — язвительно сказал капитан.

— А может, не поднимать шума, замять? — предложил помполит.

— Это как?

— А так. Все равно, если откроется, костей не собрать, так лучше замять. Не было ничего.

— Так все уже всё знают, настучат.

— Знают пока два механика. Нормальные ребята, не стучат. Я с ними поговорю, думаю, все будет в порядке. Что касается прочих участников, то им эта история дорого обойдется. Поэтому замять в их же интересах.

— А Зина?

— А что Зина? У нее тоже не все гладко: аморальное поведение, бытовуха. Конечно, нужно ее как-то задобрить, ну, это дело техники. Так что, замнем?

Капитан подумал и махнул рукой: замнем.

И наверное, удалось бы, но все дело испортил доктор. Не хватило у человека выдержки. Он же обещал Зине жениться. А сам, когда прошли Босфор, возьми и брякни:

— Мало ли кто что кому обещал, не помню.

Зина в слезы, а он повернулся — и в каюту. Буфетчица ночь не спала, а наутро накрыла на завтрак и пошла на корму.

— Эй, Митрич! — крикнула она через иллюминатор повару. — Попрощаться хочу.

— Успеется, — отмахнулся повар, переворачивая яичницу, — будет время...

Договорить он не успел, потому что буфетчица неуклюже перелезла через леер и прыгнула за борт. Естественно, шлюпочная тревога, поворот Вильсона*, шлюпку на воду. И это на рейде Одессы! Незадачливую Каренину, мокрую, жалкую, с рогом на переносице, вытащили, но на причале судно уже ждала комиссия, точнее, две комиссии.

Все члены экипажа писали объяснительные, кто что знает. Как оказалось, многие знали не просто все, а даже то, чего не было. Итоги разбирательства были неутешительны: капитану — выговор с предупреждением и закрыть визу на год. Через полгода ушел на "Карле Либкнехте". Старшему помощнику — выговор с занесением (за компанию). Третьему помощнику — выговор с предупреждением и закрыть визу. Через три месяца ушел в рейс. Четвертому помощнику — выговор с предупреждением. Доктору — выговор с предупреждением и закрыть визу. Ребята встречали, плавает. Буфетчице — закрыть визу. Зина — единственная, кого отлучили от моря.

* Поворот Вильсона— маневр, применяемый судном при спасении утопающего.

Помполиту... помполит оказался стреляным воробьем, и как судно ошвартовалось, слег с "сердечным приступом". Отделался выговором. Таким образом, единственным, кто реально пострадал, оказалась Зина. Но это правильно, ибо недаром говорят французы: *cherchez la femme*, что по смыслу значит: во всем виновата женщина!

Владимир ЕФИМЕНКО

В нашей коммуналке...

Людоед

Когда я был маленьким, я часто гостил у дедушки в Успенском переулке. Иногда — только на выходные, а порой оставался надолго. Мне было хорошо у деда: днем мы гуляли в скверике, где я катался на педальной лошадке, а вечерами дед читал мне "Мифы Эллады". Читал с выражением, с драматическими паузами, представляя собой театр одного актера: "И спросил Одиссей Телемака: "Кто открыл дверь оружейной женихам? Не Мелантий ли подлый?" — такими же интонациями, как будто спрашивал: "Кто опять рисовал на обоях?". Засыпая, я видел проход между Сциллой и Харибдой, видел Горгону Медузу и Цербера, Лернейскую гидру и гарпий.

Но как-то раз, когда меня привели к деду, я заметил, что весь двор до ворот усыпан цветами: тюльпанами, большими ромашками. Проходя по цветочной дорожке, я хотел было поднять один красный тюльпан, который мне очень понравился, но мама сказала, что его трогать нельзя. Я был послушным мальчиком, зная, что с пола нельзя ничего поднимать, и потому решил, что подберу его позже, когда мама уйдет.

Вечером я выскакивал в коридор и долго громко топал по дощатому полу, добегая до кухни, где соседи готовили еду. Некоторых я знал. (Люди, жившие в дальнем конце коридора, были для меня если не иностранцами, то, во всяком случае, таинственными незнакомцами.) Один из них вольно или невольно здорово меня напугал, когда я ворвался на кухню, а он в это время — точил нож и выразительно на меня посмотрел. Я тогда с ревом пролетел по длинному, как скука, коридору, и рыдая, пожаловался дедушке, как "злой дядька, очевидно, людоед, чуть меня не съел". С тех пор путь на кухню превратился для меня в дорогу, вымощенную желтым кирпичом, со всеми возможными приключениями и опасностями.

Но в тот день я встретил "людоеда", который мирно разговаривал с дедушкой. Они говорили о нашей соседке — тете Фросе, которая почему-то целый день уже не появлялась, а ее-то я знал очень хорошо, потому что наши двери были рядом, и она часто угощала меня конфетами. Людоед мирно погладил меня по головке, и я решил, что он специально притворяется, что он такой добренький, перед моим дедом. А потом приходила какая-то

заплаканная бабушка в черном платке, которую я узнал: это была сестра тети Фроси, из деревни. Меня отправили спать.

Утром, часов в десять, я выскочил в коридор. Там, как обычно, пахло дустом и керосином. К двери тети Фроси была приклеена бумажка с печатью, как раз там, где английский замок. На мои расспросы мне ответили, что "Фрося уехала", и я понял, что поддерживать эту тему никто не хочет. Несколько дней бумажка висела на двери, и просыпаясь, я выглядывал посмотреть, не порвана ли она. И действительно, в один прекрасный день обнаружил, что она не только сорвана, но даже след от нее тщательно вытерт. Я постучал в дверь, как делал это раньше, но мне никто не открыл. Тетя Фрося была пенсионерка, курила "Беломор", но никогда не уходила из дому надолго. Вечером она так и не вышла.

И вот глубокой ночью, когда дедушка заснул, в темной непроглядной глуши, когда все силы зла выходят наружу, я выскользнул в коридор, где горела тусклая лампочка, засиженная мухами, и тихонько приблизился к соседней двери. Вокруг была такая тишина, что из каждой тараканьей щели можно было услышать завывания душ Тартара или шипение дракона. За дверью раздавались тихие звуки, будто кто-то тихо плакал. Я нагнулся посмотреть в щелку — свет через нее обычно виден. Но там была полнейшая темнота. А плач — необычный. Это скорее походило на рыдание, но очень глухое, и всхлипы были какие-то медленные. Женский голос явно не Фросин — я хорошо знал ее прокуренный баритон. Этот был тонкий и нежный. Отчего она так расстроилась, эта тетя? Я почему-то вспомнил принцессу в заколдованной башне. И вдруг низкий мужской голос с какой-то злорадной интонацией произнес за дверью: "Что, еще? Еще хочешь, да?" — ему ответили рыдания и стоны принцессы. В ужасе я шмыгнул обратно в комнату, потому что узнал голос людоеда! А дедушка мирно спал, не подозревая, какие жуткие злодейства творятся у него за стеной.

Утром я рассказал дедушке, пока он жарил яичницу на сале, что, по-моему, у Фроси кто-то живет. А он даже не удивился. Потом появилась молодая худенькая тетя с ключами в руках, заперла Фросину дверь, улыбнулась мне и ушла. Она мне сразу понравилась — особенно эта ее тихая улыбка. Ведь это и была принцесса! Я тщетно пытался отыскать следы слез и страданий на ее милом лице, но она быстро отвернулась (наверное, чтоб я не заметил) и удалилась, цокая каблучками. Тогда я рассказал деду, что людоед приходил ночью и мучил эту (кем она являлась на самом деле, было моей тайной) хорошую тетю, что надо позвать милицию, а он только посмеялся (чем меня очень обидел) и сказал, чтоб я не болтал глупостей.

После этого прошло много дней, я жил дома и почти забыл про людоеда. Но когда я опять оказался у дедушки, снова встретил его. Это было на общей кухне. Принцесса варила яйца в маленькой кастрюльке и что-то мне ласково приговаривала. У нее было нарядное платье и очень красные губы. Но тут в дверях показался мой лютый враг, с волосатой грудью, в одних спортивных штанах. Он ухмыльнулся, увидев меня, и продолжая нагло скалиться, подмигнул принцессе. Та растерялась, и когда злодей сделал шаг навстречу, оглянулась в мою сторону, а потом беспомощно и как-то виновато улыбнулась ему, но уже совершенно иначе. Она словно просила, чтоб он не мучил ее хотя бы в моем присутствии. И тот отступил, всем своим видом показывая, что не бросает своих намерений. Потом она что-то резала на доске, и я заметил, как у нее текут слезы. А еще пыталась шутить и улыбаться! Но меня не проведешь...

Это было очень давно. Так давно, что я иногда сомневаюсь, было ли это вообще. И хотя я сам теперь — порядочный людоед, мне мало кого было так жалко, как несчастную принцессу. Мне жалко ее по сей день.

След

В нашей коммуналке жила соседка — Акулина Степановна Драпалюк. (Ни одной лишней буквы в угоду красивому слогу, поверьте мне.) Мы звали ее "тетя Киля", а за глаза — просто Килька, совсем как эту, будь она неладна, кильку в томате. Она жила в комнатке — два на четыре метра, да еще в четыре высотой, напротив наших дверей, откуда общий коридор вел на общую кухню. Она была чуть старше XX века, и росту в ней было метр двадцать, в тапочках. Она была абсолютно безграмотна, писала на бумажке под звонком свою фамилию с ошибками и всю жизнь проработала на табачной фабрике. (Пока что я еще нигде не наврал, и надеюсь, не сделаю этого, хотя замысел мой явно не мемуарный, и уж тем более, не протокольный, — так жизнь иногда подбрасывает сюжеты, которые сильно страдают при переделке, шлифовке и прочих чисто литературных процессах. Интрига повествования — нулевая: жила себе старушонка. А раз "жила", то, следовательно, и померла уже. Дешево и сердито. Невероятные просторы для сентиментальностей.)

Заветной мечтой Кили было... "Эту бы комнатку — положить на бок..." — говорила она, имея бесполезные четыре метра до потолка, которые ее карликовый росточек только усугубляли. Одно окно ее (полагаю, в такой комнатенке раньше селилась прислуга) выходило на лестничную клетку, выло-

женную при царе-батюшке мрамором двух цветов — белого и серо-голубого. Таким образом, у нее всегда царил полумрак, который, однако, хозяйку совершенно не смущал: газет она не читала. Ходила она всегда в ватной телогрейке, которую правильнее было бы назвать жилеткой — летом и зимой, независимо от температуры. Ходила от своих дверей до дверей кухни, протирая побелку стены на уровне локтей, пока эта дорожка, с годами проявляясь все сильнее, не превратилась в сплошной залапано-бурый след.

В детстве меня жутко забавляло ее полное имя — Акулина, при котором сразу же всплывали акулы-каракулы и всякие наутилусы с немыми капитанами. Акулина Степановна (и не иначе) — так обращалась к ней только моя бабушка, бывшая гимназистка, еще помнившая Лафонтена в оригинале. Акулина и Килька в своем диалектическом единстве давали детскому уму ясное представление об именах полных и уменьшительных, на глазах превращая огромную зубастую рыбину (как-никак, А-ку-ли-на!) в безобидную крохотную кильку. К ней приходили только ее слепой племянник, которого она называла не иначе как "племенник", да горбатая чокнутая сестра, которую всегда облаивали собаки, нюхом чующие то, что иногда ускользает от взглядов тонких психиатров. И была у нее одна любимая песенка, которую она пожизненно пела на кухне, возясь у плиты, — "На позицию девушка провожала бойца", причем передача текста этой строкой и ограничивалась.

Когда-то у нее была дочка, которую немцы увезли в Германию, в концлагерь, где она и погибла. Однажды Киля повздорила с кем-то из дворовых кумушек (общественность двора не сошлась во взглядах на внешнюю политику). Ей вспомнили про дочь — "сучку немецкую". Тогда же и я, помнится, перестал чувствовать себя патриотом. А еще Киля пекла маленькие, но очень вкусные паски, которые всегда вручались мне на Праздник с парой крашеных яиц на тарелочке. Меня обычно тут же посылали к ней с ответным гостинцем. Заходя в маленькую комнатку, в вечный полумрак и не выключающуюся радиоточку, я еще поражался: отчего это она все время поет, поет одно и то же много лет и пребывает в безмятежном расположении духа? (Тогда уже начинали слушать "Deep Purple" и "Uriah Heep" — вестников буржуазной поп-культуры.)

Не уверен, знала ли она, что Земля кругла, а табак, пылью которого она продышала всю жизнь, ни разу не закурив, завезен из Америки. Один только раз она высказала свои воззрения — о справедливости, когда прошел слух (тогда пресса все благополучно замалчивала), что в городе поймали маньяка, который насиловал и убивал малолетних детей. Она чистила картошку и приговаривала:

— А я бы на их (властей) месте его б — не в тюрму (это не опечатка, а точная передача речи), не расстреливать. А так, чтоб привязать к столбу, и чтоб каждый мог подойти с ножом (показывала, как) и отрезать от него шматок. И сказать ему: "Тебе больно? Вот и детям тоже было больно!". Чтоб каждая мать, чью дочь (следовал звук, словно она проглотила горячий пельмень), чью дочь он...

Тогда меня эта кровожадность поразила, но потом я вспомнил глотаемый пельмень — и все стало на места. Я никогда раньше не допускал мысли, что ее обезьянье тельце в свое время для кого-то... Дочь. Я-то знал ее изначально исключительно дряхлой.

Потихоньку маразм крепчал, и у Кили стали "артисты по потолку бегать", — лет старушке уже было за восемьдесят. Ее отдали в дом престарелых.

С детства я ненавидел всякую высокопарность, так что в попытках избежать ее порой впадал в явный цинизм, что, в общем-то, мне несвойственно. Но любой циник всегда достоверней и убедительней, поскольку, имея тенденцию все принижать, он прочно держится земли. От заоблачных радуг и прочих мыльных пузырей на версту смердит синтетикой, патетикой, и организм их попросту отторгает. У большинства юношей цинизм — это как прыщи: защитная реакция на гормоны роста. Здесь нет ничего общего с черствостью или суровой мужской сдержанностью (если таковая существует не только в кино), не приемлющей всевозможные нюни.

Прошло уже некоторое время, с тех пор как Киля покинула наш дом, и я случайно обратил внимание на след: помните, говорилось про грязно-серую засаленную полосу на побеленной стене — от ее двери до двери в кухню? Тут же я мысленно изобразил потешную эпитафию: "Каждый человек, пройдя свой жизненны-ы-ы-ый путь... обязан оставить по себе след!... На этой стене вы видите след, оставленный жизнью этого человека, наиболее исполненный значения и потайного великого смысла..." и т. д.

В богадельне она пробыла недолго.

Это было смешно, бездумно и вроде бы безобидно. Тогда. Я не хочу говорить ничего в ее пользу. Я не хочу копаться в ее прошлом. Я не хочу, чтоб ее жалели. Не хочу наделять тем, чего не было, не хочу превозносить. Кто я такой, чтобы оправдывать ее ушедшее существование? И уж тем более наглым было бы предположение, что след, оставленный ею невольно на этих страницах, — наиболее важен. Это была только глупая шутка, насчет следа, и только.

Но все равно, простите меня, Акулина Степановна.

Да чего уж там, — просто тетя Киля!

Родион ФЕДЕНЕВ

"Демон" Врубеля

Из Киева в Одессу он отправился дневным поездом. Соседи по жесткому вагону обратили внимание на то, что светловолосый мужчина лет тридцати в сюртуке с медными пуговицами не только не разговорчив, но и малоподвижен — до вечера сидел, сгорбившись, у окна, от чая и расстегаев отказался, а когда все, поужинав, стали устраиваться на ночь, он так и продолжал сидеть, склонив голову к стеклу, похожий на встревоженную чем-то птицу. Глубокой ночью, когда все уже спали, он достал из парусинового саквояжа нож и вышел в тамбур. В черных ночных тамбурных дверях своего отражения он не увидел, расстегнул сюртук и с единственным вопросом к себе: "Достанет ли лезвие до сердца?" — зажав ручку ножа в двух руках, ударил себя в грудь...

Он осознавал всю банальность того, что он сделал: несчастная любовь и, разумеется, самоубийство... Но столько всего накопилось за последние киевские годы! Он одержимо, каторжно работал. В Кирилловской церкви восстановил семьсот пятьдесят квадратных метров фресок, что и целой артели художников было бы не под силу. Он написал иконостас с центральной фигурой Богоматери. И каждый день делал десятки набросков, этюдов, эскизов. Их персонажем было одно, до умопомрачения тревожащее его лицо — лицо Эмми, как он ее называл. Она была женой киевского искусствоведа Прахова, который и пригласил его, выпускника Академии Михаила Врубеля, расписывать церковь в Кириллове.

В этой женщине, далеко не красавице, его задевало все: грудной голос, медлительность, вкрадчивость речи и жестов и, главное, такая способность молча, не произнося ни единого слова, разговаривать с ним! Он рисовал ее постоянно. И приносил рисунки ей в подарок. Она отрицательно качала головой и возвращала свои портреты ему. "Вам не нравится?" — спрашивал он. Она тихо отвечала: "Эти портреты слишком хороши, чтобы быть подарком"... "Вы не возьмете?!" — спрашивал он, и в очередной раз поняв, что она портретов не примет, считая их драгоценными, уходил и уничтожал их. Через день-другой все это повторялось.

Эмми нежно, задушевно, как никто ценила его работы, но с самим Михаилом была холодна. Она ценила в нем Божий дар, а не его самого. На киевских балах она и не замечала его! Поэтому иногда в каком-то отупении он раскрашивал свое лицо зеленой и желтой краской и шел по киевским улицам к ее дому, к ней, не обращая внимания на удивление и вос-

клицания пораженных его видом знакомых и прохожих. Когда он с размалеванным лицом паяца входил в ее гостиную, она извинялась перед присутствующими, брала его за руку и вела в ванную комнату смывать с его лица эти странные свидетельства любви...

Но дальше — больше. Его любовь была слепа и безудержна. Его отправили в заветную колыбель искусств, в Италию, где он так мечтал побывать! Там его ждала титаническая долгая работа с цинковыми пластинами. Он сделал ее в неделю и бросился назад, к Эмми, так и не разглядев толком колыбель искусств. По Киеву поползли слухи, что он в который раз заново переписывает лицо Богоматери в Кирилловской церкви, и оно все больше становится похожим на лицо Эмми — Эмилии Львовны Праховой, дамы замужней и довольно известной.

Тридцатилетний Миша вообще позволял себе вещи уж очень странные. Чтобы вызвать сострадание, вдруг объявил о кончине своего отца. Тут же Михаила собрали в дорогу, дали денег и отправили на похороны... а через неделю его папаша полковник здоровым и невредимым приехал в Киев, разыскивал сына, который совершенно не помнил о своей странной выходке! Последнее объяснение Эмми и Михаила было не столько бурным, сколько тягостным. Она, по своему обыкновению, молчала. Он окончательно осознал, что жизнь его кончена, судьба загублена, он бросился на вокзал и купил билет на Одессу, в вагон, в котором он решил покончить с собой.

С Южной Пальмирой его связывало многое. Она стала той мощной путеводной пружиной, которая, выпрямляясь, привела его в Академию художеств. Четырнадцатилетним подростком он приехал сюда с отцом, военным юристом. Жили они на Софиевской. Он учился в Первой Ришельевской гимназии, которую окончил через четыре года с золотой медалью. Занимался в школе рисования Общества изящных искусств. В Одессе, в магазине Шмидта, была выставлена на продажу его копия картины Гильдербранта "Восход солнца". Стоила она двадцать пять рублей. Он входил в артистический круг, распивал чаи с импрессарио французской труппы Келлер, делал зарисовки актеров акварелью. Писал маслом, и всех восхищали его карандашные фантазии. Здесь формировался его противоречивый характер: он был трудолюбив, изучал восемь языков, писал трактаты об искусстве Средневековья и клял себя за леность. Он был замкнут, его прозвище в Одессе было Философ, но временами он был душевно общителен, влюбчив, считался кумиром многих сверстниц, но жизнь своего внутреннего мира он не доверял никому. Его максимализм сочетался с изящной кротостью.

Сюда, в город своей юности, он и уехал после разрыва (последнего ли?) с предметом своей страсти. Убить себя в поезде ему не удалось. Нож в дрогнувших руках скользнул по груди, глубоко ее ранив. Заметим, что эта попытка была не первой.

В это время его отец в Одессе не жил, но по старой памяти Михаил поселился на Софиевской, в доме 18, в десятой квартире. Здесь его душевный кризис вдруг воплотился в рисунке — это был первый набросок головы Демона. Образ Демона явился ему как антитеза ангельскому лику Богоматери, антитеза, которая будет сопровождать его до конца дней. Когда рана на груди зажила, он писал своей сестре: "Настроение мое переменное, но думаю сладить с собой, основательно промуштровав себя на этюдах. А главное, все кругом твердят: "Довольно обещаний, пора исполнению. Пора, пора...". Надо было на что-то жить. Ему предложили в одесской школе рисования давать уроки за семьдесят пять рублей в месяц. Он было взялся, но не выдержал, все бросил, помчался в Киев, благо муж его богини надолго уехал. Но увы, демоническая антитеза преследовала его и в реальности.

Потом была Москва, Абрамцево, нашумевшая выставка "Мира искусств", дружба с меценатами Морозовым и Мамонтовым, женитьба на оперной певице Забелле... Он выздоровел от любви к своему ангелу, который порой являлся ему Демоном. С Мамонтовым он возвращался из Италии и писал сестре: "1894. Март. Завтра мы отправляемся морем в Неаполь, оттуда через Бриндизи и Пирей, Афины и Константинополь в Одессу (где я увижу наших)". В Одессе к этому времени окончательно поселился отец, родственники. Нахлынули воспоминания, девяти прожитых с киевских времен лет будто и не было, говорили об опере Рубинштейна "Демон", в которой в то время блистал вовсе не Шаляпин, а киевский певец Тартаков... И Врубель неожиданно для всех, да и для себя, брался за глину и лепил своего нового одесского Демона...

Друг Врубеля художник Константин Коровин писал в мемуарах об их встрече в имении Трифановского: "Было лето. Жарко. Мы пошли купаться на большой пруд в саду. Михаил Александрович, обнаженный, был хорошо сложен, и крепкие мускулы этого небольшого, даже маленького роста человека делали его красивым. "Это жокей", — подумал я, а он неожиданно спросил: "Вы хорошо ездите верхом? Я езжу, как жокей". Я испугался: он как будто читал мои мысли! "Что это у вас на груди белые большие полосы, как шрамы?" — спросил я. "Да, это шрамы, — отвечал он. — Я резал себя ножом... Поймете ли вы... я любил женщину, но она ме-

ня не любила. Даже любила, но многое мешало ее пониманию меня. Я страдал от невозможности объяснить ей это мешающее. Я страдал, но когда резал себя, страдания уменьшались..." Позже он рассказал, что пишет "Демона", и набросал рисунок своей картины. Я узнал сейчас же лицо знакомой дамы..." Да, это было все то же, фантастически преображенное лицо Эмилии Львовны...

Позже Врубель рисовал Демона и в иллюстрациях к трехтомнику Лермонтова, которые критик В. Стасов назвал "ужасающими образцами непозволительного и отталкивающего декаданса". Но эти образцы были для Врубеля образами из бездонной глубины неба. Они изводили, мучили его, порой он уничтожал их, заявляя случайным свидетелям: "Все. Кончено!". Но кончено вовсе не было, вплоть до 1902 года, когда за зиму был создан "Демон поверженный", и художник сошел с ума.

Его сумасшествие было не менее странным, чем его реальная жизнь. Оно сочеталось с прогрессирующей слепотой. Известен его последний портрет поэта Валерия Брюсова. Позировать художнику Брюсов приезжал в клинику Усольцева в Петровском парке в Москве. Поэт и художник разговаривали, и Врубель сообщил, что над ним имеет власть дьявол, а власть эта дана дьяволу потому, что художник рисовал в Киеве Христа и Богоматерь, не имея на это благословения свыше. Ему чудились голоса. Он считал, что недавно его приговорил к смертный казни трибунал... Вскоре он ослеп, но рисовать продолжал и делал удивительные рисунки, если не отрывал карандаша от бумаги.

Через несколько лет он умер. Жизнь его как жизнь творца запечатлена в его картинах. Возле них всегда хорошо думается, и уж не одно поколение, всматриваясь в лицо Демона, находит в нем и боль, и отвергнутую страсть, и сожаление, и роковую неотвратимость зримого мира.

От редакции. В конце 2007 года умер постоянный автор нашего альманаха писатель Родион Феденев. По нашей просьбе вдова Р. Феденева Татьяна Анатольевна Остапчук предоставила для этого выпуска один из последних его рассказов.

Анатолий КОНТУШ

Grappa la bianca

Яша работает в симфоническом оркестре.

Это уникальный коллектив.

Яркие личности, неповторимые индивидуальности, тонкие знатоки музыки, которые звучат в унисон, как никто.

Они начинают с *grappa la bianca* по двадцать грамм, легкое *crescendo* не торопясь без закуски на маленьком столике гримуборной, публика еще только рассаживается на свои места в заполненном на три четверти партере. Еще одно прохождение в коридоре, пауза в темноте перед опущенным занавесом и наконец увертюра, мощный аккорд в едином порыве, все как один, включая флейтисток, по пятьдесят "Финляндии" в светящейся темноте оркестровой ямы. Увертюра сменяется *largo*, небольшая передышка, первый выход главного героя в строгом темном костюме, по рюмочке "*Martini extra dry*" без флейтисток, с плавным переходом в ненавязчивое *vivace*, крестьянский танец, все девочки на сцене, Ира, Вика и Наташа, по бутылочке холодного вишневого пива на человека. Дальше идет соло на виолончели, труднейшая вещь, это Славик, редкий талант, двести "*Jack Daniels*" без льда, которого подхватывают скрипки, эти послабее, "*Ballantines Finest*" *on the rocks*, сто для мужчин и пятьдесят для женщин. Потом ария героини в ярко-красном платье, *moderato*, по кружечке "Балтики" с вяленой рыбкой, дамы пропускают, потом гавот в декорациях рыночной площади, *presto*, по пятьдесят "Зубровки" с огурцом, и уже антракт, *lento*, если получится, встать, посетить туалет, вернуться, по бокалу "Мерсо" с *fois gras*. Второй акт начинается с каватины, *sostenuto*, по рюмочке кирша, переходящей в ригодон, *allegro appassionato*, по чуть-чуть мадеры, чтобы не потерять темп. Здесь снова ария, *andante*, по бокалу "Бароло", а потом струнный квартет, это сложное место, Яша, Алик, Миша и Белла, по сто "Славутича", Белле с лимоном. Потом речитатив, многие отдыхают, для желающих пиво и сидр без ограничений, потом менуэт, *andantino*, "Сомюр Шампиньи" и камамбер. Здесь резкая смена ритма, *quasi presto* для духовых, "Крымское игристое" из высоких бокалов; потом соло на тромбоне, это Сева, серьезный музыкант, сто пятьдесят "Пшеничной" на одном дыхании под маринованый чесночок; потом вальс, все девочки, *allegretto*, по пятьдесят "Немирова", потом короткая ариетка, героиня в манто, *molto allegro*, по стопке "Абсолюта", и наконец финал, *agitato*, "Егермайстер" для господ, "Бенедиктин" для дам, в любых количествах.

После спектакля они едва стоят на ногах; они с трудом добираются до гримерных, долго переодеваются в ярком свете электрических ламп, ловят на улице такси и, совершенно обессиленные, разъезжаются по домам, чтобы завтра снова встретиться на репетиции.

Это тяжелый, изнурительный труд. Не верите — попробуйте сами; посмотрим, что от вас останется через два-три года.

Многие из них, в том числе и Яша, хотели бы бросить это занятие, но им это не по силам.

Что делать, если музыка сильнее.

Что может один человек против всей вселенной?

И Яша достает из чехла скрипку и, стоя посреди комнаты, играет второй концерт Паганини, хотя его никто об этом не просит, включая самого Яшу; мы смотрим на него, стараясь не пропустить ни звука, и в конце концов понимаем, что это музыка играет его.

Париж

Арсения ВЕЛИКАЯ

Перспективные проекты

1

Который день шел дождь. Уютный, затяжной, с серой тяжелой дымкой... Ксения обожала такую погоду. Когда-то... Давно... Она бежала домой, вся продрогнув и съежившись, заглядывала на минутку в магазин, чтобы купить себе чего-нибудь вкусненько-праздничного, и быстренько — греться. В день с обычной средней погодой этого не позволялось. А длинный серый дождь, по ее внутреннему подсознательному ощущению, необходимо было обязательно отпраздновать. Она запархивала в пустую теплую квартиру, быстренько мылась и ставила на огонь чайник. Начиналось сладко-колдовское время уединения и покоя.

Дождь защищал ее. Упрятывал от всех. Густая серая пелена стеной заграждала ее от чужого глаза, всеохватывающей повинности и покорности, обязательств и требований. Во время дождя, в непогоду, к ней не добирались ни укоризны, ни колкие замечания, ни откровенное хамство.

Ксения была обычной тихой интеллигенткой и не заслуживала жестких порицаний, но как-то вокруг было так устроено, что она все время жила с непреодолимым чувством вины. И только во время дождя она возвращалась к себе, могла спокойно думать, анализировать, искать красивые стройные решения. Или просто тихо мечтать о чем-то ярком и необыкновенном.

Но сегодняшний дождь был совсем другой. Он уже не прятал Ксению от всех, да и мир за окном пестрел совсем иной. Не агрессивно острый, а безразлично яркий и удобный.

Ксения даже не нашла сил опечалиться тому, что именно на сегодня, на сейчас, назначена деловая встреча, которую, в принципе, можно было бы и перенести и на другое время. Когда-то эта невозможность празднования дождя ее глубоко бы опечалила. Вообще, раньше печалило все, что не складывалось само собою хорошо, без усилий, а просто так, случайно, а поэтому было особенно приятным. Тогда счастливыми случайностями был дождь в пустой тихой квартире или необычно свободное место у окна в троллейбусе (а ехать далеко-далеко), или вдруг хорошая книга — просто на ровном месте, неожиданная и волнительная...

Постояв у зеркала десять минут, Ксения без особых эмоций вышла из дому и направилась к такси. Дождь громыхал по зонтику, вокруг неслись

мутные потоки воды, машины ехали с зажженными фарами. Перед ней, как только она протянула руку, остановился черный "Фольксваген".

Несмотря на пробки, Ксения добралась вовремя. Она устроилась в кресле огромного вестибюля уважаемого учреждения. Дождь стал потихоньку затихать и успокоился совсем.

По ступенькам к ней спустился ее старый знакомый — милейший Сергей Андреевич. Он был их патентным поверенным и уже много лет помогал продвигать дела, о которых вначале Ксения имела только смутное представление. Когда-то это были простые предложения об изобретениях, которые приходилось доводить, шлифовать, переделывать.

Сегодня их фирма занималась уже солидными проектами, которые требовали глубокой проработки, но главной была все та же необходимость "столбить" все новое. Как ни удивительно, но и теперь, по прошествии лет, основу их деятельности составляли все те же первые, казалось, ранее никому не нужные и убогие патенты. Из старых "недопониманий" и мучений их отношения с Сергеем Андреевичем превратились легкие и приятные встречи. Он пересмотрел папку с заявками, обещал что-то уточнить и перезвонить.

2

Под этот новый проект на фирму взяли двух новых молодых сотрудников. Одной из них была тихая и спокойная Маша. Она была дочерью очень влиятельного человека, но чувствовалось, что когда-то в детстве ее доконали комплексы и стрессы (возможно, из-за бурной деятельности отца). Она была исполнительной, мягкой, но совершенно не презентабельной, и в этом читались какие-то скрытые глубинные покорность судьбе и мудрость.

Вадим — второй новенький — наоборот, был хорошо сложен, порывист, и казалось, даже неуправляем. В его теле все время чувствовалось какое-то скрытое желание, а дела фирмы все были как бы на обочине, делались мимоходом и быстро.

Ксения же привыкла работать надежно, долго размышляя и вынашивая идеи. Она сама себе уже казалась тугодумкой. Возможно, ее приучило к этому то старое время, когда связи с внешним миром были тяжелы и громоздки. Заявить о себе можно было, только угодив начальству, а этого не хотелось, поэтому приходилось подолгу вариться в собственном соку, получая кайф просто от хороших мыслей. Удивительно, но сегодня эти

мысли были нарасхват и давали возможность довольно-таки достойно существовать.

Вообще-то, Ксения часто носилась со своей самодостаточностью, она не любила ни с кем обсуждать свои дела, даже с подругами касалась лишь строго отведенных для разговора душевных тем. Так ее уединенность постепенно перерастала в герметичность. Порой она удручала Ксению, а порой наоборот, придавала сил. Положительным в этом раскладе дел было то, что за время долгого "себяделания" у Ксении сам собой выработался не похожий на других стиль. Это чувствовалось в одежде, времяпрепровождении, личных привязанностях. Не желая заполнять жизнь суетностью, Ксения много читала, неплохо разбиралась в живописи, музыке, моде. Она знала, что окружающим с ней интересно, но особо не распылялась, выбирая для приятельских отношений людей в чем-то незаурядных.

Отношения в браке у нее не сложились из-за нее же самой. Ей непонятен и неприятен был расклад, который загонял женщину в жесткое неоправданное подчинение. Она не понимала, почему женщина должна все время подстраиваться, жалеть неудачников, поощрять мелкие незначительные усилия, понимать и принимать слабости и инфантильность своего друга. В отношениях с мужчиной все время надо было сладко лицемерить и пригибаться, чтобы казаться ниже. Муж ее, напротив, был воспитан в строгих патриархальных традициях и не знал, что же он требует такого непонятного и непривычного.

Несостоятельность их отношений зашла в тупик, и расставшись, они уже каждый по отдельности осуществляли на практике свои убеждения и принципы. После разлуки Ксения не утратила интереса к мужчинам, но взгляд у нее был скорее исследовательский, изучающий.

Нельзя было не отметить, что в общей массе сейчас "мужик как-то сник и подался". С него слетел лоск завоевателя, покровителя, властелина. То свежее дуновение 60-80-х, когда прогресс одарил их легкостью и уверенностью (благодаря заполонившим все автомобилям, средствам коммуникации, поп-культуре) и еще не забрал патриархальных традиций, быстро минуло. Женщины как более гибкие и приспособляемые быстро уловили свои преимущества и переиграли мужчин на многих направлениях. Как ни странно, казалось Ксении, мужчин окончательно доконали введенные в мужской гардероб шорты. И, как говорится, "демократизация убила высокую моду", а шорты убили в мужчине мощь, воинственный дух и уверенность в себе. Мужчины размякли и подались в шортах. Стали ленивы, неинтересны и асексуальны. Оголенные мужские ноги, лишенные

минимальной эстетики, расслабленность и мягкотелость мужчин подспудно убедили женщин, что они на правильном пути, и именно в этой экипировке мужчины как никогда несуразны и уязвимы.

Но память о "настоящих мужчинах" все еще жила и будоражила воображение. Они должны были обязательно вот-вот опять появиться, утвердиться, и приняв новые "правила игры", заблестеть на горизонте новыми красками.

3

Ксения уже полдня занималась разработкой нового проекта. Просчитывала варианты, старалась предугадать возможные скрытые риски. Двадцать минут назад у нее была назначена встреча с Вадимом.

Ему велено было принести собранные им недостающие для работы материалы, но он так еще и не появился в кабинете. Ксения, едва сдерживая раздражение, заварила себе кофе и устроилась в кресле листать глянцевый журнал. Работа стопорилась. А у нее сегодня на удивление было творческое настроение, все получалось емко и быстро, и этот непредвиденный простой сбивал ее с ритма, заставлял терять с таким трудом нащупанную нить.

Прошло еще минут десять, и Вадим, постучав, ввалился в кабинет. Он, чувствуя провину, сразу же разложил перед Ксенией толстые папки. Она отметила про себя — никаких извинений, обезоруживающих комплиментов или сглаживаний ситуации. Это молоденькие женщины их отдела были с ним накоротке и поэтому могли рассчитывать на что-то подобное. Легкие отношения там были уместны и законны. Ксения не раз слышала капризные просьбы или упреки в его адрес, и воспринимались они Вадимом легко и иронично. Казалось, его нерастраченная энергия от этого только закипает, подсвечиваясь новыми красками. Здесь же, в ее кабинете, царствовал лаконичный деловой стиль.

Задание было выполнено им посредственно, основные детали необходимо было перепроверить и уточнить, но получив наконец хоть какие-то материалы, Ксения с головой ушла в работу, кивнув ему сухое "спасибо". Сложив в конце дня бумаги, Ксения достала свою элегантную сумку из кожи рептилий (как было сказано в аннотации), а проще — из крокодиловой кожи, взглянула на себя в зеркало и вновь задумалась о сегодняшнем инциденте. Недавно она слушала передачу американских психологов. Там говорилось, что при приеме на работу тех, кому исполнилось сорок, администрация спрашивает, умеет ли претендент на место работать с молоды-

ми... Интересно, как же уметь с ними работать? Вот сегодняшний случай. Как правильно было бы себя повести? Мило простить? Или напротив, отчитывать?.. Или лучше всего по-нашему — понадеяться на славянский авось. Сам, если захочет, поймет и сделает выводы. Тем более что здесь пока не Америка, да и Вадим не такая уже и молодежь — лет двадцать семь — тридцать точно имеет. С тем Ксения и отправилась со службы, продумывая планы на предстоящий вечер.

4

По дороге домой она забрала фотографии из "Кодак-центра". С глянцевых карточек на нее опять дохнуло знойной Анталией с раскиданными в море островами, рядами высоких пальм и могучими горными массивами. Они с подругой долго раздумывали, собираясь в дорогу, — действительно ли будет этот тур так приятен, как обещают в рекламе?

И не ошиблись. Отдых был действительно прекрасным. Они выбрали для поездки сентябрь, солнце было уже не таким жарким, и они подолгу нежились возле роскошных бассейнов, посещали знаменитые турецкие бани и даже умудрились морем — без визы — попасть с экскурсией на греческий остров Мейсон.

Подруга Ксении Полина была актрисой местного театра. С ней было всегда интересно и спокойно. Начав последнее время, как и Ксения, прилично зарабатывать, она, переборов комфортные при этом циничность и примитивизм, вернулась быстро "на круги своя". Пережив опыт многих своих героинь, Полина была одновременно и мудрой, и роскошно легкомысленной. Она делилась с Ксенией абсолютно новыми для ее восприятия горизонтами, это обогащало и дарило радость открытий.

В Анталии их скромный коллектив пользовался среди прочих отдыхающих (неизменно лиц из бывшего Союза) симпатией и уважением. Ксения даже уловила некий новый нарождающийся стандарт — "статустность". В сегодняшней женщине уже не так ценились красота, ум, молодость или знатность, а именно "статустность" позволяла входить в узкие круги избранных и накладывала на жизнь определенный стиль. Возможно, он, этот стиль, был слишком размерен, но Ксения уже знала, что разгоряченные краткосрочные всплески эмоций всегда больно мстят, поэтому лучше держать их под контролем.

Воспоминания о поездке вдохнули в нее новые силы, и она с большей четкостью стала продумывать детали предстоящей работы.

5

Войдя в свой кабинет после уборки, она заметила новый огромный горшок с каким-то экзотическим растением. "Главный распорядился создавать настроение", — оповестила ее уборщица. Идея Ксении понравилась. Следуя к экономистам, она поздоровалась с группой сотрудников, направляющихся в курилку. Ее что-то неприятно поразило. Вернувшись в кабинет, она вспомнила, что заметила у Вадима новую прическу. Он был подстрижен довольно коротко, а вот сзади почти до плеч свисала какая-то необычная черная прядь. Прическа выглядела довольно стильно, но...

Ксения задумалась. Почему, в сущности, "но"? Она по характеру с детства была толерантной, и ее внимания, а тем более оценок, заслуживали действительно важные факты. Здесь же прическа сотрудника... Просто раньше люди больше обращали внимание на то, где они работают, в каком учреждении. Существовала какая-то профессиональная этика, — старалась обрести равновесие Ксения. Такой вид Вадима был бы уместен в ночном клубе. "Ну что ж, наверное, там ему и место", — подумала она, вспоминая деловые качества Вадима. Наверное, и дальше, как в старые советские времена, придется кому-то работать, а кому-то быть вечным балластом.

У дверей ее кабинета послышались веселые голоса возвращающихся из курилки. Особенно громким был баритон все того же Вадима. Ксения глубоко вздохнула.

Но ее быстро отвлек звонок телефона, Сергей Андреевич уже подготовил заявку в патентное ведомство, Ксении надлежало ее только подписать и уплатить в ближайшем банке госпошлину. Разговор с Сергеем Андреевичем, как всегда, вызвал приятные эмоции, мало того что он был очень интеллигентный человек с добрым мягким юмором, — все, за что он брался в своей работе, выходило в срок, надежно и грамотно, без обычных во времена смуты нервотрепки и надрыва. Ксения очень ценила его за это, и со своей стороны пыталась быть максимально пунктуальной и тактичной.

Предупредив секретаря, Ксения решила раньше уйти с работы. Сославшись на встречу с патентоведом, она надеялась все-таки забежать в парикмахерскую. Вечером ее ждало приятное событие — Полина пригласила ее на премьеру, а потом и на намечавшийся по этому поводу банкет.

Ксения любила эти вечерние фуршеты. Когда-то в молодости находиться вечером вне теплого и уютного дома было для нее сущей пыткой. Какая-то непонятная сила гнала ее сквозь город к родным, где ее

ждали, любили и волновались. Сейчас же жизнь была наполнена какими-то необязательными встречами с импрессионистическими нечеткими очертаниями.

Премьера порадовала Ксению. При общем незатейливом течении спектакля была найдена довольно яркая манера исполнения. Спектакль окутывал и занимал, погружал в сладкое и томное "себяуважение" и "скорооожидание". Иногда он был даже лучше, чем спектакли недавних столичных гастролеров, когда действо было откровенно скучным и даже назойливым.

Ксения поблагодарила Полину, похвалив спектакль. Она тонко раскрасила удачные места, а об откровенно слабых сказала тактично и непонятно, так что нельзя было сразу врубиться — хорошо это или плохо.

6

Работа над проектом двигалась по графику, и даже уже стали просматриваться какие-то общие планы. Придя на работу и встретившись у входа с Вадимом, Ксения с удовольствием отметила у него новую прическу. Он был подстрижен просто, классически, но мастер сумел придать ему какой-то лаконичный шик. Это гораздо более соответствовало имиджу их фирмы. И главное — перестало напрягать Ксению, а дало возможность сосредоточится на главном. Все сотрудники работали в одном ритме, старались не подводить друг друга и четко выполняли ее поручения.

Вадим по требованию Ксении пришел с очередным отчетом. Он был сделан намного грамотнее предыдущего. Пока Ксения пересматривала бумаги, Вадим отвлеченно смотрел в окно.

— Ну что ж, все о'кей, — сказала она, оторвавшись от бумаг, — еще немного доработать — и будет все в порядке.

— Ксения Владимировна... — Вадим на минуту замялся и посмотрел снова в окно. — Я вот тут читал, разбирался, может, это не мое дело, но я бы попробовал здесь добавить не одну единицу, развернуть целую серию... Это не потребует лишних затрат, но как-то заполнит пустоту... Я тут набросал кое-что... Если это вам интересно.

Вадим достал из папки новые файлы, и Ксения с увлечением углубилась в чтение. Это был класс! Немного романтики, но мысли в целом зрелые, и главное — вовремя. Ксения быстро просматривала бумаги, а Вадим сидел, раскинувшись в кресле, с грустной скукой на лице. Однако, мельком взглянув на его запрокинутую ногу, Ксения почувствовала скрытое напряжение и ожидание.

Ксения не могла быстро переключиться от резкого неприятия в себе Вадима до профессионального внимания и даже уважения.

— Если не возражаете, я полистаю дома, — сухо сказала она. — Возможно, это будет интересным.

На прощание она позволила себе улыбнуться, и когда дверь за Вадиком закрылась, она с удовольствием отметила про себя: "А мальчик, оказывается, непрост".

7

Разобравшись с предложениями Вадима, Ксения загорелась новыми перспективами, значительно улучшающими проект. У нее появились свои свежие идеи, которые были легко выполнимы и обещали значительный эффект. Раздумывая над делами, она опять неприятно вспомнила о Вадиме. Его переход из статуса "слабого звена" в статус дельного сотрудника тоже как-то напрягал. По идее, Ксении надо было грамотно представить перед начальством его предложения и отдать их на разработку более опытному и надежному сотруднику. Человеку с уже налаженными методами работы и ценными связями. Однако она понимала, что по отношению к Вадику это непорядочно. Когда-то и им, молодым, вечно преграждали дорогу старшие, умевшие хорошо манипулировать ситуацией и поднимать свои ставки за счет идей и неопытности молодых. Тогда это просто уничижало и размазывало в кровь. Делать больше ничего не хотелось.

Однако молодые, думала Ксения, тоже должны понимать, что для их выхода кто-то постарался. Они не пришли на голое место. Кто-то для них разбил поле для гольфа, подготовил сцену, собрал публику. Это труд, и немалый. И только молодым вечно кажется, что они сами создали себя.

А Вадим как никто другой склонен к собственным переоценкам и звездности.

Ксении вспомнилось, как возвращались они из туркомплекса в аэропорт Анталии. Она долго смотрела в окно автомобиля. Самолет улетал рано, они с Полиной собрались еще в темноте, и вот по пути постепенно наступал рассвет. Необычное утреннее солнце подсвечивало раскиданные в Эгейском море большие и маленькие острова. С другой стороны над серпантином дороги нависали могучие ноздреватые горы. Ксению с Полиной сначала удивили краски деревьев. В зависимости от высоты и затененности одна и та же порода деревьев имела совершенно разную окраску — от

насыщенного темно-зеленого на солнце до нежно-салатового и невыразимо трогательного во всегдашней тени.

Наблюдая за дорогой, Ксения заметила, что деревья хватались за жизнь в горах везде. Выжженные солнцем камни в пологих местах украшались иногда пролеском, иногда группой из нескольких деревьев. Им было ужасно сложно там выживать. Но вот горы пошли круче, солнце светило безжалостнее, и уже только поодинокие деревья цеплялись в необозримой вышине за горы. Как же трудно им, подумала Ксения, и сердце у нее сжалось. Что за судьба такая? Одни живут в куче на хорошем месте, а другим выпала злая доля — быть вечно одинокими под палящем солнцем, покорными, беззащитными и терпеливыми. Тогда Ксения подумала, что индивидуализм это, конечно, очень хорошо, но как же сладко быть защищенным коллективом, семьей, родиной и чувствовать себя частью чего-то. Поэтому-то большие дружные семьи, кланы, команды всегда вызывают зависть окружающих.

И Вадим, он должен понять, что он не один и не пуп земли, что здесь давно работают люди более грамотные и надежные. Ну что же, ему повезло — пришла хорошая мысль. Но это все должно стать достоянием коллектива. Ксения думала так, и в ней поднималось со дна глубокое презрение к себе. Стоп! А это что еще за копания и рефлексии? Нашла из-за чего портить себе день.

Ксения залезла в комод, достала фотографии и, устроившись в кресле, стала раскладывать их в альбоме, формируя видеоряд из роскошного ослепительного отдыха.

8

Разговор с Вадимом Ксения решила устроить издалека.

— Я хочу уточнить кой-какие детали вашего предложения, — безэмоционально промолвила она.

Ксения уже продумала этот разговор и четко решила не касаться таких вязких тем, как персоналии и перспективы. Это просто должна быть ничего не значащая встреча. Нужно было где-то его успокоить, где-то усыпить бдительность... Такой расклад.

— Вот здесь у вас планируется акция, — важно начала Ксения, перебирая бумаги в папке. Не найдя нужной, она величественно подошла к шкафу, чтобы достать документы, но вдруг глупо оступилась, и беспомощно споткнувшись о край стула, чуть не рухнула на пол...

"Вот гнусная каракатица", — мелькнуло у нее в голове.

Вадим быстро соскочил с места и подхватил ее сильными цепкими руками. Ксения обреченно заметила, как у нее на колене на черных колготках расползается внушительная дыра.

— Садитесь сюда, здесь удобнее,— сказал Вадик, подводя ее к креслу для посетителей.

— Вадим, вы неделикатны, — улыбнулась она, сглаживая всю глупость своего положения. — Проколы начальства принято не замечать. Особенно если это женщина.

— Да глупости все это, — легко ответил Вадим. — Вы что, хотели упасть? Какой же я после этого мужчина? Давайте я лучше сделаю вам кофе.

В кабинете как-то все стало раскованно и легко.

— Где у вас чашка? — Вадим по-хозяйски орудовал возле барной полки.

— Наливайте себе тоже... — обреченно промолвила Ксения.

Пока Вадим неторопливо разливал кофе, Ксения сидела, развалившись в кресле, и рассматривала невозмутимым взглядом дыру на колене. Было в ней что-то неотвратимо неприличное. Она демонстративно зияла на все колено, и сконфужено прятать ее под бумагами или искать другие варианты было еще глупее.

— Как вы думаете, нам перенесут выходные на День независимости? — меж тем продолжал Вадим. Он возился в ее кабинете уверенно и спокойно, и этот мужской избитый трюк все так же обезоруживал и усыплял. — А то мы с другом решили на праздники съездить на гонки в Херсон. Там этап ралли "Чумацкий шлях" должен быть, не слышали?

— Думаю, что перенесут. По крайней мере, до этого переносили...

Вадим подал ей чашку с кофе, а сам устроился на свободном месте за ее столом.

— Вы позволите? — без ханжества спросил он.

— Садитесь, как вам удобно.

Да, а разговор-то пошел не по сценарию, подумала Ксения, не хватало еще, чтобы она за покровительство купила себе крепкого мальчика, а он себе влиятельную тетку — за возможность карьерного роста.

9

Приближались праздники, и Ксения работала особенно напряженно. Она попросила Вадима занести ей в кабинет справочник, взятый им для работы. Она думала, может, у нее найдется время полистать его на праздники дома. Завершив свои дела в центре технической информации и за-

глянув в библиотеку, она решила не возвращаться уже на работу. Погода портилась, и она, вызвонив Полину, пригласила ее пообедать в давно облюбованный ими ресторанчик.

Полина была на взлете. У нее появился роскошный поклонник, который претендовал на роль друга. Он был богат, в меру хорош собой, но главное — умен и самоироничен. Однако не это было важным. Ксения заметила, как новые чувства Полины сделали ее ярче, выразительнее, интереснее. Она уже не рассказывала о друге, а говорила только о новом спектакле, и Ксения была просто заворожена ее новыми мыслями и видением будущего действа.

Полина была в своем излюбленно черном. Волосы были затянуты внизу в тугой узел, роскошные руки с тяжелым серебряным браслетом на запястье вызывали восхищение. В сегодняшнем дискретном быстро мелькающем мире люди редко останавливают взгляд на ком-то. И Ксении было приятно, как Полина своим видом изменяет пространство, делает его вязким и томным. Они засиделись, допоздна потягивая роскошный кофе, и так и не наговорились вдоволь.

На улице снова пошел дождь. Это был тот самый затяжной уютный дождь. Ксения купила любимый коньяк и поймала себя на мысли, что это именно тот дождь, который надо праздновать. Он приходил все реже и реже, бывало, его не было даже целыми годами, а вот сегодня — это, без сомнения, ОН. Роскошный, дарящий, щедрый.

Такси подвезло ее к самому подъезду. Она захлопнула дверцу машины и вдруг увидела знакомую крепкую фигуру. Вадик шагнул к ней в мокрой куртке с поднятым капюшоном. Сначала у нее сжалось сердце от нелепости и глупости ситуации. Она о нем забыла!

— Вы просили вернуть вам справочник, — невозмутимо сказал Вадим. — Я боялся, что вы опять будете гневаться.

— Боже, какая же я гнусная, — презирая себя, сказала Ксения. — Вадим, простите ради Бога, я о нем совсем запамятовала.

— Ничего страшного, был рад вам помочь, — сухо отвечал Вадим.

Дождь шумел у подъезда. Ксении надлежало подниматься домой и праздновать запланированное дождеявление. Но как-то надо было и сгладить вину перед Вадимом.

— Ну что ж, теперь, наверное, я должна пригласить вас на чай, — неуверенно произнесла она.

— А я, по закону, должен отказаться, — как-то развязно и даже нахально, ответил он. — До свидания, с предстоящими праздниками, — сказал Вадим и, натянув капюшон, шагнул под дождь.

Ну и зачем мне это испорченное настроение? Ксения поднималась на лифте. А праздник был так близок! Она долго стояла под горячим душем. Ожидаемого кайфа — как не бывало. Странно, вдруг подумалось Ксении, а ведь ей сегодня в одиночестве хотелось думать именно о нем. О Вадиме. В этом и должен был состоять тихий праздник. Она все так же растерянно укуталась в теплый белый халат, и вдруг тишину расколол звонок.

Ксения открыла. В дверях стоял Вадим.

— Ксения Владимировна, я передумал, — смущаясь, произнес он. Но вдруг в следующий момент, роскошно улыбнувшись, он уверенно шагнул в прихожую. — Я понял, от таких приглашений ни отказываются... Даже очень воспитанные люди.

Он смотрел ей прямо в глаза вызывающе и властно, так, что Ксению окутал сладкий озноб. Она протянула руки, чтобы забрать у него куртку. Ситуация как-то выходила из-под контроля, грозила необдуманностью и взрывоопасностью. Но все, что происходило, было неожиданно острым и завораживающим. Глубокое порывистое дыхание Вадима, с трудом скрываемое волнение зажигали в душе Ксении давно забытые чувства бесконечной власти над мужчиной. Казалось, дикий разгоряченный лев в клетке мечется в безысходности. Ксения снисходительно игриво улыбнулась, приглашая его в прихожую.

— Я рада, что ты вернулся, — искренне прошептала она.

И тут Вадим крепко сжал ее руки и вдруг, распахнув халат, сладко застонал, закрывая глаза...

— Если бы ты знала, сколько раз я представлял тебя так, — взволнованно шептал он, покрывая поцелуями ее лицо и губы.

Его объятия жгли огнем, были вяжущими, бессознательным, страстными. Он подхватил ее на руки, и Ксения, расслабившись, почувствовала себя богиней, ради которой в эту минуту готовы расколоть Землю надвое...

Она, сладко раскинувшись, бессильно лежала на огромной кровати. Из кухни по всей квартире расползался запах кофе "Ирландский ликер".

— Боюсь, тебе не удастся полистать на выходных твой справочник, — сказал Вадим, подавая ей кофе в постель. — Я тебе этого не позволю.

И действительно, справочник Ксении читать не пришлось. Да и вообще, она скоро отошла от дел, уходя в декретный отпуск. Все же работу по проекту взвалил на себя ее молодой муж. Очень ценный и перспективный сотрудник.

А на следующее лето Вадим повез Ксению с маленькой дочкой уже не в Анталию, а в Альпы. Там климат для маленького ребенка гораздо лучше.

Вера КАЛМЫКОВА

Роман с городом

Валентине и Евгению Голубовским

1.

Есть радость книги — первая любовь
к нечаянно открывшемуся тексту.
Есть город, появившийся из слов,
повелевавших: быть земному тесту
замешану — порублену — и вширь,
и ввысь ему раздаться по приказу
от давнего столетья и числа.
Царевна Лебедь волю изрекла.
О, витязь, тоже, кажется, была
совсем не Лебедь? Может быть, Лягушка?
Наяда? Няня, бодрая старушка?
Мы... выпьем?
Ах, как путаюсь, мой витязь,
оставь, моим смятением насытясь,
довольно: я тебе не Ариадна,
чтоб строем тут ходить — по лабиринту
из мифологий, сорванных с цепи...
Лови же кончик нити — и крепи
к какому хочешь прочному устою,
промазав щели патокой густою.
И Гамлет (мол, "слова, слова, слова")
пускай услышит, хоть живой едва:

Есть город, появившийся из слов,
в котором вдруг слова — камнями стали.
Есть город-книга — с золотым обрезом,
с истертыми событьями виньеток,
он как лицо старинного портрета,
откуда вдруг выходит человек;
он мир творит, он заключает браки,
и вот — гляди: атлант с кариатидой

четою благонравной и смиренной
столетья подпирают здесь балкон...
Есть книга с черепичною обложкой
и с бабочкой в изгибе переплета,
с главой "Фонтан", в которой нет фонтана,
а только сушь, да зной, да виноград

пускает корни, корешки корежа,
ветвится, прорастая через кожу

страны, истории и сотни языков;

побеги дышат, клубни набухают
и языки растут — растут — растут...

2.

Прямые и косые углы;
своевольные пятна света
не желают
принимать правильные формы;
запах —
        кофе по-турецки
        жареного мяса
        свежей плесени
очень старых улиц, где могли бы
примириться и вместе сочинять симфонии
Моцарт и Сальери:
их называли бы
братьями Мосальскими, например, —
они бы холили свои пейсы,
играли на бирже
и давали бы деньги
правым эсерам;

в запахе, словно в зеркале, отражен
другой город —
он как будто древнее,

но и моложе,
потому что современная его история
столетье назад была сочинена здесь...

Там,
на берегах другого моря,
там,
где песок и ветер
бессильны победить солнечную влагу,
в одном из каменных дворов
есть дерево, растущее в горшке,
которое качается в воздухе
на стальных растяжках —
совсем так же, как здесь —
в таких же дворах —
на веревках — белье...

Здесь
колокольный звон отливает Грецией,
жаль только,
что его нельзя сфотографировать
и отослать подруге;
а когда едешь в трамвае,
то видишь, как турист-арлекин
отпрыгивает от рельсов,
и как собака лает —
отчаянно-беззвучно —
на мраморную руку,
простертую над асфальтом, —
и ничего прекраснее этой руки
как будто нет и не было на свете...

3.

За низкой дымкой — далекий холм
упирается в горизонт;
унылый ряд облаков проколол
закатного солнца зонт;

и миг за мигом — вскипал во мне
образ другой страны,
где можно заснуть на упругой волне
и видеть другие сны...

4.

Не первые люди на свете, —
мы первых за пояс затмим:
ведь пусть мы и Божии дети,
но быть не желаем детьми.

Изгнания не разумеем
и Рая не помним давно.
Наверное, мы постареем.
Но нам повзрослеть не дано...

5.

Старость юности;
пот на губах — или кровь — или пена морская?
Белый шар у прибрежья, скажи, не титанья ли ты голова?
Тень от шара, скажи мне, не ты ли тот конус Сезанна,
из которого век вырастал, будто холст за холстом?

Напиши мне картину, художник, чтоб плавилось море над бездной,
чтобы чайки молчали, зависнув, у круглого края земли...

6.

Вот он стоит —

под облачной грядой
обличье изменяя поминутно,
кондитерский исторгнув аромат,
мечта ребенка-сладкоежки — город,
где нет двух одинаковых домов,
где время камнем сыто до отвала,
когда же, сытое, на миг замрет, —

увидишь:

бисквит балконов
на зубах хрустит,
и сахарные головы амуров,
и сдобное печенье маскаронов
надкусаны...

И убегая вспять,
живая жизнь становится предметом

воспоминаний...

7.

Утомленно станы гнут кариатиды,
Чешут головы усталые атланты,
Им бы стать чуток подвижней, как амуры,
Развернуть бы крылья, встать да улететь —

С этих зданий, что пышны, как будто торты,
С этих ярусов из каменного крема!
Мне так дороги решетки и фронтоны,
Что готова подержать их тяжкий свод —

Ждать покорно, чтоб атланты отдохнули,
Чтобы гипсовые раны затянулись,
Так и буду резво прыгать по фасадам,
Подпирая то ли эркер, то ли свод...

8.

Замок башнями вовнутрь,
где сверкает круглый угол,
где настенный перламутр
прорезает трещин угорь,

где то острый, то тупой
эллипсоид квадратный,
где шатает шар земной
пара парубков-атлантов,

где кончается весна
расцветаньем переплета
у балконного окна;
где, мелодии полета

вторя, — вместо голубей
львы в цветах сидят вразвалку,
превращая в мавзолей
плесневеющую свалку;

где топорщится донжон,
контрфорсов мускулистей,
стайкой парок окружен,
словно радуга, неистов...

9. Вальс

Место событий
заставляет переживать
события, не пережившие самих себя;
сойду
с пути своей жизни —
и подниму с земли
фонарь или решетку горсада,
отраженные
в упавшем листе клена...
Плещутся нити
длинной паучьей слюны,
сгинуло в нетях,
будто слоинки слюды,
место событий...
И звенят на ветру,
растворенные влагой соленой,
комариные души,
и плоская галька
сплющена пением вод...
Плещутся нити...
Сгинуло в нетях...
Место событий...

И хохочет, хохочет
Хронос-младенец, в гипсовый крем
вонзающий зубки...

Сквозь
отпечаток Оперного театра на занавеске в окне вагона
проступает
сначала контур,
а потом и вся золотисто-белая
пышная плоть
живого здания;
так рождается
несбывшееся воспоминание
(здравствуй, грусть
уходящего дня,
не скучала ли ты, поджидая меня
в месте событий?)...
А проезжая раздельную,
непременно заплачу
в память о тех, кто не смог
заплакать здесь до меня...
Плещутся нити
длинной паучьей слюны,
сгинуло в нетях,
будто слоинки слюды,
место событий...

10.

Очень трудно поверить, что выпадет снег. Навсегда
Каждый раз — и цветенье, и зелень, и желтые листья.
В ожидании праздника праздник проходит. Вода
Отражает, замерзнув, камней виноградные кисти.

Очень трудно поверить, что жизнь коротка. Навсегда
Каждый миг, каждый возглас, движенье пугливое птичье.
Нет насмешки обидней — мгновенью поспешно придать
Имя, место и время, занятие, облик, обличье...

Александр БЕЙДЕРМАН

Наблюдения над стилем

Когда б вы знали, из какого сора...
Анна Ахматова

Стихи о людях

Людей там и не видели. Гряда
Уступами в равнину переходит.
Был брат. Он поселился в Реховоте
И никому там не нанес вреда.
"Привет! Я буду жить с тобой одна.
Поверь мне — это небольшое счастье.
Захочешь, разорву тебя на части.
Любуйся, я пока еще видна".
Вона таки жила. Жила неначе.
І відтоді її ніхто не бачив.
Кто двигался по кромке, кто бывал
Там, знает, сколь надежна эта кромка.
Ругался. Но, естественно, негромко.
Зачем ему, несчастному обвал?
Там никого не видели совсем.
Бывало, выйдешь, предположим, в поле,
Подумаешь, я, вероятно, болен,
И согласишься мысленно со всем.
Отож, вирішуй сам — чи до жінок,
Чи краще, пане, одному в шинок.
И я когда-то с кем-то был знаком.
С каким-то господином, или дамой.
Не можем быть уверены всегда мы,
И нам не просто сладить с языком.
И все же где-то видели людей.
Саме яких — це, врешті, неважливо.
Вони ще збереглися де-не-де.
А ще казали, ніби неможливо.

Это двуязычное стихотворение, написанное летом 2002 года в гостинице "Днепропетровск" на берегу Днепра в городе Днепропетровске, я поставил эпиграфом к книжке "Тифер штром", т. е. "Глубокое течение", если по-русски. Но по-русски (да и по-украински) в этой книге больше ничего нет. Впрочем, она тоже вышла двуязычной. Но это совсем другие языки...

В конце 2001 года в преддверии ноябрьских праздников (кто помнит) позвонили из издательства "Маяк" и поинтересовались, где рукопись книги, которую я обещал еще год назад. Я совершенно не помнил, чтобы я что-то обещал издательству "Маяк", но предложил издать подборку эссе, вышедших в разных периодических изданиях за последние пару лет. — "У нашому плані стоїть збірка поезій мовою ідіш. І назва є — "Глибока течія". Тут я вспомнил: год назад звонили из издательства, сказали, что составляют план, и спросили, как будет называться книга. Я посмотрел на потолок и сказал: "Глубокое течение".

Нових поезій мовою ідіш у меня на тот момент было не так много — ни одного. Но когда есть возможность издать книжку коштом Державного комітету інформаційної політики України, да еще за Національною програмою випуску суспільно необхідних видань (всем, конечно, ясно, насколько общественно необходима еврейская поэзия на идиш в Украине, где те, кто еще понимает этот язык, вряд ли читают стихи, и наоборот), по такому случаю можно и новые поезії написать, не вопрос. "Коли?" — спросил я. "Вчора", — кратко сказали из издательства. Получалось, что у меня было на сочинение сборника стихов самое большее месяц. Написать книжку полноценной, скажем так, лирики, такой, чтобы не стыдно издавать (все-таки есть, пусть не в Одессе, но в самых разных странах не очень большое количество людей — вероятных читателей) на пустом месте, — нереально. Я придумал такую композицию — сорок девять стихотворений (пятидесятое — эпиграф "Стихи о людях") по десять строк в каждом. Одна строка, чаще всего последняя, — цитата из еврейской классики — Библии или Талмуда, понятное дело, на иврите. Остальные девять строк, индуцированных соприкосновением с сакральными текстами, — мовою ідіш, как стояло в плане издательства "Маяк". Оба языка используют один и тот же квадратный шрифт "мерубба", и то, что текст двуязычный, заметит только тот, кто знает. А кто знает, смотри выше. Далее, для терпеливого читателя, который дочитал до этого места, я переведу одно (первое) стихотворение из этой книги на русский язык (прозой, естественно).

Со всеми своими делами,
Ослабленный выпивкой,
Уставший от старых глупостей.
— Их можно сменить на новые —
С нахальными черными глазами,
Элегантный и сутулый,
Любознательный и легкомысленный.
Младшенький у папы-мамы.
Слава Богу — вот что самое главное.
— И сказал — вот я!

То же самое в оригинале, в транскрипции кириллицей:

Мит ди але майне майсес,
Ойсгематертер дурх койсес,
Мит ди алте наришкайтен
— Мегст ду зей ойф найе байтен —
Мит ди фрехе шварце ойген.
Элегант ун айнгебойген.
Висенгирик ун лайхтзиник.
Тате-мамес а мизиник.
Данкен Гот — дос мейн их.
...Вэ йомер хинени.

А это то же в самом оригинальном оригинале:

מיט די אלע מיינע מעשיות
אויסגעמאטערטער דורך כוסות ,
מיד פון אלטע נארישקייטן,
-מעגסטו זיי אף נייע בייטן
מיט די פרעכע שווארצע אויגן,
עלעגאנט און איינגעבויגן.
וויסנגיריק און לייכטזיניק.
טאטע-מאמעס א מיזיניק.
דאנקען גאט – דאס מיין איך.
ויאמר הנני.

Мои стихи хорошо (и в рифму) переводятся с идиш на украинский. Но не мной, а украинским поэтом Тарасом Федюком. Вот одно, из сборника, вышедшего в 2000 году в издательстве "Астропринт":

Нас усі не надто вже й любили.
Що ж, любов — таки нещедре мливо.
Навіть наш Господь — Він особливо —
Нас любив не завжди й не щосили.

Отже, ще товчем цю землю древню.
Як писав француз Ренан — "народець дивний".
Щось ще в кожному із нас горить надривно,
Щось іще кипить, щось є, напевне.

А народи — той сидить в долині,
Той — нема дурних — на горах зроду.
А народець дивний, обраний з народів,
Де він? Він в пустелі і донині.

Кот Матроскин (кто помнит), когда мама Дяди Федора похвалила его за хозяйственность, застеснялся и промурлыкал: "А я еще и на машинке умею...". Я тоже умею, и в заключение короткий цикл осенних стихов разных лет, последнее написано совсем недавно — в ноябре 2007 года. Все по-русски.

* * *

Осенний ангел тихо пролетит,
Бросая взор на все свои владенья.
На белый свет. Сам сотканный из тени,
Встречая тени на своем пути.

Он тих, и светлый взор его приветлив,
Прикован к остывающей земле.
Осенний ангел, разминувшись с летним,
Летит навстречу вьюге и зиме.

* * *

Когда с дерев падет последний лист,
Когда уйдет последний бриг на Запад,
Ты пуще всех напастей берегись
Печали, наступающей внезапно.

Как ветра налетит она порыв,
Как выстрел прозвучит она ружейный,
Как фронта неожиданный прорыв —
И это всё, и это окруженье.

И демоны неверия и лжи
Возьмут тебя в свой оборот извечный.
Наступит ночь. И никакие свечи
Не осветят тогда твоей души.

Последний человек

В осеннем небе тает белый дым.
Восходит солнце. Улетают птицы.
Природа не выносит пустоты
И хочет до конца осуществится...

...Держась теченья обмелелых рек,
Отыскивая клубни и коренья,
Идет и отдыхает человек —
Венец незавершенного творенья.

И путь его теряется вдали.
И след его рассеивает ветер.
И пес его покинутый скулит.
И больше нет других людей на свете.

Элегия на Первое сентября

Ты с каждым годом смотришь отчужденней,
И взгляд твой все туманней и бледней.
Чего еще от этой жизни ждем мы?
Каких еще звучаний и огней?

Бесплотны наши лучшие друзья —
Их нет, и по отдельности, и скопом.
Бесплотны наши славные князья —
Как результат работы кинескопов.

И мы с тобой, мой друг, подобны теням.
Как все вокруг, как даже самый Бог,
Тот самый, что за всех распяться смог,
Оставив всех все в том же неведеньи.

* * *

Осень. Болит рука.
Ясно, что на погоду.
Где-то прошли века.
Здесь это только годы.

Жизнь идет к концу.
Это уже понятно.
Сетовать не к лицу.
Глупо и неприятно.

"Меня влажный ветер коснулся..."

* * *

Вы Дома давно не бывали,
И даже объездив полмира,
Манят черноморские дали,
Где Южная наша Пальмира.

И пусть вы уехали в Штаты,
А кто-то Германию выбрал,
Одессы родной аромата
Никто из печенки не выдрал.

Она пропитала нас с детства
Волшебным своим артистизмом,
Еще наградила нас средством,
Как беды встречать с оптимизмом.

Простите мою откровенность,
Но вот что хочу вам сказать я:
Особенно важная ценность,
Что все одесситы, как братья.

О вас я не слышал ни звука,
Свела нас, по сути, случайность,
Но есть уникальная штука —
Одесская национальность.

Мы все нашей матери дети,
У всех нас характер бойцовский
Поскольку по жизни нам светит
Одесский маяк, Воронцовский.

Июльский дождь

Меня влажный ветер коснулся,
Как будто ниспосланный свыше,
Я толком еще не проснулся,
Но слышу — дождь ходит по крыше.

Я слышу — дождь ходит по крыше,
И вдруг, перейдя на крещендо,
Бьет каплями ниже и выше,
Ударник большого биг-бэнда

А каждый цветок и листочек,
Вдруг вздрогнет, довольный собою,
И сразу же, без проволочек
Согласно качнет головою.

О, самый великий маэстро!
Ты ведь не ошибся ни разу,
И дождь предрассветным оркестром
Продлит музыкальную фразу.

Она выразительно будет
Звучать на твоих инструментах,
Меня потихоньку разбудит
Под капель аплодисменты.

И музыка летнего ливня
Прольется на море и сушу
И тронет она не фиктивно
Мою еще спящую душу.

* * *

Ирине Лионеловне Головатюк-Юзефпольской посвящается

Между тем и между этим светом,
Меж вопросом "Быть? Или не быть?"
Вас поставил Бог в желанье светлом
Двери жизни каждому открыть.

Мамам дал он родовые муки,
Чтоб потом им было что забыть,
Когда Ваши золотые руки
Смогут им ребенка подарить.

И когда дитя истошным криком,
Воздуха хвативши про запас,
Сообщит о таинстве великом,
Первую, кого увидит, — Вас!

Что на свете может быть важнее?
Встретить человеческую плоть.
Кроме Вас — так мало кто умеет...
Вот и улыбается Господь.

Венеция

Гостиничная плесень,
как время, в душу въелась.
И бьет о мостовые канальная вода.
Я в лабиринте улиц вдруг потеряла смелость
и стала так бояться, что не вернусь туда:

в гостиницу,
где просто под дверь вода сочится,
и чемодан на стуле, и окна на канал!
Я закрываю ставни.
Как сладко-сладко спится!
Мне снятся маски-лица —
веселый карнавал.

Комедия дель арте: насыщенные краски...
мне близок Панталоне, но рядом Арлекин —
так мало чистой грусти, и много наглой ласки,
и очень, очень сладко от самых кислых вин.

От вин и наслажденья, что рядом серенады
известный тенор дарит (взлетаем на волне).
Мой Арлекин наглеет, он жаждет лишь услады...
А город карнавалит, по-прежнему во сне.

Как шарф, упавший в воду,
вдруг гондола скользнула
под старый мост горбатый. И тут же поцелуй.
Наверно, очень крепко сегодня я уснула.
Любимый Панталоне, не надо, не ревнуй.

Я открываю ставни,
от холода проснулась.
Но снова маски-лица.
Не знаю, что со мной.

В гостинице, где просто под дверь вода сочится
я не хочу остаться...
Я не хочу домой!!!
Ведь дома Панталоне...

* * *

Мои хорошие, мои чужие люди,
вы много прожили?
От вас да не убудет.
Вы много прожили?
А я не очень много.
Судите, милые, меня не так уж строго.

Мои хорошие, хорошего немало,
да плюс недешево,
хотя дешевле сала,
дешевле хлеба, только соль без счету.
Простите девушку, ушедшую в сироты.

Простите странную за чью-то хлебосольность:
мне рану рваную присыпали той солью.
Сказали, мучайся, а рана затянулась,
и я, везучая, сама к себе вернулась.
Забыла прошлое...
Так кто меня осудит,
мои хорошие, мои чужие люди?

* * *

Пластинка старая,
ее скребла игла.
Меня воспоминания держали
у верного старинного стола.
Я вам писала.
Руки так дрожали,
как будто вы получите мое
послание.
Вам это будет лестно.

Игла свое воткнула острие
в последний звук
и прыгнула на место.
А я сложила вчетверо листок,
неотправления поставив сверху дату,
тому, кто был и верен, и жесток:
Знай место, женщина, —
он мне сказал когда-то.

Бусы

Прочна ли нить?
Ведь на нее
я нанизала дни и будни,
свое и даже не свое.
Однажды, как-то пополудни,
я улыбалась, как всегда,
и как всегда, почти шутила,
и неожиданно года
совсем случайно ощутила.
Да за какие же грехи
такие бусы мне на шею,
(по весу не из шелухи)
я не пойму, за что взрослею.
Нет, никому не покажу,
как ненавистно украшенье.
Мне неприятно быть мишенью,
для тех, кто думает: брюзжу.
За право жить —
обречена
вести с судьбой переговоры...
Спина прочна.
Прочна ли нить,
узнать бы: разорвется скоро?

* * *

Полосатой судьбой не брезгую:
встреча наша — полоска яркая.

Я отрежу полоску лезвием:
счастье белое, значит маркое.
Передрягами, пересудами
наслаждаются мысли гордые.
Мы не стали друг другу судьями,
ткнули только друг друга мордами.
Ненавистна полоска черная,
ожидаю полоску белую.
Интересно узнать — при чем здесь я,
если в счастье по-своему верую?

Вновь дыханье твое неровное
обмануло.
Я горе праздную?
Говорят, месть бывает кровная,
а моя месть своеобразная —
не грустить.

Скрипка

Больно, скрипка, больно в уши.
Сизый голубь у дверей
Хочет боль мою нарушить
Криком стаи голубей.

Плачу, скрипка, слышишь, плачу,
Захлебнись моей слезой.
Это я тебя дурачу,
Пой сухая, мокрой — пой!

Горе, скрипка, видишь, горе —
Открывают ворота.
Полотенце на заборе,
В доме вой и суета.

Слухи, скрипка, только слухи,
Я опять его гоню.
Тише, сплетницы-старухи!
Я ей правду говорю.

Можешь, скрипка, знаю, можешь,
Ты продашь скрипичный ключ,
И себя в ломбард заложишь,
Чтобы литься между туч.

Счастье, скрипка, помнишь, счастье?
Эти пальцы для тебя,
Эти тонкие запястья
Дарят музыке себя.

Бродишь, скрипка, снова бродишь,
Сколько за тебя дают?
Ты сердцами хороводишь,
Люди души продают.

Слова ударились в слова

Слова ударились в слова.
И так отчаянно, беззвучно
Упали в землю через тучи.
Слова, ударились в слова
И с тишиной срослись колючей.

Не поливались, не росли,
Дождя и слез не ощутили.
И буквы суть свою забыли,
Не взяли силы у земли.
Не поливались, не росли.

Салютный блеск — и тот бесшумный,
Букетом — ввысь, и прахом — вниз.
И мимо солнца пронеслись,
А ветер их ласкал — безумный!
Букетом ввысь и прахом вниз.

А сколько было между строчек!
Казалось, эхом наповал
Накроет все, что ты сказал,
Без запятых, тире и точек.
Казалось, эхом наповал.

Укрыться где от пустозвучий?
Держусь. Сорвалась. Виски. Лед.
Смотрящий мимо не пройдет,
Садись, прохожий, ты везучий.
Держусь. Сорвалась. Виски. Лед.

Незапрещенная забава —
Сложить из букв несложный слог:
Любовь, скучаю, верность, Бог.
Незапрещенная забава —
Сложить из букв несложный слог.

Огранка, рамочка, оправа,
Строка, абзац, листок, глава,
Незапрещенная забава
Слова ударились в слова.

Твой Город

Утро крылатое краской затасканной
Каплю уронит в рассвет
На тротуары, что шагом заласканы.
Жаль, что меня в этом городе нет.

Ливнями взглядов, опущенных вовремя,
Полнятся улицы от миражей.
Полнятся улицы, жаль, что не помню я
Счастье от ливней от этих в душе.

Крыши и лужи сушиться наладились,
Ветер стучится в цветной магазин.
Как эти звуки когда-то мне нравились...
Ты их сегодня услышишь один.

Желтые яблоки в море полосканы,
В глянцевых буквах печальный рассказ.
Мысли разбросаны, слезы разбросаны,
Кажется, рядом ты здесь и сейчас.

Черная псина — смешная и грязная.
Лижет мне пальцы шершавый язык.
В каждой волне моя песня бессвязная,
Ты же, наверное, к нотам привык.

Белые феи спешат переулками,
В их капюшончиках горки конфет.
Тешится кто-то ночными прогулками,
Только меня в Твоем Городе нет.

Музы

О, Музы сладкие блуждающих миров
Поэтов, их фантазий, снов,
Взволнованных сердец, скитальческих умов,
И далей их заманчивых покров.

Вы вяжете поэтов светом, тенью,
Таинством звуков, незнакомых тленью,
Желанием раскинуть будней келью,
О, вы — противоядье скуки зелью.

Как сложны линии извилистых путей,
Что в плавность сходятся чарующих речей,
Любимцы громкие безмолвных фей,
О, Музы, вами ведь стонал Орфей.

И вещей лиры струны золотые,
Печалью, грустью, сластию литые, —
Все ваши голоса и в явь, и в сон, родные,
О, Музы милые, я вас люблю. Любые.

Цветы

"Дарите женщинам цветы".
Из подслушанного разговора.

Цветы в подарок женщине?.. Зачем?
Ах, это так красиво...
Но, право, ведь не вы совсем растили это диво.
Не вы пролили соль из пор на розы
В грядке — матке,
Не вы пытались на корню подрезать
Стебли гладко,
И кто-то уж совсем не свой,
Свои занозя пальцы,
Заведомо букет чужой

(В обмен на сребреник сквозной)
Отдал вам в ваши бральцы.

Так может, чуточку себя
Вам лучше бы отдать,
Чтоб в памяти осталась пядь —
Растроганная гладь?
Попробуйте подать ей стих,
Ну, например, как этот:
Он не цветет, но он живет
Под взглядом так и этак.
В листочек превратить себя —
Мудрее нет подарка.
Попробуйте! Не будет брать —
Плевать! Себя дарить не жалко.

Родник

"Родник для всех скитальцев точит влагу".
И. Гете. "Сказка"

И откуда вы, сны появляетесь,
Трезвых дум ночные цветы,
Виноградной лозой разрастаетесь,
Превращаясь под утро в стихи?

Вы вздуваетесь пеной бурливою,
Вы раздумий процеженный вдох,
Вы подобно меду пчелиному,
Влиты в соты из мысленных крох.

И под вашим полетом на бреющем
(А полет тот — безмолвия крик),
У поэзии с чуткостью дремлющих
Своенравный развязан язык.

И средь горьких солей словоблудия,
Где ваш странник блуждающий спит,
Из приливов ночного безумия
С плеском встанет гордый родник.

Нью-Йорк

Алексей ЛИТВИН

Как Мопассан бежал от Эйфелевой башни

Комедия в 4-х действиях

Действующие лица

ЖАКЛИН ВИАЛЕТТ — *в прошлом актриса, сейчас хозяйка дома и культурного центра, 45 лет.*

ЖУЛЬЕН — *ее сын, начинающий режиссер, 21 год.*

КОРОЛЬ — *скульптор, художник, живет в доме Жаклин, 48 лет.*

ТАТЬЯНА — *невеста Жульена, актриса, 20 лет.*

СЕСИЛЬ — *подруга Жаклин, художница, 38 лет.*

БЕРНАР — *плотник, живет недалеко от дома Жаклин, 48 лет.*

АННА — *по прозвищу Веселая, живет недалеко от дома Жаклин, 70 лет.*

АЛЕКСАНДР СЕРЕБРОВ — *режиссер, не москвич, но живет в Москве, 37 лет.*

ИВАН КОРНИЛОВ — *писатель, переводчик, потомок генерала Корнилова, рожденный во Франции, 45 лет.*

ОЛЬГА — *его жена, 38 лет.*

Действие происходит в Доме Жаклин Виалетт. Гасконь. Наши дни.

Действие первое

Двор перед домом Жаклин Виалетт. Много цветов. Деревья. Несколько скульптур в стиле "art". Слева старая конюшня. Справа старая ферма, которая превращена в выставочный зал. Стены стеклянные. Сам дом — ферма XII-XIII веков — в середине как бы просевший. Ставни и стены густо заросли вьющимися растениями. Не заросли только двери — их четыре. На первом плане два каменных столба от старых ворот. За домом виднеется озеро. Под деревом четыре огромных деревянных кресла редкого дизайна, в которых лежат разноцветные подушки. Между ними столик. На нем открытая бутылка пива. Ближе к вечеру, но солнце еще высоко. Со стороны озера появляются Александр и Сесиль.

АЛЕКСАНДР (*с бокалом в руке*)**:** Это почти мистика.

СЕСИЛЬ: Что?

АЛЕКСАНДР: Этот дом. Это озеро. Жаклин...

СЕСИЛЬ: Она великая женщина. Не то, что я. Не каждый мужик на-

чинает день с пастиса, а я начинаю. А дальше вино, пиво, "ри-ки-ки"... Бррр! Вы уже пробовали "ри-ки-ки", Александр?

АЛЕКСАНДР: Нет. А что это?

СЕСИЛЬ: Это местный виноградный самогон. Семьдесят градусов! Очень способствующий напиток!

АЛЕКСАНДР: Чему способствующий?

СЕСИЛЬ: Любви! Чему же еще? Вам его надо обязательно попробовать. Я знаю одного хозяина кафе, которой делает "ри-ки-ки" исключительно! А пока "ри-ки-ки" нет, — может, еще пива, Александр?

АЛЕКСАНДР: С превеликим удовольствием, Сесиль!

СЕСИЛЬ: Присаживайтесь. (*Садятся к столику.*)

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Год назад здесь у конюшни стояла фигура Дон-Кихота, сделанная из сухого камыша.

СЕСИЛЬ: Да. Его сожгли.

АЛЕКСАНДР: Сожгли? Зачем?

СЕСИЛЬ (*не сразу*)**:** Вы не женаты, Александр?

АЛЕКСАНДР: Нет.

СЕСИЛЬ: Я не поверю вам, если вы скажете, что вас не любят женщины.

АЛЕКСАНДР: Любят.

СЕСИЛЬ: Так что же мешает?

АЛЕКСАНДР: Вы же не замужем?

СЕСИЛЬ: Нет.

АЛЕКСАНДР: Вот то же самое и мешает.

СЕСИЛЬ: А что мне мешает?

АЛЕКСАНДР: То же самое. Что и мне.

СЕСИЛЬ: Вы мне нравитесь, Александр!

Пауза.

АЛЕКСАНДР (*глядя на часы*)**:** Вернисаж в восемь?

СЕСИЛЬ: Да. Пойдемте в дом, я покажу вам свои картины. Я, конечно, не Ван Гог, но все-таки и мне иногда что-то удается.

АЛЕКСАНДР (*допивая пиво*)**:** Пойдемте.

СЕСИЛЬ: Там в холодильнике много пива, Александр!

АЛЕКСАНДР: Да? Это хорошо. Когда жарко, ничего другого пить не могу.

СЕСИЛЬ: А я люблю только вишневое пиво.

АЛЕКСАНДР: Вишневое?

СЕСИЛЬ: Да. А чему вы удивляетесь?

АЛЕКСАНДР: Я никогда не пробовал.

СЕСИЛЬ: Да? А молочное пиво вы пробовали?

АЛЕКСАНДР: Белого цвета?

СЕСИЛЬ: Да.

АЛЕКСАНДР: Нет, не пробовал.

СЕСИЛЬ: Хоть вы и режиссер, Александр, но в области алкогольных напитков вы мало образованы.

АЛЕКСАНДР: Согласен. За несколько минут общения с вами я понял это особенно ясно.

СЕСИЛЬ: Ну, пойдемте.

Уходят в дом. Из других дверей дома выходят Жульен и Татьяна.

ЖУЛЬЕН: Я тебя прошу, давай поговорим о чем-нибудь другом.

ТАТЬЯНА: Ну послушай! Это же невероятный шанс! Поставить спектакль в Женеве, и не просто спектакль, а великую "Чайку"!

ЖУЛЬЕН: Татьяна!

ТАТЬЯНА: Что "Татьяна"?! Что?! Я же родилась, чтобы сыграть Нину! Ты же сам мне говорил: "Ты — Заречная! Ты — Заречная!". Что смотришь? Говорил или нет?!

ЖУЛЬЕН: Говорил. Но пока я эту пьесу делать не могу.

ТАТЬЯНА: Да, почему? У тебя, что — много денег? Или ты думаешь, что такие возможности появляются каждый день?

ЖУЛЬЕН: Боже, ну как ты не понимаешь?

ТАТЬЯНА: Что? Ну, что я не понимаю? Если я сейчас не сыграю Заречную, то очень скоро мне уже надо будет играть Аркадину! Это ты понимаешь?!

ЖУЛЬЕН: Не преувеличивай и успокойся.

Пауза.

ТАТЬЯНА: Принеси мне вина, если тебе не трудно.

ЖУЛЬЕН: Хорошо. (*На ходу.*) Я тебя прошу, не надо пока обнародовать содержание этого письма. Договорились?

ТАТЬЯНА: Я подумаю!

Скрывается в доме. Со стороны конюшни появляется Король.

Пауза.

КОРОЛЬ: Вы чем-то расстроены, Татьяна?

ТАТЬЯНА: Да.

Пауза.

КОРОЛЬ: Вы не любите лошадей?

ТАТЬЯНА: Почему вы решили?

КОРОЛЬ: Иметь под рукой таких скакунов, и за полтора месяца каникул ни разу не совершить прогулки верхом по этим чудным холмам?

Из дома появляется Жульен с бутылкой вина и стаканчиками.

ЖУЛЬЕН: О, Король! Вы уже вернулись? А мама?

КОРОЛЬ: Ваша мама, мой юный друг, больше всего на свете любит своего Рыжего.

ТАТЬЯНА: Даже, больше, чем вас?

КОРОЛЬ: Думаю, да. Пойду приму душ. (*Уходит в дом.*)

ЖУЛЬЕН (*наливая вино*)**:** "Святой Николай".

ТАТЬЯНА: Спасибо. Это твоя мама специально для русского режиссера купила.

Пауза.

ЖУЛЬЕН: Ты же все знаешь, зачем заставляешь меня?..

ТАТЬЯНА: Ну, тогда прости! Мне пора готовить фуршет!

Уходит в дом. Со стороны конюшни появляется Жаклин.

ЖАКЛИН (*говорит, как бы напевая*)**:** Мой сын! Мой сын один! Ты пьешь вино! Налей и мне! (*Становится на колени и обнимает сидящего Жульена.*) Я так счастлива! А вот ты грустный. А почему ты грустный? Тебе что, здесь не нравится? Ну, не молчи? Ответь, нравится или нет?

ЖУЛЬЕН: Да, мама.

ЖАКЛИН: Что, "да"? "Да" — нравится, или "да" — не нравится?

ЖУЛЬЕН: Нравится.

ЖАКЛИН: И мне! Ты знаешь, мне здесь ужасно нравится! Пройдет совсем немного времени, и здесь будет царить вечный праздник. Мы будем устраивать спектакли, выставки, концерты, рыцарские турниры. Я сошью для своего Рыжего золотую попону, и не слезая с коня, буду наблюдать за поединком, из которого ты выйдешь победителем. И тебе будут аплодировать! А я буду очень горда, что сумела вырастить такого замечательного сына!

ЖУЛЬЕН: Я очень тебя люблю, мама.

ЖАКЛИН (*изменив тон*)**:** Кто-нибудь еще приехал?

ЖУЛЬЕН: Пока нет.

ЖАКЛИН: Пойду в душ. Вина много не пей — еще целый вечер впереди.

Целует его и уходит в дом. Слышно, как подъехал автомобиль. В воротах появляется Бернар с большой деревянной рамой для картины.

ЖУЛЬЕН: О, Бернар!

БЕРНАР: Юным талантам — добрый вечер!

ЖУЛЬЕН: Вы, как всегда, с сюрпризами.

БЕРНАР: Да, это так... Пустяки. Подарок для будущих шедевров.

ЖУЛЬЕН: Давайте я вам помогу. Вот сюда, к креслу.

БЕРНАР: Спасибо, Жульен.

ЖУЛЬЕН: Глоток вина?

БЕРНАР: Нет, спасибо. Жарко. Разве что позже.

Из дома появляются Александр и Сесиль.

АЛЕКСАНДР: Бернар! Не может быть!!

БЕРНАР: Привет, Александр! (*Обнимаются.*) Как дела?

АЛЕКСАНДР: Как могут быть дела, если я снова в Гаскони! Ты совсем не изменился. Надо же, целый год прошел, — будто и не расставались.

БЕРНАР: Ты тоже не изменился.

АЛЕКСАНДР: Да уж! (*Стучит себя по темени.*) Лысею.

БЕРНАР: Привет, Сесиль!

СЕСИЛЬ: Привет, Бернар! (*Дважды целуются.*)

ЖУЛЬЕН: Теперь-то за встречу кто-нибудь со мной выпьет?

АЛЕКСАНДР: Наливай!! Эх, черти вы мои! Чинь-чинь!!

ВСЕ: На здоровье!!

Пьют и садятся.

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Божественное вино!

БЕРНАР: Ну, что в Москве? Нам показывают, что мафия свирепствует почище, чем в Палермо.

АЛЕКСАНДР: Естественно! В Москве же население в несколько раз больше, чем во всей Сицилии. А уж денег, наверное, больше, чем во всей Италии.

СЕСИЛЬ: Хочу в Москву! Уговорю Жаклин провести мою выставку, продам много картин и приеду к вам в гости, Александр. Да! Даже если вы будете против, я все равно приеду!

АЛЕКСАНДР: На это я могу сказать только одно — сдаюсь!

Общий смех. В доме заиграла пластинка Шарля Азнавура.

Песня "Богема".

ЖУЛЬЕН (*не сразу*)**:** Любимая песня мамы.

АЛЕКСАНДР: Великая песня.

Пауза.

ЖУЛЬЕН: Александр, вам нравится, как у вас репетирует Татьяна?

АЛЕКСАНДР: Пока трудно сказать, прошла одна неделя. Но в целом группа хорошая. А Татьяна никому не уступает.

БЕРНАР: Чехов?

АЛЕКСАНДР: "Чайка".

СЕСИЛЬ: Никогда не понимала удовольствия играть на сцене. В жизни играть, по-моему, намного интересней. И что все носятся с этим Чеховым?! Чехов и Чехов, Чехов и Чехов! Он же ненавидел театр, насколько мне известно?!

АЛЕКСАНДР: Было за что.

ЖУЛЬЕН: Пойду-ка я искупаюсь. Не хотите, Бернар?

БЕРНАР: Что я вам за компания? Возьмите лучше Сесиль.

СЕСИЛЬ: Нет! Я уже пьяная, а пьяным плавать нельзя!

ЖУЛЬЕН: Остаетесь вы, Александр?

АЛЕКСАНДР: Если честно, — не очень хочется. Я люблю купаться, когда солнце уже сядет.

ЖУЛЬЕН: Ну, что ж! Человек одинок. Это остается единственной непоколебимой истиной.

Уходит в сторону озера.

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Жульен что-то не в духе.

СЕСИЛЬ: Постарайтесь, Александр, не сильно распространяться о вашей работе.

АЛЕКСАНДР: Я не совсем понимаю, Сесиль.

СЕСИЛЬ: Не понимаете? Посмотрите внимательно на этот дом. Вам он ничего не напоминает?

АЛЕКСАНДР: Нет. Таких домов в округе много.

СЕСИЛЬ: Не скажите. Как режиссеру он вам должен что-то напоминать.

АЛЕКСАНДР (*не сразу*): Вы шутите?

СЕСИЛЬ: Я пойду помогать хозяйке, а вы, Бернар, расскажите нашему другу о большой любви семейства Виалетт к гениальному русскому писателю.

Уходит в дом.

Пауза.

БЕРНАР: Вы в прошлом году ничего не узнали об этом доме?

АЛЕКСАНДР: Что именно?

БЕРНАР: У Жаклин был старший сын, актер, звали его Брюно.

АЛЕКСАНДР: Почему был?

БЕРНАР: Мне не очень просто об этом говорить. Дело в том, Александр, что он застрелился из старого отцовского винчестера под дверью дома своей матери.

АЛЕКСАНДР: Как?

БЕРНАР: Вот так.

АЛЕКСАНДР: А что произошло?

БЕРНАР: Он репетировал "Чайку".

АЛЕКСАНДР: Бернар, это розыгрыш?

БЕРНАР: Если бы так!

АЛЕКСАНДР: Наваждение!

БЕРНАР: Если бы не это трагическое обстоятельство, возможно, вы никогда бы не встретились с Жаклин, со мной и со всеми, кого вы здесь встретили. Давайте отойдем к воротам, сейчас должна приехать одна старушка. Я ее всегда встречаю.

Отходят к воротам.

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Так жестоко — на пороге дома!

БЕРНАР: Это, наверное, необъяснимо. Скажу только, что Жаклин в те роковые дни репетировала Аркадину. Они тогда жили в Бретани, на берегу Ла-Манша. Это север, почти тысяча километров отсюда. После того как это случилось, Жаклин продала дом со всем его содержимым, вцепилась в гриву своему Рыжему и проскакала все океанское побережье Франции, нигде не останавливаясь. Потом скакала вдоль южных границ, оказалась здесь и увидела этот дом. Он почти в точности соответствовал первой чеховской ремарке в "Чайке". И ей показалось, что это знак свыше. Дом, к счастью, продавался, и она тут же его купила. Так что, этот дом есть своего рода памятник ее сыну.

АЛЕКСАНДР: Да... Потрясающе.

БЕРНАР: Жаклин предлагали значительные роли и в Париже, и в Брюсселе, но она отказывалась. Теперь все, что касается творчества, происходит только в этом доме.

АЛЕКСАНДР: Это знают все?

БЕРНАР: Естественно. Теперь и вы знаете.

АЛЕКСАНДР: Фантастика!

БЕРНАР: Так что вы должны понять, почему нервничает Жульен. Он молод, ему хочется много работать, много путешествовать. И когда он глядит на вас, у него все чувства обостряются. Ну, и в данный момент Татьяна репетирует не с ним, а с вами,

АЛЕКСАНДР: Да. Такое не придумать.

Слышен шум подъезжающей машины.

БЕРНАР: А вот и Анна. Вы в прошлом году ее не встречали?

АЛЕКСАНДР: Нет.

БЕРНАР: Это удивительная старушка. Я потом вам о ней расскажу.

Слева появляется Анна. Она идет на маленьких костылях.

АННА: Бернар! Бернар!! Почему ты меня не встречаешь?

БЕРНАР: Дорогая тетя Аня, как же я вас не встречаю? Еще как встречаю! (*Берет ее под руку.*) Даже не один, а с моим очень хорошим другом из России.

АННА: Из России? Ты врешь, Бернар!

БЕРНАР: Тетя Аня! Как вы могли так обо мне подумать? Вот познакомьтесь! Это Александр Серебров — режиссер, драматург. Второй год подряд работает с французскими актерами.

АННА: Вы драматург?! Вы русский драматург?!

АЛЕКСАНДР: Про себя говорить как-то неловко...

АННА: Нет, Бернар! То, что он Александр, как Пушкин, — в это я верю! А вот в то, что он драматург, как Чехов, — нет! Во-первых, дважды за такой короткий срок в одной отдельно взятой стране гениальные драматурги не рождаются! А во-вторых, он — стеснительный! А где все?

БЕРНАР: Кто здесь — все готовятся.

АННА: Ой-е-ей! Можно подумать, сегодня миру явится новый Роден!

БЕРНАР: А кто сегодня это может сказать?

АННА: Бернар! Очень жарко! Если ты мне не принесешь пива, — мне раньше времени придет конец! Слышишь?!

БЕРНАР: Конечно, тетя Аня!

Бернар бежит в дом. Анна садится на кресло.

Пауза.

АННА: Александр! Мне очень интересно, что вы пишете.

АЛЕКСАНДР: Ну...

АННА (*перебивая*)**:** Вам нравится Кольтес?

АЛЕКСАНДР (*крайне удивленно*)**:** Вы читали Кольтеса?

АННА: Естественно!

АЛЕКСАНДР: У меня сейчас в группе из двадцати пяти актеров не все читали Мольера.

АННА: Ничего удивительного. "Закат Европы"! Помните такую книгу?

АЛЕКСАНДР: Конечно.

АННА: Ну, так что?

АЛЕКСАНДР: Он мне интересен.

АННА: Кто? Шпенглер или Кольтес?

АЛЕКСАНДР: И тот, и другой.

АННА: А я в Кольтесе ничего не понимаю! Совершенно! Мне кажется, что его подняли на щит такие же снобы и дилетанты от искусства, как он сам! Я считаю, что писать надо просто и не выпендриваться, если тебе нечего сказать людям.

АЛЕКСАНДР: Неужели вы так серьезно следите за современной литературой? Я просто поражен!

АННА: Молодой человек! Литература — это единственное, за чем следует следить! Запомните! Ни политика, ни религия, ни спорт — не заслуживают внимания человека. По крайней мере, того, кто таковым себя считает! Черт побери! Где мое пиво?! Я сейчас умру! Бернар!!! Где мое пиво-о-о-о?!!

Появляется Бернар с бутылкой пива. За ним идут Жаклин и Король.

ЖАКЛИН: Наша дорогая веселая женщина! (*Дважды целуются.*)

АННА: Жаклин! Бернар покушается на мою жизнь!

БЕРНАР: Тетя Аня! Вы ко мне несправедливы! Вот ваше пиво!!

АННА: Наконец-то! (*Видит картинную раму.*) А это ты для моего посмертного портрета приготовил?

БЕРНАР: Ну что вы говорите?!

АННА: Не ври! Никогда не ври!! Что подумает русский драматург о французах? Что они лгуны!?

КОРОЛЬ: Это он для меня приготовил.

АННА: А, это ты, Король? А я думаю, кто это такой страшный, как водяной?

ЖАКЛИН: Он только что из душа.

АННА: А! Жарко? То-то! (*Пьет.*) Жаклин! Пиво не помогает! Просто Африка, а не Европа! Проводи меня в дом, включи все вентиляторы и кондиционеры, — я хочу немного отдохнуть!

ЖАКЛИН: Конечно, пойдемте. (*Идут в дом.*)

АННА: Ты представляешь, Жаклин, вчера в одном журнале прочитала, что во всех бедах двадцатого века виноват Достоевский! А? Ну, ничего святого не осталось у этих журналистов! Нет, может, мое мнение об искусстве больше никого не интересует, тогда я вообще могу... (*Скрываются в доме.*)

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Очаровательная старушка.

БЕРНАР: Заметили, что она все время немного улыбается?

АЛЕКСАНДР: Да, да.

БЕРНАР: Ее так и зовут — Веселая. Сорок лет назад она сделала то же самое, что и Анна Каренина.

АЛЕКСАНДР: Что?

БЕРНАР: Да. Ее буквально собрали из пыли, и вот с тех пор она все время немного улыбается.

КОРОЛЬ: И больше всего на свете любит русскую литературу. Так что, Александр, она вас еще попытает. Бернар, пойдем перенесем мои работы в галерею, а то гости уже почти в сборе, а по какому поводу — до сих пор неясно.

АЛЕКСАНДР: Давайте и я помогу.

КОРОЛЬ: Отдыхайте, Александр. Я думаю, мы справимся. (*Идут в дом.*)

Пауза. Слышен звук подъезжающего автомобиля.

Появляются Иван и Ольга.

ИВАН: Привет, Мастер!

ОЛЬГА: Бонжур! Мы не опоздали?

АЛЕКСАНДР: Нет. Все еще готовятся.

ОЛЬГА: Пойду погуляю. (*Уходит в сторону озера.*)

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Опять что-то?

ИВАН: Я уже не реагирую. Двадцать лет живем, а она ревнует меня даже к автомобилю. Не хотела ехать, еле уговорил.

АЛЕКСАНДР: У-гу-гу... Пивка?

ИВАН: Не откажусь. Да, вот пресса. (*Достает газету и читает.*) "Чайка летит над Гасконью".

АЛЕКСАНДР: Дай-ка. (*Читает.*) "После Чернобыльской катастрофы Александр Серебров решил бросить науку и полностью посвятить себя искусству театра как единственному гуманному занятию человечества". Что это?

ИВАН: Журналистика! Единственная точная наука о причинно-следственных связях всего со всем.

АЛЕКСАНДР: Похоже, наша старушка не ошиблась относительно прессы.

ИВАН: Веселая уже здесь?

АЛЕКСАНДР: Да, они с Бернаром только что приехали.

ИВАН: И что она сказала по поводу журналистов?

АЛЕКСАНДР: Что они нашли главного виновника всех бед.

ИВАН: И кто же этот счастливчик?

АЛЕКСАНДР: Федор Михайлович...

ИВАН: Гениально!

Король и Бернар выносят накрытую простыней скульптуру.

БЕРНАР (*кряхтит*)**:** Нет, Король, что ни говори, но я буду всю жизнь писать стихи. Только стихи! Даже романы писать не буду, они тоже очень тяжелые.

ИВАН: А мне, Бернар, в этой позе ты нравишься. Король, привет! Ты должен обязательно увековечить Бернара именно в этой позе!

КОРОЛЬ: Иван, не смеши! А то выставки не будет!

БЕРНАР: Ребята! Там их еще три!

КОРОЛЬ: Скажи спасибо, что не тридцать три!

Из дома выходит Татьяна.

ТАТЬЯНА: Где Жульен? Его срочно к телефону.

ИВАН: Привет, Татьяна.

ТАТЬЯНА: Прости, Иван! Привет! Александр?

АЛЕКСАНДР: Он пошел купаться. Я могу позвать.

Из-за дома появляется Жульен.

ЖУЛЬЕН: Спасибо, не надо.

ИВАН: Жульен, моя жена на берегу?

ЖУЛЬЕН: Я не знаю вашей жены, но какая-то женщина гуляет вдоль озера.

Быстро идет в дом, Татьяна за ним.

Из галереи выходят Король и Бернар.

КОРОЛЬ: Опять купаться придется! Весь мокрый.

БЕРНАР (*Александру и Ивану*)**:** Вы так и будете пить холодное пиво и смотреть, как мы вдвоем корячимся и потеем?

ИВАН: Бернар! Мы же русские.

БЕРНАР: Пойдемте, ребята, пойдемте. Пиво от вас не убежит, а вместе нам будет веселее.

ИВАН: Ну что, Александр? Вынуждены приобщиться к высокому искусству!

АЛЕКСАНДР: Что делать?

Александр и Иван идут в дом вслед за Королем и Бернаром. Из-за дома появляется Ольга. Идет через двор и садится к столику. Из дома выходит Татьяна, нервно раскуривая сигарету.

Пауза.

ОЛЬГА: Здравствуйте!

ТАТЬЯНА: Здравствуйте! Простите, я вас не заметила.

ОЛЬГА: Может, познакомимся? (*Не сразу.*) Ольга.

ТАТЬЯНА: Татьяна. Извините!

Быстро уходит в дом. Из других дверей появляются Александр и Иван, несущие закрытую скульптуру. Следом Король и Бернар, тоже несут закрытую скульптуру.

КОРОЛЬ (*Бернару и Александру*)**:** Мы уже несем вторую, так что оставшуюся нести вам, братцы! Слышите?!

АЛЕКСАНДР: Как сказал Аристотель, Король, — "Сначала деньги, потом добродетель!".

Общий смех.

КОРОЛЬ: Не надо прятаться за классиков, Александр! Потому что у настоящих классиков всегда найдутся изречения, взаимно исключающие друг друга.

БЕРНАР: Я сейчас уроню! Не смешите, сволочи!!

КОРОЛЬ: Ты же плотник, Бернар! Ты должен помнить, какие лишения выпали на долю первого плотника человечества! Так что, терпи, и тебе воздастся! И во Франции все-таки не так жарко, как в Иудее!

АЛЕКСАНДР: И не так холодно, как в России!

Скрываются в галерее. Из дома появляется Татьяна с бутылкой вина. Идет к столику.

ТАТЬЯНА: Простите, семейные радости. Вина выпьете?

ОЛЬГА: Немного — можно.

Пауза.

ТАТЬЯНА: Вы русская?

ОЛЬГА: Да. Пятнадцать лет назад я уехала из России в таком же возрасте, как вы, и с тех пор живу здесь.

ТАТЬЯНА: И ни разу не ездили домой?

ОЛЬГА: Нет. Да и не хочется.

ТАТЬЯНА: Почему?

ОЛЬГА: Просто не хочется.

ТАТЬЯНА: Не к кому?

ОЛЬГА: Почему? И папа, и мама, слава Богу, живы! Просто нет сил признать все свои ошибки.

Из галереи в дом проходят Король, Бернар, Иван и Александр.

КОРОЛЬ: Иван, это твоя супруга? Вот это да! Почему ты все время прячешь ее от нас?!

ИВАН: Я не прячу. Познакомься: это Ольга.

КОРОЛЬ: Очень приятно! Это Бернар — плотник, Александра вы знаете, а я — Король!

ОЛЬГА: Король?

КОРОЛЬ: Да. Меня зовут Король! Вас что-то удивляет?

ОЛЬГА: Да нет...

КОРОЛЬ: Ну, если все-таки удивляет, зовите меня просто Людовиком. Каким хотите! А сейчас извините, нам надо закончить государственные дела. Свита! За мной!! Согласно Шодерло де Лакло, женщинам внимание нужно оказывать только в темное время суток! А солнце еще не село.

Король, Иван, Бернар и Александр идут в дом.

Пауза.

ТАТЬЯНА: Смешные они.

ОЛЬГА: Да.

Пауза. Солнце уже над самым горизонтом.

ОЛЬГА: Вы чем-то расстроены?

ТАТЬЯНА: Да, я вижу, и вы.

ОЛЬГА: Вы актриса?

ТАТЬЯНА: Актриса.

ОЛЬГА: Понятно. А я простая медсестра.

Из дома выходит Жульен.

ЖУЛЬЕН: Татьяна, можно тебя на секунду?

ТАТЬЯНА: Можно мне поговорить?

ЖУЛЬЕН: Можно. Но я прошу тебя на одну секунду!

ТАТЬЯНА: Хорошо.

Татьяна идет за ним в дом. Из других дверей появляются Король, Бернар и Александр. Они несут накрытую простыней "скульптуру", которая хохочет, и почему-то не в галерею, а к столику.

КОРОЛЬ: А это наш подарок гостье! Осторожно! Осторожно!! Опускай! Ап!!! (*Срывает простыню — под ней Жаклин.*)

Пауза.

ЖАКЛИН: Здравствуйте! Мы с вами несколько раз разговаривали по телефону. Я — Жаклин!

ОЛЬГА: Очень приятно, Ольга!

ЖАКЛИН: Смешно, я когда-то играла Ольгу в "Трех сестрах". Ну, что вы встали, как три брата! Вы же еще не закончили! Так давайте уже заканчивайте, а то мы никогда не начнем!

КОРОЛЬ: Свита! Ты слышала?! Это война! Наша месть не будет иметь видимых границ! За мной!

Уходят в дом, напевая военный марш.

Пауза.

ЖАКЛИН: Я давно хотела вам сказать, чтобы вы ничего плохого не думали. Я очень нежно отношусь к Ивану. Это так. Но только как к другу. Он человек большой души и, право, много раз вытаскивал меня из моих депрессий и разных кошмаров. Так случилось. Почему-то в трудную минуту мне хочется говорить только с Иваном! Не обижайтесь — вам очень повезло с мужем.

ОЛЬГА: Спасибо.

ЖАКЛИН: Ревность убивает любовь!

На пороге дома появляется Иван.

ИВАН: Ольга! У Жульена из носа кровь пошла!

ЖАКЛИН: Что такое?

Все быстро идут в дом. Из других дверей появляются Татьяна и Александр.

АЛЕКСАНДР: Танечка! Перестаньте плакать! Я вас прошу! Это же совершеннейшая глупость!

ТАТЬЯНА: Почему? Объясните мне, почему он отказывается?

АЛЕКСАНДР: Успокойтесь, держите себя в руках!

ТАТЬЯНА: И за этого человека я собираюсь выйти замуж!

Из дома выходит Сесиль.

СЕСИЛЬ: Татьяна! Все будет хорошо. Слышишь меня? Пойдем, пойдем погуляем к озеру, проводим солнышко. Не плачь, не надо. Я когда-то читала про зеленый луч, который роняет солнце в момент, когда исчезает за горизонтом. Говорят, что это к счастью. Может, нам сейчас повезет, и мы его увидим. А вы, Александр, поставьте музыку. Только не громко. Негромкая музыка просветляет и успокаивает. Пойдем, девочка, пойдем. Не надо плакать.

Скрываются за домом. Александр уходит в дом. Из других дверей появляется Король. Он несет еще одну накрытую скульптуру. Вносит ее в галерею и ставит рядом с другими. В доме начинает играть песня Шарля Азнавура "Богема". Король садится на пороге галереи и закуривает. После паузы открывается одно из окошек дома, и в нем появляется Веселая. Она только что проснулась.

АННА: Иезус Мария! Уже почти стемнело! Э-э-э!!! Когда же будем наслаждаться искусством? Бернар?! Ты где, Бернар?! Я хочу кофе! Слышишь, Бернар!! Что, все умерли, что ли? Или я что-то пропустила? Бернар! Бернар!!!

Песня становится громче. Король не реагирует.

Занавес

Действие второе

Уже ночь. Четыре скульптуры — Пьеро, Коломбины, Арлекина и Панталоне, — вырезанные из цельных кусков дерева, в галерее ярко освещены. Все, кроме Жульена, находятся в галерее. Песня заканчивается, слышны аплодисменты. Король кланяется. Мерцает несколько фотовспышек. Там же, в галерее, накрыт фуршет. Хлопает шампанское. Через некоторое время на порог галереи выходят Сесиль и Александр. Закуривают.

СЕСИЛЬ: Если честно, то я ожидала чего-то большего. Целый год резать четыре фигуры! Скажите, Александр, откуда вы, художники, берете столько терпения?

АЛЕКСАНДР: Вы же тоже художник, Сесиль.

СЕСИЛЬ: Я — женщина, Александр! Но помимо того, что я женщина, я еще алкоголик! А вы не ответили. Откуда столько терпения? От этого можно сойти с ума!

АЛЕКСАНДР: Из несерьезности.

СЕСИЛЬ: Что?

АЛЕКСАНДР: Понимаете, Сесиль, ни одно человеческое занятие не имеет преимущества над другими. Поэтому чем бы вы ни занимались, вы должны знать, что жизнь мимо вас не проходит. Она идет. Она идет там, где вы находитесь. И больше нигде. Вот мы сейчас с вами просто курим. Но на самом деле в этом курении именно в этот момент есть что-то, что потом может отразиться в ваших картинах или моих пьесах.

СЕСИЛЬ: И поэтому все равно, что пилить целый год, — женщину или деревяшку! По вашей логике — получается так!

АЛЕКСАНДР: Ну, для тех, кто понимает.

СЕСИЛЬ: А для тех, кто нет?

АЛЕКСАНДР: Для тех, кто не понимает, надо искать источник желания.

СЕСИЛЬ: Чего?

АЛЕКСАНДР: Понять.

СЕСИЛЬ: Думаете, это возможно для тех, кто еще не понял?

АЛЕКСАНДР: Думаю, что нет. Но искать все-таки надо.

СЕСИЛЬ (*не сразу*)**:** Вы окончательно запудрили мне мозги! Так вы остаетесь сегодня здесь, или нет?!

АЛЕКСАНДР: Я...

Из дома выходит Жульен.

СЕСИЛЬ: Жульен, как вы себя чувствуете?

ЖУЛЬЕН: Все хорошо. (*Уходит в сторону озера.*)

Пауза.

СЕСИЛЬ: Александр, я очень обижусь! Даже могу начать мстить! И тогда вам никто не позавидует. Обещайте мне сейчас же, что вы останетесь здесь до завтра!

АЛЕКСАНДР: Сесиль, я в чужой стране, поэтому себе не принадлежу.

СЕСИЛЬ: К черту чужую страну! Оставайтесь! Уже поздно. Когда все лягут спать, мы у камина в моей комнате будем пить шампанское, а потом... я подарю вам любовь. Вы же, насколько я вас понимаю, с момента приезда — то есть сегодня десятый день — не были с женщиной. Десять дней без женщины — это тяжело. Только не отказывайтесь сразу. Я вижу, что вам нравится Жаклин, но она очень любит Короля. Она не позволит себе его обидеть. Он фактически спас ее после несчастья с сыном.

АЛЕКСАНДР: Вы очень проницательны, Сесиль, но Жаклин намного меня старше.

СЕСИЛЬ: Это еще никогда не было проблемой. Александр, другой партии у вас нет. Соглашайтесь!

АЛЕКСАНДР: Сесиль, я, конечно, польщен, но вы меня ставите в неловкое положение.

СЕСИЛЬ: Да, бросьте вы! Какие отвратительные сигареты вы курите! Пойдемте выпьем, и нам обоим станет лучше. И перестаньте строить из себя саму невинность!

Уходит в галерею. Оттуда сразу же выходит Татьяна.

ТАТЬЯНА: И как вам скульптуры?

АЛЕКСАНДР: По-моему, — это здорово!

ТАТЬЯНА: Понятно. Александр, можно вас спросить?

АЛЕКСАНДР: Конечно.

ТАТЬЯНА: Как вам кажется, я действительно могу сыграть Нину в "Чайке"? Только честно.

АЛЕКСАНДР: Успокойтесь, Татьяна. Я не собираюсь вас обманывать. Если бы вы были в моей труппе и я решился бы ставить эту пьесу, — на эту роль я назначил бы вас.

ТАТЬЯНА: Это честно?

АЛЕКСАНДР: Мне кажется, я не давал вам повода мне не верить.

ТАТЬЯНА: Спасибо.

Быстро идет в дом. Александр прогуливается по саду.

Пауза.

Из галереи выходят с бокалами вина Жаклин и Иван.

ЖАКЛИН: Не знаю, что делать? Если Жульен что-нибудь выкинет, я этого не переживу.

ИВАН: Прости, Жаклин, но мне кажется, что тебе надо что-то решить.

ЖАКЛИН: Что, Иван? Что?!

ИВАН: Если бы я знал! Я сам не знаю, что мне делать!

ЖАКЛИН: Ольга?

ИВАН: И дети!!

Пауза.

ЖАКЛИН: Какая замечательная ночь! Ночь редких перспектив!

ИВАН: Пойдемте, Жаклин, к столу. Не будем нервировать ни Ольгу, ни Короля.

ЖАКЛИН: Можно я тебя поцелую?

ИВАН: Жаклин!

ЖАКЛИН: Молчи! (*Целует его.*) А теперь иди.

ИВАН: А ты?

ЖАКЛИН: Иди, я сейчас.

Иван уходит в галерею.

АЛЕКСАНДР (*из темноты*)**:** Ночь действительно замечательная.

ЖАКЛИН: Это вы, Александр?

АЛЕКСАНДР: Я.

ЖАКЛИН: Вас утомило общество?

АЛЕКСАНДР: Нет, что вы!

ЖАКЛИН: Оставайтесь сегодня у нас.

АЛЕКСАНДР: Я не знаю...

ЖАКЛИН: Я вас очень прошу. Дом огромный — вы не доставите никому неудобств. Оставайтесь!

АЛЕКСАНДР: Ну, если вы настаиваете... Правда, если Иван с Ольгой уедут, то как я завтра попаду в город?

ЖАКЛИН: Я вас отвезу сама.

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Хорошо. Я остаюсь.

ЖАКЛИН: Вот и славно. Идемте к столу.

АЛЕКСАНДР: С удовольствием.

ЖАКЛИН (*берет его под руку*)**:** То, что вы видели, — это был дружеский жест. А вот вас я действительно вспоминала целый год.

Уходят в галерею. Из дома выходит Татьяна.

Пауза.

Идет к воротам, смотрит на дорогу. Возвращается к галерее. Смотрит сквозь стеклянные стены. Из дома появляется Жульен.

ЖУЛЬЕН: Ты не Александра ищешь?

ТАТЬЯНА (*подойдя к нему***):** Послушай, тебе не кажется это глупым?

ЖУЛЬЕН: Что именно?

ТАТЬЯНА: Устраивать сцены ревности именно тогда, когда дом полон гостей!

ЖУЛЬЕН: А тебе не кажется, что у тебя все очень хорошо складывается? Осталось только предложить русскому поставить "Чайку" — и все! Деньги приличные, а русским они всегда нужны! У них их никогда нет! Предложи ему, он не откажется! Тем более что вы уже репетируете!

ТАТЬЯНА: Ты знаешь, любимый, я серьезно подумаю над твоим предложением!

ЖУЛЬЕН: Татьяна! Это жестоко — требовать от меня того, что я не могу сделать!

ТАТЬЯНА: Значит, мы всю жизнь должны жить с оглядкой на прошлое?! Так?!

ЖУЛЬЕН: Без оглядки на прошлое живут только животные!

ТАТЬЯНА: Не только! И птицы! Понял?!

Татьяна быстро уходит в галерею.

Пауза.

На пороге галереи появляется Александр. Жульен включает в саду галогеновый свет.

АЛЕКСАНДР: Жульен, я взял вам бокал вина.

ЖУЛЬЕН: Я очень вам признателен. Но если этот бокал вас попросила передать мама, то принесите мне лучше шампанского.

АЛЕКСАНДР: Я хотел вам сказать, что вы напрасно беспокоитесь. Я никогда не позволю себе ничего такого, что может как-то повлиять на ваши взаимоотношения с Татьяной. Мне кажется, вы должны ей доверять, и по мере сил помогать не разувериться в прекрасной и наивной профессии, которую она выбрала. Она талантливый человек. Где-то я читал, не помню, что не надо убивать человека за то, что он верит во что-то другое и по-другому, чем вы.

ЖУЛЬЕН: Если честно, то меня беспокоит не это.

АЛЕКСАНДР: А что?

ЖУЛЬЕН: Не что, а кто. Мама.

АЛЕКСАНДР: Это, конечно, не мое дело, но сделайте так, чтобы она не волновалась.

ЖУЛЬЕН: Как? Король уже выпил стакана четыре виски, и это только начало. (*Пауза.*) Это уже продолжается несколько месяцев.

АЛЕКСАНДР: Что?

ЖУЛЬЕН: Если бы это можно было определить словами...

АЛЕКСАНДР: А ты не пытался с ним поговорить?

ЖУЛЬЕН: Бесполезно. Года полтора назад я ставил спектакль в Лилле, на севере, и в течение месяца завтракал в одном и том же маленьком кафе. И вот в один из дней в этом кафе появился шикарно одетый баск. Пока я ел круассан и пил кофе, этот баск выпил несколько стаканов пастиса, рома, виски и пива. Потом поставил пятьсот франков на неизвестную лошадь и ушел. На следующий день повторилась та же история. И на следующий — то же. На четвертый день, после того как он ушел, я спросил хозяина кафе, кто это. Он ответил, что это граф. Очень богатый. Сейчас у него проблемы с очередной "графиней". В конце недели, так же утром, я завтракал и листал свежие газеты. Он вошел, заложил за воротник нечеловеческую дозу спиртного и собрался было уходить. Потом вдруг остановил на мне свой взгляд, долго смотрел, подошел и сказал: "У тебя хорошая душа". Допил виски и резко вышел из кафе. На следующий день было воскресенье, я полдня спал и не ходил в кафе. В понедельник утром он не пришел. Бармен опередил мой вопрос: "Позавчера граф разбился на машине".

АЛЕКСАНДР: Насмерть?

ЖУЛЬЕН: Да. Теперь, когда я вижу напивающегося человека, все время вспоминаю этого богатого и красивого графа.

АЛЕКСАНДР: Да...

ЖУЛЬЕН: Почему именно в этот день он со мной заговорил?

АЛЕКСАНДР: Это необъяснимо.

Пауза.

ЖУЛЬЕН: Я не помню своего отца, но что-то мне подсказывает, что он погиб точно так же. Король очень хороший человек, талантливый художник, но, кажется, он понял, что мама никогда его не любила. Он очень ей помог после несчастья с моим братом. Мама отплатила ему всем, чем могла: деньги, мастерская, свобода... Да и этот вернисаж — попытка все как-то наладить. (*Из галереи слышится пластинка Азнавура.*) У него добрая душа... "Добрая душа" — звучит как приговор. Я заметил, что те, у кого добрая душа, долго не живут. Почему так? (*Пауза.*) Завтра я позвоню в Женеву и попрошу, чтобы вместо меня поехали ставить спектакль вы. Согласны?

АЛЕКСАНДР: Не надо, Жульен, делать никаких резких движений. После окончания здешнего семинара мне надо быть в Москве.

ЖУЛЬЕН: Точно? В Женеве очень хороший контракт!

АЛЕКСАНДР: Я понимаю, но по-прежнему, вероятно, наивно, полагаю, что не все в этой жизни меряется деньгами. Идите в галерею, и всем станет спокойнее.

ЖУЛЬЕН: А вы?

АЛЕКСАНДР: И я.

В этот момент Бернар выносит из галереи большое плетеное кресло. Слышно, как в галерее кричит Веселая: "Бернар! Бернар!!!".

БЕРНАР: Иду! Иду!!!

Через мгновение он выводит из галереи Веселую и усаживает ее в кресло. Жульен входит в галерею.

АННА: Спасибо, Бернар! Фу! Сегодня невыносимая жара! Правда, Александр? А почему вы все время в саду? Вы презираете общество! Только ничего мне не говорите! Вы русский! А русские всегда отрываются от общества! Правда, Бернар? Принеси мне шампанского! Со льдом! Жажда! Смертельная жажда!

БЕРНАР: Да, да, да... (*Скрывается в дверях галереи.*)

АННА: Ну, что вы молчите, Александр?! Если вы действительно крупный русский писатель, вы не должны молчать! Вы должны реагировать на все! Почему вы до сих пор не высказали свою точку зрения относительно дел на Балканах?! А как вы, собственно говоря, относитесь к возрастающей эмиграции из вашей страны? Как вам вообще видится будущее? Не молчите, Александр, не молчите! Все равно на эти вопросы вам предстоит отвечать. А где вообще великая русская литература, черт возьми?! Куда она делась?! А куда делся Бернар? Я сейчас умру! Бернар!!!

БЕРНАР (*входя*)**:** Пробка застряла, еле открыл.

АННА: Вот! Вот, Александр! Во французском шампанском стали застревать пробки! Катастрофа! Всем стало абсолютно наплевать на человека! И французским виноделам! И русским писателям! (*Пьет.*) Фу!.. Хорошо! А почему так безветренно? Бернар?

БЕРНАР: Я здесь.

АННА: Сделай что-нибудь!

БЕРНАР: Что?

АННА: Я не знаю! Вы не знаете, Александр?

АЛЕКСАНДР: Я?

АННА: Никто ничего не знает! А я знаю! Если я еще несколько ста-

канчиков шампанского выпью, то вернисаж четырех скульптур может перейти в похороны одно реального тела.

БЕРНАР: Тетя Аня!

АННА: Это шутка, Бернар! Шампанское я пью с детства! Правда, последнее время мне в нем перестали нравиться пузырьки! Вы меня понимаете, молодые люди? (*Бернар и Александр переглядываются.*) Нет, вы меня не можете понять! Ну, ничего! Доживете до моих лет, тогда поймете! Хотя, может быть, вы и не доживете! А, Бернар?

БЕРНАР: Ну...

АННА: Да что "ну"? Что "ну"?! Пьете вы мало! Женщин сторонитесь! Что это такое? Александр, может, пройдемся на озеро? Ха-ха-ха! Что это у вас с лицом? Ладно! Мне стало несколько лучше! Так, мужчины! Идем в общество. А то оно без нас закиснет! А вы, Александр, думайте об ответах на мои вопросы! И не думайте, что я обо всем забуду и лягу спать раньше, чем вас допрошу!

Уходят в галерею.

Пауза.

Из галереи выходят Жульен и Татьяна.

ТАТЬЯНА: Коломбина удалась Королю больше, чем мужские маски.

ЖУЛЬЕН: Ева у Бога тоже получилась лучше.

Пауза.

ТАТЬЯНА: Ну?

ЖУЛЬЕН: Что?

ТАТЬЯНА: Ничего не хочешь мне сказать?

ЖУЛЬЕН: Хочу спросить, можно?

ТАТЬЯНА: Нужно.

ЖУЛЬЕН: Ты меня еще любишь?

ТАТЬЯНА: А ты?

ЖУЛЬЕН: Я — да!

ТАТЬЯНА: И я — да!

ЖУЛЬЕН: Хороший диалог!

ТАТЬЯНА: Да! Короткий! Запиши, может, пригодится!

ЖУЛЬЕН: Я не драматург!

Из галереи выходит Жаклин.

ЖАКЛИН: Дети, дети! А ну-ка, идите сюда скорее! Тетя Аня уговорила Бернара почитать его последние стихи. Идемте посмеемся!

ТАТЬЯНА: С удовольствием!

Татьяна стремительно возвращается в галерею.

Пауза.

ЖАКЛИН: Ты не пойдешь?

ЖУЛЬЕН: Мама, я сейчас.

ЖАКЛИН: Что с тобой, сын?

ЖУЛЬЕН: Скажи, ты любишь Короля, мама?

ЖАКЛИН: Почему ты спрашиваешь?

ЖУЛЬЕН: Ты не ответила.

ЖАКЛИН (*не сразу*)**:** Ты хочешь знать? (*Пауза.*) Хорошо. Если ты что-то не поймешь, сразу не задавай мне других вопросов. Договорились?

ЖУЛЬЕН: Я постараюсь.

Пауза.

ЖАКЛИН: Если я скажу "Да", то это будет неправдой. Но если я скажу "Нет", это тоже не будет правдой.

ЖУЛЬЕН: Понятно. А отца ты любила?

ЖАКЛИН (*сквозь слезы*)**:** Пойдем лучше послушаем смешные стишки. (*Медленно идет к галерее, из которой слышен громкий смех.*) Сколько звезд! Посмотри, сын, сколько звезд!

ЖУЛЬЕН: Ты опять не ответила?

ЖАКЛИН (*в небо*)**:** Не знаю, в чем я виновата, но в чем-то точно виновата, раз Господь мне послал таких жестоких детей! (*Плача, уходит в сторону озера. В галерее — смех.*)

ЖУЛЬЕН: Мама!

Из галереи выходит Иван.

ИВАН: Жульен, ты такое пропускаешь! (*Не сразу.*) А где мама?

ЖУЛЬЕН: К озеру пошла. (*Уходит в дом.*)

Иван быстро уходит в сторону озера. Сцена некоторое время пуста. В доме в одном из окон зажигается свет. В галерее смех. На ее пороге появляется Ольга. Осматривает двор. Идет к дому, заглядывает в окно. Потом идет к воротам, бросает взгляд на дорогу. После паузы идет в сторону озера. Храпят кони. Сцена снова пуста. Слышен голос Сесиль: "Все! Все, Бернар! Прекрати! Я больше не могу!". Потом голос Анны: "На воздух! Все на воздух, пока не задохнулись от смеха!". Выходят из галереи Сесиль под руку с Александром, Анна и Бернар. Король остается курить в дверях. Татьяна ест и пьет в галерее.

АННА: Бернар! Ты просто не возможный человек! Разве можно так смешить людей?

БЕРНАР: Вы же сами просили.

АННА: Сесиль, как это последнее? Ты запомнила?

СЕСИЛЬ (*цитирует*): "Родился он, и выглядел отлично, и после был удачно похоронен!". Как это называется?

БЕРНАР: Называется коротко: "Жизнь".

АННА: Все, Бернар! Посади меня в кресло и дай мне мой виски. Где мой виски? Куда ты все время прячешь мои напитки?

БЕРНАР: Что вы, тетя Аня? Сейчас я все принесу. Король, будьте так любезны, не пейте все сами, поделитесь с дамой.

КОРОЛЬ: С дамой поделиться — это святое! Особенно спиртным!

СЕСИЛЬ: А вы, Александр, вероятно, в таком низком жанре, как Бернар, не работаете.

АЛЕКСАНДР: Низких жанров, Сесиль, не бывает. Бывают низкие люди и потолки.

СЕСИЛЬ: Это верно. Вот я, например, абсолютно низкий человек, — всего один метр шестьдесят девять сантиметров. (*Смех.*)

АННА: Александр! Давайте продолжим прерванный допрос! Вот вы мне можете объяснить такой феномен: полная гибель русской литературы? Просто никого! Немота! Что это означает? Куда делись ваши Чеховы, Достоевские, Булгаковы, Мандельштамы? А где Ерофеевы? Что, в России перестали пить? Объясните темной Европе! Мы же волнуемся! Нам скоро совершенно нечего будет читать!

АЛЕКСАНДР: Вы знаете, дорогая тетя Аня, — позвольте мне вас так называть — мне странным кажется вовсе не это, а то, что вообще еще встречаются люди, которые что-то читают. Я чувствую, что уже очень скоро настанет то время, когда Толстого и Дюма будут печатать только на туалетной бумаге. Потому что, что бы человек ни придумывал — отказаться от отправления естественных потребностей ему пока не удалось. Таким образом, у человека останется единственное время и место совмещать высокое и низкое.

АННА: Александр! Так вы, оказывается, пессимист! Вот в чем дело! Вы разуверились в силе человеческого духа! Тогда перестаньте заниматься искусством! Я вам запрещаю! Вот Бернар — истинный творец! А почему? А потому, что он плотник!

БЕРНАР: Тетя Аня! Ваш виски!

АННА: Молчи! Не перебивай! Я поняла! Мне определенно нужно поехать в Россию и навести там порядок! Понимаете, я не смогу спокойно умереть в маленькой французской деревне, зная, что в огромной России окончательно погибает литература! Слышишь, Бернар? Я хочу умереть со спокойной душой!

БЕРНАР: Хорошо, хорошо... Только не волнуйтесь так, дорогая тетя!

АННА: А я и не волнуюсь! Александр, вы когда уезжаете?

АЛЕКСАНДР: Через две недели.

АННА: Отлично, я поеду с вами!

СЕСИЛЬ: Дорогая тетя Аня! Я вас очень уважаю, но вынуждена вас огорчить. Вы будете с Александром не одни, поскольку он меня тоже забирает в Москву!

АННА: Ах, вот как?! Это неожиданный поворот! Так значит вы, Александр, и не режиссер, и не драматург! Вы обыкновенный Дон Жуан!

АЛЕКСАНДР: Дорогие мои! Давайте сделаем просто. Я вас всех заберу с собой в Россию! Всех абсолютно! Ну, в самом деле! Сколько же еще вам здесь мучиться?! Разве у вас тут жизнь? Тоска! А в Москве у меня комната — семь минут от Кремля — целых восемнадцать метров! Тараканы с ладонь, мыши — как крысы, а крысы — как люди! Поехали! Перед смертью всем будет что вспомнить!

АННА: Если это все правда, — вы должны быть хорошим писателем! Плохо писать в такой обстановке просто невозможно! Король! Слышишь меня?! Тебе обязательно нужно поехать! Это тебя встряхнет и добавит сюжетов для твоих творений!

КОРОЛЬ: Я очень серьезно подумаю над вашим предложением.

Из-за дома появляется Ольга и быстро пересекает двор по диагонали, к каменным воротам. За ней появляется Иван.

ИВАН: Ольга!

Ольга останавливается у ворот.

АЛЕКСАНДР: Иван, что случилось?

ИВАН (*на ходу*)**:** Все нормально.

ОЛЬГА: Отвези меня домой! Сейчас же! Дома дети одни!

ИВАН: Ольга! (*Ольга исчезает в темноте дороги. Иван всем.*) Извините. (*Быстро идет вслед за ней.*)

АННА: Похоже, что я опять что-то пропустила!

Пауза.

Из-за дома появляется Жаклин. Король входит в галерею. Они оживленно начинают разговор с Татьяной. Звук отъезжающей машины. Жаклин медленно подходит ко всем.

ЖАКЛИН: А что у вас у всех с лицами? У нас что, праздник уже кончился? Тетя Аня!

АННА: Александр! Я думаю, сейчас самое время писать большой роман о Кавказе! Как вы считаете?

АЛЕКСАНДР: Очень возможно.

Пауза.

ЖАКЛИН: Что-то зябко стало. Может, перейдем в дом, к камину?

СЕСИЛЬ: Это замечательная мысль! Шампанское у камина под музыку! Александр!

АЛЕКСАНДР: Я как все.

АННА: Ваша идея, Жаклин, утверждается! Идемте! (*Все движутся в сторону дома.*) Александр! И все-таки я хочу услышать серьезные ответы на мои вопросы! Бернар! Сейчас мы будем пить чай! Ты понял? Не кофе, а чай!

БЕРНАР: Конечно, конечно.

АННА: Нам очень многое нужно обсудить.

Все скрываются в доме. Почти во всех комнатах зажигается свет. Звучит Азнавур. Свет в галерее гаснет. Скульптуры освещены только лунным светом. Король и Татьяна выходят из галереи.

ТАТЬЯНА: С вами все нормально, Король?

КОРОЛЬ: Абсолютно! Хотя... кажется, выпил немного лишнего.

ТАТЬЯНА: Давайте я вам помогу.

КОРОЛЬ: Нет, нет, Танечка, что ты! Людям нельзя помогать. Люди должны сами проходить свой путь. Если им начать помогать — они сразу же перестают быть людьми. Вот! Поэтому сейчас я иду спать к лошадям!

ТАТЬЯНА: Король!

КОРОЛЬ: Таня! Спокойно. Все очень хорошо. (*Целует ее.*) У тебя все будет хорошо. Да! Спокойной ночи!

ТАТЬЯНА: Может, все-таки...

Король уходит в конюшню.

Пауза.

Песня в доме стихает. Хлопает шампанское. Из дома выходит Жульен.

ЖУЛЬЕН: Ты успокоилась?

ТАТЬЯНА: А что?

ЖУЛЬЕН: Я послал в Женеву согласие. Ты будешь играть.

Пауза.

ТАТЬЯНА: Так не шутят.

ЖУЛЬЕН: А я и не думал шутить. Купаться пойдем?

ТАТЬЯНА (*не сразу*)**:** Пойдем.

ЖУЛЬЕН: Я только возьму полотенца.

Жульен уходит в дом. Татьяна идет по саду, плача, танцуя и напевая. Выключает галогеновый свет. Из дома выходит Жульен.

ТАТЬЯНА: Я здесь!

ЖУЛЬЕН (*включив фонарь, идет к ней*)**:** На, съешь персик.

ТАТЬЯНА: Значит, скоро в Швейцарию? Правда?

ЖУЛЬЕН: Да.

ТАТЬЯНА: Я люблю тебя!

Исчезают за домом. Звук подъезжающего автомобиля.

В воротах появляется Иван.

Пауза.

Садится в кресло. Из дома выходит Жаклин.

ЖАКЛИН: Король, это ты?

ИВАН: Это я.

ЖАКЛИН: Ваня? А где жена?

ИВАН: Это невозможно больше выносить. Я пересадил ее в такси.

ЖАКЛИН: Понятно. А где же Король?

ИВАН: Прости, что я вернулся.

ЖАКЛИН (*садится в кресло*)**:** Это замечательно. Фу... что-то я устала.

ИВАН: Пообещала подать на развод.

ЖАКЛИН: Вернется в Россию?

ИВАН: Нет. Она ее ненавидит. Сказала, что к детям меня больше не допустит, а дом продаст.

ЖАКЛИН: Может, мне тоже продать этот дом? Ничего не получается. Боже, как мне быть?

ИВАН: Жаки...

ЖАКЛИН: Жаки... Больше пятнадцати лет ты меня так не называл.

ИВАН: Жаки...

ЖАКЛИН: Ладно, иди спать. Там уже ложатся.

ИВАН: В какой комнате?

ЖАКЛИН: В любой.

ИВАН: А ты?

ЖАКЛИН: А я подожду Жульена и Татьяну. Они купаться пошли. Иди. Ничего не надо говорить. Иди.

Иван уходит в дом.

Пауза.

Из-за дома слышится смех. Появляются Жульен и Татьяна.

ЖУЛЬЕН: Мама? Ты чего здесь сидишь?

ЖАКЛИН: Жду вас. Как? Вода теплая?

ТАТЬЯНА: Как молоко.

ЖАКЛИН: А вы Короля не видели?

ТАТЬЯНА: Он спит.

ЖАКЛИН: Спит?

ТАТЬЯНА: Да, в конюшне.

ЖАКЛИН: В конюшне? Это замечательно. Ладно, идите спать и вы.

ЖУЛЬЕН: А ты, мама?

ЖАКЛИН: Я сейчас.

Жульен и Татьяна уходят. Жаклин подходит к конюшне. Храп коней.

ЖАКЛИН: Тише, Рыжий, тише! Это я. (*Жаклин выходит из конюшни, берет подушку из кресла и снова идет в конюшню.*) Рыжий, я кому говорю, не приставай! Слышишь?

Жаклин выходит из конюшни уже без подушки.

Пауза.

Окна в доме начинают гаснуть. Кажется, что в галерее фигуры Коломбины, Пьеро, Арлекина и Панталоне начали "танец вечных снов". Жаклин идет к дому. Неожиданно открывается одно из окон. В его проеме появляется сигаретный огонек. Жаклин замирает.

АЛЕКСАНДР (*из окна, негромко*)**:** Жаклин, вы здесь? (*Пауза.*) Жаклин?!

Жаклин опускается на порог и плачет.

Жаклин, вы здесь?

Слышно, как храпит Рыжий.

Занавес

Действие третье

Позднее утро на следующий день. Солнце уже высоко. Слышно, как подъезжает автомобиль. У ворот появляется Ольга. Она долго гуляет по двору дома, пытаясь понять, "есть ли кто-нибудь живой". Из конюшни появляется Король. Он весь в сене и во всем, что может прилипнуть к человеку, который переночевал в конюшне.

КОРОЛЬ: Бр-бр-бр!!! (*Трясет головой.*) Доброе утро! Вы уже встали? А почему так рано? Что-то случилось? А что? Мы тут все не в курсе?

ОЛЬГА: Я вижу, что ваш вернисаж удался.

КОРОЛЬ: Мне, кажется, что, да! А вам так не кажется? (*Икает.*) Что такое?

ОЛЬГА: Кто-то вспомнил.

КОРОЛЬ: Вы думаете? В такую рань, в воскресенье! Странно... (*Икает.*) Кто бы это мог быть? (*Пытается очистить себя от соломы.*) Жалко, что вы не остались с нами до конца. (*Икает.*) Что такое?

ОЛЬГА: Пропустила много интересного?

КОРОЛЬ (*икает*)**:** Да что ж это такое?!

ОЛЬГА (*показывая на конюшню*)**:** Там еще кто-нибудь отдыхает?

КОРОЛЬ: Ну, естественно. Кони!

ОЛЬГА: А-а-а!

КОРОЛЬ: А вам, вероятно, очень хотелось, чтобы оттуда сейчас вылез ваш муж, да? (*Икает.*) Вам не повезло!

ОЛЬГА: Кстати, вы не могли бы его позвать?

КОРОЛЬ: Я? В таком виде?! Нет. Это исключено. Мне надо сначала сходить на озеро и помыться. Понимаете?

ОЛЬГА: Только рыбу не потравите!

Пауза.

КОРОЛЬ: Знаете, Ольга, что я вам хочу сказать? Только не перебивайте! (*Продолжает освобождаться от соломы.*) Мне вас очень и очень жаль. Да, да! Не удивляйтесь! Вы, вот именно вы, — вы никого не любите! Вы обязательно должны это знать. Не перебивайте! Вы не любите ни людей, ни животных! Вы не любите ни свою бывшую родину, ни свою нынешнюю. Не любите своего мужа и своих детей. Работу свою вы тоже не любите. И, в конечном счете, вы не любите самое себя! Вот что удивительно! Из этого всего следует вывод: о рыбе в нашем озере вы заботитесь чисто формально. А просто вы хотите мне сказать, что я — свинья! Да, да, да — именно так! И я совершенно не буду вас в этом разубеждать! А почему? А потому, что это бесполезно. Тот, кто никого не любит, — тот ничего не видит и ничего не слышит. Вот так! И еще одно маленькое замечание. Иван вам нужен сейчас, не для того чтобы ему чем-то помочь, а для того чтобы продолжать его уничтожать. В противном случае вы бы спокойно вошли в дом и посмотрели, где и с кем он спит! А вы боитесь!

ОЛЬГА: Вы очень великодушны! Но если хотите знать, меня это сейчас меньше всего волнует.

КОРОЛЬ: Хорошо, хорошо. Я умолкаю. Забудьте мою похмельную философию, — я ушел на озеро. (*Икает.*) Что же это такое? Опять заикал!

Король скрывается за домом. Ольга некоторое время стоит неподвижно. Потом резко идет к дому. В этот момент в доме начинает звучать Азнавур.

Ольга останавливается.

Пауза.

На пороге появляется Жаклин.

ЖАКЛИН: Вы?

ОЛЬГА: Как видите.

ЖАКЛИН: Почему вы не входите в дом?

ОЛЬГА: Боюсь потревожить воскресный сон. Да и погода замечательная.

ЖАКЛИН: Это правда. (*Идет к конюшне.*)

ОЛЬГА: Если вы ищите Короля, то его там нет. Он пошел купаться на озеро.

ЖАКЛИН: Да? В таком случае, может, и мы пройдемся?

ОЛЬГА: Нет, спасибо. Я люблю купаться только в море.

ЖАКЛИН: Понятно. Извините!

Жаклин уходит в дом. Песня обрывается. Через некоторое время на пороге появляется Иван. Берет Ольгу за локоть и отводит к воротам.

ИВАН: Что случилось? А? Что тебе надо?! Ты дашь людям жить или нет?! Да что ж это такое?!

ОЛЬГА: Отпусти руку, — мне больно!

ИВАН (*не сразу*)**:** Что ты хочешь от меня?

ОЛЬГА: Я сегодня всю ночь не спала, вспоминала те дни, когда ты увозил меня из России. Как ты любил меня, какие слова ты мне говорил! Ты, правнук офицера белой армии! Я думала, что ты — настоящая "белая кость", порода, поэт, хранитель русского языка! А оказалось, что ты обыкновенный эгоист, алкоголик и богемная пешка! Знай, сегодня ночью я прокляла тот день, когда решила, что именно от тебя я рожу детей!

ИВАН: Все это очень хорошо, но это вариации на хорошо мне знакомые темы! Я тебя спрашиваю, зачем ты приехала?

ОЛЬГА: Мне нужны деньги!

ИВАН: Какие деньги?

ОЛЬГА: На адвоката. Адвокат, который будет вести наше дело, стоит не малых денег.

ИВАН: Это гениально! Хочешь узнать человека по-настоящему — начни с ним делить имущество! У тебя же в банке больше ста тысяч франков! Ты же за семнадцать лет ни разу не купила домой хлеба! Ни разу не оплатила ни одного счета! Ты дочкам своим ни разу не купила даже по платью, по школьной тетрадке, по игрушке! Ты даже на себя жалела денег! Вместо машины, о которой всю жизнь мечтала, купила мотороллер, на котором изначально боялась ездить! Теперь ты окончательно решила уничтожить семью, и опять за чужой счет!

ОЛЬГА: Мне мои деньги трудно доставались.

ИВАН: А мне мои — легко?! Переводить синхронно по шестнадцать часов в день! Ты не пробовала?!

ОЛЬГА: Не надо было связываться с этим прогнившим миром искусства!

ИВАН: Все! Стоп! Я тебя прошу! Мы все решим дома. Договорились? Вечером я приеду, и мы все решим.

ОЛЬГА: Девочки просили, чтобы я тебя привезла.

ИВАН: А вот врать совершенно не обязательно. Если ты думаешь, что тебе удастся настроить их против меня, — ты ошибаешься. Они несколько умнее, чем ты о них думаешь. Давай я подвезу тебя до трассы.

ОЛЬГА: Не утруждай себя. Я дойду пешком. А ты все-таки подумай! Завтра утром мне надо отдать чек на шесть тысяч франков.

Ольга уходит от ворот по дороге.

Пауза.

Из дома появляются Жульен и Татьяна. На бегу в сторону озера играют в бадминтон.

ТАТЬЯНА: Доброе утро, Иван!

ЖУЛЬЕН: Доброе утро!

ИВАН: Самое доброе из всех, какие мне довелось пережить!

ТАТЬЯНА: Мы купаться! Пойдемте с нами!

ИВАН: Чуть позже, ребята.

ЖУЛЬЕН: Позже будет очень жарко!

ИВАН: Ничего.

Из-за дома появляется Король. Он в трусах, несет постиранную одежду.

ТАТЬЯНА (*хохочет***):** Король! Вы что, учились ходить по воде?

КОРОЛЬ: Что-то вроде того.

ЖУЛЬЕН: Ну, и как результаты?

КОРОЛЬ: Я понял, что во мне чего-то намного больше, чем святости!

ТАТЬЯНА: Фу, Король! Мы же идем купаться!

КОРОЛЬ: А я иду сушиться!

Татьяна и Жульен скрываются за домом.

ИВАН: Как?

КОРОЛЬ: Не пойму, Иван. Стареем, что ли? Раньше сколько бы ты ни выпил, просыпаешься — и сразу хочется! Сегодня проснулся — и испугался! Представляешь? Не хочется!

ИВАН: А сейчас?

КОРОЛЬ: Сейчас? (*Останавливается, и как бы "слушает организм".*) Вроде уже немного хочется.

ИВАН: Так пойдем, за это "немного" зацепимся, а дальше хотение должно резко возрасти.

КОРОЛЬ: Ты думаешь? Ну, пойдем! Надо до конца исследовать это новое, неизвестное доселе состояние. Правильно! А то не исследуем — тогда пойди пойми, отчего тебе плохо.

ИВАН: Вперед!

КОРОЛЬ: Что жена?

ИВАН: Не будем о грустном!

Иван и Король скрываются в доме.

Пауза.

Открываются ставни одного из окон, и в нем появляется Веселая.

АННА: Это что такое? Иезус Мария! Я до сих пор сплю! А народ? Где народ?! Есть кто-нибудь живой? Бернар! Бер-нар!! (*Стучит костылем по ставням соседнего окна. Его ставни не сразу, но открываются. В окне появляется Сесиль.*)

СЕСИЛЬ: Вы что, дорогая тетя?! Так же можно от страха концы отдать! Что случилось?

АННА: Где народ?

СЕСИЛЬ: Какой народ?

АННА: Бернар, например!

СЕСИЛЬ: Бернар — это народ?!

АННА (*как ребенок*)**:** Я хочу сливок! Мне уже давно пора пить сливки!

СЕСИЛЬ (*в пространство сада, тихо*)**:** Бернар! Тете Ане поря пить сливки! (*Веселой.*) Я могу еще пять минут вздремнуть?

АННА: Не знаю!

СЕСИЛЬ: Спасибо! (*Закрывает ставни.*)

Пауза.

АННА: Бернар!

БЕРНАР (*выходя из дома*)**:** Я здесь, дорогая тетя!

АННА: Здесь? Ты определенно хочешь моей смерти!

БЕРНАР: Я понял! (*Скрывается в доме.*)

АННА (*в пространство сада*)**:** Если столько спать, — ничего существенного в искусстве сделать нельзя!

Скрывается в окне.

Пауза.

Из дверей с чашкой кофе выходит Александр. Садится в кресло. Из других дверей выходит Жаклин с большим зонтом, идет к креслам и устанавливает над ними зонт.

АЛЕКСАНДР: Простите меня, Жаклин!

ЖАКЛИН: Еще нет одиннадцати, а уже так жарко.

АЛЕКСАНДР: Я хотел вам помочь.

ЖАКЛИН: Вы мне помогли. Не хотите устриц? С похмелья очень помогает.

АЛЕКСАНДР: Нет, спасибо. Я один раз их попробовал, и меня стошнило. Потом мне сказали, что их надо есть с похмелья. Я, естественно, напился, и утром с удовольствием съел две штуки с лимоном.

ЖАКЛИН: То есть помогло?

АЛЕКСАНДР: Полчаса было ничего, а потом... опять стошнило.

ЖАКЛИН: Купаться пойдете?

АЛЕКСАНДР: Жаклин!

ЖАКЛИН: Сейчас ничего не надо говорить. Мне надо разогнать кровь моего Рыжего, да и самой проветриться!

Жаклин идет в конюшню. Слышен храп коней и голос Жаклин: "Рыжий! Мой любимый Рыжий! Гулять!". Слышен удаляющийся топот копыт.

Пауза.

Из дома появляется Бернар и бежит к воротам.

АЛЕКСАНДР: Что случилось, Бернар?

БЕРНАР: Сливки кончились! Я быстро!

Слышно, как быстро отъезжает автомобиль. Из дома выходит Сесиль со стаканом пастиса.

СЕСИЛЬ: Александр! Вы снова один! Скучаете...

АЛЕКСАНДР: Сесиль, как вы это пьете? Один только вид этой мутной жидкости вызывает у меня приступ удушья!

СЕСИЛЬ: "Это" я пью вместо кофе. Понимаете, Александр... (*Садится в кресло рядом.*) ...когда тебя никто не любит, и ты совершенно не можешь понять почему, — остается только одно: тупо созерцать жизнь сквозь пелену пастиса!

АЛЕКСАНДР: Я никогда не думал, что европейцы пьют больше, чем русские.

СЕСИЛЬ: А знаете, почему?

АЛЕКСАНДР: Почему?

СЕСИЛЬ: Европа убила любовь!

АЛЕКСАНДР: То есть?

СЕСИЛЬ: То есть абсолютно! Вы, Александр, считаете себя европейцем, не так ли? И я считаю себя дочерью Европы. А любви между нами нет! Мы вроде и нравимся друг другу, но любви нет! Вот так! (*Пьет. Пауза.*) Сегодня будет еще жарче, чем вчера! (*Пауза.*) У меня был друг, Александр! Я его очень любила, и он меня очень любил. Но судьбе было угодно распорядиться так, что мы оказались не вместе. (*Пьет.*)

АЛЕКСАНДР: Почему?

СЕСИЛЬ: Его заразили СПИДом в зубной клинике. (*Пьет.*) После этого я два года спала с ним в одной постели, но мы ни разу не были вместе. Я отказалась от физической близости. Я делала все, чтобы он чувствовал себя полноценным человеком. Я стала светской монашкой. Первое время было тяжело, но потом наступило просветление. Мне стало очень легко. (*Пьет.*)

АЛЕКСАНДР: А потом? Он умер?

СЕСИЛЬ: Нет. Однажды мы ужинали в небольшом ресторанчике. Было как-то особенно хорошо. Он вышел позвонить своим родителям и... больше я его никогда не видела. (*Пауза.*) А через три дня я получила открытку. Он отпускал меня в нормальную жизнь. Желал мне поскорее выйти замуж и родить детей. Вот так! Прошло больше десяти лет и, как видите, полюбить за это время я смогла только пастис!

АЛЕКСАНДР: Вы его не искали?

СЕСИЛЬ: Это было бесполезно. Простите, Александр, мою дурь. Я вас не люблю. И в Россию к вам никогда не приеду. Так что не волнуйтесь.

АЛЕКСАНДР: Я не волнуюсь, Сесиль. Вы мне нравитесь, но...

СЕСИЛЬ: Можете не договаривать!

Из-за дома появляются Жульен и Татьяна.

ТАТЬЯНА: Напрасно вы не купаетесь! Это просто божественно!

ЖУЛЬЕН: Мы даже чайку видели. Вероятно, залетела с моря.

АЛЕКСАНДР: Это хороший знак.

Слышен шум подъезжающей машины. Через мгновение появляется Бернар с большим пакетом и бежит в дом.

БЕРНАР: Я уже думал, от дома ничего не осталось. Тетя Аня! Тетя Аня! Ваши сливки!! (*Скрывается в доме.*)

ЖУЛЬЕН: Мама еще не вернулась?

СЕСИЛЬ: Нет.

ТАТЬЯНА: Мы пойдем переоденемся. (*Уходят с Жульеном в дом.*)

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Наверное, надо ехать? Завтра работать.

СЕСИЛЬ (*напевает*): La la boheme! La la boheme!

В доме слышится выстрел.

АЛЕКСАНДР: Это что такое?

СЕСИЛЬ: Не знаю.

Из дома выходят Король и Иван. У Короля в руках винчестер.

КОРОЛЬ: Не попал! Это же надо! Было так близко, и не попал!

СЕСИЛЬ: Король, ты сошел с ума? Во что ты стрелял?

КОРОЛЬ: Как во что? В чайку!

СЕСИЛЬ: Прямо из окна?

КОРОЛЬ: Естественно! А что? Нельзя?

ИВАН: Король, я тебя прошу, убери эту игрушку. И пойдем лучше еще выпьем!

КОРОЛЬ: Иван! Выпить мы еще успеем! Сейчас иди бери патроны — мы должны, мы обязаны застрелить ни в чем не повинную птицу!

Из дома выходят Веселая и Бернар.

АННА: Бернар! Я ничего не слышу! Кто это сделал? Король, что это у тебя в руках?

КОРОЛЬ: Дорогая тетя, у меня в руках ружье!

АННА: Что?

КОРОЛЬ: Ружье!

АННА: Бернар! Что он говорит?!

БЕРНАР (*на ухо, громко*)**:** Он говорит, что у него в руках ружье!

АННА: Я не слепая! Король, ты что это вздумал палить прямо в доме?! А?! Ты все-таки хочешь, чтобы я живой отсюда не уехала!

БЕРНАР: Король, в самом деле...

Из дома выходят Жульен и Татьяна.

ЖУЛЬЕН: Что происходит? Вы, пьяные идиоты?! (*Идет к Королю и пытается забрать у него винчестер.*)

КОРОЛЬ: Не трогай меня сейчас, Жульен! Не надо! Я тебя очень прошу!

ЖУЛЬЕН: Король, отдай ружье! Не будь уродом!

КОРОЛЬ: Возможно, я и урод, но я веду себя вполне нормально.

ТАТЬЯНА: Король, я вас прошу...

КОРОЛЬ: Король! Король! Что — Король?! Я знаю, что я — Король! И Король должен вести себя по-королевски! Ты узнал это ружье, Жульен? Вижу, что узнал! А ты не помнишь, куда твой брат целился? (*Говорит и повторяет сказанное с ружьем.*) В сердце?.. Или в рот?.. Или в лоб?.. Или в подбородок?.. А чего у вас у всех такие лица? Испугались, да? Бедные, несчастные... Не надо пугаться! Я нормальный человек! Я не застрелюсь! Твой братишка, Жульен, не выдержал, а я выдержу! Брюно ошибся! Надо было просто жить и никого не любить! И все. И все было бы шикарно! Вот я! Я уже давно никого не люблю! Поэтому не застрелюсь! А вот застрелить — могу! Ой, опять вы все испугались! (*Смеется.*) А всем не надо пугаться! Бояться должен только один из вас!

АЛЕКСАНДР: Кто же это?

КОРОЛЬ: Вы!

Пауза.

ИВАН: Король, опусти ружье. (*Пауза.*) Король! Я тебе говорю! Пожалуйста, опусти ружье!

КОРОЛЬ: Ну-ка, встань, драматург! (*Александр встает с кресла.*) Кофе был вкусный? А шампанское ночью понравилось? (*Король передергивает затвор.*)

ТАТЬЯНА: Король, опомнись!

КОРОЛЬ: Спокойно! (*Пауза.*) Пойдем, Александр, на озеро, чаек постреляем? А?! (*Стреляет в воздух.*)

АННА: Король, прекрати!!!

АЛЕКСАНДР: Король, я хочу сказать...

КОРОЛЬ: Не надо ничего говорить!

АЛЕКСАНДР: Да что, собственно говоря, случилось?!

КОРОЛЬ: А ты не знаешь?!

АЛЕКСАНДР: Нет.

КОРОЛЬ: Идем!

АЛЕКСАНДР: Я давно не стрелял.

КОРОЛЬ: Я тоже!

АЛЕКСАНДР: Мистика какая-то!

Слышен топот коня. Появляется Жаклин. Она стремительно подходит к Королю, забирает у него винчестер и молча уходит в сторону озера.

Долгая пауза.

АННА: Бернар, отвези меня домой.

БЕРНАР: Конечно, тетя, конечно.

Бернар и Анна уходят. Слышно, как отъезжает автомобиль.

Татьяна и Жульен уходят в дом. Жаклин возвращается без ружья.

ЖАКЛИН: Александр! Поскольку Иван выпил, я отвезу вас в город сама.

ИВАН: Я вполне могу вести машину.

ЖАКЛИН: На сегодня подвигов достаточно! Я сейчас!

Уходит в дом.

Пауза.

СЕСИЛЬ: Ну, что? Гвардия! Допрыгались?! Смотрю на вас и думаю: что вы мне напоминаете? Как же! Вернисаж номер два! Это Пьеро! (*Показывает на Ивана.*) Это Арлекин! (*Показывает на Александра.*) А это Панталоне! (*Показывает на Короля.*) Ну и я! Бедная и несчастная Коломбина! (*Хохочет.*) Бред! Кому рассказать — не поверят!

Из дома выходит Жаклин. Она переоделась. Идет к воротам.

ЖАКЛИН: Александр, поехали!

Александр и Жаклин уходят через ворота.

Слышно, как отъезжает автомобиль.

Пауза.

СЕСИЛЬ: Ну что, мои хорошие? Какие будут предложения по дальнейшему проведению досуга?

КОРОЛЬ: А что здесь сейчас было?

СЕСИЛЬ: Ты у кого спрашиваешь?

КОРОЛЬ: У вас.

СЕСИЛЬ: Король, ты шутишь?

КОРОЛЬ: Нет, не шучу.

СЕСИЛЬ: Иван, сделай что-нибудь!

ИВАН: Король!

КОРОЛЬ: Погоди, Иван! А кто стрелял? Кто-то же стрелял?

СЕСИЛЬ: Король! Что с тобой?

КОРОЛЬ: Ответьте мне, кто стрелял?

ИВАН: Да ты стрелял, ты!

КОРОЛЬ: Я?

ИВАН: Ты?

КОРОЛЬ: Зачем?

СЕСИЛЬ: Иван! Королю сегодня больше не наливать — его мозги стали мутнее моего пастиса.

Пауза.

КОРОЛЬ: Как это замечательно! Я хотел убить человека! Просто — бурные и продолжительные аплодисменты!

Опускается на траву. Вдали слышится полицейская сирена.

Занавес

Действие четвертое

Две недели спустя. Редкий в это время года пасмурный день. Только что кончился дождь. В галерее пусто. Около нее четыре больших ящика, один открыт. В креслах нет подушек. Большой стол из галереи стоит посреди парка. На нем блестят капли дождя. Король и Жульен несут последнюю скульптуру Коломбины и укладывают ее в ящик.

ЖУЛЬЕН: Сто тысяч франков — хорошие деньги за четыре бревна.

КОРОЛЬ (*обкладывая скульптуру соломой*)**:** Когда папа Карло делал Буратино, он тоже не знал финала сказки.

ЖУЛЬЕН: Да. А если бы Аркадина знала, что произойдет с ее сыном в четвертом акте, она никогда не привезла бы Тригорина к себе в деревню.

КОРОЛЬ: Я вижу, ты уже готов смять женевских артистов.

ЖУЛЬЕН: Надеюсь! А там видно будет.

КОРОЛЬ: Да. Нам не дано знать ничего. Представляешь, если бы мы все знали каждый свой финал! Я думаю, что рождаться вовсе не было б никакого смысла. А так — просыпаешься и думаешь, что все бессмысленно. А нет! Где-то в самом глубинном месте души что-то теплится и говорит тебе: "Живи, живи...". И встаешь, и начинаешь жить.

ЖУЛЬЕН: Да. А Брюно в тот злополучный день услышал, вероятно, какие-то совсем другие слова.

КОРОЛЬ: Вероятно. Всё! (*Закрывает крышку.*) Можно идти купаться.

ЖУЛЬЕН: Не жалко?

КОРОЛЬ: Нет! У этих персонажей давно своя жизнь. Так что, пусть украшают фойе театра. На озеро?

ЖУЛЬЕН: Я в душ — и буду собирать вещи. Мама скоро вернется?

КОРОЛЬ: Обещала не поздно. (*Идет в сторону озера.*)

Пауза.

ЖУЛЬЕН: Король!

КОРОЛЬ (*останавливается*)**:** Что?

ЖУЛЬЕН (*подходя к нему*)**:** Король, я боюсь, другого времени не будет, а я не могу просто так уехать. Я хотел вам сказать, что я вас очень уважаю. Простите меня, если я доставил вам много неприятных минут. Мы с Брюно росли без отца. Понимаете?

КОРОЛЬ: Жульен! Не надо ничего говорить. Мы же мужчины! Я все прекрасно знаю и понимаю.

ЖУЛЬЕН: Король.

КОРОЛЬ: Жульен! Уж коли мы заговорили откровенно, то я тебе тоже хочу кое-что сказать. Если у тебя возникнут проблемы, — вот тебе телефон моих друзей в Париже.

ЖУЛЬЕН: Зачем он мне?

КОРОЛЬ: Дело в том, что мы, возможно, больше не увидимся.

ЖУЛЬЕН: То есть?

КОРОЛЬ: Я тоже сегодня ночью уезжаю. Навсегда. Так будет лучше для всех. Прошу тебя только об одном — маме телефон не давай. Не надо. Поверь, я хочу, чтобы ей было хорошо. Ты меня понял?

ЖУЛЬЕН: Король.

КОРОЛЬ: Все. Иди в душ. А я пойду попрощаюсь с озером. O'key! Vive la France!

ЖУЛЬЕН: Спасибо вам за все!

Жульен уходит в дом. Король — к озеру.

Пауза.

Слышно, как подъезжает автомобиль. В воротах появляются Татьяна, Александр, Сесиль и Иван. У всех в руках маленькие гасконские дыни.

СЕСИЛЬ: Нет, я бы себе не простила, если бы не увидела твою игру, Татьяна. Это было просто потрясающе! Особенно последняя сцена. Александр, это вы придумали, что в четвертом действии Заречная пьяная? (*Изображает.*) "Я — Чайка... Нет, не то". Это просто гениально! Мне в какой-то момент показалось, что это мой портрет. Даже мысль мелькнула: может, бросить пить?

АЛЕКСАНДР: Сесиль! Я вообще ничего не придумываю. Это все написано в пьесе. Куда дыни?

ТАТЬЯНА: Давайте их сюда на стол. Я думаю, что если даже пойдет дождь, лучше накрыть на улице. В доме очень душно.

На столе оказывается больше двадцати дынь.

АЛЕКСАНДР: Праздник дыни! Невероятно!

СЕСИЛЬ: А в России праздник черной икры не отмечают, Александр?

АЛЕКСАНДР: Нет.

СЕСИЛЬ: Странно. Должны бы отмечать!

ИВАН: Татьяна, а почему Жаклин и Жульен не приехали посмотреть вашу работу?

ТАТЬЯНА: Жульен не хочет оказаться под чужим влиянием, а у Жаклин какая-то важная встреча.

СЕСИЛЬ: Что-то в вас, Александр, действительно есть, если все боятся попасть под ваше влияние.

АЛЕКСАНДР: Возможно. Но от меня это не зависит.

СЕСИЛЬ: Да? А от кого это зависит?

АЛЕКСАНДР: Я могу только предполагать.

Из дома выходит Жульен. Подходит к Татьяне и целует ее.

ЖУЛЬЕН: Ну как?

СЕСИЛЬ: Дорогой Жульен! Позвольте вам официально заявить: Татьяна — гениальная актриса! Я не знаю, какой вы режиссер, но всю свою жизнь вы должны посвятить своей будущей жене!

ТАТЬЯНА: Сесиль, я тебя прошу!

СЕСИЛЬ: Не проси меня, не надо! Это правда! А правду гениальные люди должны слышать при жизни, а не тогда, когда любимая отчизна прольет свои горькие слезы на их могилы!

ЖУЛЬЕН: Я с вами полностью согласен, Сесиль!

ТАТЬЯНА: Вот билеты, Жульен!

ЖУЛЬЕН: Отлично!

ТАТЬЯНА: Поезд в восемь вечера.

ЖУЛЬЕН: Маму не встретили?

СЕСИЛЬ: Что ты, Жульен! В городе, такое творится! Движение перекрыто! Народу тьма! Уже накрыли четыре тысячи столов! От дынь — в глазах рябит!

ЖУЛЬЕН: Понятно.

СЕСИЛЬ: А она куда поехала?

ЖУЛЬЕН: Не знаю. Ладно, мы пойдем собирать вещи, а то потом будет некогда.

СЕСИЛЬ: Хорошо, хорошо. А мы пока приступим к аперитиву! Иван, там где-то в машине бутылка виски. Принеси, пожалуйста!

ИВАН: Сейчас.

Жульен и Татьяна скрываются в доме. Иван уходит в ворота.

Пауза.

СЕСИЛЬ: У Ивана опять что-то случилось?

АЛЕКСАНДР: Еще не знаю.

Пауза.

СЕСИЛЬ: Ну что, Александр! Завтра вы уезжаете.

АЛЕКСАНДР: Да.

СЕСИЛЬ: И приедете только через год?

АЛЕКСАНДР: На все воля божья.

СЕСИЛЬ: А как же Жаклин?

АЛЕКСАНДР: Не знаю.

Пауза.

СЕСИЛЬ: А женитесь на мне, Александр!

АЛЕКСАНДР: Что?

СЕСИЛЬ: Будете приезжать сюда, когда захотите!

АЛЕКСАНДР: Это смешная идея.

СЕСИЛЬ: Да ничего смешного нет! Уверяю вас, не каждый день люди получают такие предложения!

АЛЕКСАНДР: Это правда.

СЕСИЛЬ: Ну так что?

АЛЕКСАНДР: Спасибо, Сесиль, но больше всего на свете я люблю Москву.

СЕСИЛЬ: Понимаю. Это у вас как с женщинами: нравятся многие, а любите вы одну!

АЛЕКСАНДР: Именно.

СЕСИЛЬ: И, естественно, не меня?

АЛЕКСАНДР: Ну, не естественно, — но не вас!

СЕСИЛЬ: То есть я должна понять, что вы отказываетесь?

АЛЕКСАНДР: От чего?

СЕСИЛЬ: От женитьбы!

АЛЕКСАНДР: Факт!

В воротах появляется Иван. Идет к столу, на ходу показывая всем бутылку.

ИВАН: Ее уже кто-то распечатал.

СЕСИЛЬ: Да? Кто бы это мог быть? (*Берет бутылку.*) Ты смотри, прилично приложился! Сейчас я принесу бокалы. (*Ставит бутылку на стол и уходит в дом.*)

Пауза.

АЛЕКСАНДР: Ну что, Ольга?

ИВАН: Развод идет полным ходом.

АЛЕКСАНДР: Ну, может, оно и к лучшему.

ИВАН: Бог знает.

АЛЕКСАНДР: А как дочки?

ИВАН: У нас такие законы, что суд всегда будет на стороне матери.

АЛЕКСАНДР: Понятно!

ИВАН: А сегодня ночью она звонила в Россию и полчаса убеждала кого-то, что она праправнучка последнего русского царя, представляешь? Кричала в трубку, что скоро вернется и устроит новую революцию. Потом зажгла по всей гостиной свечи, расставила иконы и каких-то злых духов всю ночь изгоняла из дома.

АЛЕКСАНДР: Может, ее пора врачу показать?

ИВАН: Это не так просто сделать.

АЛЕКСАНДР: Почему?

ИВАН: На всех углах она меня объявляет сумасшедшим!

АЛЕКСАНДР: И что?

ИВАН: А французы наивны и всему верят абсолютно!

АЛЕКСАНДР: Да-да...

Пауза.

Звучит Азнавур. Из дома выходит Сесиль с подносом. На подносе бокалы, лед и нож.

СЕСИЛЬ: Только что звонил Бернар, они едут вместе с Веселой к нам. Вы чего такие кислые? Иван, наливай, а я дыньку разрежу.

Иван наливает виски и дает бокал Александру.

АЛЕКСАНДР: Три недели прошло, и ни одного трезвого дня!

ИВАН: А у меня 33 года прошло как ни одного трезвого дня.

АЛЕКСАНДР: А у вас, Сесиль?

СЕСИЛЬ (*разрезая дыню*)**:** Это неэтично, господин режиссер! Это то же самое, что спрашивать у женщины возраст!

Из-за дома появляется Король. Он несет сделанную из камыша фигуру Дон-Кихота.

КОРОЛЬ: Уже празднуете?

СЕСИЛЬ: О, Король, вы как раз вовремя!

КОРОЛЬ: Да, нет, Сесиль, совсем даже наоборот.

Король несет "скульптуру" Дон-Кихота туда, где она стояла год назад.

СЕСИЛЬ: Что это значит, господин скульптор?

КОРОЛЬ (*занимаясь установкой*)**:** Это значит, дорогая Сесиль, что с утопленным ружьем на дно озера ушла и моя вечная жажда.

СЕСИЛЬ: Невероятно! Вот так, в один момент?

КОРОЛЬ: Да.

Пауза.

СЕСИЛЬ: Этот Дон-Кихот у вас получился смешнее.

КОРОЛЬ: Поэтому тот, первый, и был превращен в прах и развеян над озером. Он был мрачен, а этот светел! (*Короткая пауза.*) Как прошел показ работ, Александр?

АЛЕКСАНДР: Нормально.

КОРОЛЬ: Ну и хорошо.

СЕСИЛЬ: Король, значит, вы совершенно отказываетесь участвовать в праздновании Дня бахчевой гасконской тыквенной культуры?

КОРОЛЬ: И любой другой культуры тоже!

СЕСИЛЬ: Вы живете и творите в Гаскони, а с законами этой земли считаться не хотите? Это неправильно!

КОРОЛЬ: И вот поэтому, чтобы все было правильно, я сегодня и покидаю эту замечательную провинцию.

СЕСИЛЬ: Секундочку! Иван, Александр, давайте выпьем!

Пьют. Закусывают.

Пауза.

А теперь еще раз, Король, что вы только что сказали?

КОРОЛЬ: Дорогая Сесиль, вы не ослышались. Я сегодня уезжаю.

Пауза.

Песня в доме заканчивается.

Все, я закончил. Отдыхайте, господа, отдыхайте. (*Уходит в дом.*)

СЕСИЛЬ: Как вы это понимаете?

ИВАН: Сегодня в газете я прочитал, что этим летом солнце было самым активным за последние 100 лет.

Слышно, как подъезжает автомобиль. Появляются Бернар и Веселая.

АННА: Бернар, посмотри на них! Не то чтобы не встречают, а просто стоят, как на похоронах. Эй, люди! Я еще не умерла! Я приехала к вам!

СЕСИЛЬ: С праздником, дорогая тетя!

АННА: И вас! (*Серьезно.*) Что-то случилось?

СЕСИЛЬ: Ничего. Это у нас праздник такой. Бернар, порежь, пожалуйста, еще дыни.

БЕРНАР: Конечно!

АННА: А где все?

СЕСИЛЬ: У вас, тетя Аня, по времени сейчас какой напиток? Виски вам сейчас можно?

АННА: Виски мне можно всегда! Так вы мне не ответили.

АЛЕКСАНДР: Жаклин еще не приехала, молодежь собирается на поезд, а Король вон только что установил нового Дон-Кихота.

АННА: Бернар, ты понимаешь, почему они все такие мрачные?

БЕРНАР: Ваши виски и дыня, тетя!

АННА: Мерси!

Пауза. Все долго едят дыню.

АННА: Вы завтра в Москву, Александр?

АЛЕКСАНДР: Да.

АННА: Соскучились, наверное?

АЛЕКСАНДР: Если честно, то очень!

Пауза. Едят дыню.

АННА: А ваша жена, Иван, не поехала?

ИВАН: Как видите. Ей теперь некогда.

АННА: Что? Много больных?

ИВАН: Да, что-то вроде того.

АННА: Понятно. А где Жаклин?

СЕСИЛЬ: Ждем!

Пауза. Едят дыню. Звучит Азнавур. Из дома выходят Жульен и Татьяна.

ТАТЬЯНА: Все! Мы собрались, теперь хотим дыни! Здравствуйте, Анна! Здравствуйте, Бернар!

АННА: Ну, красавица, тебя можно поздравить?

ТАТЬЯНА: Сегодня, самый счастливый день в моей жизни!

АННА: Да, что ни говорите, а молодые люди все-таки лучше, чем немолодые. Немолодые, а не старые! По крайней мере, чувствуется, что они живут. Не то, что некоторые!

ЖУЛЬЕН: Это вы о ком, тетя?

АННА: Да есть тут группа товарищей!

СЕСИЛЬ: Все верно, тетя. Как говорил ваш любимый классик, жить больше 40 лет неприлично!

АННА: Это ты про меня?

СЕСИЛЬ: Что вы! Это я про Ивана!

ИВАН: Согласен. В свое время Треплева из меня не получилось, и теперь уже никогда не получится.

ЖУЛЬЕН: А у Брюно получилось. Он был хороший артист.

Слышно, как подъезжает автомобиль.

Пауза.

В воротах появляются Жаклин и Ольга. Жаклин одета очень строго.

Ольга — ярко и вызывающе.

ЖАКЛИН: Я же говорила, что все уже собрались!

ОЛЬГА: Здравствуйте!

Пауза. Азнавур в доме стихает.

ЖАКЛИН: Что вы на меня так смотрите?

ЖУЛЬЕН: Мама, что с тобой?

ЖАКЛИН: Все хорошо, мой сын. Налейте стаканчик.

Жульен наливает виски. На пороге дома появляется Король.

О, у нас новая пародия на Дон-Кихота? Замечательная работа, Король! А великие персонажи театра сложены в ящики на продажу. Ну, значит, так тому и быть. Друзья! Я хочу выпить этот бокал за всех вас. Мне с вами было очень хорошо. (*Едва сдерживая слезы.*) Но больше в этом доме мы встречаться не будем. Дело в том, что я только что его продала. (*Выпивает. Пауза.*) Прости меня, Король! Прости меня, Иван! Прости меня, Бернар! Прости и ты, Александр. Я больше не смогла любить вас всех.

Пауза.

Дети! (*Жульену и Татьяне.*) Это вам чек. Его вам хватит надолго. Меня не ищите. Мне надо пожить одной. Я сама вас найду, как только придет время.

Пауза.

Сесиль, я тебе позвоню. Тетя, живите долго. Держитесь за Бернара. Ольга! А в общем, я вам уже все сказала. Дайте, что ли, дыньки попробовать. (*Сама отрезает и ест.*) Вкусная. Да, чуть не забыла, с праздником вас всех! (*Плачет.*) Извините. (*Быстро идет в дом.*)

Начинает звучать "Богема". Очень громко. Жаклин выходит из дома. Говорит в пространство.

Прости меня, Брюно! Ничего из того, что я затеяла, не получилось. Прости...

Идет в конюшню. Слышен ее голос: "Рыжий! Рыжий! Гулять, гулять!". Слышен удаляющийся топот.

Пауза.

Все долго смотрят ей в след. Жульен уходит в дом. Татьяна — за ним. Король ложится на ящики, где лежат скульптуры. Веселая идет к воротам, Бернар медленно идет за ней. Иван садится за стол и наливает виски. Ольга и Александр стоят неподвижно. Сесиль, подпевая Азнавуру, начинает резать оставшиеся дыни.

Конец

Юрий ДИКИЙ*

Absolutus Святослава Рихтера

"Мы истину, похожую на ложь,
Должны хранить сомкнутыми устами,
Иначе срам безвинно наживешь".
Данте. "Божественная комедия"

"...Меня мучила мысль, что музыкант... как Рихтер, единодушно признанный одним из величайших пианистов в истории, канет в небытие, так и не высказавшись по поводу своего искусства, своего творчества, своей неспокойной жизни, о коей были известны лишь обрывочные сведения да всевозможные слухи, не поддающиеся проверке".

Бруно Монсенжон

Во все времена великим личностям доводилось убеждаться, как мифы "становятся правдой", а затем и историей. Их друзья и враги, творчество и депрессии, слава и забвение — щупальцами обвивались вокруг жизненного потока, порождая преодоление себя, своих обстоятельств, своей судьбы, очерченных кем-то написанных биографий, легенд, мифов, а еще чаще сплетен и лжи, соразмерно масштабу гения.

"Обо мне опубликовано столько откровенной лжи и досужих сплетен, — сетовал А. Эйнштейн, — что я уже давно покоился бы в могиле, если бы обращал на них внимание. Следует утешиться тем, что через сито времени большая часть ерунды стекает в море забвения".

Великий физик и мыслитель был не одинок в своей убежденности. "Обо мне говорят и пишут такие небылицы, такую чушь, что я спрашиваю себя, кто мог все это выдумать", — жаловался С. Рихтер Б. Монсенжону в знаменитом фильме "Непокоренный Рихтер".

"Он живет в другом измерении", — говорила рихтеровский секретарь и импрессарио его последних лет Милена Борромео. И это не удивительно, ибо у Рихтера был далекий от обыденности мир, который приземленные интерпретации достичь не в состоянии. "Маэстро хотел бы, чтобы Бруно (Монсенжон. — **Ю. Д.**) сделал его биографию", — вспоминала Милена, вероятно, потому, что мифологический "остов" рихтеровской биографии в эпоху сталинизма, как и во времена последующих "правителей", был неоднозначен и для самого Рихтера.

* Автор статьи — глава миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера, профессор кафедры специального фортепиано Одесской музыкальной академии им. А.В. Неждановой.

Предельно дистанцированный от уже существующих жизнеописаний фильм-признание "Непокоренный Рихтер", расставляющий "точки", или "акценты", самого Мастера, вызвал острые полемические волнения в ближайшем окружении, справедливо считающем Рихтера таким, каким они (и только они!) его знали.

Возможно, поэтому наиболее справедливо мнение Дмитрия Дорлиака, прожившего бок о бок с Рихтером и Ниной Львовной Дорлиак (более пятидесяти лет. — **Ю. Д.**):

"Ответственно говорю: что за явление Святослав Рихтер — не знает никто. И я в том числе. Слава был и закрытый человек, и открытый, и "открывался" он часто не дома, и не всегда понимал, кому можно что-то рассказать, а кому нельзя. Притом, что эти "открытия" могли быть, да и бывали сиюминутны. И через какое-то время по той же теме его мнение могло быть абсолютно противоположным высказанному ранее. И это тоже было мнение Славы".[1]

Беседуя о Рихтере со многими близкими ему людьми, знавшими его с детства и юности, действительно удивляешься разнообразию и обилию характеристик и позиций, степени "приближенности", общим знаменателем которых была их удаленность от его детства и юности. Удаленность, порожденная самим Мастером, его длительным и не менее многозначительным молчанием.

"Мне хотелось сделать о Рихтере фильм незаурядный, — признается Б. Монсенжон, — соответствующий его личности, а потому он непременно должен был предстать на экране таким, какой он есть, иначе получится банальный музыкальный фильм с непонятно кому принадлежащим голосом за кадром, сопровождаемым архивными кадрами, безликими и быстро надоедающими".[2]

Но что художник может о себе сказать от первого лица? Даже о фактах своей биографии, особенно своим многозначительным "помалкиванием" о наиболее выразительных документальных фактах. Рихтер, с детства любивший шарады, карнавалы и маски, вполне мог осознанно оставить загадки для нашей памяти, возможно, для интриги разгадки, театральной фабулы, сохраняющих свою инвариантность в различного рода интерпретациях и противоречиях!

Сама *память* о его служении и устремлениях к высшим проявлениям логоса, неустанный поиск гармонии, перекрывавшие документальную

[1] Д. Дорлиак. Мимолетности Святослава Рихтера. М., 2005, с. 63-64.

[2] Б. Монсенжон. Рихтер. Дневники. Диалоги. М., 2002, с. 14-15.

и уловимую жизнь гения (что проделывали его современники и что его не устраивало, хотя бы, к примеру "Хроники" А. Золотова, весьма далекие от близких ему образов Манна и Пруста, других рихтеровских идеалов, но поданных в запросах "утраченного времени" совка), несет в себе театральную инсценировку биографического сюжета, парадоксальную во всех своих противоречиях.

Кто-то из великих сказал, что "вершины культуры есть ее основание", так и "Absolutus" Рихтера, на наш взгляд, составляет его детство и юность (как основание) его гения.[3]

"Traduttore — traditore"[4]

Если вчитаться в публикации за десять лет после ухода Маэстро, то и "чушь, и небылицы" продолжали множиться ("человеческое слишком человеческое", Ф. Ницше) в заданном вовсе не самим Рихтером направлении, особенно если публикации "приурочены" к датам и поданы в конгломерате "подогретых" фактов. Но это еще полбеды.

Бывает и так, что публикуется микст фактов, как это было совсем недавно в одной из киевских газет, где автор объявил, что одесская "аура раскрывает тайну Святослава Рихтера, о существовании которой многие до сих пор не знают...". Неплохо бы знать о какой "ауре" идет речь, и что о ней думает автор, утверждающий что "барельеф с факсимильной росписью Святослава Рихтера, выполненный из бронзы, установлен на стене Пасторского дома"? Похоже, что преподносимая "одесская аура" из такой же "бронзы", как и рихтеровский барельеф.

Не хочется возвращаться и к другим "юбилейным" публикациям о "неизвестном Рихтере" в год 90-летия мастера. Там массовая публицистика "постаралась" напутать и отчество отца — Теофила Рихтера — и всеми силами выжать ряд "былей", чтобы ими разбавить общепринятую залигованную биографию музыкального деятеля высочайшего отечественного ранга, Героя Социалистического труда, ярчайшего "представителя советского (?!) стиля исполнительского искусства".

Создавал барельеф на мраморной доске замечательный одесский скульптор Николай Степанов. Мучительно вживаясь как незаурядный

[3] Видеокомпьютерный анализ, проделанный академиком РАЕН Н.В. Масловой в 2007 г., ею определен как "Absolutus" С. Рихтера.

[4] Итальянская игра слов "переводчик — предатель", когда интерпретатор (как переводчик информации) оказывается "предателем" в передаче искаженных фактов.

художник в полуфантастическую тайну молодого Рихтера, он не сразу согласился с драматической идеей "вырванной стены" из ракушечника на гламурно отреставрированном фасаде Пасторского дома. Исподволь откликнулся он и на идею "оживления" мемориала — за доской установлены два старинных камертона, звучащих невероятно редко, — когда за доску попадает дыхание ветра, о чем знают очень немногие в Одессе.

Мемориальная доска С. Рихтеру на Пасторском доме в Одессе

Необходим был непростой путь современного художника к Мастеру, чтобы памятный знак стоном резонировал с местом его драматической судьбы.

Факсимильная роспись Рихтера на двух языках взята из памятного альбома в музее его учителя Генриха Нейгауза в Кировограде, городе, чтящем память своего соотечественника не в пример Одессе, о чем мы скажем ниже.

Может быть, "аура Одессы" скрывает тайну Рихтера?

"Символическое место немецкого городка", что, возможно, известно вышеупомянутому автору, на 75% уничтожено. Чудом уцелевшая кирха с террористической настойчивостью, начиная с послевоенного периода, уничтожавшаяся бывшей "интеллектуальной администрацией" института связи (ныне престижной национальной академии), воцарившейся в этом "символическом месте"; пожалуй, единственное место в Европе, простоявшее в руинах свыше полувека, и что любопытно, вовсе не как жертва минувшей войны.

Сюда "тайно" приезжал из Кишинева после концерта Святослав Рихтер, приезжал перед планируемым сносом здания в 60-е годы и, как нам позволено предположить, попрощаться с останками своей родной одесской "символики", перед тем как ему стать "затонувшим собором" детства и юности, в котором последним органистом был его отец Теофил Рихтер.

Почему предположить? Да потому, что я лично в 1966 году относил письмо Е.А. Фурцевой (оно у меня сохранилось), составленное в Москве

с Э.Г. Гилельсом и подписанное Д. Ойстрахом, Я. Заком и Г. Олейниченко, о *спасении кирхи*. Первым побуждением Э.Г. Гилельса, узнавшего от меня о роковой новости, было немедленно звонить Рихтеру, но только опасение травмировать его застопорило этот звонок. И все же информация о готовящемся взрыве кирхи не могла не дойти до ушей С. Рихтера, побудив его (как гласит предание) стать на колени перед руинами — памятником его отчужденного прошлого. Мог ли местный этос стать фактом биографии лауреата Ленинской и Сталинской премии?

Школьная наука

Юрий Башмет с большой иронией и грустью говорил мне о хрестоматийном жанре "подачи" Рихтера — музыканта и человека, чья жизнь была не менее театральна, чем у Джулии Ламберт (из "Театра" Сомерсета Моэма). Была она и шекспировски трагична, а порой и комична, с теми, говоря современным языком, "приколами", которые неумолимо выдавали все его несоответствие идеологическим мифам и прокрустову искусствоведению и источниковедению.

Вне концертной жизни за роялем весь московский период жизни мастера был тщательно ретуширован, и возможно, не без его вынужденного согласия, о чем косвенно говорят факты. Но именно одесский период очень трудно подлежал гримировке, а посему был своевременно и радикально дистанцирован в его биографических сведениях. О. Мандельштам в далеком 1922 году писал: "...Вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. ...Меня не удовлетворяют исторический Овидий, Пушкин, Катулл".[5]

А "вчерашние" биографии? Удовлетворяют ли нас в XXI веке все исторические материалы, в том числе и официальные портреты деятелей, черты которых поданы в нормах советского образа жизни? О подлинных фактах, формировавших рихтеровскую биографию, похоже, не знал сам Рихтер, но говорить о них необходимо сколь бережно, столь и осторожно, при этом не устраняя контекста "репрессионизма" небезызвестного социалистического реализма.

Как критически ни оценивается нашумевшее интервью А. Гаврилова с его "умозаключениями" о Рихтере, нельзя с ним не согласиться, что

[5] О. Мандельштам. О поэзии. Л., 1928, с. 78.

"*слишком это напоминает великую шекспировскую историю*". Строя свои догадки о "масках Рихтера" чуть ли не как о его личинах, — "Для Рихтера это была игра в имидж, выработанная тонкая политика, вымуштрованная прохождением через сталинское время, хождением двадцать пять лет на грани расстрела. Этот человек себя полностью перековал и превратился в положительного героя", — утверждает А. Гаврилов.

Он не без позы размышляет и анализирует, но вряд ли понимает и сочувствует! Подмечая всю глубину страданий в неприступном для всех рихтеровском внутреннем мире, говорит, что "это идет у него из детства", Гаврилов сбивается на стиль уровня сплетни, провоцируя у читателя отрицание причинности вполне обоснованных догадок.

Рихтеровский имидж детства и юности *вне действительно трагического контекста* остается закодированным, за пределами понимания иной исторической, творческой, моральной дистанции современности, чтобы в публицистике оставаться официально портретным либо обыденно девальвированным.

Действительно, если репрессированный и расстрелянный НКВД Теофил Рихтер (реабилитированный Хрущевым в 1962 году по настоянию знаменитого сына, написавшего ему письмо) обрел легитимность мученика, то "сбежавшая" с немцами мать А.П. Рихтер-Москалева и сегодня "подается" в стандартном негативе как предательница сына. Закрепленный тип женщины, променявшей сына на "негодяя" с "темным прошлым", продолжает обрастать небылицами, тогда как основные источники этой информации, на наш взгляд, и сегодня спрятаны в тень.

"Разоблачения" А.П. Москалевой-Рихтер, незаурядной женщины во всех отношениях, олицетворявшей всю полноту домашнего очага в Одессе и распространявшей свою симпатию на всех окружающих, в том числе и в Москве[6], порой обескураживают своим примитивизмом. Разумеется, отформатированным в определенном ракурсе оценок ее жизни и поступков. Каким бы образом не упоминал обстоятельства отъезда матери из Одессы Рихтер, все говорит о том, что он обожал мать, несмотря на явные противоречия этих воспоминаний. Поздние признания Рихтера о "самой темной странице биографии" при их сопоставлении с появившимися источниками, проявляют контуры интриги-мифа, скорее всего, искусствен-

[6] Множество свидетельств о симпатиях к ней Г.Г. Нейгауза, А. Ведерникова (которому Анна Павловна лично подыскала квартиру в довоенной Москве). Ближайший друг С. Рихтера, Вера Ивановна Прохорова (Рихтер ее называл Випа), восторженно обрисовывала облик А. П., напоминающий ей образ Анны Карениной.

но инъектированного в его сознание, сопровождавшего и отравлявшего всю его жизнь.

"Одиозная" фигура С.Д. Кондратьева, "разрушителя" рихтеровской семьи, кочует из статьи в статью, из книги в книгу, опираясь на свидетельства, с одной стороны, Рихтера, с другой — инициативных (а может быть, и заинтересованных?) "доброжелателей".

Что было первичным в неприязни юного Светика к Кондратьеву — ревность к человеку, которому "мама оказывала... всевозможные знаки внимания", или "словоохотливость" образованнейшего по тем временам человека (на фоне профессуры одесской консерватории 30-х годов), не нам судить.

"Молодежь валом валила, чтобы прослушать курс лекций", — сохраняя некую объективность, говорит о Кондратьеве сам Рихтер, будучи его учеником. Да и уроки композиции, что не отрицает Рихтер, он давал студентам, в том числе и талантливому композитору В. Фемилиди, сочинившему балет "Карманьола". Рихтер, прежде всего, профессионально не предубежден, когда вспоминает, что балет был создан "под общим наблюдением Кондратьева... когда его поставили в Одессе". Партитура была такова, утверждает Рихтер, что "в ней были места, которых не постыдился бы и сам Прокофьев. И теперь еще я храню в памяти полную партитуру этого балета".

Только спустя годы признается Рихтер о далеком прошлом: "...злые языки уверяли, будто причиной стало анонимное письмо, которое якобы послал Кондратьев, чтобы избавиться от отца". ...Однако "с трудом верится, что он совершил подобную гнусность".

Негативные эмоции — острые и запоминающиеся, объяснимые для молодого человека, не лишенного небезызвестного комплекса Эдипа[7] (по тем временам "реакционного и антинаучного направления", фрейдизма), искусно брались в расчет авторами мифов, чтобы сконструировать его "гамлетовские" отношения с близкими в юности людьми.

У С. Кондратьева к С. Рихтеру отношение было однозначно восторженное. Располагая оригиналом книги, подаренной Кондратьевым Рихтеру в октябре 1936 года с дарственной надписью "Дорогому ученику моему Светику Рихтеру — С. Кондратьев", зная авторитетное мнение людей, близких к семье Рихтеров, можно утверждать, что этот человек одним из первых в Одессе видел в юноше выдающуюся личность.

[7] В этом пункте невольно возникают параллели с известной работой З. Фрейда "Леонардо да Винчи. Детство и юность".

Могила С. Рихтера на Новодевичьем кладбище в Москве

Что же сегодня можно увидеть с дистанции — "десять лет спустя" после ухода Маэстро, выйдя за круг установленных биографических стандартов?

Первое — что Рихтер, скорее всего, так и не был ознакомлен с реабилитационным делом отца до самой своей смерти в 1997 г. Иначе он бы знал, кто подписал донос на отца, и не упоминал С. Кондратьева в "ореоле сплетен" о его доносительстве.

Второе — арест Теофила Рихтера, как и многих немцев не только Одессы, был массовой репрессивной акцией. Его расстрел был не в июне 1941 года (когда немцев и близко не было под Одессой), как говорит Рихтер в интервью Монсенжону, а в октябре, перед самым их приходом, что также показывает незнание "дела" отца.

Третье — о расстреле Т. Рихтера узнали одесситы уже после вступления немцев в Одессу. Поэтому как могла знать о гибели Теофила Рихтера женщина, оказавшаяся "случайно" в Тбилиси 1943 года — по другую сторону фронта? Разве столь же случайно она, как вспоминает С. Рихтер, "подошла ко мне на улице и заговорила" о смерти отца, тем более что у С. Т. были подозрения о ее принадлежности к определенным службам.

Четвертое — эвакуация из Одессы консерватории, как и других учреждений, происходила в ужасающих условиях.[8] П. Столярский, эвакуировавшийся одним из первых как знаменитый в то время профессор-орденоносец, присылал коллегам душераздирающие письма об опасностях и условиях эвакуации, о чем пишет в своих дневниках В. Швец, хорошо знавший Рихтера и его окружение.[9] Многие одесские музыканты оставались в оккупированной Одессе под влиянием информации, поступавшей

[8] К. Паустовский в повести "Время больших ожиданий" рисует картину "эвакуации" в Одессе. И неважно, как это происходит, — у белых от красных или в 41-м от немцев.

[9] Дневники преподавателя Владимира Швеца были опубликованы в книгах Владимира Смирнова, ученика В. Швеца, "Реквием XX века".

от эвакуированных коллег. Положение Теофила Рихтера в консерватории не давало ему никаких преимуществ в эвакуационных условиях, что прекрасно понимала практичная Анна Павловна, и преподносимая мотивация о ее отказе эвакуироваться явно упрощена.

Пятое — кто и зачем сообщил Рихтеру, что Кондратьев и Анна Павловна поженились в Германии и "покинули страну в 1941 году". Их венчание состоялось в середине марта 1944, незадолго до ухода немцев из Одессы в начале апреля 1944 года, когда стало ясно, чем грозит им возвращение органов НКВД. И деятельность Кондратьева как открытого противника Советов, и коммерческая деятельность "выживания" в годы оккупации Анны Павловны, жены расстрелянного "врага народа", предопределяли им расстрельную перспективу или как минимум гибель в ГУЛАГе. Брак же с ней и смена фамилии давали С. Кондратьеву единственную возможность — бежать из Одессы.

Выборочно приведенные факты заставляют задуматься — какого рода и какой плотности "информацией" был окружен Рихтер все послевоенные годы, и мог ли он вырваться из ее плена? Получить "немцу" по повелению свыше первую премию на Всесоюзном конкурсе в 1945 году, разделив ее с фронтовиком Виктором Мержановым, а затем в 50-м Сталинскую премию, будучи сыном расстрелянного "врага народа" и сбежавшей с немцами и антисоветчиком матери-дворянки, можно было, сделав компромиссный шаг, как минимум — забвения "порочащего" одесского периода.

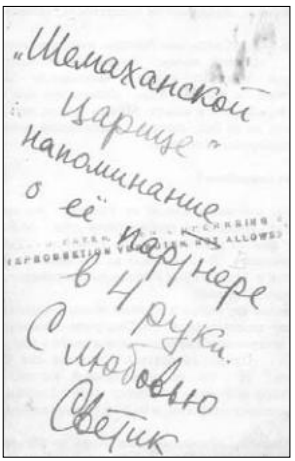
Одесский исследователь и писатель Владимир Смирнов, первый, кто ознакомился с реабилитационным делом Теофила Рихтера, высказал довольно реальную гипотезу, что "перед тем как выпустить С. Рихтера за границу, он был подвергнут умышленной психологической обработке".

Нам же представляется, что незримая и длительная "обработка" С. Рихтера, как и его близких, началась гораздо раньше и мастерски продолжалась всю его жизнь. Нетрудно понять, что Рихтер, ничего не подозревая, получал недостоверную информацию, искаженные факты, домыслы, медленно, но неотвратимо отравлявшие его сознание.

Негативной "трагической виной" по сей день остается не репрессивный контекст эпохи, не его реально виновные действующие лица! Ни написавший донос на отца агент НКВД *Юндт*, ни иезуитский следователь НКВД *Гланц*, ни подписавшие приговор судьи *Зенкович*, *Захарянц*, *Ткаченко* нигде не упоминаются (в том числе Рихтером и его окружением), а только один (?!) объект юношеской ревности, "словоохотливый" и, вполне возможно, малосимпатичный антисоветчик — *Кондратьев*!

"По направлению к... Гамлету"

Фотографии из семейного архива семьи Вербицких-Кохрихт

Весь имеющийся в нашем распоряжении материал о детстве и юности Светика Рихтера позиционирует окружавшую его среду как весьма по тем временам "неблагонадежные" круги национального, религиозного и социального происхождения. Известный журналист Ф. Кохрихт, женатый на дочери "Шемаханской царицы" Святослава Рихтера[10], Татьяне Вербицкой-Завалишиной, которую Маэстро нянчил в юности, пишет:

"Рихтеры жили в замкнутом мире, в который не допускались посторонние. И отец, и сын... были одиноки — и в Оперном, где они работали (Светик — концертмейстером), и среди коллег — пианистов и педагогов...". Ибо стоит напомнить о начавшихся репрессиях 30-х годов в окружении этой семьи — тогда как "шумная, любвеобильная, прагматичная Одесса-мама, более других любившая самых энергичных, шустрых, оборотистых, коммуникабельных, оптимистических (при несомненных талантах!) своих сыновей и дочерей", не менее других городов переживала "оптимистическую трагедию" невинных человеческих судеб.[11]

Триумфальное поступление без экзаменов в Московскую консерваторию в класс к Г. Нейгаузу в 1937 г. и привилегированное положение сталинского сти-

[10] См. статью в международном еженедельнике "Зеркало недели" — "Шемаханская царица Святослава Рихтера", от 1 октября 2005 г.

[11] Т. Вербицкая, Ф. Кохрихт. Столь долгое отсутствие. Альманах "Дерибасовская — Ришельевская", вып. 12, с. 204-205.

пендиата, благодаря Г. Нейгаузу знакомство с Н. Мясковским, С. Прокофьевым, общение в престижнейших семьях московских знаменитостей, не перевешивали влечение Светика к Одессе, дому, родителям, куда он регулярно удирал из столицы. Детство и юность Светика Рихтера в Одессе, вплоть до начала войны в страшном 1941 году, надолго оставались в легендах одесситов.

Перекличка гамлетовского сюжета, подмеченная Ф. Кохрихтом у молодого Рихтера, как бы в продолжение шекспировских ассоциаций Гаврилова, очевидна не только поданной фабулой семейной драмы — расстрелянного отца, якобы с подачи С. Кондратьева, женившегося на матери. *Гамлетовское состояние самого Рихтера*, со своим внутренним миром и "призраком" НКВД, "указующим на преступника" Кондратьева, делает его героем не меньшей по масштабу современной драмы, не нашедшей своего Шекспира.

Человек, склонный в жизни к некоторой театральности, если не виртуальности, ставший "положительным героем" (по Гаврилову) в советской культуре, Рихтер, как и Гамлет, оказывается в центре множества мнений, которые он осторожно подпитывает и тем самым запутывает. "Игра в безумие" или "игра в молчание, табу" ведет либо к "чуши и небылицам", либо в "тайны и лабиринты" человеческой души, *не давая никаких однозначных ответов*, какими бы фактами, лежащими на поверхности, не оперировали даже самые близкие люди.[12]

А для того чтобы представить миру Святослава Рихтера в качестве "советского символа", "очищенного" от своей прежней жизни, нужны были "аккуратные" биографические данные, в которых признаки "эдипова комплекса" были бы сублимированы в тему "мщения сына за смерть отца", обеспечивая его если не лояльность, то по меньшей мере, нейтральность к власти. Можно думать, что эта цель достигнута, ибо в отличие от Гамлета, он был не автором "исполнения долга", а его героем, надолго, если не навсегда, закодировав свою тайну.

[12] Склонность Рихтера к мозаике собственных мнений отмечалась многими близкими ему людьми.

"Любимый город может спать спокойно"?

Послевоенный период Одессы, дистанцированной от Рихтера, вполне можно назвать "ледниковым", даже после хрущевской реабилитации отца, особенно со стороны, видимо, предупрежденных властей и администрации культуры. Небольшой круг музыкантов и почитателей, начиная с 60-х, выезжал на кишиневские, киевские рихтеровские концерты, однако доступ к Маэстро был максимально ограничен даже для очень близких ему людей из довоенного прошлого.

Как рассказывала мне его одесская соученица и близкий человек Анны Павловны Рихтер, композитор и профессор консерватории Т.С. Сидоренко-Малюкова, Анна Павловна просила передать Светику оставленные Рихтером ноты и книги в Одессе. Что и стремилась сделать в Москве Т. С. Однако ей отказал в этом не сам Рихтер, а посредники, стоявшие между ними.[13] И это не единственный случай, скорее установившееся правило, как и "заговор молчания" об Одессе вокруг близких Рихтеру людей, прорваться сквозь который удавалось немногим, и то с оговоренными "условиями одесского табу".

Мистифицированная "аура Одессы", сформировавшая гений мастера в далекие предвоенные годы, в сопоставлении с нынешней мало изменилась. "Гением больше, гением меньше, подумаешь!" — продолжают уместно и неуместно шутить одесситы, сохраняя прежнюю любовь к "энергичным, шустрым, оборотистым, коммуникабельным" генерациям, разве что несколько сузив культурные приоритеты в рамках "Юморин". Впрочем, и Украина, хранительница культурного наследия, смирилась и с массовой культурой "хлеба и зрелищ", и с растущим демпинговым экспортом своих талантов прошлого и настоящего.

[13] Книга подаренная Кондратьевым Рихтеру, "Музыкальная форма" Г. Катуара, скорее всего, из этой рихтеровской библиотеки.

Незримо зависшая "блокада" бывших отношений Рихтера к Одессе и Одессы к Рихтеру, прорвать которую не удавалось и после ухода Маэстро в 1997 году, продолжает существовать. Попытки его соученицы и друга по Одессе и Москве, по классу Г.Г. Нейгауза, профессора одесской консерватории известной украинской пианистки Л.Н. Гинзбург[14] вернуть Одессе Рихтера наталкивались на невидимую стену негласного сопротивления. Таким символом оставался и остов разрушенной кирхи, укоризненным памятником возвышающийся над музыкально-историческими кварталами Одессы.[15]

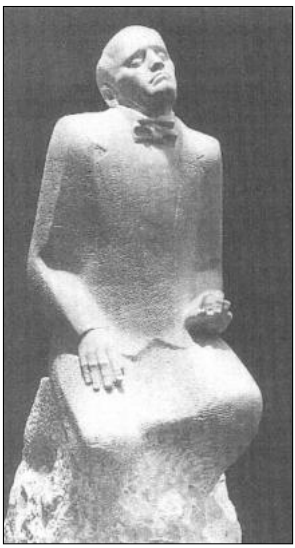
Противоречия вспыхнули вновь, когда инициативная группа общественности все же поставила ребром вопрос о мемориальной доске своему земляку и на свои средства, страх и риск организовала первый "Рихтерфест-2002" — "Декабрьские встречи", открыв упоминавшийся барельеф. И областная власть, и академическая среда остались безучастными к этому событию, а руководители консерватории немало потрудились, чтобы любыми способами дискредитировать и фестиваль, и его организаторов. Прямая попытка срыва концерта молодых пианистов Одессы в филармонии отказом в нем участвовать 7 участников из 12 и многозначащее отсутствие педагогов консерватории, в первую очередь, фортепианных кафедр в течение всех 10 дней "рихтеровских встреч", уклонение от контактов с известными коллегами из украинских консерваторий, участвовавших в концертах и встречах "Рихтерфеста".

Вот где бы нашим свободным и независимым журналистам почерпнуть материалы — и об "ауре Одессы", и о нейтралитете властных структур, и о "нетленных" *интригах бывшей консерватории, ныне академии*, в их подлинных мотивах!

Появление в Одессе Миссии Д. Ойстраха и С. Рихтера независимо от указующего перста администраторов и ее уже пятилетняя общественная деятельность не позволяют адаптироваться к ней всей вертикали исполнительной власти, начиная с Министерства культуры Украины. Их не убеждает широко освещавшаяся в СМИ высокая оценка общественности Украины и Одессы, посольств РФ и ФРГ, министерства культуры РФ. Организация международных фестивалей — "Рихтерфестов", "Ойстрах-Ассамблей" и других праздников — интерпретируется, а часто и фальси-

[14] Такие же отношения связывали ее с Э.Г. Гилельсом, Я.И. Заком и многими другими известнейшими музыкантами-одесситами.

[15] Это отдельная тема трагической пьесы "Аура Одессы", весьма контрастирующая с имиджем беззаботного и юморного города.

Скульптура Святослава Рихтера
Автор Михаил Цветков

фицируется с тем же душком "профессиональной зависти" и собственной несостоятельности, как и консерваторские склоки далеких предвоенных лет в адрес Теофила Рихтера, его семьи и самого Светика.

Парадоксы рихтеровских историй в хрониках последних лет весьма симптоматичны. Поиск и находка Миссией в 2005 году мраморной скульптуры С. Рихтера (автор М. Цветков), семнадцать лет пролежавшей под сараем (?!) в музее г. Яготин Киевской области, завершились легким испугом чиновников. Все попытки передать ее в Одессу для установки памятника возле Одесского оперного театра до сего дня остаются за пределами интереса исполнительной власти.[16]

Авторский фильм, посвященный детству и юности С. Рихтера, съемки которого начаты нами в 2005 году, помогали осуществить немецкий "Гете-институт" в Киеве, Посольство ФРГ в Киеве, фонд "Русское исполнительское искусство" в Москве, пока так и не удается завершить в отсутствие и *минимальной государственной и спонсорской помощи* и моральной поддержки, несмотря на все наши обращения.

Совсем недавно музыкальный мир при содействии европейской общественности отметил 30-летие памяти Марии Калласс, ставшей "символом Греции". Сопоставлять эти, состоявшиеся праздники, с датой 10-летия памяти Святослава Рихтера в Украине и Одессе до боли обидно. Разве что утешиться предложением правительства Австрии отреставрировать дом в Житомире, где родился гений.

Кому нужен Святослав Рихтер в Украине уже спустя одиннадцать лет после его ухода? Нужен ли он академической среде в Одессе в эпоху расцвета коммерческих диссертаций и дипломов, званий и наград?

"Недостаток не в деньгах, а в людях и дарованиях, делает слабым государство", — говорил Вольтер.

[16] Международный еженедельник "Зеркало недели" (№ 38, за 1 октября 2005 г.), как и многие СМИ Украины, публиковал материалы, видимо, не замеченные Министерством культуры Украины и властями Одессы.

У кого деньги — мы знаем, каково отношение к дарованиям людей — тоже. Не верится, что в Украине стало "гениев меньше", вопрос в другом: насколько и для чего нужны они властям?

От себя остается добавить — *не зная прошлого и не работая для будущего, — не удивляйся настоящему*!

Татьяна АНИСИМОВА

Борис Гроссер, художник из Одессы

Борис Гроссер. 1910-е годы (?)
Из архива А.В. Филиппова

Первая статья о Борисе Гроссере появилась в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" № 7 в 2001 году. Благодаря ее автору О.М. Барковской, а также С.З. Лущику, в коллекции которого имеются книги, оформленные Гроссером, мне удалось осуществить исследование творческой биографии художника (в рамках магистерской диссертации в Европейском университете в Санкт-Петербурге под руководством доктора искусствоведения С.М. Даниэля). Часть найденных материалов легла в основу выставки книжной графики Бориса Гроссера, прошедшей в июне 2007 года в Москве в библиотеке-фонде "Русское зарубежье" и приуроченной к 25-летию со дня смерти мастера. В сентябре 2007 года я представила доклады о творчестве Гроссера на конференциях в Петербурге (по русскому зарубежью) и в Одессе (по книжным коллекциям). Публикация в Одессе имеет особое значение: именно в этом городе 118 лет назад родился Борис Гроссер.

Борис Николаевич (Бернард Абелевич) появился на свет 26 октября 1889 года по старому стилю, о чем указано в книге записи рождений Одесского раввината. Родители — помощник аптекаря Абель Гроссер и Мария Гроссер, урожденная Полякова. Мария Абрамовна была домохозяйкой, растила трех детей: у Бориса Гроссера были сестра Ада

Слева направо: Мария Гроссер, урожд. Полякова, с сестрами: Полина Ослан, Злата, Лиза
Из архива Н.И. Ослан. Публикуется впервые

и брат Александр. Абель (Альберт Семенович) переехал в Санкт-Петербург приблизительно в 1910-е годы, он устроился управляющим домом архитектора Ф.Ф. Лумберга по адресу Коломенская улица, 10, где и поселилась семья Гроссеров. В статье "Коломенская улица" в "Энциклопедии Санкт-Петербург" уточняется, что дом 10, собственный дом архитектора Ф.Ф. Лумберга, — построен в 1911 году по его проекту.

В Петербурге Альберт Семенович вел также издательскую деятельность совместно с Владимиром Поляковым, родным братом Марии Гроссер. Как указано в справочнике "Весь Петроград" за 1917 год, В.А. Поляков являлся издателем газеты "Современное слово" и директором правления "Российского акционерного общества объявлений". Александр Гроссер тоже занимался издательской деятельностью и изобразительным искусством. Талант художника унаследовал и его внук, мой отец Андрей Филиппов (1958-2004, СПб), www.filippov-art.com. В семейном архиве сохранились ценные фотопортреты Бориса Николаевича и его родственников.

Как известно, Борис Гроссер получил разностороннее художественное образование в Одессе (Одесское художественное училище, 1903-1907), Санкт-Петербурге (мастерская И.Я. Билибина в Рисовальной школе Общества поощрения художеств (ОПХ), до 1911), Мюнхене (школа Ш. Холлоши, 1911-1912) и Париже (мастерская М. Дени в Академии Поля Ран-

Александр Гроссер с первой женой Бертой. 1928
Из архива А.В. Филиппова

сона, 1913-1914). С началом войны, видимо, в 1914 году, Гроссер вернулся из Парижа домой, в Петроград. После революции, в 1918 году, он уехал в Одессу, о чем свидетельствуют одесские журналы за июль 1918 года. "В Одессу приехал приглашенный антрепризой Севастьянова на зимний сезон художник-декоратор Бор. Гроссер. Г. Гроссер много работал в Париже. В Петрограде он служил в музыкальной драме". Что касается "музыкальной драмы", возможно, речь идет о Театре музыкальной драмы. Этот оперный театр существовал в 1912-1919 годы. Основатель и художественный руководитель театра — режиссер И.М. Лапицкий. В научной литературе театр иногда называют сокращенно "музыкальная драма", поэтому данное предположение имеет все основания. Тот факт, что в театре работали такие художники, как Билибин, Добужинский, Рерих, позволяет говорить о среде "мирискусников", в которой Гроссер вращался со времени обучения в Рисовальной школе ОПХ.

Итак, спасаясь от большевиков, Гроссер перебирается из голодного Петрограда в город своего детства и отрочества — Одессу. Очевидно, что зимний сезон художника-декоратора в антрепризе Севастьянова затянулся. В 1919 году Борис Николаевич активно работает как книжный график. Он оформляет книги издательств "Омфалос" и Южнорусского общества печатного дела, а также газету "Театр". Живопись и графика Гроссера представлена на одесских выставках: 1-й Народной выставке картин, плакатов, вывесок и детского творчества, XXIX выставке картин Товарищества южнорусских художников, выставке картин Общества независимых художников.

В каталогах выставок содержится указание адреса Гроссера — ул. Скобелева, 22, кв. 5 (ныне Еврейская ул.). Как сообщила двоюродная сестра художника Надежда Ильинишна Ослан (1913, Одесса — 2007, Москва), в период с 1918 по 1920 годы Гроссер снимал комнату у семьи Ослан: по данному адресу проживали Илья и Полина (в девичестве Полякова, сестра Марии Гроссер) с дочерьми Раисой и Надеждой. В отличие от домов

№№ 37-45, это здание сохранилось. Кстати, дом № 37 принадлежал матери Ильи Ослана Анне Моисеевне. Анна (Хана) Моисеевна Граник, в замужестве Ослан, — сестра Марии Моисеевны, матери легендарного Леонида Утесова.

Анна Моисеевна вышла замуж за Иосифа Ослана (Юсуп Аслан приехал в Одессу из Турции, принял иудейскую веру), они занимались оптовой виноторговлей. Из их 18 детей до взрослого возраста дожили 9. Илья Осипович, старший сын в семье, учился в Марселе и стал высококвалифицированным виноделом. Михаил и Сима учились в консерватории в Италии, Михаил работал дирижером хора Мариинского театра в Петербурге (до революции), Сима был оперным певцом (оба взяли псевдоним Асланов, Михаил крестился). Сестры Роза, Поля и Мила также учились в Европе. Роза стала врачом в Италии, работала в военных госпиталях во время первой мировой войны. Затем она вышла замуж за Витторио Пуччинелли и осталась в Риме. Как мы увидим, этот факт отметит биографию Бориса Гроссера.

В феврале 1920 года в Одессе окончательно установилась советская власть, и многие избрали эмиграцию. Видимо, у Бориса Николаевича оставались французские бумаги, и ему посчастливилось практически сразу получить визу во Францию. По этой визе он имел право провезти семью, но он был холост. Мила Ослан (1893-1971), в которую Гроссер был влюблен, захотела поехать с ним. Точно не ясно, заключили ли они фиктивный брак или подделали документы Милы, но в загранпаспорте для направления в Италию, выданном ей в Константинополе 5 марта 1920 года, ее имя, отчество и фамилия исправлены: "Гроссер Адель Абелева" (очевидно, это данные сестры Гроссера Ады). Так или иначе, благодаря этому документу известен маршрут Бориса Гроссера, который выехал из Одессы вместе с Милой в эмиграцию через Константинополь, откуда в марте 1920 года они уже могли выехать в Италию.

Однако в Риме Мила решила остаться с сестрой Розой, она прожила всю жизнь одна, посвятив себя семье сестры. Мне удалось восстановить контакт с семьей дочери Розы Маргаритой де Санктис (1922-1997) и благодаря ее младшему сыну Леонардо ознакомиться с некоторыми архивными материалами. Любопытно, что Леонардо занимается издательской деятельностью (как и родственники его предков), а также пишет книги и статьи. Его творческий псевдоним — Осслан, в память о бабушках из России. Таким образом, Мила осталась в Италии, а Борис продолжил путь в одиночестве.

Портрет Ады Гроссер
работы Бориса Гроссера. 1920 (?)
Из архива Н.И. Ослан
Публикуется впервые

В 1921 году художник уже в Париже. Он участвует в Выставке русского искусства в Лондоне, в каталоге указан его адрес — 131, Rue du Cherche Midi, Paris. Как и во время учебы в Париже, Гроссер селится в квартале Монпарнас, топографическом сосредоточении Парижской школы. Пока нет сведений, позволяющих судить о дружеских связях Гроссера в Париже и его принадлежности к Парижской школе. Зато сохранились многие издания с работами Гроссера, по которым удалось восстановить его творческую биографию периода эмиграции.

Итак, в Лондоне в 1921 году было представлено русское искусство: М. Васильева, Б. Григорьев, В. Издебский, П. Кремень, М. Ларионов, Ж. Липшиц, Г. Лукомский, О. Мещанинов, Х. Орлова, С. Судейкин, С. Шаршун, А. Яковлев и многие другие. Полотна Гроссера "Константинополь", "Вилла Боргезе", "Париж" составили своеобразный отчет о проделанном пути.

В 1920-е годы художник активно сотрудничал с издательствами, работающими в Париже и Берлине. В начале 1920-х годов, в связи с дешевизной книжного производства именно Берлин был центром русского книгоиздания. Для издательства А.Э. Когана "Русское искусство" художник оформил эмблему издательства, опубликованную в журнале "Жар-птица" (№ 7, 1922), а также обложку и форзац книги С.К. Маковского "Валентин Серов" (1922). Приблизительно в то же время Гроссер сделал надписи для издания Г.К. Лукомского в типографии Е.А. Гутнова "Москва и деревня в гравюрах и литографиях. 1800-1850" (автором рисунков в тексте был И.Я. Билибин, на обложке — Б.В. Зворыкин). Далее, в 1924 году в Голландии была опубликована книга Б. Рапчинского "Russiche Heldensagen en Legenden" ("Русские сказания и легенды") (Zutphen: Thieme) с целой серией цветных иллюстраций Гроссера, Репродукции суперобложки, обложки и иллюстрации этой книги из собрания А. Лемменса и С.-А. Стоммелса опубликованы в каталоге выставки русской книжной графики, прошедшей в Неймегене в 2004 году. С голландскими изда-

Мила Ослан. 1920 (?)
Из архива Н.И. Ослан
Публикуется впервые

РОССІЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

КОНСУЛЬСКАЯ ЧАСТЬ.

ПО УПОЛНОМОЧІЮ РОССІЙСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Объявляется чрезъ сіе всѣмъ и каждому, кому о томъ
вѣдать надлежитъ, что показательница сего Гроссеръ,
Ольга Мила, 21 лѣтъ, русско-
подданная, отправляется въ
Италію

По свидѣтельству того и для свободнаго проѣзда дана
А. Л. Гроссеръ сей паспортъ.
Константинополь, Августа 5 дня 1920 года.

Начальникъ Консульской части

Копия загранпаспорта Милы. Из архива Л. Ослан. Публикуется впервые

тельствами Гроссер будет много работать в 1930-40-е годы: серии иллюстраций для книг Рапчинского, обложки книг Алданова, Зензинова, Осоргина, Ремизова. Видимо, посредником в этом сотрудничестве являлся именно Б.Н. Рапчинский (1887-1983), филолог, историк, в 1920 годах составивший русско-голландский и голландско-русский словари, с 1932 года профессор Утрехтского университета.

1925-1940-е годы насыщены работой с парижскими издательствами. Это вполне вписывается в общий контекст: с середины 1920-х годов: центр русского книжного дела переносится в Париж, ставший политической и культурной столицей русского зарубежья. Особенно плодотворно Гроссер сотрудничал с издательствами "Я. Поволоцкий и К°", "Современные записки", "Дом книги". Среди писателей русского зарубежья, парижские издания которых оформил Гроссер, — Иван Бунин (Митина любовь, 1925; Избранные стихи, 1929; Божье дерево, 1931; Темные аллеи, 1946), Борис Зайцев (Анна, 1929), Владимир Набоков (Приглашение на казнь, 1938), Гайто Газданов (История одного путешествия, 1938), Яков Цвибак (Андрей Седых) (Старый Париж, 1925; Монмартр, 1927), Дон-Аминадо (Наша маленькая жизнь, 1927), Александр Шик (Одесский Пушкин, 1938; Гоголь в Ницце, 1946).

В 1931 году графика Бориса Николаевича появлялась на страницах воз-

рожденного в Париже М. Корнфельдом "Сатирикона". В журнале участвовали такие художники, как Ю. Анненков (под псевдонимом А. Шарого), В. Белкин, А. Гросс, М. Добужинский и другие. В 1937 году Гроссер сделал обложку для книги знаменитого танцовщика и балетмейстера Сергея Лифаря "Танец. Основные течения академического танца" (Париж: Etoile). Второе издание вышло год спустя. Художник также оформил плакат с анонсом этой книги. Появление имени Лифаря не случайно: еще в 1927 году Гроссер исполнил портрет танцовщика. Возможно, они были знакомы, и Гроссер не был чужд среде Лифаря. Так, книга А. Плещеева "Сергей Лифарь: От старого к новому" (Париж: L. Beresniak, 1938) содержит рисунки Гроссера.

Без подписи
Графика Бориса (или Александра?)
Гроссера. 1910-е годы (?)
Из архива Н.И. Ослан
Публикуется впервые

Иллюстрации Гроссера публиковались также французскими издательствами Парижа. В 1925 году акварель Loge d'actrice (Ложа актрисы) была помещена в журнале "Art et Decoration" (т. 2, № 11) в качестве цветной вставки, что уже ее выделяет, так как основная часть иллюстраций черно-белые. Эта работа выполнена в стиле ар-деко, что было крайне актуально в связи с проходившей в том году Выставкой декоративных искусств, давшей позднее название самому стилю. В 1928 году издательство "Les Marges" выпустило "Поэмы" Андре Шенье и пригласило к сотрудничеству Гроссера: художник выполнил заставку и виньетку. В этом же году Борис Николаевич оформил "Mythologie asiatique illustree" (Иллюстрированная азиатская мифология) по заказу издательства "Librairie de France". Позднее это издательство вновь привлекло художника: в 1932 году для книги "Florilege des conteurs galants du XVIII siecle. Chroniques et points de vue" (Сборник галантных рассказов XVIII века. Хроники и взгляды).

В конце 1930-х годов художник получил общественное признание: в феврале 1939 года Гроссер был награжден серебряной медалью за графи-

ческие работы, представленные на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. В июне 1939 года прошла персональная выставка Гроссера в парижской галерее "Awe quatre chemin". Среди его предшественников, в разные годы выставлявшихся в этой галерее, были Ланской, Анненков, Шагал, Сутин.

Неизвестно, как сложилась жизнь Бориса Николаевича во время второй мировой войны. Возможно, он оставался в Париже, о чем косвенно свидетельствует книга М. Марке "II etait une fois un alphabet. Illustre par Suza Desnoyer. Litho B. Grosser" (Жил-был алфавит. Иллюстрации Сюзы Денуайе. Литографии Б. Гроссера), изданная в Париже ориентировочно в 1943 году.

В 1947 году Гроссер сделал серию цветных иллюстраций для книги Жиля Пэснеля "Le Prince Abricot" (Принц Абрикос), опубликованной парижским издательством "Arc-en-CieL". Среди последних работ художника — обложка для книги "LXX лет П.Е. Ковалевского: Биобиблиография" (Paris: Librairie des cinq continents, 1972).

С 1952 года входил в русские масонские ложи "Вехи", "Северная звезда", "Астрея". Со второй половины 1950-х годов художник жил в Монруже, южном предместье Парижа. Дата смерти Гроссера долгое время оставалась загадкой для специалистов. Благодаря сведениям, полученным в Службе архивов и документации мэрии Монружа, мне удалось установить, что Борис Николаевич дожил до 93 лет и скончался 15 января 1982 года. Он не был женат и не имел близких родственников. Место на кладбище Монружа купил Леон Поляков (видимо, это сын или внук В.А. Полякова, дяди Гроссера по материнской линии).

Санкт-Петербург

Олег ТОРЧИНСКИЙ

Прогулки в садах Геометрии

К тому времени, когда Надежда Гайдук оканчивала Одесское театрально-художественное училище, в этом городе сложилась весьма яркая нонконформистская группа живописцев. Все могло бы сложиться иначе, и она бы продолжала писать этюды, какие ее научили в училище, — небольшие пейзажи, где берег соприкасался с морем.

Но жизнь сложилась так, что она познакомилась с Александром Ануфриевым и Владимиром Стрельниковым, Виктором Маринюком и Людой Ястреб. И ей захотелось все начать сначала, учиться новому искусству.

Надя уехала в Москву, где было с кем общаться, дружить, учиться. Еще жив был Валентин Поляков, окончивший до войны Одесское художественное училище, блестящий мастер, не сломленный соцреализмом.

К тому же московским нонконформистам разрешили выставляться на Малой Грузинской улице. Среди них была Надежда Гайдук. А ее квартирка стала центром связей между Москвой и Одессой.

Прошло немало лет И вот сейчас в Москве прошла очередная персональная выставка Надежды Гайдук.

В наши дни геометрия — скромная математическая дисциплина, учащая юных неучей основам абстрактного воображения.. В древности же она была царицей наук, хранительницей эзотерических тайн, изначальным языком сакральных символов и космогонических схем. "Тела" идей, носившихся в метапространстве, имели геометрические формы. Куб, крест, сфера, пирамида, линия, точка были знаками Земли и Неба, формулами универсальных соответствий, смысл которых уточняли веками. Христианство выработало свои особые, христологические интерпретации геометрических форм: треугольник как Троица, квадрат как Церковь, крест как напоминание о Распятии, круг как нимб. В начале XX века в России была предпринята попытка вернуть геометрии ее трон: родился супрематизм Казимира Малевича. Сегодня, после долгих лет подполья, он вновь возрождается. В духе геометрической абстракции — кто следуя за Малевичем, кто отталкиваясь от него, кто просто пробираясь на ощупь собственными путями, — работают талантливые мастера: Эдуард Штейнберг, Сергей Бордачев, Александр Панкин, Леонид Борисов... Не затерялось среди их имен и имя Надежды Гайдук, чья выставка "Структурные игры" прошла недавно в галерее "Кино".

Переехав в 1972 году из Одессы в Москву, Надежда Гайдук быстро стала своей среди "неформалов", тусовавшихся вокруг знаменитого подвала на Малой Грузинке, в частности, в гремевшей в те годы группе "21". Постепенно пошли персональные выставки в московских галереях, ЦДХ, ЦДРИ. "Фирменным" стилем Надежды Гайдук были "зигзаги" — регулярная смена почерков, материалов, тем. То она увлекалась станковой живописью, то вышивала вручную абстрактные узоры, то ударялась в прикладные эксперименты. И всегда довольно успешно. Геометрическая абстракция — увлечение последних трех лет, будем надеяться, достаточно серьезное. Во всяком случае, показанный в галерее "Кино" цикл "Структурные игры" говорит о понимании закономерностей сочетания геометрических форм. Ее работы логически четки, хорошо скомпонованы и... просто красивы. Она умело использует игру фактур: на ярких красочных полях толпы разноцветных палочек выстраиваются в причудливые композиции. Они вроде бы абстрактны, но то и дело вызывают ассоциации, подсказываемые названиями: "Первомай", "Цветение сакуры", "Огни Москвы" и т. д. Хочется верить, что это увлечение Н. Гайдук не мимолетно, что она продолжит свои прогулки в садах царицы Геометрии.

Но Надежда Гайдук не была бы собой, если бы и на этот раз не сделала очередной "зигзаг". Как бы желая отдохнуть от строгой дисциплины геометрических построений, она разрешила себе "порезвиться" в коллажах, составивших цикл "Секретики". Это свободные импровизации из обрывков газет, старых фотографий, значков, пуговиц, флажков, поездных билетов и т. д. Прелесть этих варварских (по сравнению с безупречно логическими геометрическими структурами) нагромождений бытового мусора в том, что он несет ностальгическую информацию о далеких уже сегодня 1960-70-х годах, времени, когда мы были молоды и полны надежд, времени, которое уже не вернется...

Кстати, в фотографиях, вклеенных в эти коллажи, — ее одесские друзья, начало ее пути в новое искусство.

Роман БРОДАВКО

Неповторимый Андроников

К столетию со дня рождения

В шестидесятые-восьмидесятые годы имя Ираклия Андроникова было в нашей стране одним из самых популярных и уважаемых. Его книги, изданные большими тиражами, расходились моментально, а его устные рассказы, которые регулярно транслировались по Центральному телевидению, собирали миллионную аудиторию. Благодаря Андроникову многие открывали для себя "нехрестоматийного" Лермонтова, Маршака, Шварца, Соллертинского, проникали в таинственную и прекрасную атмосферу концертного зала Ленинградской консерватории...

Все мы заслушивались его речью, которую, вне сомнений, можно назвать праздником великого русского языка. Его эрудиция, казалось, не знала границ. Его человеческое обаяние было вне сравнений — таким обладают лишь избранные люди. Ираклия Луарсабовича любили все — от руководства страны, которое отметило его Ленинской премией, до рядовых граждан.

Древо знаменитого грузинского рода Андроникашвили восходит к династии греческого императора Андроника-Комнена. Ираклий Луарсабович не то чтобы гордился этим, однако нередко вспоминал о своей родословной.

Ираклий Андроников появился на свет в 1908 году в Петербурге, где в то время учился в университете на юридическом факультете его отец Луарсаб Николаевич Андроникашвили. После университета и учебы за рубежом отцу будущего искусствоведа предлагали работу в Петербурге и Москве, он же решил служить своему народу на грузинской земле. Главным его делом была политическая адвокатура. Луарсаб Николаевич за-

щищал рабочих в знаменитом деле батумской демонстрации 1902 года. Он сыграл заметную роль в оправдании матросов Черноморского флота, выступивших с политическими требованиями, в 1906 году защищал участников ростовского восстания. Во всех этих процессах Луарсаб Николаевич участвовал не только бескорыстно, но и затрачивая собственные средства на поездки и подготовку документов. О его ораторском искусстве ходили легенды.

Незаурядные дарования Луарсаба Андроникашвили послужили причиной его знакомства с интеллигентной петербургской семьей Гуревичей. Глава семьи Яков Григорьевич Гуревич — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, был основателем знаменитых Бестужевских курсов, автором учебников по истории. В 1893 году он открыл в Петербурге частную гимназию. В доме Гуревича бывали писатель Салтыков-Щедрин, поэт Полонский, адвокат Кони, с которым был знаком и Луарсаб Андроникашвили. Здесь же Луарсаб Николаевич встретился с дочерью Якова Гуревича Екатериной — своей будущей женой. У них родились два сына: Ираклий и Элефтер.

Юный Ираклий увлекался всем. В своей "Телефонной книжке" известный драматург Евгений Шварц писал: "В Ираклии трудно было обнаружить единое целое, он все менял форму, струился, как туман или дым. От этого трудно было схватить его отношение к окружающим. Он страдал. Его водили к гипнотизеру, чтобы излечить нервы...". Как ни странно, это лечение дало толчок к развитию артистического таланта. Он так хорошо изображал лечащих его докторов, что для своих слушателей сам стал волшебником-гипнотизером.

По рекомендации Евгения Шварца Ираклий Луарсабович оказался на должности секретаря редакции детского журнала "Еж". Редактор этого популярного издания Самуил Маршак писал: "Он сидел над коротенькой заметкой в четверть странички долго, как над стихами... Он не мог обойтись без чужой оболочки, сказать хоть два слова от себя...". А несколько лет спустя мнение Маршака по поводу литературных способностей Андроникова изменилось. Однажды он сказал: "Тебе обязательно надо попробовать писать, я думаю, у тебя получится". Пророчество Самуила Яковлевича оправдалось.

Круг людей, с которыми общался и дружил Андроников, был огромен. Это были выдающиеся музыканты, писатели, актеры, художники. Общение с ними обогащало Ираклия Луарсабовича, но и он сам для многих был неисчерпаемым источником творческого интеллекта, эрудиции, остроумия.

Многие годы Андроников был связан узами дружбы с выдающимся актером и режиссером Соломоном Михоэлсом. Это по его совету Михоэлс обратился к юношеской драме Лермонтова "Испанцы" и осуществил ее постановку на сцене Государственного еврейского театра в Москве в 1941 году. Постановка вызвала широкий интерес и была одним из первых прочтений лермонтовской пьесы. После трагической гибели Михоэлса Андроников на протяжении многих лет дружил с его вдовой Анастасией Павловной Потоцкой.

Среди многочисленных музыкантов, с которыми Ираклия Луарсабовича связывали дружеские отношения, особое место занимал выдающийся дирижер Евгений Мравинский. Многим известен рассказ Андроникова о том, как он выступал в качестве музыкального комментатора в концертах, происходивших в Ленинградской филармонии. В нем предельно выражена ирония автора, сумевшего остроумно высмеять самого себя. Так ли это было на самом деле? Евгений Мравинский был немногословным сдержанным человеком, редко давал оценки людям. Но об Андроникове он сказал однажды: "Ираклий Луарсабович — один из немногих людей, которые могут абсолютно точно и образно выразить словами свое ощущение от прослушанного музыкального произведения". Думаю, что оценка Мравинского заслуживает полного доверия. Как и замечательная книга Андроникова "К музыке".

Мне повезло: я дважды слушал выступления Ираклия Луарсабовича. Впервые это было в Одессе — тогда, когда Андроников привез в наш город прямого потомка Пушкина. Выступление Андроникова в Доме ученых тогда было посвящено Пушкину. Поражали не только точность и ясность суждений, но и великолепная трактовка стихотворений, которые читал наизусть Ираклий Луарсабович. Эти стихи поражали не только потрясающей интонационной инструментовкой, но и безупречностью смысловых акцентов, которые он делал.

Далеко не все академические ученые принимали Андроникова. Я слышал однажды, как один известный филолог презрительно сказал о нем: "Опереточный литературовед". Было обидно и стыдно. Правда, спустя некоторое время этот же филолог нечто подобное сказал об академике Дмитрии Лихачеве. По-видимому, для него активная общественная и популяризаторская деятельность, которой занимались эти прекрасные ученые и благородные люди, казалась чем-то унижающим статус научного работника. Оставим это на его совести, тем более что в научной ценности написанного Андрониковым, думаю, сомневаться не приходится.

Слушал я Андроникова в Москве в Доме литератора. Он выступал перед молодежной аудиторией. Рассказывал о Лермонтове. Говорил просто, ясно и ярко. Его слушали, затаив дыхание. В эти минуты всем казалось, что он был лично знаком с поэтом и его окружением, что он был свидетелем событий, о которых рассказывал. После такой встречи нельзя было не влюбиться в Лермонтова, не ощутить страстного желания, возвратившись домой, открыть томик его стихов и читать, читать...

В том, что Андроников был уникален, сомневаться не приходится. Недавно в одной из телепрограмм транслировались его устные рассказы. И хотя они известны мне "вдоль и поперек", я окунулся в них так, словно услышал впервые. Думаю, не один я...

Телевизионный Ираклий Андроников — это редкий феномен собеседника, встречи с которым ждешь и с которым не хочется расставаться. Таким талантом кроме Ираклия Луарсабовича обладали очень немногие: ведущие "Кинопанорамы" Каплер и Шнейдеров, ведущий телевизионного "Клуба кинопутешествий" Сенкевич, ведущая "Музыкального киоска" Беляева... Они годами работали на телевидении и всегда были желанными собеседниками миллионов телезрителей. Сегодня иногда по каналу "Ностальгия" можно увидеть записи программ с участием этих прекрасных людей — и при этом нисколько не ощутить дистанцию времени, которая отделяет нас от семидесятых-восьмидесятых годов.

Нынче на телевидении десятки ток-шоу, но подлинных личностей на экране крайне мало. Радзинский, Бэлза, Швыдкой, Ерофеев, Архангельский на российских каналах, Юрий Макаров на украинском "1+1" пытаются делать то, что делали их великие предшественники на ЦТ, — открывать новые горизонты в исторической науке и культуре для тысяч людей, которые по-настоящему нуждаются в этом. Однако передачи такой направленности — редкость. Увы, суровые законы рынка требуют иной телепродукции, под которую дают рекламу: сентиментальные сериалы, боевики, триллеры. Грустно...

Вернутся ли скоро на ТВ и на радио передачи, обращенные к умам и сердцам, а не кошелькам зрителей и слушателей, сказать трудно. К счастью, есть книги, к которым есть возможность обращаться. Перечитайте Ираклия Андроникова и посоветуйте прочесть его книги молодым. Они не только многому научат, но и — кто знает — возможно, помогут рождению новых ученых-популяризаторов, в которых мы все так нуждаемся.

Цена и бесценность факта

Среди последних публикаций профессора И.М. Дузя нередки статьи, формально приуроченные к определенным культурным событиям, юбилейным датам, но, по существу, обобщающие и завершающие долгие литературоведческие поиски.

В 1989-м, в год столетия со дня рождения Остапа Вишни, И.М. Дузь был приглашен и выступал на торжественных вечерах памяти выдающегося сатирика в Киеве и Москве, организовал и провел несколько литературных и концертных вечеров в память Вишни, в частности, в Доме ученых с участием артистов одесских театров, опубликовал более десяти статей в киевских и одесских газетах. Посчитать все это простым исполнением обязанностей председателя правления областной писательской организации можно было бы, лишь не зная об энергичном характере и неизменной научной страсти литературоведа.

Тему своей докторской диссертации "Остап Вишня и развитие украинской сатиры и юмора", которая была подсказана, не последним образом, смеховой стихией самого исследователя, он, по существу, никогда не закрывал. Защита диссертации (которая и через четверть столетия оценивалась как акт гражданской отваги в условиях формальной послекультовской реабилитации) состоялась в 1967 году. К тому времени главные ее результаты были изложены в трех монографиях, учебном пособии для студентов, основательных примечаниях к семитомному изданию произведений Остапа Вишни и статьях о творчестве большой плеяды украинских сатириков, репрессированных и уничтоженных в 20-30-е годы. Тогда же в Киеве вышел и первый сборник воспоминаний о писателе "Живий Остап Вишня" (1966). Но вероятно, только И.М. Дузь, его составитель и редактор, знал, сколько и какие из собранных им материалов не вошли в издание, и какую работу еще предстояло сделать, — ведь его желание обнародовать важные свидетельства, факты и реалии 20-х — 30-х годов натолкнулось на жесткую цензуру времени.

В конце 60-х он продолжает разыскивать следы пребывания Остапа Вишни на Юге Украины, на Одесщине и Херсонщине. Итоги этих поисков, а также впечатления о первом знакомстве с юмористическими произведениями писателя в 1930-м и единственном разговоре с ним 30 ноября 1955-го соединились через двадцать лет и составили основу статьи "Тут все дихає пам'яттю". И хотя в Киеве в новом сборнике воспоминаний о Вишне (1989 г.) поначалу был опубликован ее сокращенный вариант, автор искал возможность обнародовать полный текст и, наконец, включил его в один из разделов своей книги "Високе осяяння душі" (1990 г.). Сравнение этих двух публикаций дает представление о ценностях, которые не хотел терять И.М. Дузь как собиратель и исследователь жизненного материала, достойного, по его мнению, литературоведческого осмысления.

Были вишневедческие публикации отдаленные и более продолжительным временем от начального исследовательского импульса: в 1991 году И.М. Дузь опубликовал ре-

зультаты своих архивных разысканий – историю написания и постановки пьесы "Мікадо" он раскрыл через тридцать лет после первых попыток, предпринятых в докторантский период.

В статье "Приветствую! Люблю!" ("Вечерняя Одесса", 11 ноября 1989 года) заметно желание автора восстановить купюры, вымаранные критериями конца 60-х, и сохранить малые свидетельства памяти, придав им статус литературных фактов. Дело будущего – ввести собранные и сохраненные факты в широкий историко-культурный контекст.

Лариса ДУЗЬ

Иван ДУЗЬ

"Приветствую, люблю!"

Эти слова, взятые из дневниковой записи великого украинского сатирика Остапа Вишни, мысленно обращены к русскому писателю Александру Фадееву. Вот полный текст: "Чистый в мыслях, чистый в чувствах своих, могу прийти к А.А. Фадееву и сказать просто, чисто, хорошо: "Приветствую! Люблю!". Так обратиться Вишня мог бы к большому кругу своих друзей-писателей – Владимиру Маяковскому, Александру Жарову, Михаилу Шолохову, Александру Прокофьеву, Сергею Смирнову, Александру Твардовскому, Леониду Ленчу, Николаю Грибачеву, Самуилу Маршаку, Виктору Ардову...

Стоит перелистать некоторые страницы славной летописи дружбы великих людей.

В феврале 1929 года, во время первой декады украинского искусства и литературы в Москве, состоялось личное близкое знакомство Павла Михайловича Губенко (уже известного там по русским переводам восьми его книг как Остап Вишня) с Маяковским. Поэт возил украинского сатирика по столице на собственном автомобиле, показывал самое, на его взгляд, интересное. В памяти Вишни остались их разговоры. Спустя много лет, 24 августа 1952-го, он вспоминает все и словно укоряет себя: "А Маяковский? Я не знаю, будет ли у меня время, чтобы написать о В.В. Маяковском так, как я его знаю. Сдохну, может, и не напишу! Обязан пока что сказать, что Маяковский был ВЕЛИКИЙ человек с большущим сердцем".

Знал и ценил Остапа Вишню, его творчество, Шолохов. Прилетев в Киев на III съезд украинских писателей (1954 г.), он в первый же день просит устроить его встречу с Вишней, а узнав о болезни сатирика, звонит и дол-

го разговаривает с ним по телефону. Через год, к своему пятидесятилетнему юбилею, Шолохов получает от автора "Охотничьих усмешек" подарок — большой складной нож с набором всевозможных охотничьих приспособлений. Олесь Гончар и Василь Минко передали его, сопроводив краткими словами Вишни: "Передайте, он поймет меня". В сентябре 1956-го, узнав о кончине великого украинца, Шолохов отреагировал в кругу друзей немногословно, но емко: "Какого большого человека убили...".

Взаимная симпатия объединяла Остапа Вишню и Михаила Зощенко. Они сдружились в июне 1945 года, во время пребывания украинского юмориста и Максима Рыльского в Ленинграде. Вместе они переживали боль послевоенного разрушенного города, вместе выступали на предприятиях и в армейских частях, — о многом Вишня написал впоследствии в очерках "Ленинград и ленинградцы". Тогда на литературных вечерах Вишня с успехом читал свою "Зенитку", а Зощенко — свой перевод охотничьей усмешки "Дикая утка". После этого между писателями установились крепкие творческие связи.

Мне посчастливилось найти в архиве М.М. Зощенко, хранящемся в Пушкинском доме, письмо Остапа Вишни, которое раскрывает содержание контактов двух писателей юмористов. Обнародуем этот документ:

"*6.02.46 г.*

Дорогой Михаил Михайлович!

Я уже знаю, что, кроме "Дикой утки", Вы перевели и моего "Зайца", за что разрешите пожать Вам руку, с благодарностью и крепко. Я послал в "Ленинград" еще следующие вещи из моих охотничьих усмішок: "Лось", "Медведь", "Волк", "Дикая коза".

Если они подойдут, я очень Вас прошу и их перевести на русский язык.

Кроме того, я хотел бы договориться с Вами, — пока принципиально, — не согласились ли бы Вы вообще перевести всю книжку моих "Мисливських усмішок", которая будет готова, очевидно, в марте этого года.

Будет, вероятно, листов 7-8.

Всех вещей будет около 20.

Конечно, это в том случае, если какое-нибудь издательство РСФСР заинтересуется в издании.

Это первое.

Второе. Пришлите мне Ваши новые пьесы. Знаю, что идет Ваш "Парусиновый портфель", и слыхал, будто бы есть что-то еще поновее! Правда или нет?..

Я покажу их своему Главреперткому, — возможно, что их тут благословят, поговорю с театрами и т. д. Все же у нас на Украине сто с лишним театров!

А переведу я их с большим удовольствием.

Низко кланяюсь и жму руку Вашу.
Ваш Остап Вишня"

На полях листа сделаны приписки. С левой стороны: "Привет ленинградским товарищам!", с правой: "Лежу сейчас в больнице со своей язвой 12-перстн. кишки. Пью рыбий жир, а не водку. Грустно".

Это писалось через два года после возвращения Вишни из десятилетнего заключения в сталинские лагеря и за полгода до постановления ЦК, громившего Зощенко, Ахматову и журнал "Ленинград".

Остап Вишня благоговейно относился к Александрам — Прокофьеву и Твардовскому. "Люблю я Твардовского, люблю ленинградского Сашу Прокофьева. Что сделал, по-моему, Твардовский? Он взял Васю Теркина под руку и прошелся с ним, подбоченясь, по всей России — нате! Вот он какой! А это вы — народ! Вот какой хороший народ!" Так определял Вишня народность литературного героя и своеобразие поэта.

Восхищался он и поэтическим мастерством Прокофьева. В феврале 1952 года, в тяжелое и горькое время болезни, он записывал свою исповедь на русском языке: "Я, Вишня Остап, умираю, а около меня сбоку Александр Прокофьев! Дорогой Александр Андреевич Прокофьев! Прошу тебя! Приди на мою могилу и спой одну русскую песню! Пусть прозвучит русская песня над могилой украинского "националиста"... Того "националиста", который так любил русский народ, его песню, его слово".

Прокофьев был для Вишни образцом гуманиста и патриота. Когда в августовском номере журнала "Вітчизна" за 1952 год в статье "Советский патриотизм" был сделан язвительный упрек в адрес поэта, Остап Вишня записал: "Обвинять Ал. Прокофьева в непатриотизме? Этого ладожского комбеда, мужика, бесконечно влюбленного в Россию, в родину... Я не знаю, — надо или ничего не понимать, или... лучше не говорить".

Гордость слышалась в словах Вишни о Николае Тихонове, Михаиле Луконине, Николае Грибачеве и "всех, всех", которые писали "что-то хорошее. Что-то для народа. Для нас". Взаимными были и чувства его единомышленников. Вот их признания.

Николай Грибачев: "Я принадлежу к счастливым людям, которые много десятилетий восхищались содеянным Остапом Вишней, к людям, кото-

рые имели возможность лично с ним встречаться. Благодарная память о нем — на всю жизнь".

Сергей Смирнов: "Я очень благодарен жизни, что она свела меня под небом Москвы и Киева с Остапом Вишней. Он всегда со мной. Мне хорошо чувствовать его теплую руку на своем плече. Чудесный человек! Спасибо тебе, Украина, за такого ангела сатиры и юмора".

Не менее проникновенные слова оставили Сергей Швецов, Ефим Весенин, Евгений Долматовский, Самуил Маршак, Виктор Ардов.

В 1963-1964 годах я работал над составлением сборника воспоминаний об Остапе Вишне. Написал более двухсот писем людям, знавшим Павла Михайловича. Большинство моих адресатов прислали свои размышления. К великому сожалению, не все материалы вошли в сборник "Живий Остап Вишня" (К., "Дніпро, 1966), хотя многие заслуживают внимания.

Вот письмо Александра Жарова: "Я в своих бумажках нашел четыре шутливых строчки, связанные с именем Остапа Вишни. Это, насколько мне помнится, мой экспромт, сказанный при знакомстве с Павлом Михайловичем где-то в Крыму — вероятно, Коктебель, — летом в тридцатых годах:

Я радуюсь знакомству с Вишней,
Я перед ним снимаю шляпу...
"Дай лапу, — говорю Остапу:
Ты брат мой и кумир давнишний".

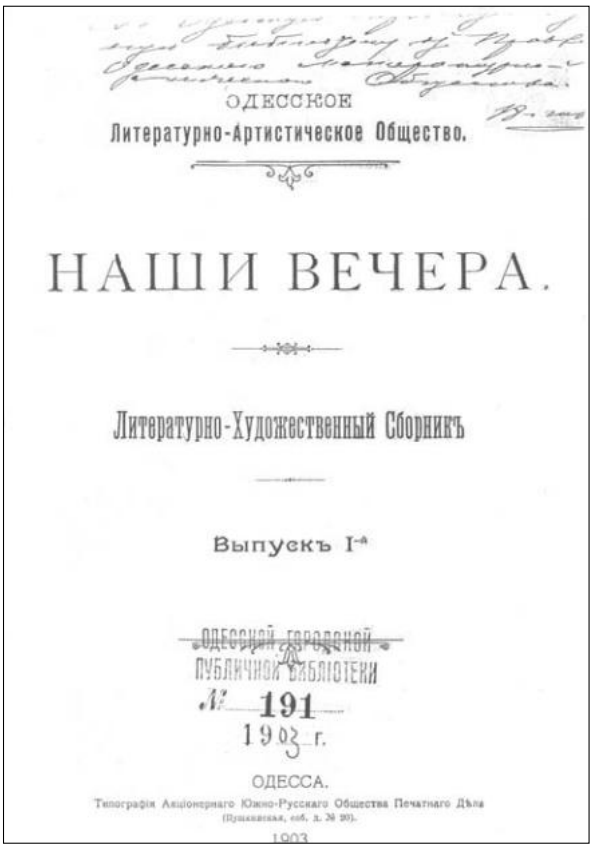
Леонид Ленч: "Павла Михайловича я очень любил при жизни и как писателя, и как человека. Мы познакомились с ним лично, кажется, в 1950 или 1951 году, и между нами сразу возникла большая творческая и человеческая дружба. Я перевел на русский язык некоторые его рассказы, он переводил мои. Мне довелось провожать его в последний путь и говорить речь на его могиле..."

После смерти Остапа Вишни писатель из Воронежа Георгий Воловик, который, как и украинский сатирик, долгое время мучился в сталинских лагерях Ухты, писал в своем поэтическом дневнике:

Идут года. А память об Остапе
Живет и будет жить в сердцах у нас.
Старуха смерть слаба на этот раз...

Так можно сказать и о друзьях Вишни, которые простились с этим миром, сохранив до конца верность писательскому дружеству и оставив этому свидетельства.

Наши вечера

ОДЕССКОЕ
Литературно-Артистическое Общество.

НАШИ ВЕЧЕРА.

Литературно-Художественный Сборникъ

Выпускъ I-й

Одесской городской
Публичной библіотеки
№ 191
1903 г.

ОДЕССА.
Типографія Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла
(Пушкинская, соб. д. № 20).
1903

Под таким названием в январе 1903 года в Одессе вышел первый (оставшийся единственным) выпуск сборника Литературно-артистического общества. Создатели этого полузабытого сегодня альманаха возлагали на него большие надежды – как творческого характера, так и коммерческого; авторами были и члены общества, и почетные гости, выступавшие на вечерах с сообщениями. Страницы книжки украшали работы известных художников южнорусской школы. Почему же в результате нельзя говорить о большой удаче в этом начинании?

История одной из старейших культурных организаций Одессы – Литературно-артистического общества (1898-1920) – хорошо прослеживается по его печатным отчетам, регулярно выходившим и "прозрачно" освещавшим его художественную и финансовую деятельность. Деловые рамки определял устав, который предполагал заботу об увеличении средств и преуспеянии общества.

Это еще одна страничка летописи Одессы, представляющая срез жизни одесской интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Досуг, хобби для многих литераторов, преподавателей, журналистов, художников, музыкантов, врачей становился на многие годы серьезным и плодотворным занятием. Каждую неделю происходили художественно-литератур-

ные вечера и концерты, устраивались детские праздники и выставки картин (с продажей их) известных одесских художников, собиралась библиотека. Здесь можно было также поиграть в карты и на бильярде. Общие интересы и жажда общения позволяли поделиться знаниями и послушать мнение других, поспорить. Прежде всего, членов общества интересовали вопросы мировой литературы и изящных искусств, и они имели обо всем свое мнение: "Наш город — умственный и художественный центр Юга России", — без комплексов заявляли они.

Что ж, действительно, среди постоянных членов Литературно-артистического общества были В. Дорошевич, А. Федоров, В. Жаботинский, П. Нилус, Е. Буковецкий, Б. Эдуардс, К. Костанди, В. Заузе и многие другие. Почетными гостями бывали И. Бунин, В. Комиссаржевская, М. Кропивницкий, К. Чуковский и т. д.

Сборник "Наши вечера" был задуман для финансовой поддержки деятельности общества и его членов. Материалы для него отбирались из тех, что были заслушаны на прошедших вечерах, многие из рисунков художников были отмечены и премированы на конкурсе общества.

Открывала сборник дискуссионная статья Г. Пекатороса "Современные настроения", отражавшая сомнения и искания человека переломной поры, предчувствовавшего политические и экономические перемены, ведущие "к подавлению свободы, к насильственному облечению человека в футляр". На страницах книги вы найдете стихи и прозу И. Бунина, поэму Э. По "Ворон" в переводе Altalena (В. Жаботинского), стихи А. Федорова и К. Бальмонта, рассказ Л. Андреева. Хранитель городского музея изящных искусств В. Куровский эмоционально написал статью о швейцарском живописце Арнольде Беклине, творчество которого волновало современников, тем более что смерть мастера в январе 1901 года еще отзывалась печальной нотой в сердцах поклонников его таланта. Члены общества предоставили также свои статьи-размышления о Шевченко, Пушкине, Грибоедове, Тургеневе. В частности, любопытна публикация И. Ант. о роли Полины Виардо в жизни Ивана Тургенева, притом, что писатель недавно был современником, а певица в то время была еще жива...

Книга "Наши вечера" вышла, но ожидаемого коммерческого успеха не имела, расходилась с трудом. Для нас она сегодня представляет определенный библиографический интерес, но при этом не покидает сожаление о том, что на этих страницах могло бы быть больше именно краеведческих изысканий, интерес к которым с каждым годом увеличивается.

Татьяна ЩУРОВА

Узоры.

ОДИНОЧЕСТВО. Рисун. П. А. Нилуса.

Полумгла опустилась на землю давно.
Свѣтъ луны серебристой прокрался въ окно
И, дрожа, притаился за шторой;
А межъ тѣмъ, за окномъ вѣетъ вѣтеръ тепломъ
И цѣлуется съ юной софорой.
Томной нѣги полна, что то шепчетъ она...
Что то шепчетъ таинственно, нѣжно...
И на шторѣ моей — отъ кудрявыхъ вѣтвей —
Тѣнь ложится узоромъ небрежно...
Что то странное, новое грезится мнѣ...
Не могу разобрать: на яву иль во снѣ
Я ловлю полутоны? Не знаю:
На яву иль во снѣ я сижу въ тишинѣ
И созвучія смутно слагаю?
Мнѣ сдается, что новыя грезы мои,
Будто скрытыя легкой фатой кисеи,
Превратились въ цвѣты и на шторѣ
Въ полусвѣтѣ ночномъ предъ открытымъ окномъ
Потонули въ серебристомъ узорѣ...

Ольга Л-ье.

ЛѢСЪ. Рисун. В. Х. Зёуле.

ГОЛОВКА ДѢВОЧКИ. Рисун. В. П. Элиа.

ПАРИЖАНКА. Рисун. В. В. Кореева.

In memoriam.

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.
А будутъ дни — угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль!

Ив. Бунинъ.

* * *

Здѣсь, на морскомъ пустынномъ берегу
Живу я замкнуто и одиноко.
Свое уединенье берегу.
Передо-мной, куда ни взглянетъ око, –
Все море, море... Такъ сроднился я
Съ его душой, что кажется порою,
Въ немъ разлилась душа моя;
Его душа владѣетъ гордо мною.
Я никогда. не видѣлъ, чтобъ оно
Одно и то же было видомъ, цвѣтомъ.
Измѣнчивостью сродное съ поэтомъ,
Оно лишь только съ небомъ заодно.

* * *

Люблю я шумъ сѣдыхъ его валовъ,
Торжественный и дико величавый,
Какъ голоса невѣдомыхъ боговъ,
Рыдающихъ надъ пошлостью лукавой.
Люблю покой глубокой тишины,
Задумчивость безсмертнаго Титана,
Далекаго отъ злобы и обмана.
Люблю его полуночные сны,
Когда такъ дерзко, вдохноаенно
Сверкаютъ звѣзды съ горней высоты,
Смѣясь надъ тѣмъ, что призрачно и тлѣнно,
Опутано сѣтями суеты.

* * *

Люблю бродить я среди скалъ суровыхъ,
Одѣтыхъ мохомъ, и кричать и пѣть
Въ избыткѣ чувствъ волнующихъ и новыхъ,
Иль съ тихою печалью замереть
Въ мечтахъ о томъ божественномъ и странномъ,
Что вызываетъ слезы на глаза...

* * *

Вотъ валъ у ногъ, блеснулъ, какъ бирюза,
Вздохнулъ. И вижу: облакомъ туманнымъ
Корабль уходитъ вдаль. И я ему
"Прощай" шепчу, какъ другу своему.

А. Ѳедоровъ.

5 Января 1902 г.
Одесса

СУМАСШЕДШІЙ. Рисун. Н. Х. Алексенатъ.

Авто-портретъ художника А. Бенуа.

Тургеневъ.

Личная жизнь Тургенева существенно зависѣла отъ того обстоятельства или "происшествія", о которомъ онъ разсказалъ устами героя своей повѣсти "Переписка". Это было въ 1845 г. Въ Петербургѣ тогда гремѣла оперная труппа съ г-жею Віардо во главѣ. Кромѣ необыкновеннаго голоса и высокой драматической игры, эта артистка, — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Бергъ, — обладала такими достоинствами, которыя даются немногимъ: она была образована, обладала большими средствами; говорила на многихъ языкахъ и отличалась чрезвычайнымъ изяществомъ пріемовъ. Въ театрѣ, когда она играла, стономъ стоналъ весь партеръ; большаго сумасшествія и восторговъ, казалось, до тѣхъ поръ не видали. Въ особенности дѣйствовала на зрителей необыкновенная страстность ея игры. Рубини говорилъ ей не разъ послѣ игры: "не играй такъ страстно — умрешь на сценѣ".

Такимъ образомъ, Віардо въ высокой степени обладала свойствомъ создавать вокругъ себя поклон-

никовъ. Въ числѣ ихъ мы видимъ и Ивана Сергѣевича. Но онъ не былъ поклонникомъ шаблоннымъ, — подобно тому, какъ не былъ таковымъ и Алексѣй Петровичъ герой "Переписки". Его привязанность къ артисткѣ носила характеръ серьезнаго и глубокаго чувства. Какъ оно возникло и что это была за привязанность — отвѣты на эти вопросы мы найдемъ въ нижеслѣдующемъ разсказѣ Алексѣя Петровича, — разсказъ, несомнѣнно, имѣющемъ нѣкоторыя автобіографическія черты.

И.С. Тургенев
Рисунок П. Виардо. 1879

Въ послѣднемъ письмѣ своей "Переписки" Алексѣй Петровичъ такъ повѣствуетъ о своей любви. "Скоро послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ, со мной случилось происшествіе, имѣвшее, ужъ точно можно сказать, сильное вліяніе на мою судьбину... А именно: я отправился въ театръ смотрѣть балетъ. Я балетовъ никогда не любилъ и ко всѣмъ возможнымъ актрисамъ, пѣвицамъ, танцоркамъ чувствовалъ всегда тайное отвращеніе... Но, видно, ни судьбы своей перемѣнить нельзя, ни самаго себя никто не знаетъ, да и будущее тоже продвидѣть невозможно... Словомъ, я влюбился въ одну танцовщицу. Это было тѣмъ болѣе странно, что и красавицей ее нельзя назвать... Съ той самой минуты, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ, — съ той роковой минуты я принадлежалъ ей весь, вотъ, какъ собака принадлежитъ своему хозяину... Я уже не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила; я оторвался разомъ отъ всего мнѣ дорогого, отъ самой родины, и пустился вслѣдъ за этой женщиной... Помните, какъ мы съ вами словесно и письменно разсуждали о любви, въ какія тонкости вдавались; а на повѣрку выходитъ, что настоящая любовь — чувство, вовсе не похоже на то, какъ мы ее себѣ представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она — болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли — ни дать, ни взять холера или лихорадка... Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей... Нѣтъ, въ любви одно лицо — рабъ, а другое — властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь — цѣпь, и самая тяжелая".

Такъ было и съ Тургеневымъ. Со времени пріѣзда г-жи Віардо въ Петербургъ, его жизнь переплелась съ жизнью артистки такими крѣпкими нитями, что онъ ничего уже не могъ въ ней измѣнить. Отправившись въ 1846 году вслѣдъ за Віардо заграницу, Тургеневъ съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ небольшого перерыва, сообразовалъ уже свою жизнь съ ея жизнью. Если она перемѣняла мѣсто жительства — и онъ съ нею; если отправлялась она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ, и онъ ѣхалъ туда-же вмѣстѣ съ нею.

Заграницей Тургеневъ пробылъ съ конца 1840 г. и по конецъ 1850 года. Въ этомъ году, по случаю смерти матери, онъ вернулся въ Россію и почти все время, до конца 1856 г., прожилъ въ деревнѣ, куда былъ высланъ за статью на смерть Гоголя. Въ 1856 году онъ снова уѣхалъ заграницу и оставался тамъ до самой смерти, причемъ, вторичный отъѣздъ его Некрасовъ напутствовалъ слѣдующимъ стихотвореніемъ.

Прощай! Завидую тебѣ –
Твоей поѣздкѣ, не судьбѣ:
Я гордостью, ты знаешь, боленъ
И не смѣняю ни на чью,
Судьбу плачевную мою,
Хоть очень ею недоволенъ.
Ты счастливъ. Ты воскреснешь вновь;
Въ душѣ твоей проснется живо
Все, чѣмъ терзаетъ прихотливо
И награждаетъ насъ любовь –
Пора наградъ, улыбокъ ясныхъ,
Простыхъ, какъ молодость, рѣчей,
Ночей таинственныхъ и страстныхъ
И полныхъ сладкой лѣни дней!
Ты зналъ ее?.. Нѣтъ лучшей доли!
Живешь легко, глядишь свѣтлѣй,
Не жалко времени и воли,
Не стыдно праздности своей,
Душа тоскливо вдаль не рвется
И вся блаженна передъ той,
Чье сердце ласковое бьется,
Однимъ біеніемъ съ тобой...
Счастливецъ! Изъ доступныхъ міру
Ты наслажденій взять умѣлъ
Все, чѣмъ прекраценъ нашъ удѣлъ:
Богъ далъ тебѣ свободу, лиру
И женской любящей душой
Благословилъ твой путь земной...

Такимъ образомъ, для друзей Тургенева его привязанность не была тайною; а насколько велико было чувство нашего романиста къ знаменитой артисткѣ, – судить о томъ можно по письму его къ Писемскому. Въ 1871 году въ Россіи распространился слухъ, будто г-жа Віардо умерла. Желая утѣшить Тургенева въ этой утратѣ, Писемскій выразилъ ему сочувствіе чрезъ Анненкова. Слѣдствіемъ этого было нижеслѣдующее письмо Тургенева къ Писемскому. "Отъ Анненкова, – писалъ онъ, – я узналъ, что ложный слухъ о кончинѣ г-жи Віардо васъ встревожилъ, и ваше сочувствіе ко мнѣ выразилось съ особенной теплотой. Благодарю васъ искренно за ваше дружеское участіе, которое мнѣ очень дорого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, окажись то извѣстіе справедливымъ – всякій жизненный интересъ для меня прекратился-бы".

Но если неизмѣримо было значеніе для Тургенева личности Віардо, то отсюда, казалось-бы, можно заключить, что онъ вообще былъ счастливъ. Между тѣмъ факты говорятъ иное.

Полина Виардо-Гарсиа
Литография Р. R. с ее автопортрета
Конец 1840-х гг.

Уже цыганская жизнь, на которую Тургеневъ осудилъ себя, сама по себѣ мало отвѣчала его потребностямъ и наклонностямъ. На первыхъ порахъ по отъѣздѣ заграницу, онъ не однажды дѣлалъ попытку возвратиться домой. "Я уже слишкомъ старъ, – писалъ онъ тогда Л. Н. Толстому, – чтобы не имѣть гнѣзда, чтобы не сидѣть дома. Весной я непремѣнно вернусь въ Россію, хотя вмѣстѣ съ отъѣздомъ отсюда – я долженъ буду проститься съ послѣдней мечтой о такъ называемомъ счастьѣ – или, говоря яснѣе, съ мечтой о веселости, происходящей отъ чувства удовлетворенія въ жизненномъ устройствѣ".

Но въ Россію Тургеневъ не вернулся, и всю свою заграничную жизнь прожилъ въ семьѣ Віардо. Здѣсь на него смотрѣли, – говорилъ онъ, – не какъ на литератора, а какъ на человѣка, – здѣсь ему было "спокойно и тепло". На самомъ-же дѣлѣ спокойствіе въ данномъ случаѣ было далеко не полнымъ и мало напоминало собою счастье.

Къ семейной жизни Тургеневъ питалъ весьма сильную любовь; онъ называлъ ее "главнымъ кушемъ въ жизненной лотереѣ" и видѣлъ въ ней достаточную гарантію для личнаго спокойствія. Стараясь въ письмахъ 1870 г. разсѣять пессимизмъ Писемскаго, Тургеневъ пишетъ ему, чтобы онъ не забывалъ, что выигралъ главный кушъ въ жизненной лотереѣ, – именно: имѣетъ прекраснѣйшую жену и славныхъ дѣтей. "Стало быть, – заключаетъ онъ, – хандрить-то и не слѣдуетъ".

Одинъ видъ согласной семейной жизни ласкалъ его и вносилъ въ его душу успокоеніе... Онъ радуется, напримѣръ, извѣстію о женитьбѣ Анненкова и при этомъ пишетъ, что не желалъ-бы ему большаго счастья чѣмъ то, которымъ на его глазахъ наслаждались его знакомые – Кочубеи. "Я ихъ часто вижу и любуюсь, какъ старый дядя, ихъ жизнью", – прибавляетъ онъ. И Тургеневъ не даромъ назвался здѣсь старымъ дядей: за отсутствіемъ личной семейной жизни онъ причислялъ себя къ неудачникамъ, и та жизнь, какою онъ жилъ, не избавляла его отъ чувства одиночества. Отсюда онъ постоянно и совершено искренно старается предотвратить отъ подобнаго положенія друзей своихъ, и, при всякомъ подходящемъ случаѣ, совѣтуетъ имъ непремѣнно жениться, прибавляя тутъ-же: "это вамъ совѣтуетъ старый холостякъ, который знаетъ, какъ горько быть холостякомъ".

А такъ какъ жизнь безъ своей семьи навсегда осталась для него жизнью безсемейнаго бобыля, то грустное чувство одиночества въ сущности не покидало его до послѣднихъ дней жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, вы чувствуете, что только личная боль могла продиктовать ему заключительную фразу стихотворенія "Голуби". Хорошо ему было смотрѣть на двухъ бѣлыхъ голубей, рядышкомъ сидѣвшихъ подъ навѣсомъ крыши въ то время, когда на дворѣ визжалъ и метался, какъ бѣшенный, вѣтеръ, лилъ ливенъ, слѣпила молнія и стрѣлялъ, точно изъ пушки, отрывистый громъ. "Хорошо имъ, – казалось поэту; и мнѣ хорошо – говоритъ онъ – глядя на нихъ... Хоть я и одинъ... одинъ, какъ всегда".

Чувство одиночества овладѣвало Тургеневымъ очень часто и потому еще, что онъ сознавалъ свою оторванность отъ родной почвы. Съ этой послѣдней стороны Тургеневъ представляетъ большой психологическій интересъ. Дѣло въ томъ, что съ первыхъ же дней постоянной жизни заграницей онъ не только ясно увидѣлъ, что все русское ему теперь вдвойнѣ дорого, но почувствовалъ себя точно "вывихнутымъ", сознавалъ себя никому не нужнымъ и ничѣмъ не связаннымъ съ другими. "Надо пріѣзжать сюда – пишетъ онъ – молодымъ, когда еще собираешься только жить, или уже старымъ, когда покончилъ жизнь". А чѣмъ дальше, тѣмъ все больнѣе и больнѣе отзывается въ сердцѣ его сознаніе оторванности отъ родной почвы.

Полина Виардо-Гарсиа
Рисунок В. Тимма. 1853

Графу Л. Н. Толстому онъ пишетъ: "я въ этомъ чужомъ воздухѣ разлагаюсь, какъ мерзлая рыба при оттепели". Подъ вліяніемъ, затѣмъ, писемъ изъ Россіи, въ которыхъ рисовались соблазнительныя картины "совокупнаго житья" и дѣятельности покинутыхъ имъ друзей, онъ клянется съ будущей зимы проводить "всѣ зимы своей жизни" непремѣнно въ Петербургѣ.

Слѣды тоски по родинѣ мы находимъ и въ "Асѣ", написанной въ теченіе того періода, о которомъ идетъ рѣчь. Съ этимъ-же чувствомъ Тургеневъ не могъ примириться и свыкнуться и впослѣдствіи. "Меня не только тянетъ, меня рветъ въ Россію, да ты все-таки сиди!" больной уже пишетъ онъ въ концѣ 1882 года. И прикованный къ постели, почти увѣренный въ томъ, что Россію сму не придется больше увидѣть, Тургеневъ шлетъ поэту Полонскому трогательное порученіе, въ которомъ слышатся сдержанныя слезы тоски.

"Когда вы будете въ Спасскомъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу – родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу".

Если мы взглянемъ на положеніе Тургенева, какъ русскаго писателя, постоянно жившаго заграницей, то и здѣсь найдемъ нѣчто такое, что постоянно преслѣдовало его и мучило.

Въ немъ никогда не умирала любовь къ родинѣ; его сердце, – по выраженію Поля Бурже, – чувствовало постоянное и какъ бы мистическое общеніе съ сердцемъ цѣлаго народа. Любовь рождала сознаніе извѣстныхъ обязанностей въ отношеніи родины. Но самое служеніе ей могло совершаться съ неослабѣвающею бодростью лишь при явной увѣренности, что трудъ приноситъ именно ту пользу, которая могла быть единственною цѣлью. Взглядъ Тургенева на этотъ счетъ ясно выразился въ рѣчи, сказанной въ мартѣ 1879 г. въ Москвѣ. "Для начинающаго писателя сочувствіе молодаго поколѣнія, его сверстниковъ, конечно, драгоцѣнно – говорилъ Тургеневъ: – оно служитъ ему сильнымъ поощреніемъ; но для писателя старѣющаго, уже готовящагося покинуть свое поприще, это сочувствіе есть – скажу прямо – величайшая, единственная награда, послѣ которой уже ничего не остается желать. Оно доказываетъ ему, что жизнь его не прошла даромъ; труды его не пропали; брошенное имъ сѣмя – дало плодъ!"

Но всегда-ли Тургеневъ пользовался спокойно и увѣренно такимъ именно сознаніемъ? – вотъ вопросъ, который не можетъ быть обойденъ молчаніемъ, когда заходитъ рѣчь о его одиночествѣ.

Ни одно крупное произведеніе Тургенева не проходило безъ того, чтобы по адресу автора не было послано множества упрековъ и на счетъ пребыванія его заграницей, и на счетъ незнанія жизни родины, и смѣлости, съ которой онъ берется за художественное воспроизведеніе общественныхъ явленій и т. п., — не говоря уже объ упрекахъ въ разныхъ "измѣнахъ". Всѣ такія нападки сильно вліяли на Тургенева и отражались въ письмахъ его къ друзьямъ въ формѣ какой то унылости. Рядомъ съ тѣмъ въ нихъ сказывалось и раздраженіе. Тургеневъ терялъ иногда самообладаніе, называя критику "лаемъ мальчишекъ". Но если изъ всего этого выдѣлить временное, возникавшее подъ вліяніемъ минутныхъ обстоятельствъ, то все-таки нельзя не подмѣтить въ унылости Тургенева и нѣчто постоянное и дѣйствительно серьезное.

Шале И.С. Тургенева в Бужинвале

Какъ писатель, Тургеневъ, — по его собственнымъ словамъ, —"никогда не отправлялся отъ идей, а всегда отъ образовъ".

Поэтому его должна была страшить мысль, что при недостаткѣ образовъ музѣ его "не съ чего будетъ писать свои картинки". И, разбираясь въ своемъ сомнѣніи по случаю нападокъ на нѣкоторую фальшивость въ иныхъ его образахъ, онъ не могъ не согласиться съ извѣстною долею основательности указаній критики. Отсюда сознаніе, что въ литературныхъ дѣлахъ онъ "принужденъ, какъ медвѣдь зимой, сосать собственную лапу" и что "нельзя, рѣшительно нельзя писать русскія вещи, рисовать русскую жизнь, пребывая заграницей", — или, по крайней мѣрѣ, нельзя долго писать, оторвавшись отъ ночвы. Въ 1876 г. онъ пишетъ Салтыкову: "что касается до меня и до невыгодности житья заграницей, вдали отъ родной почвы, вдали отъ столкновеній и состязаній, вы тысячу разъ правы".

Спустя два года, Тургеневъ уже прямо заявляетъ, что нынѣшняя жизнь сложнѣе прежней, и рисовать ее, живя заграницей, трудно, да едва ли и слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что совокупность житейскихъ условій налагаетъ печать на душевное настроеніе человѣка, то станетъ ясно, что отмѣченные выше факты должны были сыграть не послѣднюю роль въ исторіи Тургеневской "унылости"

Можно только замѣтить, что нигдѣ она не переходитъ у него въ чувствительность или пессимизмъ — этому Тургеневъ всегда умѣлъ противупоставить нѣчто болѣе сильное и жизненное, — именно — любовь къ родинѣ и вѣру въ лучшее будущее ея...

И. Ант.

Александр МАРДАНЬ

Винегрет, или Тусклый блеск интеллекта

Драматургическая быль…

Написал драматург пьесу. Жизненную. Про любовь, про добро и зло. С экспозицией, финалом, завязкой и развязкой. Сюжет увлекательный. Любовные треугольники, ромбы, трапеции, пирамиды. Диалоги острые, язык сочный. А никто не берет, никто не ставит. Он ее и так переписывал, и эдак. Результат прежний. Не берут.

Надоело переписывать. Оставил все, как было, одну ремарку добавил. И стали пьесу ставить и переставлять, и в кино снимать да по фестивалям возить. Какую ремарку? "Действие происходит на нудистском пляже"...

Театральная явь…

Жил-был молодой режиссер. И ставил он первый в своей жизни спектакль, и очень боялся, что не понравится критикам. Был у него друг, а у друга дядя — самый видный театральный критик. Друг предложил: "Давай, я попрошу дядю посоветовать тебе, как нужно сделать, и все получится замечательно". Дядя подсказал, тот сделал.

Но на премьеру пришли другие критики, и разнесли спектакль в пух и прах...

Разговор автоответчика с автопилотом

АВТООТВЕТЧИК: К сожалению, я не могу сейчас поднять трубку.
АВТОПИЛОТ: Понимаю, а я не могу отпустить штурвал.
АВТООТВЕТЧИК: Оставьте ваше сообщение.
АВТОПИЛОТ: Вы найдете его в черном ящике.
АВТООТВЕТЧИК: Перезвоните мне позже.
АВТОПИЛОТ: Обязательно, если летчик проснется...

Путевые заметки

Милан, "Ла Скала". Все места заняты. Смокинги, вечерние платья. Оркестр заканчивает играть 1-ю симфонию Густава Малера. Овация. Седой дирижер четвертый раз выходит на поклоны. Поднимает палочку. Зал

восторженно замирает в ожидании. И он громко произносит: "А теперь... дискотека!".

Поиск истины

Повстречались Минор Минорыч с Мажор Мажорычем. Выпили по полстакана водки и стали спорить, были стаканы наполовину полными или наполовину пустыми. Еще по полстакана выпили. И пришли к консенсусу: пить нужно по полному.

Удача

Митя идет на митинг, Толя идет на толлинг, Лиза идет на лизинг. А больше всех повезло Пете...

Литературная пыль

* * *

И крест свой несли мы с грехом пополам...

* * *

После команды "Расправить плечи" выглядишь свободным, а чувствуешь наоборот.

* * *

У стальных нервов есть недостаток — ржавеют.

* * *

Ненормативная лексика на сцене — это МАТпомощь театру.

* * *

Из анкеты: "Родственников за границей не имею, а они меня регулярно".

* * *

Политики страдают хроническим нАдоеданием.

* * *

Групповой секс он мог представить себе только как поездку в трамвае в час пик.

* * *

Бесценные вещи приобретаются, как правило, за бесценок.

* * *

Каждый человек необразован по-своему.

* * *

Из показаний подсудимого: "Учитель сказал, рисуй то, что тебе нравится, то, что тебя вдохновляет, влечет... И я стал рисовать деньги".

* * *

Различие между странами было в несколько букв: первая была страной иммигрантов и трудоголиков, вторая — эмигрантов и алкоголиков.

* * *

Раздевшись, актер стал менее убедителен.

* * *

Часто упрекают за редко.

* * *

Встречают по одежке, а провожают по обувке.

* * *

Власть против коррупции это как пчелы против меда.

* * *

Краткость сестра не только таланта, но и экономии.

* * *

На юбилей завода отлили памятную медаль. На одной стороне генеральный директор анфас, на другой в профиль.

* * *

В семидесятые годы функцию органов НКВД по очищению общества от талантливых и энергичных людей взяли на себя сотрудники ОВИРов.

* * *

Вы когда-нибудь пробовали безалкогольный чай? Очень вкусно.

* * *

В Большом театре я не получил никакого удовольствия, кроме эстетического.

* * *

Не лучшее, а лишнее враг хорошего.

* * *

Не судите политиков, да не судимы будете.

* * *

Из доклада лектора: "Секс бывает дружественным и недружественным. Например, по любви".

* * *

На природе часто любят отдыхать те, на ком природа уже отдохнула.

* * *

То, что для одних национальность, для других — профессия. И это касается не только цыган.

* * *

Поскольку умные мысли приходили к нему во время бритья — брился трижды в день.

* * *

Трудно быть женой известного актера, а неизвестного — еще труднее.

* * *

Сердце не единственный человеческий орган, которому не прикажешь...

Лимерики из Америки

* * *

Всем известный портной Яша Цоммер
так зашился, что чуть ли не помер.
— Нет, ребята, мой фарт
...превратился в их *fart*.
И уехал обратно в Житомир.

* * *

Обзываясь китайским поленом,
в глаз схлопочешь, причем непременно,
как упитый саке
мой дружок в кабаке,
где бармен оказался туркменом.

* * *

Десять лет неустанный Федотов
по специальности ищет работу.
— Я закончил филфак!
...А меня тут *feel fuck*.
Вот какая у парня забота.

* * *

В эту ночь впечатлительной Тане,
посмотревшей намедни "Титаник",
снился остров и дом,
где она кипятком
поливала ДиКаприо в ванне.

* * *

По привычке Илюша из Кента
анонимку послал президенту.
Всех соседей назвал,
кто проголосовал
в этот раз за его конкурента.

* * *

Видел я, как веселые турки
на *Thanksgiving Day* кушали *turkey*.
Сели дружно в кружок,
каждый рвал свой кусок
и, съедав, не выплевывал шкурки.

* * *

Как пройдет Рождество, втихомолку
всё выносят во двор, в чем нет толку.
Выходи и бери.
Ведь у них — *Christmas tree*,
а у нас — Новогодняя елка.

* * *

Коль обдуманно или спонтанно
сиганешь ты с моста Веррезано,
то впадешь, взяв разгон
вместе с речкой Гудзон,
в необъятный простор океана.

* * *

"Классный *fucker*. Являлся кумиром
миллионов, объездив полмира".
В резюме настрочил
о себе Самуил.
Был когда-то он в цирке факиром.

Нью-Йорк

Ленчики

* * *

Если выглядеть хочешь прилично
(Пусть ферзем ты пошел или пешкой),
То, что пафосно и патетично, —
Разбавляй ироничной усмешкой...

* * *

Мы в поиске, мы жадные безбожно.
Везде, куда нас выведет стезя,
Жить без необходимого — возможно,
Без лишнего прожить никак нельзя...

* * *

Мемуары — жанр ненадежный.
Много ль в памяти ты сохранил?
Все упомнить достаточно сложно.
Ну, не вспомнил, так сочинил...

* * *

Давно догадавшись об этом,
Спешу вам поведать, друзья:
Вы можете верить поэтам,
Политикам верить нельзя...

* * *

Смысл жизни, вопреки фортуне зыбкой,
Ищите в доброй чарочке, на дне.
Встречайте утро каждое улыбкой,
По солнечной ходите стороне...

* * *

Вседневно в спешке суетясь,
Не грех взгляд бросить на скрижали,
Чтоб, злободневностью томясь,
О вечном мы не забывали...

* * *

Смеяться не грешно, твердит нам поговорка,
Над другом, над соседом, над женой,
Над недостатком, высмотренным зорко,
А если духу хватит — над собой...

* * *

Где-то кем-то сказано однажды очень метко
(Коль цитирую неточно — не беда!):
Без взаимности любовь встречается нередко,
А вот дружба — не бывает никогда...

* * *

На долгом жизненном пути,
Где испытания не слабы,
Двойную жизнь решил вести,
Чтоб удалась одна хотя бы...

* * *

Дипломы вузов, тех, что в Украине,
(Неважно, раньше выданы, иль ныне)
Признать готовы в мире в наши дни,
Если за евро куплены они...

* * *

Ты коня на скаку оседлаешь?
А в горящую избу войдешь?
Нет? За это тебя уважаю:
Ты на бабу совсем не похож...

* * *

Разбор полетов? — Не беда.
Но вот что очень интересно:
Кто прав — не знаем никогда.
Кто виноват — всегда известно...

* * *

Я, жизнью упиваясь, жил,
И зависти, что чуял некто,
А также ненависти был —
Нет, нет — не жертвой, а объектом...

* * *

Хочу подольше жить я, без сомнения,
До чертиков люблю мирскую круговерть.
Жизнь очень коротка, но, по определению,
Безвременной уже не станет моя смерть...

* * *

"Мгновенье, стой!" — такое выраженье
Ты знаешь, но едва ли разумеешь,
Что если остановится мгновенье, —
Ты вряд ли сделать что-нибудь успеешь...

* * *

Твержу и повторяю неустанно
(Себя я убеждаю, иль кого-то?):
Свершеньями не хвастают титаны,
Для них это обычная работа...

* * *

На конкурс песня — просто диво,
Какая музыка, смотри,
Должно быть, в песне все красиво,
Слова... решение жюри...

* * *

Кто знает суму и тюрьму,
Кто банковский счет и хоромы.
Контрольный пакет — одному,
И выстрел контрольный — другому...

* * *

Не каждый истину постичь сумеет,
Но поразится каждый, кто поймет:
Любовь сама хоть смысла не имеет,
Но смысл всему другому придает...

Ирина ПЕРОНКОВА

Лето

Татьяне Бондаренко

Да здравствуют лето и голые ноги! Каблучки стучат по мостовой, совпадая с сердцебиением.

— Не бегите так быстро! Я просто не выдержу. Замерьте мой пульс!

Но молоденькие девушки оборачиваются и смеются.

— В добрый час! — только и успеваю крикнуть им вдогонку.

— У меня вопрос! Почему утром все раздражает?

— Давайте уточним. Во-первых, не раздражает, а пробуждает.

— Как это? Для чего?

— Да что же это, елки-палки? Вы что, никогда не были в Одессе? Не знаете, что такое пляж? Так вспомните свою молодость. Танцы до потери сознания, потные тела. Вам непонятно, почему?

— А что эта девушка нюхает то правую, то левую подмышку? — спросил старик старуху.

— Болван! — ответила старуха. — Она же так танцует!

Заметьте, что каждая девушка — лучшая, а каждый парень — завидный партнер. Если не верите, спросите у них. И вы хотите, чтобы утром не болела голова?

— Баба Ида, Давида можно к телефону?

— Он пошел шлюфэн, — кратко отвечает баба Ида, что означает: Давид пошел спать.

— Почему вы не гуляете ночью? А в Одессе, как известно, "все девушки скромны, все поэтессы..."

— Телевизор? Опять телевизор? Галя, не отъедай второй подбородок, в бульдога превратишься!

Зато у нас самые умные дети.

— Убедительная просьба, за зону, огражденную буйками, не заплывать. Опасно для жизни. Эй ты, лысый! Если выплывешь, объясню наглядно.

— Мама, а почему там нельзя плавать? — спросил мальчик.

— Потому что опасно для жизни, — отвечает мама.

— А почему опасно для жизни?

— Там ездят скутеры.

— А что такое скутеры? — он не слушает объяснений мамы, а через пять минут она уже спит, от напряжения открыв рот и периодически вздрагивая. А сын, не останавливаясь, задает вопросы.

А вы не слышите? Это летит пробка от шампанского. На первую годовщину свадьбы нам подарили картину. Домик на лоне природы.

Пройдут годы. Мы обрастем лишним весом и морщинами. Красота, которая еще останется у нас, — это Душа и воспоминания. Мы будем погружаться в совсем иной мир и улыбаться без видимых причин, тревожа близких. Но эта картина так и будет висеть на стене, обретая все новые оттенки, впитывая наши чувства. Она будет висеть и улыбаться. А мы будем задавать себе вопросы: так в чем же секрет улыбки очередной Джоконды? А секрет ее в нас. В тех счастливых минутах, которые мы все испытали. Цвета красок будут становиться ярче. Чем больше счастья в семье, тем загадочнее улыбка.

Может быть, когда-нибудь незнакомая девочка прикоснется к картине и услышит тихий шепот или звон бокалов? Ей станет стыдно за подсмотренные фрагменты чужой жизни, но она все поймет. Без длинных фраз и скучных разговоров.

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Сказки для детей после 16

Все лучшее — детям! Лучше отдать самим…

В комнате богатой квартиры ужинают муж и жена.

ЖЕНА. Я сегодня весь день думала над дизайном нашего нового дома.

МУЖ. И зря, Леночка. Пригласим дизайнера. Любое дело должны делать профессионалы.

Слышен голос капризного ребенка из соседней комнаты.

ГОЛОС. Мама! Я не хочу спать! Почитай мне сказку!

ЖЕНА (*мужу*). Все что угодно придумает, лишь бы не спать. (*Громко.*) Спи! Мне некогда!

ГОЛОС. Не буду спать! Почитай сказку!

ЖЕНА. Не капризничай! А то я сейчас приду и тебя отшлепаю! (*Встает.*)

МУЖ. Сиди! Сказал же: любое дело должны делать профессионалы. (*Громко.*) Охрана!

Влетают два охранника, муж показывает пальцем в сторону двери, из-за которой кричит ребенок, они влетают туда, слышны звуки возни, удары, вскрики. Муж и жена в ужасе переглядываются. Из-за двери выходят двое избитых охранников. Потом появляется мальчик лет 4-5, бьет охранника ногой.

МАЛЬЧИК. Ну!

ОХРАННИКИ. Елена Петровна! Почитайте нам сказку!

Сказка о Царевне с девичьей фамилией Лягушка

Иван-Царевич входит к Царевне-лягушке. Она испуганно оборачивается к нему и явно что-то собой прикрывает.

ИВАН. Здравствуй, Царевна! Здравствуй, невестушка моя! (*Присматривается.*) А что это ты там от меня прячешь?

ЦАРЕВНА (*испуганно*). Я?! Ничего, ничего...

ИВАН. А ну-ка, ну-ка... (*Пытается ее отстранить.*)

ЦАРЕВНА (*вздыхает*). Ваня, погоди... Я должна тебе признаться...

ИВАН. Да брось, Царевна, так нервничать-то! Все уже знают, что невеста моя не лягушка, а на самом-то деле девушка.

ЦАРЕВНА. Так в том-то и дело, Ванюша, что как раз на самом-то деле... я не девушка! Уже... Понимаешь?

ИВАН. Не понимаю.

ЦАРЕВНА. Ну, короче, у меня до тебя был один. Там еще, в лесу.

ИВАН. Кто?!

ЦАРЕВНА. Вань, ну кто это мог быть на болоте? Вот... (*Отходит от того, что прикрывала, — это банка с лягушкой.*) Первый красавец на болоте, не смогла устоять...

ИВАН. Убью!

ЦАРЕВНА (*с расставленными руками перекрывая дорогу грозно надвигающемуся на банку Ивану*). Мальчики! Мальчики, только не надо ссориться!

Сказка "Возвращение блудного Колобка"

Изба. Дед читает газету, куняет носом и разговаривает сам с собой.

ДЕД. Хорошая газета... Хорошие новости! Хорошие перспективы! Эх, был бы у меня сынок, я бы ему перед сном газеты читал... Вместо сказок.

Входит Бабка.

БАБКА. Дед, радость-то какая! Сынок наш, Колобок наш вернулся! Радость-то какая! Радость-то какая!

Достает грязного раздавленного Колобка (*типа большого плоского блина*) *и кладет его на стол.*

ДЕД. Да погоди ты тараторить!.. А чего это он такой?

КОЛОБОК. Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... А от трактора К-700 не успел...

БАБКА. Ой, горе-то какое! Ой, горе-то какое! Ой, горе!

ДЕД. Да погоди тараторить, сказал!

БАБКА. Ой, что ж теперь делать! Что теперь делать!

ДЕД. А нечего было шляться без дела! Ладно, нет худа без добра. Зато он у нас теперь, видишь, какой большой стал. Работать ему пора, деньги зарабатывать.

БАБКА. Да куда же ему такому на работу?

ДЕД. А ты его отмой, оботри и ступай с ним в палатку, за углом.

БАБКА. Да что же он там делать-то будет?

ДЕД. А там Мамед, который шавермой торгует, ему работу найдет... (*Бабка берет Колобка и уходит, Дед себе.*) Какой он теперь колобок? Он теперь лаваш! (*Кричит бабке вдогонку.*) Главное, старая, деньги за его работу вперед возьми!

Сказка "Василиса Прекрасная"

По горнице ковыляет старуха жуткого вида. Вбегает Иван-Царевич.

ИВАН. Ах ты, Баба-Яга костяная нога, берегись, мой меч — твоя голова с плеч! Где моя Василиса Прекрасная? Куда ты ее спрятала?

Старуха бросается к нему.

СТАРУХА. Это я, любовь твоя, Иван-Царевич! Заколдовала меня злая старуха: собрала мне кожу в морщины, волосы — в парик, плюс перелом ноги со смещением, с костылем хожу!

ИВАН. Василиса, ты, что ли?! Ни фига себе...

СТАРУХА. Ах, Иванушка! Была я Василиса Прекрасная, а стала Василиса Ужасная...

ИВАН. Не прячь личико, краса моя Василиса. Должен же быть какой-то выход...

СТАРУХА. Выход есть, но... Нагадала мне цыганка, что как рожу я тебе сына — так снова превращусь в Василису Прекрасную!

ИВАН (*обнимает ее*)**.** Пойдем на сеновал, начну тебя срочно расколдовывать! Срочно!

Иван уводит ее из горницы, слышен ее голос: "Сейчас, Иванушка! Я костыль забыла". Она возвращается, открывает шкаф, там сидит связанная Василиса с кляпом во рту, рядом в шкафу стоит костыль.

СТАРУХА. Извини, подруга! У тебя еще все впереди, а у Бабушки-Яги такого шанса уже лет триста не было! (*Хватает костыль, закрывает шкаф, вставляет в рот вставную челюсть из стакана и ковыляет к двери.*) Бегу, ненаглядный мой! Лечу!

Новогодняя сказка

Ночь. Возле уличной новогодней елки стоит скромно одетый выпивший Мужчина. Он поднимает глаза к небу.

МУЖЧИНА. Послушай, Дедушка Мороз! Или Снегурочка! Или Санта Клаус! Или кто там еще... Послушайте все! Сегодня я в сороковой раз мерзну тут в новогоднюю ночь и загадываю желания. Но ни разу не получил ничего! Если, конечно, не считать 12 ангин, 5 острых респираторных заболеваний и 10 катаров верхних дыхательных путей, которые я тут все-таки получил... Вы там извините, конечно... Но почему?! Ведь я всегда был хорошим мальчиком, слушался маму и папу. И мои родители тоже не сделали в жизни ничего дурного. Ну, кроме меня... Я никогда не получал двоек в школе, выговоров на работе, у меня есть даже три благодарности.

Правда, всего одна с занесением... Я верил во все, что мне обещали: социализм, коммунизм, капитализм с человеческим лицом... И что? Что я уже 30 лет мечтаю иметь за свой добросовестный труд? Да все то же! Приличную квартиру, пусть даже не совсем новую отечественную машину, пусть, совсем небольшую дачку, поехать в отпуск хотя бы в не такую уж солнечную Болгарию, немного денег дочке на университет, ну, и на лечение, если вдруг... И всего-то! Неужели у меня этого никогда не будет! Неужели для вот этого вот нужны какие-то чудеса? И неужели этих чудес не бывает?!

Вдруг срывается порыв ветра, слышен перелив хрустального звона, возникает какое-то сияние, оно развеивается, лицо Мужчины преображается и светится ощущением грядущего счастья... Сзади ему на плечо кладет руку Дед Мороз. Он тоже выпивший.

ДЕД. Так... Это все, что ты тут просил у Дедушки Мороза? Все? Больше ничего?

МУЖЧИНА. Все, Дедушка, больше ничего не прошу. Разве что... (*Испуганно закрывает себе рот.*) Нет! Это все! Все!

ДЕД. И у тебя хватает наглости просить все это у человека, который за пятьсот рублей в день стоит со своим радикулитом на морозе в этой бороде из ваты и старом козлином тулупе?!

МУЖЧИНА. Нет... Я... Извини... Просто я всю жизнь на тебя так надеялся...

ДЕД. Ладно. Вот. (*Напяливает на мужика свою шапку и бороду.*) Все! Теперь надейся только на себя! (*Уходит, чертыхаясь.*)

Феликс КОХРИХТ

Пешт и Буда: два в одном

1. Поступай в гусары!

Я бывал в Будапеште в разные периоды его истории, в разные времена года, но, пожалуй, лишь недавно сумел проникнуть в тайны очарования и шарма этого величественного города. Собственно, таковым — имперским, масштабным — он стал сравнительно недавно, в конце 19 века.

Нынешняя столица Венгрии расположилась на территории трех городов, имевших до того самоуправление, — Буды, Пешта и Обуды, на месте которой находятся археологические памятники — фрагменты зданий древнеримского Аквиниума. Затем на протяжении тысячелетий здесь жили авары, гунны, славяне, которых вытеснили мадьяры. Они с переменным успехом воевали с татаро-монголами, пока, наконец, король Бела IV не укрепился на берегу Дуная и не заложил первые камни Пешта. Окончательно турки были изгнаны лишь в 1686 году, и с тех пор (до конца первой мировой войны) Будапешт, объединивший три города в 1873 году, был наряду с Веной одной из двух столиц Австро-Венгрии. Затем началась и продолжается по сегодняшний день новейшая история страны — с ее потерями и обретениями...

Что до Буды, возвышающейся над Дунаем, то здесь на протяжении веков шли кровопролитные сражения, в основном — с турками. В память о защитниках города — дунайских рыбаках — и сооружена Будайская крепость, известная как Рыбацкий бастион.

Именно с нее мы начали знакомство с одной из самых красивых и харизматических столиц мира. Мы взобрались на крепостную стену в ненастное утро, но оказалось, что моросящий дождь и порывы ветра с реки не только не помешали ощутить прелесть и значительность панорамы Пешта, лежащего на другом берегу, но и придали пейзажу особый флер и романтизм...

Силовой точкой Буды является готическая церковь Матьяша, построенная в 13 веке. Здесь венчались короли и императоры, в том числе Матьяш Корвин и Франц-Иосиф I с супругой Элизабет, более известной как Сиси.

Неподалеку — грандиозный Королевский дворец, где нынче находится резиденция президента страны. Его охраняют гвардейцы, ведущие

свою родословную от легендарных венгерских гусар, славящихся не только отвагой, но и особым шиком, буйным нравом, уникальной способностью охмурять женский пол и держать удар в дружеских попойках. Удивительно живой и впечатляющий образ венгерского гусара воссоздан в бронзовом памятнике, у которого любят фотографироваться как дамы, так и господа.

На стене бывшей казармы изображен полк усачей, готовых на любые подвиги.

Вослед Козьме Пруткову дам совет вьюноше, прибывшему в Будапешт по туристской путевке:

Если хочешь быть красив, путешествовать без ксив,
ус крутить, с ума сводить Эржбету, Мэри, Сару,
собирайся в Будапешт, поступай в гусары!

...Дегустация в подземелье — по сути, в катакомбах... Проходим гуськом под аркой, увитой виноградными лозами, и пробираемся между бочками с винами разных регионов Венгрии. Пока мы, поглядывая по сторонам, осваиваемся в полусумраке сводчатого зала, повара разжигают в жаровнях огонь (блюда, которые нам подадут, будут в буквальном смысле — с пылу, с жару). О каждом из них можно было бы подробно и со вкусом рассказать, но за недостатком места остановлюсь лишь на короле мадьярской кухни — гуляше.

Сразу же позабудьте о тушеном мясе с картофельным пюре или макаронами, которое значилось под его именем в меню наших столовых. Настоящий пёркёльт (таково родовое имя гуляша) — похлебка из нескольких видов мяса (в том числе и охотничьих трофеев), которая часами булькает в луковом соусе в котле на открытом огне с добавлением кореньев и огромного количества паприки — уникального венгерского красного перца...

Еще один совет начинающему вояжеру:

Если ты продрог, устал и голоден зверски,
выпей граппу, выпей две, съешь гуляш по-венгерски!

Блюдо, которым угощали нас, повторить в одесских условиях невозможно, еще и потому что подавали его под не менее огненный чардаш. Его лихо отплясывали под самозабвенный оркестр две пары танцоров в разноцветных костюмах...

Официанты проявили себя ловкими и смелыми жонглерами и манипуляторами: они ловко поднимали вверх специальные сосуды, и вино сильной и стремительной струей устремлялось в доверчиво раскрытые глотки тех из нас, кто был посмелее или уже успел к тому времени проде-

густировать достаточное количество напитков, хранящихся в вышеупомянутых бочках...

В будапештских катакомбах —
не приют контрабандистов
и, конечно, не бюро партизанского обкома,
а концерт контрабасиста
и столы для пышного приема...
Здесь туристов потчуют "Токаем",
время здесь летит — не замечаем.
Пляшут здесь мадьярские девчата —
в их глазенках озорные чертенята!
Их партнеры в траченных лосинах
в перерывах жутко керосинят —
косят глазом на богатеньких китайцев...
Ах, не перепутать б Иня с Янем!
И не зашибить бы в танце яйца!
Плещут вина в тишине подвала,
бьются о борта дубовых бочек...
Кончен бал, и путь не близок,
и в отеле будем только к ночи...

2. На скамейке с Кальманом

...Если Буда — средоточение исторических памятников, то здесь находятся самые крупные и значимые центры политической, деловой и культурной жизни не только Будапешта, но и всей Венгрии. Напомню, что именно Пешт стал местом реализации грандиозных и амбициозных планов венгерской буржуазии, возмечтавшей в конце 19 века посоперничать с самой Веной — центром империи Габсбургов. Планировку центра, проектирование и строительство проспектов, бульваров, домов, мостов, театров, музеев, вокзалов доверили лучшим архитекторам и инженерам Европы и Америки. Достаточно назвать великого Жана Эйфеля — отца знаменитой парижской башни...

Мы жили на Бенцур-утце (улица по-венгерски), неподалеку от проспекта Андраши, соединяющего величественную площадь Героев и роскошные торгово-кофейные улицы вроде Ваци-утцы. Под проспектом пролегает одна из линий метро (второе в мире после Лондонского), но мы предпочитали ходить пешком, любуясь площадями, великолепными до-

мами с ажурными чугунными оградами, коваными воротами и ограждениями балконов, заглядывая в парадные, дивясь первозданному декору, сохранившемуся после нескольких войн и революций...

Не спеша добирались до оперного театра, колонны которого были закутаны в алые полотнища — символ премьеры оперы Рихарда Штрауса "Электра", созданной по мотивам античной трагедии, в которой проливается немало крови. Мы отлично понимали (из предыдущего европейского опыта), что достать сходу билеты на мировую премьеру в столичном театре невозможно, и все же попытались. И были вознаграждены: ссылка на Одессу, где театральное здание "почти такое же", на мою журналистскую принадлежность, принесли приличные места! Спектакль достоин подробной и восхищенной рецензии в специальном издании, а в рамках этих заметок скажу лишь, что редко когда слышал столь вдохновенную игру оркестра, столь филигранное и осмысленное исполнение труднейших вокальных партий, сочиненных Штраусом — одним из создателей новаторской Венской школы.

После спектакля восторженные зрители (кстати, здесь не принято бежать к сцене с букетами, их вручают артистам за кулисами) отправились в кафе (а их немало поблизости театра), где за бокалом шампанского или токайского, за чашечкой кофе с блинчиками а-ля Гундель предались обсуждению увиденного и услышанного. Особенного внимания знатоков удостоилась прима — великолепная Агнесс Балтса, звезда мировой сцены.

Оставим меломанов, щеголяющих музыкальными терминами и названиями опер, и поделимся с гурманами секретом приготовления чудо-блинчиков, рецепт которых изобрел Гундель — легендарный кулинар старого Будапешта (созданный им ресторан и сегодня — самый известный и дорогой в Венгрии): в обычное тесто добавляют изюм, засахаренную апельсиновую цедру, грецкие орехи, корицу...

По соседству с оперой — знаменитая на весь мир Будапештсая оперетта. Ее слава зиждется на шедеврах короля жанра Имре Кальмана. Если на "Электру" нам все же удалось попасть, то достать билеты на "Сильву" (она в оригинале называется "Королева чардаша") мы и не пытались.. Я лишь присел на бронзовую скамью рядом с изваянным из того же благородного металла композитором и полюбовался молоденькими актрисами, которые после репетиции выпорхнули стайкой из служебного входа. Будущие Сильвы, Марицы, Принцессы цирка пробегали мимо нас, поглядывая на часы, торопясь на свидания с романтичными Эдвинами, мужественными Тассило, но и с богатыми шалопаями Бони, и игривыми князьями Воляпюк...

Проспект Андраши заканчивается в хитросплетении пешеходных зон с фешенебельными гостиницами и бутиками, которые ведут на площадь Вёрешмарти, — центр народных гуляний, ярмарок, праздничных базаров под Рождество и Пасху. Невозможно в одной статье рассказать обо всем, что предлагают в эти дни искусные мастера, приезжающие в столицу со всей страны. Два дня мы посвятили знакомству с чудесными, волшебными свидетельствами их фантазии, усердия и доброго нрава.

Вот юноша с лицом поэта склонился над кукольным театром, где разыгрывается мистерия о Младенце и Волхвах. Рядом — мастер колдует над зверушками из травы, — мы благодарны ему за зеленого кота с удивленными глазами...

Площадь Вёрешмарти я искал на карте Большого Будапешта...
Спрашивал прохожих, не терял надежды...
И вот она пред нами — залита огнями —
в предвкушеньи торжества, в ожиданьи Рождества
здесь продадут вам ангелов, да что там — и архангелов,
изделия искусных венгерских мастеров и пряничных котов!
Кузнец кует подсвечники и звезды — символ Вечности,
здесь вина наливают из лучших кабаков.
Я предложил жене глинтвейну, но та, привычная к рейнвейну,
захотела марципану, а это вам — не мармелад, и ударяет
по карману!
И тут над площадью повис аккорд тягучий контрабаса,
и мы ушами повели и оторвались от колбасок...
То музыкальная семья из городочка Эстергома
уселась шумно на помост и чувствует себя, как дома!
Гундосит в дудочку отец — пять дочек сделал молодец —
красоток голосистых в узорчатых тугих платках,
веселых кофтах и монистах!
А мать плечами повела, глазами темного окраса
и потянула на себя смычок охрипший контрабаса...
Все изменилось!
И в момент и шелест форинтов куда-то испарился...
И венгры вспомнили: "Адвент!"
Еще чуть-чуть — и Он родится...

...На следующий день мы вновь прошли проспект Андраши — в обратном направлении. Побывали в храмах, в которых сосредоточена духовная энергия, многонациональная составляющая столицы. В соборе святого

Иштвана хранятся мощи этого короля — его нетленная десница, уже который век защищающая Венгрию от врагов. По соседству — синагога, самая большая в Европе (рассчитана на три тысячи прихожан), поражающая архитектурным обликом и Мемориалом памяти жертв Холокоста.

Я не рассказал вам о самых знаменитых архитектурных ансамблях Будапешта — Парламенте и площади Героев, о музеях, содержащих уникальные собрания мирового и национального искусства, о купальнях и термальных источниках. О них так много написано! Они запечатлены в фильмах и Интернете... Но лучше всего — поезжайте в Будапешт и сами побывайте в этих местах.

Было время, когда Вена и Будапешт были столицами Австро-Венгерской империи, подобно российским Москве и Санкт-Петербургу. И сегодня неизбежны сравнения этих легендарных городов. Побывав в них неоднократно, рискну высказать свое мнение:

В разговоре за "Токайским" спор возникнет непременно:
"Кто шикарней из столиц — Будапешт иль Вена?"
В чем же сходство, в чем отличья?
Вена — старая кокотка, скуповата и двулична.
Будапешт — набоб в отставке, соблюдающий приличья.

Фото автора и Татьяны ВЕРБИЦКОЙ

"Я малая песчинка..."

Александр ДОРОШЕНКО
Переправа через Стикс
Одесса, Optimum, 2007

Александр Викторович Дорошенко за несколько лет стал известным в Одессе писателем. И как венец — премия "Твои имена, Одесса", которой он был удостоен в 2007 году. Как и в предыдущей книге, "Мой Город", автор определяет жанр того, что пишет, возможно, вслед за Гоголем, — поэмой. И в этом есть рация. Столько эмоционального признания в любви к родному городу, столько откровенной ненависти к тем, кто уродует родной город, давно уже не выходило из-под пера одесских литераторов.

"Переправа через Стикс" — это книга памяти, это рассказ о существующих и уничтоженных одесских кладбищах, это судьба людей, сделавших Хаджибей Одессой. Но при всем при этом книга пропитана воздухом литературы — не случайно она начинается стихами Г. Державина и завершается строками О. Мандельштама.

Я бы сказал, что для прозы эта книга перенасыщена поэтическими тропами, но автор и не собирался писать психологическую прозу. Как он дышит, так и пишет, не пытаясь угодить. Поэтому его книги пользуются большим читательским спросом, вызывают интерес к нашему городу и к личности автора.

Семен АБРАМОВИЧ
Ступени лестницы моей
Одесса, Астропринт, 2007

Много лет я знаю автора этой книги. Сейчас он работает на телевидении. Но по сути открылся он мне не в юношеские годы, а в зрелости, именно сейчас, когда я прочитал книгу его стихов. Как-то вздрагиваешь после первого же стихотворения:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом
Я к небу поднимаюсь
Под проливным дождем.

И всё. Больше, впрочем, ничего не нужно, кроме этого, — "я к небу поднимаюсь...".

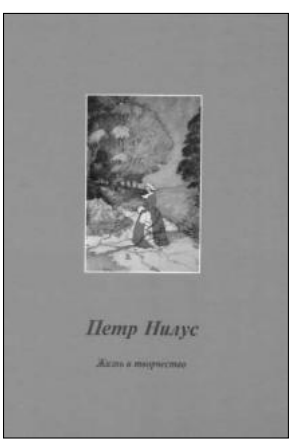
И вот на таком градусе искренности (не путать с градусом спиртного) создана вся эта изящная, хорошо оформленная книга стихов. И особая признательность автору обложки — фотографу, дизайнеру, не названному в выходных данных.

Начал рассказ об этой книге я со стихотворения, которым она открывается, впускает в свой мир. Завершу последним, ставящим не точку, а многоточие, определяющим нравственную доминанту автора:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом,
Я малая песчинка
В бескрайнем и большом...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

...В КИЕВЕ

Петр Нилус.1869-1943. Жизнь и творчество
Автор-составитель Л.А. ЕРЕМИНА
Киев, 2007

В последние годы все больше усиливается интерес к южнорусской живописной школе и, в частности, к замечательному художнику, другу Ивана Бунина — Петру Нилусу. Недавно в Киеве вышел альбом (правда, количество документов и материалов позволяет сказать: монография), посвященный этому живописцу.

Автор-составитель Л.А. Еремина не только написала биографический очерк, но и дополнила его воспоминаниями жены Нилуса Берты Соломоновны Голубовской и падчерицы Валентины Голубовской, включила в состав книги множество статей из эмигрантских изданий. Да и репродукционная часть аль-

"Я малая песчинка..."

Александр ДОРОШЕНКО
Переправа через Стикс
Одесса, Optimum, 2007

Александр Викторович Дорошенко за несколько лет стал известным в Одессе писателем. И как венец — премия "Твои имена, Одесса", которой он был удостоен в 2007 году. Как и в предыдущей книге, "Мой Город", автор определяет жанр того, что пишет, возможно, вслед за Гоголем, — поэмой. И в этом есть рация. Столько эмоционального признания в любви к родному городу, столько откровенной ненависти к тем, кто уродует родной город, давно уже не выходило из-под пера одесских литераторов.

"Переправа через Стикс" — это книга памяти, это рассказ о существующих и уничтоженных одесских кладбищах, это судьба людей, сделавших Хаджибей Одессой. Но при всем при этом книга пропитана воздухом литературы — не случайно она начинается стихами Г. Державина и завершается строками О. Мандельштама.

Я бы сказал, что для прозы эта книга перенасыщена поэтическими тропами, но автор и не собирался писать психологическую прозу. Как он дышит, так и пишет, не пытаясь угодить. Поэтому его книги пользуются большим читательским спросом, вызывают интерес к нашему городу и к личности автора.

Семен АБРАМОВИЧ
Ступени лестницы моей
Одесса, Астропринт, 2007

Много лет я знаю автора этой книги. Сейчас он работает на телевидении. Но по сути открылся он мне не в юношеские годы, а в зрелости, именно сейчас, когда я прочитал книгу его стихов. Как-то вздрагиваешь после первого же стихотворения:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом
Я к небу поднимаюсь
Под проливным дождем.

И всё. Больше, впрочем, ничего не нужно, кроме этого, — "я к небу поднимаюсь...".

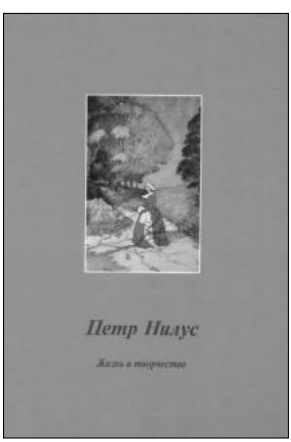
И вот на таком градусе искренности (не путать с градусом спиртного) создана вся эта изящная, хорошо оформленная книга стихов. И особая признательность автору обложки — фотографу, дизайнеру, не названному в выходных данных.

Начал рассказ об этой книге я со стихотворения, которым она открывается, впускает в свой мир. Завершу последним, ставящим не точку, а многоточие, определяющим нравственную доминанту автора:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом,
Я малая песчинка
В бескрайнем и большом...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

...В КИЕВЕ

Петр Нилус.1869-1943. Жизнь и творчество
Автор-составитель Л.А. ЕРЕМИНА
Киев, 2007

В последние годы все больше усиливается интерес к южнорусской живописной школе и, в частности, к замечательному художнику, другу Ивана Бунина — Петру Нилусу. Недавно в Киеве вышел альбом (правда, количество документов и материалов позволяет сказать: монография), посвященный этому живописцу.

Автор-составитель Л.А. Еремина не только написала биографический очерк, но и дополнила его воспоминаниями жены Нилуса Берты Соломоновны Голубовской и падчерицы Валентины Голубовской, включила в состав книги множество статей из эмигрантских изданий. Да и репродукционная часть аль-

бома не тривиальна — очень многие репродукции картин публикуются впервые.

Если к этому добавить, что в сборнике Литмузея "Дом князя Гагарина" вышли письма Нилуса к Е. Буковецкому, собранные В. Абрамовым, а в ближайшее время выходит отдельной книгой переписка И. Бунина и П. Нилуса, собранная Л. Ереминой, то остается пожелать, чтобы была переиздана и проза Петра Нилуса, которого современники считали не только талантливым живописцем, но и талантливым литератором.

...В МОСКВЕ

Тщательнѐе

Можно ли в одной небольшой книжке написать все про нашу жизнь — и советскую, и послесоветскую, как нам объясняли — перестроечную, и нынешнюю, которую уже никак не называют, разве что по цветам предлагают определяться: бело-голубые, оранжевые, а тут тебе и красно-черные, и желто-голубые и белые настолько, что ищешь рядом красных.

Я бы и сам сказал, что нельзя. Никакая самая разбританская энциклопедия нашего многоголосья и многоцветья не выдержит. И ошибся бы, так как в январе 2008 года, да, нынешнего, високосного, года Крысы, вышла в Москве в издательстве "Время" (не путать с известной телепрограммой!) книга Михаила Жванецкого "Тщательнѐе".

Признаюсь, я прочитал ее уже несколько раз, она небольшого формата, и тексты в ней подобраны миниатюрные, такие, что без очков кажутся стихами, а в очках — афоризмами. Читать ее можно с первой страницы до последней и с последней — до первой, будто написана она одновременно на русском и на иврите. И что удивительно, понимаешь не только слова, но и смысл, а может, — что верней — бессмысленность нашей жизни.

А может, всю эту книгу народ написал, но чтобы в органах не выясняли, кто, что, почему, — поставили название этого народа — Михаил Жванецкий. Подумал и передумал. Не умеет так писать народ, ему автор нужен, даже для "Слова о полку Игореве" две сотни лет автора ищут. Прав-

да, нашелся смелый человек и прямо заявил, что "Слово о полку" написал он, Владимир (Зеев) Жаботинский. И искать теперь не нужно — и так ясно, зачем и почему.

Мог бы рассказать, кто такой Михаил Жванецкий. Но в Одессе есть чуть ли ни миллион человек, которые утверждают, что они с ним "на ты", что пишет он не для чужих дядей, а именно для них — всемирного содружества одесситов. Хотелось бы поверить, но вспоминается фраза, давшая название всей книге:

— *Тщательнѣе надо, ребята!*

И грустно становится, что это не только про москвичей, киевлян, но и действительно про нас, одесситов, при всей нашей смекалистости и легкомыслии.

Можно было бы из номера в номер нашей газеты печатать колонками афоризмы (стихи, парадоксы) автора. Но если мы смекалистые, то должны сообразить, что есть авторское право, есть закон. Правда, и поэтому поводу у Михаила Жванецкого особое мнение.

"*Наш человек смерти не боится, ибо не жил ни разу*".

Я уже вижу, как много читателей готово со мной поспорить. Не со Жванецким, я из его 446-страничной книжки выдернул десяток фраз. Но я считаю, что и их достаточно, чтобы мы поняли, как, где и с кем живем:

"*Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него стали собираться собаки*".

При чем тут колбаса? А разве диапазон между лучше тогда или лучше теперь не измеряют часто колбасой? Правда, Жванецкий предлагает еще один точный измеритель времени:

— Что такое без четверти два все время?

— Это манометр.

Вот по манометру и прожили 90 лет. Михаил Булгаков утверждал, что наших людей (думаю, он имел в виду и одесситов, он приезжал в Одессу в 1924 году) испортил квартирный вопрос. Жванецкий с ним не спорит, он находит свою формулу:

"*Квартира уже давно важней женитьбы и сильней смерти*".

И вот в таком безумном, безумном, безумном мире, как правило, выслушиваешь слова:

"*Пассажиров с билетами на Львов, рейс 3679, просят уйти из аэропорта*".

Хорошо, если только из аэропорта, а когда из жизни?

"*Мы по количеству врачей обогнали всех. Теперь бы отстать по количеству больных*".

Шутки, скажете, прибаутки. Нет — жизнь. Наша жизнь во всей ее непредсказуемости:

"*Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой*".

А может, мы все тут слепые, глухие, немые. Тогда понятно, почему мы так, мы тут, мы с этими живем. И веришь Жванецкому:

"*Когда результат не нужен, трудно сделать процесс захватывающим*".

Есть в книге фразы, которые уже вошли в нашу жизнь настолько, что без них и представить ее (жизнь) нельзя.

"*Что охраняешь — то имеешь! Ничего не охраняешь — ничего не имеешь! Недаром говорят: "Все на охрану всенародной собственности*"...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом
Я к небу поднимаюсь
Под проливным дождем.

И всё. Больше, впрочем, ничего не нужно, кроме этого, — "я к небу поднимаюсь...".

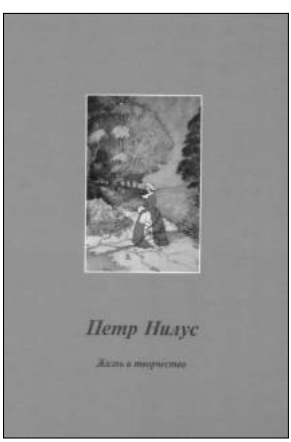
И вот на таком градусе искренности (не путать с градусом спиртного) создана вся эта изящная, хорошо оформленная книга стихов. И особая признательность автору обложки — фотографу, дизайнеру, не названному в выходных данных.

Начал рассказ об этой книге я со стихотворения, которым она открывается, впускает в свой мир. Завершу последним, ставящим не точку, а многоточие, определяющим нравственную доминанту автора:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом,
Я малая песчинка
В бескрайнем и большом...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

...В КИЕВЕ

Петр Нилус.1869-1943. Жизнь и творчество
Автор-составитель Л.А. ЕРЕМИНА
Киев, 2007

В последние годы все больше усиливается интерес к южнорусской живописной школе и, в частности, к замечательному художнику, другу Ивана Бунина — Петру Нилусу. Недавно в Киеве вышел альбом (правда, количество документов и материалов позволяет сказать: монография), посвященный этому живописцу.

Автор-составитель Л.А. Еремина не только написала биографический очерк, но и дополнила его воспоминаниями жены Нилуса Берты Соломоновны Голубовской и падчерицы Валентины Голубовской, включила в состав книги множество статей из эмигрантских изданий. Да и репродукционная часть аль-

бома не тривиальна — очень многие репродукции картин публикуются впервые.

Если к этому добавить, что в сборнике Литмузея "Дом князя Гагарина" вышли письма Нилуса к Е. Буковецкому, собранные В. Абрамовым, а в ближайшее время выходит отдельной книгой переписка И. Бунина и П. Нилуса, собранная Л. Ереминой, то остается пожелать, чтобы была переиздана и проза Петра Нилуса, которого современники считали не только талантливым живописцем, но и талантливым литератором.

...В МОСКВЕ

Тщательнѐе

Можно ли в одной небольшой книжке написать все про нашу жизнь — и советскую, и послесоветскую, как нам объясняли — перестроечную, и нынешнюю, которую уже никак не называют, разве что по цветам предлагают определяться: бело-голубые, оранжевые, а тут тебе и красно-черные, и желто-голубые и белые настолько, что ищешь рядом красных.

Я бы и сам сказал, что нельзя. Никакая самая разбританская энциклопедия нашего многоголосья и многоцветья не выдержит. И ошибся бы, так как в январе 2008 года, да, нынешнего, високосного, года Крысы, вышла в Москве в издательстве "Время" (не путать с известной телепрограммой!) книга Михаила Жванецкого "Тщательнѐе".

Признаюсь, я прочитал ее уже несколько раз, она небольшого формата, и тексты в ней подобраны миниатюрные, такие, что без очков кажутся стихами, а в очках — афоризмами. Читать ее можно с первой страницы до последней и с последней — до первой, будто написана она одновременно на русском и на иврите. И что удивительно, понимаешь не только слова, но и смысл, а может, — что верней — бессмысленность нашей жизни.

А может, всю эту книгу народ написал, но чтобы в органах не выясняли, кто, что, почему, — поставили название этого народа — Михаил Жванецкий. Подумал и передумал. Не умеет так писать народ, ему автор нужен, даже для "Слова о полку Игореве" две сотни лет автора ищут. Прав-

бома не тривиальна — очень многие репродукции картин публикуются впервые.

Если к этому добавить, что в сборнике Литмузея "Дом князя Гагарина" вышли письма Нилуса к Е. Буковецкому, собранные В. Абрамовым, а в ближайшее время выходит отдельной книгой переписка И. Бунина и П. Нилуса, собранная Л. Ереминой, то остается пожелать, чтобы была переиздана и проза Петра Нилуса, которого современники считали не только талантливым живописцем, но и талантливым литератором.

...В МОСКВЕ

Тщательнѐе

Можно ли в одной небольшой книжке написать все про нашу жизнь — и советскую, и послесоветскую, как нам объясняли — перестроечную, и нынешнюю, которую уже никак не называют, разве что по цветам предлагают определяться: бело-голубые, оранжевые, а тут тебе и красно-черные, и желто-голубые и белые настолько, что ищешь рядом красных.

Я бы и сам сказал, что нельзя. Никакая самая разбританская энциклопедия нашего многоголосья и многоцветья не выдержит. И ошибся бы, так как в январе 2008 года, да, нынешнего, високосного, года Крысы, вышла в Москве в издательстве "Время" (не путать с известной телепрограммой!) книга Михаила Жванецкого "Тщательнѐе".

Признаюсь, я прочитал ее уже несколько раз, она небольшого формата, и тексты в ней подобраны миниатюрные, такие, что без очков кажутся стихами, а в очках — афоризмами. Читать ее можно с первой страницы до последней и с последней — до первой, будто написана она одновременно на русском и на иврите. И что удивительно, понимаешь не только слова, но и смысл, а может, — что верней — бессмысленность нашей жизни.

А может, всю эту книгу народ написал, но чтобы в органах не выясняли, кто, что, почему, — поставили название этого народа — Михаил Жванецкий. Подумал и передумал. Не умеет так писать народ, ему автор нужен, даже для "Слова о полку Игореве" две сотни лет автора ищут. Прав-

да, нашелся смелый человек и прямо заявил, что "Слово о полку" написал он, Владимир (Зеев) Жаботинский. И искать теперь не нужно — и так ясно, зачем и почему.

Мог бы рассказать, кто такой Михаил Жванецкий. Но в Одессе есть чуть ли ни миллион человек, которые утверждают, что они с ним "на ты", что пишет он не для чужих дядей, а именно для них — всемирного содружества одесситов. Хотелось бы поверить, но вспоминается фраза, давшая название всей книге:

— *Тщательнѣе надо, ребята!*

И грустно становится, что это не только про москвичей, киевлян, но и действительно про нас, одесситов, при всей нашей смекалистости и легкомыслии.

Можно было бы из номера в номер нашей газеты печатать колонками афоризмы (стихи, парадоксы) автора. Но если мы смекалистые, то должны сообразить, что есть авторское право, есть закон. Правда, и поэтому поводу у Михаила Жванецкого особое мнение.

"*Наш человек смерти не боится, ибо не жил ни разу*".

Я уже вижу, как много читателей готово со мной поспорить. Не со Жванецким, я из его 446-страничной книжки выдернул десяток фраз. Но я считаю, что и их достаточно, чтобы мы поняли, как, где и с кем живем:

"*Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него стали собираться собаки*".

При чем тут колбаса? А разве диапазон между лучше тогда или лучше теперь не измеряют часто колбасой? Правда, Жванецкий предлагает еще один точный измеритель времени:

— Что такое без четверти два все время?

— Это манометр.

Вот по манометру и прожили 90 лет. Михаил Булгаков утверждал, что наших людей (думаю, он имел в виду и одесситов, он приезжал в Одессу в 1924 году) испортил квартирный вопрос. Жванецкий с ним не спорит, он находит свою формулу:

"*Квартира уже давно важней женитьбы и сильней смерти*".

И вот в таком безумном, безумном, безумном мире, как правило, выслушиваешь слова:

"*Пассажиров с билетами на Львов, рейс 3679, просят уйти из аэропорта*".

Хорошо, если только из аэропорта, а когда из жизни?

"*Мы по количеству врачей обогнали всех. Теперь бы отстать по количеству больных*".

Шутки, скажете, прибаутки. Нет — жизнь. Наша жизнь во всей ее непредсказуемости:

"*Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой*".

А может, мы все тут слепые, глухие, немые. Тогда понятно, почему мы так, мы тут, мы с этими живем. И веришь Жванецкому:

"*Когда результат не нужен, трудно сделать процесс захватывающим*".

Есть в книге фразы, которые уже вошли в нашу жизнь настолько, что без них и представить ее (жизнь) нельзя.

"*Что охраняешь — то имеешь! Ничего не охраняешь — ничего не имеешь! Недаром говорят: "Все на охрану всенародной собственности*"...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Долгое прощанье

Вот мы и прощаемся. В последние годы Виктор Семенович Фельдман плохо видел и плохо слышал. Но достаточно хорошо для того, чтобы различать желаемое и действительное, правду и ложь, достойное и недостойное. До последнего дня он сохранял острый аналитический ум, выдающуюся память, неколебимую бодрость духа, мягкую иронию в сочетании с врожденной доброжелательностью.

После кончины Ольги Юдовны Ноткиной мы частенько наведывались в Воронцовский переулок вдвоем с Еленой Викторовной Полевщиковой, заведующей отделом редких изданий и рукописей НБ ОГУ, любимицей Виктора и Ольги. Следом за первыми приветствиями и расспросами следовала неизменная формулировка хозяина: "Скажите мне что-нибудь хорошее". Мы прекрасно понимали суть этой просьбы-предложения высказаться. Речь шла вовсе не о том, чтобы нахваливать Фельдмана, восхищаясь его несгибаемостью, остроумием или эрудицией: на откровенную лесть он реагировал язвительно, ернически. Виктор Семенович лишь желал знать, движется ли мир в нужном направлении, от невежества и пошлости к просвещенной цивилизованности и гуманизму. Его, конечно, в первую очередь интересовали те аспекты означенной эволюции, к которым он имел непосредственное отношение: гуманитарные науки и гуманитарная политика. Избранные новости воспринимал неравнодушно, по-юношески эмоционально, горячо, иной раз даже запальчиво.

Каждый шаг давался ему с трудом, но он и в такой безотрадной ситуации находил удовольствие гордиться тем, что на 93-м году без посторонней помощи совершил поход (называл это переходом Суворова через Альпы) на кухню и назад. Несоразмерно большее наслаждение доставляла ему, например, позитивная информация о воссоздании памятника Основателям Одессы. "Все-таки дождались праздника на нашей улице, черт

возьми!" — восклицал с энтузиазмом. Виктор Семенович возрадовался настолько, что не готов был поверить в правдивость нашего сообщения. Ему в какой-то момент, должно быть, показалось, будто весь сюжет специально сочинен и разыгран в лицах, дабы только ему потрафить. Ведь проверить и изобличить нас он не мог, ибо квартиры давно не покидал. Убедили, главным образом, чудовищно нелепые реплики противников восстановления монумента, услышанные им по радио и даже ретранслированные саблезубыми "друзьями" по телефону.

Порой мне казалось: Фельдман не слышит того, чего не желает слышать, того, что умножает мировое зло. Его мало занимали громогласные замечания относительно дежурных политических веяний, продажности общественных деятелей, о разного рода проходимцах, в том числе катастрофически претендующих на ученый авторитет. Зато он превосходно распознавал тембровые оттенки негромкого голоса Елены Викторовны, повествующей о наших с ней архивных разысканиях, новых ракурсах исследования именных книжных фондов, новых библиографических находках и публикациях.

В своей произвольной и непроизвольной невроизоляции Фельдман, как и в самые свирепые годы, оставался по-своему независимым и умиротворенным. Эту умиротворенность, однако, нельзя определить как приторную благостность. Согласие с собой никогда не лишало его праведной задиристости и небезопасного (в первую очередь, для него самого) прямодушия. Фельдман был, что называется, человеком с незапятнанной совестью, самодостаточным, мог позволить себе не заботиться о репутации и выбирать авторитетов в соответствии исключительно с собственными представлениями и убеждениями.

Виктор Семенович пережил Ольгу Юдовну ровно на 11 месяцев, и эти месяцы дались ему, мягко говоря, непросто. Притом, что всякую минуту он был окружен трогательной заботой близких, невероятно преданных детей Семена и Ирины, внуков, правнуков, друзей, коллег, учеников, почитателей, журналистов. Он доживал, изо всех сил сохраняя человеческое достоинство, величайшее мужество, выправку и галантность кавалера. И делал это не для себя — для окружающих, оберегая их покой.

По сложившейся традиции, каждый год, 31 декабря, мы — Саша Розенбойм, Семен Вайнблат, Миша Пойзнер и я — приходили к Фельдману и Ноткиной. Мы знали: если повидаемся, новый год задастся, поскольку уж точно подзарядимся здесь жизненной энергией. Нас ожидали с радостным нетерпением. Хлебосольная супруга Семена Викторовича Ирина го-

варивала: "Мушкетеры пришли". Стол был заблаговременно накрыт милыми сердцу коренного одессита закусками. Виктор Семенович до последнего не упускал случая пропустить здоровую крепкую рюмочку. Если б эти посиделки запечатлелись хотя бы на видео! Сколько неповторимых живых сюжетов в исполнении Фельдмана можно было бы воспроизвести: он был блистательным рассказчиком, как принято говорить, Ираклий Андроников отдыхает. Вот и 31 декабря 2007-го, за несколько дней до кончины, Фельдман пребывал в обычном своем доброжелательно-ироническом расположении духа, лучился каким-то зыбким рождественским светом, энергично рассказывал сногсшибательную историю, приключившуюся с ним после демобилизации в 1942 году.

Чем дольше живешь, тем больше обретаешь, и соответственно, тем больше теряешь. Уход зрелого и даже очень зрелого человека — драма не менее сокрушительная, нежели гибель не реализовавшегося, не пожившего юноши. И чем дольше и правильнее жил человек, тем больше людей его теряет, тем масштабнее и невосполнимее эта утрата. Все это довольно тривиально, но как-то ускользает из сознания в суматохе будней. На панихиде говорил еще: ощущение сиротства тоже никак не связано с возрастом. Можно осиротеть равно в юности и старости. Вот и я осиротел: пожилой несознательный мальчик.

Виктор Семенович и Ольга Юдовна любили меня так, как любят даже не родители, а как дедушка с бабушкой — беззаветно, всепрощающе, непедагогично. Когда звонил, что собираюсь их навестить, настаивали: "Олежек, непременно возьмите с собой сумку-каталку". Сопротивляться было бесполезно, и я возвращался к домочадцам с изрядным запасом продовольствия — от круп, муки и консервов до чая, конфет и спиртного. А какие библиографические раритеты с пронзительными дарственными надписями ими преподнесены по разным поводам и без оных — словарь одесских знакомых Пушкина М.П. Алексеева, "одесский том" маркиза де Кастельно, каталог Всемирной выставки 1900 года в Париже и т. д. и прочее! Они знали обо мне и моих делах (потому что искренне хотели знать) куда больше других, были единственными моими родственниками и конфидентами по сию сторону Атлантики. Я любил их — как умел. Виновато подозреваю, что они умели лучше.

Такие утраты корректно называть вероломными. И если они должны чему-либо научить, то, думаю, лишь одному: пока мы живы, надо относиться друг к другу с нежностью, лелеять, нежить, прощать, согревать близких людей, любить, если позволительно так выразиться, с нарастаю-

щим итогом. В соответствии с текстом Окуджавы: "Давайте жить, во всем друг другу потакая, тем более что жизнь короткая такая". Что касается далеких, перед ними всегда открыта перспектива роста, от неизменно завистливого невежества к просвещенности и гуманизму, возможность приблизиться один к другому на расстояние не удара, а рукопожатия и, кто знает, объятия.

Я хочу прощаться с Виктором Семеновичем долго, столько, сколько сумею порывисто дышать. Чтобы себя переиначивать, смягчаться, становиться все более терпимым, толерантным, чтобы с оглядкой на него поощрять близких, далеких, самого себя к эволюции в верном направлении. И ничего другого не остается.

Олег ГУБАРЬ

Быть необыкновенной до конца

Светлой памяти Мариам Юзефовской (30.7.1941-16.11.2007)

Начиная с пятницы 16 ноября погода резко изменилась. Бушующий ветер валил деревья в близлежащем парке и обрывал электрические провода. Звоню в Одессу. "Что там у вас?"— спрашиваю сестру. "Штормовое предупреждение. А у вас?" — "У нас местами ураган..."

В субботу ветер немного улегся, но тяжесть облаков увеличилась, словно небо провисло над самой крышей. Темно-серое воскресенье порождало только один эпитет — "траурное". Вспоминались ушедшие из жизни друзья и близкие, и все не выполненные перед ними обязательства. И тут позвонил Эрик, муж Мары, с вестью о том, что ее не стало.

В тот момент я даже не могла расслышать, когда именно умерла Мара. Только после похорон я уточнила дату ее ухода — пятница, 16 ноября 2007 года. Тогда же, во время телефонного разговора, все куда-то уплыло, и осталось только ощущение гильотины, отрезавшей ломоть настоящего и швырнувшей его в корзину с прошлым.

Известие о смерти Мариам Юзефовской (по мужу Борейко) было неожиданным и невероятным, поскольку еще недавно мы обсуждали ее творческие планы, и ни слова не было сказано о болезни. Правда, вскользь год назад она упомянула, что оперировалась по поводу рака, но на этом разговор о болезни был закончен. Мара захлопнула перед ее носом дверь, вынесла ее за скобки жизни и не позволила ей входить до тех пор, пока была в состоянии стоять на страже. Даже муж понятия не имел, что означали ее недомогания. Мара сумела убедить его, что виной этому инфекции и вирусы, и приказала племяннице, которая была в курсе, молчать.

Мариам была необыкновенной женщиной. Необыкновенной до конца.

Природа выплеснула на нее таланты, как импрессионист выплескивает краски на полотно. Все, с чем Мара соприкасалась, тут же обретало

новое звучание. Она была прирожденным новатором в своей области, автором многих блистательных изобретений. По окончании Электротехнического института связи в Одессе она вместе мужем уехала в Латвию. Муж поражался ее способности легко осваивать языки. В Латвии она почти мгновенно выучила латышский и свободно изъяснялась с местным населением, не желающим говорить по-русски. Так же мгновенно выучила и белорусский, когда переехала в Минск.

В Минске ей удалось устроиться в конструкторское бюро — КБТМ, где она проработала 24 года, вплоть до отъезда в США (1997). К тому времени она создала новое электронное направление и была автором пьезокерамических трансформаторов. Уже через пару лет работы Мариам стала ведущим специалистом по электронной совместимости и была одной из первых, кто начал это направление в технике.

Как вспоминает Эрик, опытные инженеры-мужчины никак не могли взять в толк, как эта маленькая незаметная женщина могла понять то, что им было не под силу. Более того, она стала автором изобретений, механику которых им так и не удалось разгадать. Одним из таких значительных открытий Мариам было направление, связанное с охраной сигнализации. Она гениально решила задачу о том, как сохранить работу сигнализации при отключении электросети и аккумуляторов.

Все это не имеет и одновременно имеет отношение к писательской деятельности Мариам, автора двух сборников прозы и романа "Бесаме мучо". Она неоднократно печаталась в журналах "Дружба народов", "Знамя", "Континент", в различных сборниках и периодических изданиях США, Германии, Украины, Белоруссии и Литвы и была признана лучшим автором года различными журналами. Ее талант был высоко оценен: она была награждена литературной премией Ассоциации восточноевропейских евреев, Фондом Шостаковича, дважды номинировалась на премию "Букер" и премию А. Григорьева.

Вместе с тем эта иная, писательская, жизнь, несла на себе отпечаток той мыслительной оригинальности, своеобычности, присущей Мариам-инженеру. Ее концепция первородного греха, высказанная в романе, стала предметом наших дальнейших обсуждений, которых, к сожалению, было не так много. Вот эти строчки из романа, которые так вдохновили меня:

"Так вот в чем грех Адама! Он овладел Евой, как животное, не одарив ее и частицей души, которую вдохнул в него Творец".

Мариам знала мой "Трактат об ангелах" и, естественно, не случайно завела разговор об этой своей идее. Ее уровень философского осмысления

и переосмысления, ее способность посмотреть по-новому на известные вещи, ее смелость открыли мне в ней не просто талантливого писателя, но и единомышленницу.

Смерть безобразна не потому, что она прекращает физическое существование индивидуума, но потому что насильно обрывает работу интеллекта, который направлен на развитие и всегда уникален. Природа не дорожит сохранением уникальности. Закон необратимости распространяется на всех и вся. Такова демократия жизни. Но то, чем не дорожит немыслящая природа, дорожит ее мыслящее создание — человек. Интеллект творца продолжает свое развитие в тех, кто с ним соприкасается мыслью. Энергетика мысли — это и есть Река Жизни.

Через несколько дней я написала стихотворение "Памяти Мариам":

Не ходи
Мимо дерева
С отраженьем в пруду,
Там, где эхо, как стерео
Расколовшихся дум,
Мимо тонкого облака,
Что дрожит навесу,
Мимо дома, что около,
И звезды, что внизу,
Мимо ставней
(Заплатами
На окне с тех времен),
Мимо камня
Где с датами
Имя твое...

Вера ЗУБАРЕВА
США

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ТРЕТЬЯК
Семейная тайна Воронцовых 6

Олег ГУБАРЬ
Новый базар (Херсонская площадь): история застройки 11

Виталий АБРАМОВ
"Окаянные дни" Петра Нилуса. Хроника 1919 года 18

Вольф ШНАЙДМАН, Мария МАРКОВИЧ
Соломон Ваксман: "Бог создал лекарства из земли" 44

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ
И книжному искусству вразумил… 54

ПРОЗА

Валерий ХАИТ
Два одесских рассказа 66

Игорь БОЖКО
Монолог для тихого голоса 73

Александр ЛОЗОВСКИЙ
Трансцендентальные полеты 86

Михаил ПОЙЗНЕР
Шел трамвай 4-й номер… 126

Олег ЛАВРЕНТЬЕВ
Переход 130

Владимир ЕФИМЕНКО
В нашей коммуналке... 138

Родион ФЕДЕНЕВ
"Демон" Врубеля 143

Анатолий КОНТУШ
Grappa la Bianca 147

Арсения ВЕЛИКАЯ
Перспективные проекты 149

ПОЭЗИЯ

Вера КАЛМЫКОВА
Роман с городом 162

Александр БЕЙДЕРМАН
Наблюдения над стилем 169

Олег ШКОЛЬНИК
"Меня влажный ветер коснулся..." 175

Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК
Венеция 178

Елена БОРИШПОЛЕЦ
Скрипка 182

Лев КАЛЮЖНЫЙ
Музы 185

ДРАМАТУРГИЯ

Алексей ЛИТВИН
Как Мопассан бежал от Эйфелевой башни 188

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Юрий ДИКИЙ
Absolutus Святослава Рихтера 233

Татьяна АНИСИМОВА
Борис Гроссер, художник из Одессы 248

Олег ТОРЧИНСКИЙ
Прогулки в садах Геометрии 256

Роман БРОДАВКО
Неповторимый Андроников 258

ПУБЛИКАЦИИ

Цена и бесценность факта 260
Иван ДУЗЬ
"Приветствую, люблю!" 264
Публикация Ларисы ДУЗЬ

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
Наши вечера 269

АХ, ОДЕССА

Александр МАРДАНЬ
Винегрет, или Тусклый блеск интеллекта 281

Борис БОРУКАЕВ
Лимерики из Америки 285

Леонид АВЕРБУХ
Ленчики 287

Ирина ПЕРОНКОВА
Лето 290

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 292

ПУТЕШЕСТВИЕ

Феликс КОХРИХТ
Пешт и Буда: два в одном 297

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
"Я малая песчинка..." 304

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Тщательнѣе 306

Олег ГУБАРЬ
Долгое прощанье 309

Вера ЗУБАРЕВА
Быть необыкновенной до конца 313

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 32

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 32

Издается с 2000 года

Технический редактор Андрей Вишненко
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать 25.03.2008.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"